ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А.А. СУЛЕЙМАНОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР И ИССЛЕДОВАНИЕ АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНОВ ЯКУТИИ В КОНЦЕ 1940-х — 1991 гг.

КНИГА ПЕРВАЯ

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Ответственный редактор доктор исторических наук С.И. Боякова

НОВОСИБИРСК «НАУКА» 2021 УДК 94(47+57)ББК 63(2) C89

Сулейманов А.А. Академия наук СССР и исследование арктических районов Якутии в конце 1940-х — 1991 гг. Книга первая: Социогуманитарные направления / А.А. Сулейманов. — Новосибирск: Наука, 2021. — 348 c.

ISBN 978-5-02-041485-3

В книге представлена история реализации социогуманитарных инициатив Академии наук СССР в арктических районах Якутии в 1949-1991 гг. Введение в научный оборот значительного комплекса архивных документов позволило реконструировать историю организации и проведения важнейших академических изысканий, определить их направления и результаты, а также вклад в формирование системы объективных знаний об арктических районах Якутии. В рамках разработки темы осуществлены пионерные исследования по выявлению позиции научного сообщества в системе ресурсной модели освоения арктических территорий, роли деятельности ученых в разработке важнейших правительственных решений по развитию аборигенных этносов региона.

Лля исследователей широкого профиля, всех интересующихся историей развития научного знания в Якутии.

Ил. 7. Библиогр.: 755 назв.

Suleymanov A.A. The USSR Academy of Sciences and Study of the Yakutia Arctic from End 1940s to 1991. Book One: Sociology and Humanities / A.A. Suleymanov. — Novosibirsk: Nauka. 2021. — 348 p.

The publication tells the history of social and humanitarian initiatives of the USSR Academy of Sciences in the Arctic regions of Yakutia during the period from 1949 to 1991. Introduction of a significant number of archive documents into scientific researches made it possible to reconstruct the history of organization and conduct the most important academic pursuits, to determine their trends and outcomes, as well as their contribution to creating a system of objective knowledge about the Arctic regions of Yakutia. As part of research into the topic, a number of pioneering studies have been conducted to identify the position of the scientific community in the system of resource model for developing the Arctic territories, and the role of scientists in formulating the most important government decisions on the development of native ethnic groups in the region.

The publication is intended for multidisciplined researchers and all those interested in the history of scientific knowledge in Yakutia.

III. 7. Ref.: 755.

Рецензенты

доктор исторических наук Н.И. Бурнашева доктор филологических наук Н.Н. Ефремов кандидат исторических наук Н.А. Куперштох

Утверждено к печати Ученым советом Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ISBN 978-5-02-041485-3

- © А.А. Сулейманов, 2021
- doi: 10.7868/978-5-02-041485-3 © Редакционно-издательское оформление. Новосибирский филиал ФГУП «Издательство «Наука», 2021

Содержание

Список	сокращений
Предис	ловие
Глава	I
	е изучение арктических районов Якутии в конце 0-х — 1950-е гг
	Анализ социально-экономического положения и перспектив развития региона
	Комплексная экспедиция
Глава	II
	рная Якутия в фокусе академических интересов)—70-е гг. XX в.
2.2.	Поиски путей повышения качества жизни и определение социального самочувствия населения. Якутская северная комплексная экспедиция
Глава	
Исслед	овательская деятельность в арктических районах Яку-
	в 1980-е — 1991 гг.
3.1.	Оценка экономической ситуации и этносоциальных процессов 18
3.2.	Реконструкция истории освоения высоких широт, опыта и практик межэтнического взаимодействия
3.3.	Работы по изучению, сохранению и актуализации языкового наследия. IV комплексная фольклорная экспе-
3.4.	диция

Содержание

Послесловие	257
Краткие биографические сведения об исследователях, принимавших участие в научном изучении арктических районов Якутии в 1949—1991 гг	
Примечания	282
Приложения	
Приложение 1. Резолюция совместного заседания Комиссии по проблемам Севера при Президиуме АН СССР и Ученого со-	
вета Института этнографии АН СССР	308
Приложение 2. Краткая программа для выявления этнического состава населения в бассейне Колымы	314
Приложение 3. Места проведения основных археологических изысканий силами АН СССР в 1950-е — 1991 гг	317
Приложение 4. Из материалов Юкагирской комплексной экспедиции 1959 г	319
Приложение 5. Инструкция и анкета для проведения социолого-лингвистического обследования коренных малочисленных на-	
родов Севера	323
Приложение 6. Этнографическая программа по теме «Современная этнолингвистическая ситуация у малых народов Севе-	
pa»	337

Список сокращений

ААНИИ — Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт

АН СССР - Академия наук СССР

АПН — Академия педагогических наук

АРАН — Архив Российской академии наук

Архив СВФУ — Архив Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова

Архив ЯНЦ СО РАН — Архив Якутского научного центра СО РАН

БИОН БФ CO AH CCCP — Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала CO AH CCCP

ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина

в.н.с. — ведущий научный сотрудник

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

г.н.с. — главный научный сотрудник

ГОК — горно-обогатительный комбинат

ГосНИОРХ — Государственный научно-исследовательский институт озерного и речного рыбного хозяйства

ГЭС — Гидроэлектростанция

ДВО АН СССР — Дальневосточное отделение АН СССР

д.арх. — доктор архитектуры

д.б.н. — доктор биологических наук

д.и.н. — доктор исторических наук

д.иск. — доктор искусствоведения

д.т.н. — доктор технических наук

д.филол.н. — доктор филологических наук

д.филос.н. — доктор философских наук

д.э.н. — доктор экономических наук

ИГИ АН РС (Я) — Институт гуманитарных исследований АН РС (Я)

ИГИиПМНС СО РАН — Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ИИФФ СО АН СССР — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР

ИПНМС СО РАН — Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ИРЛИ АН СССР — Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом)

ИСИ АН СССР — Институт социологических исследований АН СССР

ИФТПС ЯФ СО АН СССР — Институт физико-технических проблем Севера ЯФ СО АН СССР

ИЦиГ СО АН СССР — Институт цитологии и генетики СО АН СССР

ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

ИЭ АН СССР — Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР

ИЭКОПРС ЯФ СО АН СССР — Институт экономики комплексного освоения природных ресурсов Севера ЯФ СО АН СССР

ИЯ АН СССР — Институт языкознания АН СССР

ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР — Институт языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР

к.б.н. — кандидат биологических наук

к.в.н. — кандидат ветеринарных наук

к.г.-м.н. — кандидат геолого-минералогических наук

к.г.н. — кандидат географических наук

к.и.н. — кандидат исторических наук

к.иск. — кандидат искусствоведения

к.м.н. — кандидат медицинских наук

к.п.н. — кандидат педагогических наук

к.т.н. — кандидат технических наук

к.филол.н. — кандидат филологических наук

к.филос.н. — кандидат философских наук

к.э.н. — кандидат экономических наук

ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена

ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова

ЛЧ ИЭ АН СССР — Ленинградская часть Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (Кунсткамера)

ЛО ИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР

ЛО ИЯ АН СССР — Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР

м.н.с. — младший научный сотрудник

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

НА РС (Я) — Национальный архив Республики Саха (Якутия) н.п. — населенный пункт

НИИЯЛИ при СНК ЯАССР — Научно-исследовательский институт языка и литературы при Совете народных комиссаров Якутской Автономной Советской Социалистической Республики

НОА ИА РАН — Научно-отраслевой архив Института археологии РАН

н.с. — научный сотрудник

НТР — Научно-техническая революция

ОГИ ИЭОПП СО АН СССР — Отдел гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР

ПАЭ — Приленская археологическая экспедиция

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФА ЯНЦ СО РАН — Рукописный фонд Архива Якутского научного центра СО РАН

СВКЭ — Северо-Восточная комплексная экспедиция

СМП — Северный морской путь

с.н.с. — старший научный сотрудник

СОПС — Совет по изучению производительных сил

СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук

РГАЭ — Российский государственный архив экономики

УрО АН СССР — Уральское отделение АН СССР

ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

ЦНИИ — Центральный научно-исследовательский институт чл.-корр. — член-корреспондент

ЮКЭ - Юкагирская комплексная экспедиция

ЯГУ — Якутский государственный университет

ЯКЭ СОПС АН СССР — Якутская комплексная экспедиция Совета по изучению производительных сил АН СССР

ЯНИБ АН СССР — Якутская научно-исследовательская база АН СССР

ЯНИИСХ — Якутский научно-исследовательский институт сельского хозяйства

ЯСКЭ — Якутская северная комплексная экспедиция

ЯФ СО АН СССР — Якутский филиал СО АН СССР

Предисловие

Начало XXI столетия ознаменовано особым вниманием к Российской Арктике со стороны государственных и общественных деятелей, представителей деловых кругов и средств массовой информации, а также традиционно занимающихся исследованием региона ученых. Данный интерес объясняется в первую очередь стратегическим значением транспортных артерий и запасами природных ресурсов, освоение которых многие считают залогом благополучного будущего для нашей страны. Расположенные в пределах высоких широт территории и акватории служат важнейшим военно-геополитическим плацдармом. Регион, являясь «кухней погоды», играет ключевую роль в процессах формирования климата и его изменениях — здесь протекают в значительной степени уникальные природные процессы. Кроме того, в северных районах России проживает ряд коренных народов Арктики — от саамов на западе до эскимосов и чукчей на востоке. Сохранение уникальной традиционной культуры этих народов при одновременном повышении качества их жизни является важной задачей, стоящей перед органами государственной власти Российской Федерации, научным сообществом и представителями общественности.

Арктическая зона Республики Саха (Якутия) включает 13 административных районов (улусов), которые занимают гигантскую площадь, превышающую 1600 тыс. км². Эти районы объединяют суровый даже по меркам Якутии климат, крайне неразвитая инфраструктура, состояние которой в том числе обусловливает необходимость использования специфического и дорогостоящего способа организации снабжения, называемого северным завозом. В недрах арктических районов и прилегающей к ним шельфовой части хранятся богатейшие месторождения алмазов, углеводородов, благородных и редкоземельных металлов. В их пределах уже несколько столетий проживают долганы, чукчи, эвенки, эвены, юкагиры, якуты, а также сохранившие традиционный образ жизни русские старожилы. Названные этнические сообщества имеют различную численность и разные

исторические судьбы, однако одинаково успешно сумели выработать самобытные механизмы адаптации к отмеченным природно-географическим реалиям, в значительной степени определившим их оригинальный этнокультурный облик.

Все это, как представляется, позволяет рассматривать арктические районы Якутии в качестве особых, имеющих значительную специфику ареалов, которые требуют к себе пристального внимания ученых. Важнейшей задачей исследователей-историков в данном случае являются анализ и широкое освещение огромного и зачастую не имеющего мировых аналогов отечественного опыта освоения высоких широт. В первую очередь речь при этом идет о накопленном в советский период отечественной истории опыте, вобравшем в себя бесчисленное число как выдающихся примеров оптимального достижения целей государственной важности, так и ошибок, имевших в том числе и глубоко негативные последствия. Очевидно, что его учет необходим при выработке эффективных управленческих решений на современном этапе реиндустриализации Российской Арктики.

В представленной монографии речь пойдет об осмыслении опыта научного освоения арктических районов Якутии, аккумулированного в стенах ведущего исследовательского центра Советского Союза — Академии наук СССР. При этом, с учетом небеспредельных рамок данной работы и объема выявленного источникового материала, исследование ограничено предметным полем — будут рассматриваться изыскания, тяготеющие к социальным и гуманитарным наукам.

Обращение к обозначенной проблематике, наряду с названными выше причинами, актуализировано также сложившейся к настоящему времени историографической ситуацией. Если по дореволюционному периоду деятельности отечественной Академии наук имеется целый ряд масштабных изысканий, включая фундаментальные монографические труды Д.А. Шириной, позволившие на богатейшем документальном материале реконструиреализации академических историю инициатив XVIII в. — 1917 г.¹, то исследовательская работа в рамках советского периода относительно сопоставимо изучена лишь применительно к 1920-м гг., когда в регионе проводилась Якутская комплексная экспедиция². Однако и по более позднему периоду есть несколько интереснейших исследований, которые проливают свет на различные аспекты, связанные с развитием деятельности Академии наук СССР в арктических районах Якутии.

Во-первых, существующие работы дают возможность представить саму среду, в значительной мере определявшую развитие научных изысканий в обозначенном ареале. В данном отноотметить исслелования А.И. Тимошенко следует А.Х. Элерта, посвященные осмыслению государственной политики по освоению Российской Арктики. Ученые разработали периодизацию развития региона в рамках российской государственности и выделили семь соответствующих этапов. Из них пятый (1930-1940-е гг.) и шестой (1950-1980-е гг.) полностью приходятся на советский период отечественной истории. Для шестого этапа, по мнению названных авторов, характерно господство ресурсной модели освоения. В ее рамках на первый план выходили задачи развития индустриальных «очагов», формировавшихся, как правило, вокруг крупных месторождений полезных ископаемых³. В целом аналогичного мнения придерживаются и авторы монографии «Развитие Российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера, Урала и Западной Сибири)» В.П. Карпов и К.И. Зубков⁴.

В связи с отмеченными выводами показательны результаты исследований А.И. Новгородова, В.Н. Антипина и В.Н. Еремеева, которые рассмотрели историю создания и первые годы деятельности Якутского филиала Академии наук СССР, а Ю.Н. Ермолаевой, изучившей проблему организации академических изысканий в Якутии в ХХв. По мнению первых трех из названных авторов, если первоначально в работе филиала на ведущем месте находились биологические исследования, то с 1956—1957 гг. на первый план выдвинулись проблемы «научного обоснования развития производительных сил» республики в связи с созданием алмазодобывающей промышленности и освоением месторождений олова⁵. Ю.Н. Ермолаева также считает, что основная причина активного развития исследований Академии наук в Якутии в советский период заключалась в удовлетворении экономических потребностей государства в индустриальном освоении территории. Через призму данного факта автор показала в работах процесс организации в республике академических институтов 6 .

Серьезное внимание организационной компоненте академической деятельности в Якутии уделила и Н.А. Куперштох, которая проследила историю создания 8 академических институтов республики, определила основные направления и результаты их

работы⁷. Отдельную статью при этом упомянутый автор посвятила Институту гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, на протяжении большей части советского периода носившему название «Институт языка, литературы и истории», деятельности сотрудников которого отводится существенная часть представленной монографии⁸. В частности, Н.А. Куперштох отметила важнейшие вехи его становления в течение 1930-х гг. — начале XXI в. Ключевые моменты в истории развития данного Института показаны также в ряде работ других исследователей⁹.

Затронув вопросы изучения формирования благоприятных условий для интенсификации исследований в арктических районах Якутии, включая их организационную составляющую, нельзя не отметить и статью Е.А. Калеменевой «Смена моделей освоения Советского Севера в 1950-е гг. Случай Комиссии по проблемам Севера», в которой на примере деятельности экономиста С.В. Славина рассмотрены изменения, произошедшие в научных подходах к освоению арктических пространств. Однако в плане исследуемых в данной монографии вопросов наибольший интерес представляет анализ причин, приведших к созданию названной Комиссии, которые, если трактовать их несколько шире, можно транслировать в целом на условия активизации деятельности Академии наук СССР в Арктике в 50-е гг. ХХ в. Е.А. Калеменева считает, что важное место в этом отношении имел своеобразный вакуум в координации изысканий в высоких широтах, возникший после передачи Главсевморпути из ведения Совета Министров СССР в Министерство морского транспорта в 1953 г., и одновременный запуск процесса ликвидации системы ГУЛАГа, аффилированные с которым структуры вбирали в себя в том числе и исследовательские полномочия¹⁰

В литературе отмечается также тесная связь создания Комиссии по проблемам Севера с другими организационными изменениями в области научного исследования высоких широт. В частности, это касается появления в 1955 г. в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР сектора Севера, сотрудники которого год спустя продолжали изыскания в рамках Северной экспедиции. Результаты реализации этой исследовательской инициативы, проводившейся в арктических районах Советского Союза ежегодно, вплоть до конца советского периода отечественной истории, освещены в статьях

Е.П. Батьяновой, И.С. Гурвича, А.В. Головнева, Е.Н. Даниловой, З.П. Соколовой и Н.А. Томилова¹¹.

Кроме того, существует ряд работ, авторы которых рассмотрели различные сюжеты, непосредственно относящиеся к истории развития академических изысканий в арктических районах Якутии. В данном отношении серьезный интерес представляет статья С.И. Бояковой «Гуманитарные проблемы Арктики: основные направления научных исследований». В ней очерчены контуры арктиковедческой традиции, формировавшейся в стенах упоминавшегося Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера. Автор статьи в этой связи рассмотрела период со второй половины 30-х гг. ХХв. до начала XXI в. С.И. Боякова отметила, что с середины 1950-х гг. (отъезд И.С. Гурвича в Москву) исследования по истории и этнографии народов Арктики в Институте фактически были свернуты. Вместе с тем получили развитие филологические изыскания в среде фольклора долган, эвенков, эвенов и юкагиров¹².

Более подробно эти направления рассмотрены в работах Г.И. Варламовой, Е.И. Коркиной, П.Е. Прокопьевой и С.И. Шариной. История же осуществленных в арктических районах сотрудниками данного Института археологических изысканий прослежена Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой¹³. Кроме того, значение деятельности специалистов Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера и других научных структур по аккумулированию фольклорного материала среди русских арктических старожилов показали Л.П. Кузьмина и О.И. Чарина¹⁴.

Нельзя не отметить также целый пласт исследований биографического плана, в которых рассматривалась деятельность ученых, посвятивших свою жизнь познанию высоких широт. В этих работах, конечно же, как правило, нет обилия фактического материала, непосредственно касающегося изысканий в арктических районах Якутии. Однако они позволяют увидеть человеческое измерение исследовательской деятельности, хорошо иллюстрирующее тот факт, что отечественная Академия наук это, прежде всего, люди, являющиеся носителями оригинальных идей и самобытных творческих подходов. В статьях Е.П. Батья-Л.И. Винокуровой. М.Я. Жорницкой. С.А. Иванова. В.Б. Игнатьевой, Ш.Ф. Мухамедьярова, В.А. Неустроевой, Л.Г. Панина, Н.И. Поповой, П.П. Петрова, А.М. Решетова, В.А. Роббека, С.П. Рожновой, Е.Н. Романовой, Т.П. Роон, А.И. Саввинова, А.А. Сириной, Л.Б. Степановой и других авторов, с одной стороны, показаны различные судьбы ученых: кто-то из них родился в крупных городах, кто-то в безлюдной тундре, некоторые прошли через сталинские лагеря, другие сражались на фронтах Великой Отечественной войны и т.д., с другой стороны, прекрасно отражен объединяющий всех этих людей момент — каждый из них заложил свой «кирпичик» в фундамент многогранного научного представления о Российской Арктике¹⁵.

Таким образом, краткий историографический обзор свидетельствует об отсутствии исследований, в которых были бы представлены попытки осмысления истории деятельности Академии наук СССР в арктических районах Якутии на протяжении большей части советского периода. Авторы рассмотренных обобщающих работ не выделяли изучение Арктики как особое направление академических исследований и соответственно не анализировали место региона в проводившихся Академией наук СССР изысканиях. Остальные же исследования посвящены отдельным эпизодам из истории научного изучения арктических районов Якутии и не носят монографического характера.

В представленной работе автор постарается восполнить существующую историографическую лакуну и создать целостное представление об истории социогуманитарных исследований Академии наук СССР, проводившихся в арктических районах Якутии в течение 1949—1991 гг. Выбор начальной границы обусловлен созданием в республике филиала Академии наук СССР, имевшего значительное влияние на процесс интенсификации исследовательской работы. Верхняя же хронологическая рамка сопряжена с комплексом известных общественно-политических и социально-экономических изменений в жизни нашей страны. Произошедшие перемены самым непосредственным образом отразились на условиях осуществления научной деятельности, одним из следствий которого стало создание Российской академии наук.

При этом в книге рассматриваются только те исследования, в рамках которых находились именно арктические районы Якутии, либо же в значительной степени посвященные их научному изучению. За пределами работы осталось достаточно серьезное количество изысканий, направленных на анализ различных проблем социально-экономического и этнокультурного развития Якутии в целом, когда рассматриваемый регион не выделялся в особый объект интереса ученых.

Следует отметить также, что под арктическими в данной работе будут пониматься те административные районы (улусы) Якутии, которые отнесены к таковым Указом Президента Р Φ от

13 мая 2019 г. «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»: Анабарский, Оленекский, Булунский, Жиганский, Усть-Янский, Верхоянский, Эвено-Бытанайский, Аллаиховский, Абыйский, Момский, Верхне-, Средне- и Нижнеколымский. Поскольку подавляющая часть территории этих районов расположена севернее Северного полярного круга, автор широко использует в качестве равнозначного им термин «Заполярная Якутия». Затронув вопросы терминологии, необходимо также уточнить, что понятие «арктические» применительно к исследованиям, осуществленным в рассматриваемом регионе, стало активно использоваться в 80-е гг. ХХ в. На протяжении же 1940—1970-х гг. превалировало определение «северные районы». В связи с этим в некоторых случаях автор будет оперировать и этим словосочетанием, также тождественным в данной работе по сути термину «арктические районы».

При подготовке книги учитывалась специфика общественно-политической ситуации в Советском Союзе, оказывавшей на протяжении большей части исследуемого периода влияние на оценку учеными социально-экономических и этнокультурных реалий. В связи с этим, нисколько не умаляя достоинств опубликованных в это время научных работ, приоритетом при разработке темы пользовались, прежде всего, неопубликованные источники (программы исследований, экспедиционные отчеты, докладные записки, аналитические справки, подготовленные учеными планы развития, научные отчеты и доклады, а также первичные полевые материалы) как более свободные от идеологических клише, купюр и цензуры. Кроме того, значительная часть материалов проведенных научных изысканий осталась не введенной в научный оборот. Данный фактор также обусловил преобладание в работе архивных документов. В результате в основе монографии лежат материалы фондов Архива Российской академии наук, Архива Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Государственного архива Российской Федерации, Национального архива Республики Саха (Якутия), Научного архива Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Научного архива Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Научного архива Сибирского отделения РАН. Научно-отраслевого архива Института археологии РАН, Российского государственного архива экономики, а также Архива Якутского научного центра СО РАН, включая его Рукописный фонд. Пользуясь случаем, автор выражает глубокую признательность сотрудникам названных архивов за оказанную неоценимую помощь.

Определенной особенностью мобилизованного неопубликованного источникового материала является хронологическая неравномерность его представленности в архивах. Лучше всего сохранились документы, относящиеся к 50-м гг. XX в. Наиболее скромно представлен период 1980—1991 гг. Учитывая временной лаг сдачи дел в архив, здесь, очевидно, в первую очередь, сказались изменения, произошедшие в делопроизводстве на рубеже XX—XXI вв. Вместе с тем уже применительно к 1960—1970-м гг. отчетливо прослеживается постепенное снижение как количества интересующих документов в архивах, так и полноты отражения в выявленных делах «картины» проведенных научных исследований.

Решения управленческих структур различного уровня: постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, Совета Министров РСФСР, Якутского обкома КПСС, Совета министров Якутской АССР, распоряжения Министерства культуры Якутской АССР, постановления и распоряжения Президиума АН СССР и др. также явились важнейшим источником для разработки темы. Использование подобных источников предоставило возможность проследить взаимосвязь внедрения результатов научных исследований в практику, а также обратный процесс — влияние вышедших в свет решений на деятельность ученых в арктических районах Якутии.

Несмотря на упомянутую необходимость учета, в ряде случаев общественно-политической действительности важным источником, конечно же, стала и вышедшая в свет по итогам проведенных в течение 50-80-х гг. XX в. исследований научная литература. Достаточно тесно соотносятся с этой группой привлеченных источников материалы проводившихся в рассматриваемый период конференций, совещаний и заседаний.

Существенно дополнили представления автора об исследовательской деятельности в арктических районах Якутии и источники личного происхождения. К сожалению, в процессе разработки темы не удалось привлечь имеющую отношение к ней мемуарную литературу. Однако в некоторой степени компенсировать данный факт удалось за счет взятых у непосредственных участников изысканий экспертных интервью. В связи с этим автор благодарит С.И. Боякову, Н.Н. Ефремова, Л.Н. Жукову и О.Л. Посух. Полученные в ходе интервью сведения позво-

лили лучше узнать детали, остающиеся, как правило, вне рамок как вышедших свет научных работ, так и неопубликованных научных и экспедиционных отчетов факты, связанные с особенностями исследований в Заполярной Якутии, включая бытовые.

Несколько слов необходимо посвятить объяснению структуры работы и выбранным при расположении в ней материала критериям. Исследование разделено на три главы по хронологическому принципу. С некоторой, весьма значительной долей условности, выделенные главы можно рассматривать как определенные, отличающиеся друг от друга этапы развития процесса научного познания арктических районов Якутии. Деление на разделы выполнено преимущественно по предметному полю изысканий. При этом первым разделом в главах идет тот, который позволяет наиболее репрезентативно представить условия и среду осуществления научной деятельности, максимальполно отразить динамику ключевых но исследовательских трендов. Поэтому, например, в гл. І наблюдается определенная «чересполосица», связанная, главным образом, с имевшейся в 50-е гг. ХХ в. разносторонностью научных интересов одного из основных акторов исследовательского процесса в указанный период — И.С. Гурвича. Распределение аккумулированных сведений по разделам осуществлено в соответствии с основным профилем проводившихся изысканий. Поэтому, допустим, процесс научного изучения юкагирского языка в данный период рассмотрен в разделе, посвященном, прежде всего, инициативам историко-этнографического характера, так как в значительной степени обязан своему прогрессу Юкагирской комплексной экспедиции. Последующие главы структурированы более четко. Этот факт в первую очередь обусловлен рядом изменений, произошедших в процессе научного познания арктических районов Якутии в течение рассматриваемого периода, ознакомиться с которыми можно на страницах представленной работы.

Важную роль в уточнении оценок и выводов, содержащихся в монографии, сыграли консультации со специалистами. Перед тем как перейти к анализу заявленной проблематики, автор считает своим долгом поблагодарить коллег по ИГИиПМНС СО РАН: Е.П. Антонова, С.И. Боякову, Н.И. Бурнашеву, Н.Д. Васильеву, Л.И. Винокурову, С.А. Григорьева, С.Е. Никитину, Н.И. Попову, Е.Н. Романову, В.В. Филиппову и В.И. Шадрина. Плодотворные дискуссии с названными учеными помогли определить-

ся с замыслом работы, сформулировать подходы к анализу рассматриваемых проблем. Большое содействие автору также оказала Н.А. Куперштох (Институт истории СО РАН). Особой благодарности, конечно же, заслуживает Данара Антоновна Ширина, без помощи которой какая-либо плодотворная работа над данной книгой была бы, наверное, невозможна.

Глава І

Научное изучение арктических районов Якутии в конце 1940-х — 1950-е гг.

1.1. Анализ социально-экономического положения и перспектив развития региона

Краткий обзор литературы, приведенный ранее, очевидно, дал определенное представление о том, что исследования отечественной Академии наук в арктических районах Якутии проводились задолго до начала рассматриваемого в работе периода. Более того, в фокус внимания специалистов основанной в 1724 г. Петербургской академии наук северо-восточные окраины Российской империи попали уже в первые годы ее деятельности. В частности, на заседаниях конференции Академии наук обсуждались полученные в ходе разысканий Первой Камчатской экспедиции 1725—1730 гг. результаты, включая составленную ее участниками карту, где были отмечены ареалы проживания ряда коренных народов, в том числе чукчей, эвенков (тунгусов), эвенов (ламутов), юкагиров и якутов¹. Процесс научного познания региона, документации уникального этнокультурного наследия, таким образом, насчитывает без малого три столетия.

Вторая Камчатская экспедиция, называемая также Великой Северной, которая проводилась в 1733—1743 гг. и охватила, среди прочего, Арктическое побережье Якутии, была организована уже при непосредственном участии Российской академии наук, члены которой занимались как определением направлений изысканий и разработкой экспедиционных программ, так и собственными исследованиями. В ее рамках выполнялись географические, геологические, ботанические, зоологические и этнографические описания².

В последующем с развитием Академии исследования, посвященные высоким широтам, осуществлялись все более активно. Серьезное значение Арктике придавалось в изысканиях академика М.В. Ломоносова. Он, в частности, разработал научные основы мореплавания в северных морях, составил инструкции по организации полярной экспедиции. Именно М.В. Ломоносов был одним из первых, кто обратил внимание на важность арктического вектора развития России³.

Однако основной формой академической работы в Российской Арктике оставались экспедиции. Так, в 1785—1799 гг. со-

Северо-Восточная экспедиция И.И. Биллингса Г.А. Сарычева, охватившая побережье Охотского моря, Камчатку и бассейн Колымы. XIX столетие в истории Императорской Академии наук оказалось отмечено исследованиями М.И. Адамса в дельте р. Лена 1806-1807 гг., работами Г.Л. Майделя на северо-востоке Якутии и Чукотке 1868—1870 гг., Ленской полярной экспедицией 1882–1883 гг., изысканиями А.А. Бунге, Э.В. Толля и Е.И. Шилейко на Новосибирских островах 1885—1886 и 1892— 1893 гг. Позднее Э.В. Толль возглавил одну из самых значительных научных инициатив своего времени — Русскую полярную экспедицию 1900-1902 гг., проходившую вдоль арктического побережья России от Мурманска на Баренцевом море до о. Беннетта в Восточно-Сибирском море. Практически одновременно с ней осуществлялись изыскания участников Березовской экспедиции О.Ф. Герца⁴.

К началу XX в. изучение Российской Арктики заняло в деятельности Академии наук такое важное место, что в 1914 г. специально для координации исследований в высоких широтах была учреждена Полярная комиссия, в первый состав которой вошли 7 академиков 5 .

Подробно история реализации всех названных полевых исследований изложена на страницах прекрасных книг Д.А. Шириной. Здесь же необходимо отметить тот факт, что отечественная Академия наук традиционно являлась важнейшей движущей силой организации научного познания Якутии, включая ее арктические районы.

Аналогичная ситуация была свойственна и начальному этапу советского периода российской истории, когда проводилась крупнейшая Комплексная экспедиция Академии наук (АН) СССР по изучению производительных сил Якутской Республики (1925—1930 гг.). Только в полевых исследованиях в ней приняли участие 246 научных и научно-технических работников. В состав руководящих органов экспедиции, а также консультантов по различным отраслям знания входили ведущие ученые страны. Для организации изысканий были привлечены 16 академиков и 9 членов-корреспондентов АН СССР. В течение 1925—1930 гг. отряды этой экспедиции обследовали Алданский, Булунский, Верхоянский, Вилюйский, Колымский, Олекминский и Якутский округа. Ученые провели в поле 391 мес и прошли свыше 130 тыс. км⁶.

Не прекращались академические исследования в Заполярной Якутии и в 1930-е гг., несмотря на то что ведущим актором

освоения региона тогда стали структуры Главсевморпути, а часть территории оказалась в сфере интересов другой суперорганизации — подведомственного НКВД СССР Дальстроя. Так, в 1935 г. здесь работала Нижне-Ленская экспедиция Ботанического института АН СССР, а спустя 3 года — участники Кыра-Нехаранского отряда Якутской экспедиции Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР⁷.

Названия последних из отмеченных полевых изысканий служат наглядным примером происходивших в этот период в Академии наук СССР значительных организационных изменений. В частности, в Москве и Ленинграде появляется сеть академических институтов. Для примера: если в 1926 г. в составе АН СССР было 5 институтов, то в 1932 г. — уже 28, локализованных, прежде всего, в двух названных городах⁸.

Однако в плане рассматриваемой в данной работе проблематики не менее важно то, что в 30-е гг. ХХ в. начала уже формироваться и территориальная сеть академических учреждений страны: Уральский и Закавказский филиалы, Дальневосточная, Казахская и Таджикская базы. Данная сеть, как правило, складывалась на основе комплексных экспедиционных исследований, служивших костяком для организации первоначально баз и филиалов, а затем региональных отделений АН СССР и академий союзных республик⁹.

У истоков этих преобразований, определивших один из магистральных путей развития академической деятельности на годы вперед, находился академик А.Е. Ферсман. Еще в 1926 г. он назвал ближайшей целью Академии наук — создание «на окраинах страны» филиалов и «хорошо оборудованных ячеек»¹⁰. В законченном виде отмеченная идея ученого сформулирована в статье «Неотложная задача Академии наук», которая была опубликована в 1931 г. в только что основанном официальном академическом печатном органе — «Вестнике Академии наук СССР». Целесообразность создания в стране сети академических учреждений А.Е. Ферсман объяснил необходимостью приблизить исследования «к самой природе, к тому производству, в интересах которого протекает работа, ко всему укладу и потребностям местного хозяйства». По замыслу ученого, новые академические структуры должны были стать «опорными пунктами исследовательской работы»¹¹. Сам А.Е. Ферсман в 1934 г. возглавил первую полноценную стационарную академическую структуру, организованную в арктических районах Советского Союза - Кольскую базу АН СССР12.

При этом происходило значительное увеличение численного состава учреждений Академии наук СССР. В 1932 г. в них работали 2236 чел., что примерно вдвое превосходило показатели 1928 г. К 1941 г. число сотрудников различных академических структур увеличилось до 10 282 чел. 13

Все это привело к тому, что отечественная Академия наук превратилась в разветвленную масштабную исследовательскую сеть, где Общее собрание, Президиум и секции осуществляли в первую очередь координационные и организационно-направляющие функции, в том числе публикуя специальные распоряжения и принимая постановления. Территориальные же отделения и, конечно же, академические институты играли важнейшую роль в непосредственном наполнении научной повестки. Подобная организационная структура с некоторыми непринципиальными изменениями просуществовала до конца рассматриваемого в данной работе периода¹⁴.

В значительной степени в русле происходивших изменений получила развитие организационная структура науки в Якутии. Первые научно-исследовательские учреждения в республике появились еще в 30-е гг. ХХ в., однако не имели прямого отношения к АН СССР. Так, в 1930 г. в Якутске были организованы Гидрометеорологический институт, спустя два года — Якутское отделение Всесоюзного арктического института, работа которого, к сожалению, продлилась недолго. В 1935 г. при Совнаркоме Якутской АССР был создан Научно-исследовательский институт языка и культуры, спустя 9 лет переименованный в Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ). В задачи его сотрудников входили разработка научной концепции изучения, сохранения и развития языка, литературы и истории якутов в их тесном историческом взаимодействии с многонациональным народом Якутии, аккумулирование фольклорных материалов¹⁵.

Первое в республике постоянное академическое учреждение появилось в 1941 г. Им стала Якутская научно-исследовательская мерзлотная станция Института мерзлотоведения им. В.А. Обручева АН СССР¹⁶, на основе которой через 20 лет после ряда реорганизаций был создан Институт мерзлотоведения СО АН СССР.

Однако действительно определяющим событием в плане рассматриваемой проблематики оказалось открытие в 1947 г. Якутской научно-исследовательской базы (ЯНИБ) Академии наук СССР. В ее состав вошли ИЯЛИ, а также 6 новых секторов (зоологии и животноводства, почвоведения и ботаники, экономики, искусствоведения, геологии, географии), химическая

лаборатория и станция по изучению космических лучей. Спустя 2 года ЯНИБ АН СССР была реорганизована в Якутский филиал (Я Φ).

В 50-е гг. XX в. в рамках филиала были созданы институты биологии и геологии. В 1957 г. ЯФ АН СССР включили в состав организованного Сибирского отделения (СО) АН СССР. К этому моменту численный состав сотрудников Якутского филиала утроился и составил около 400 чел., в том числе за счет привлечения квалифицированных специалистов из центральных научных учреждений Советского Союза¹⁷. Увеличение численности сотрудников Якутского филиала АН СССР и количества входящих в его состав институтов не прекращалось и в последующие десятилетия.

Наряду с отмеченными выше организационными моментами, необходимо указать также и ряд других факторов, в значительной степени определявших условия исследовательской деятельности в арктических районах Якутии.

В этот же период в регионе завершилась политика коллективизации и поселкования, в результате чего произошла концентрация населения (часть которого ранее была рассредоточена по небольшим селениям, а часть вела кочевой образ жизни) в создаваемых относительно крупных поселках. У людей появилась возможность получить медицинскую помощь и образование. Последний фактор, наряду с изменениями в традиционной хозяйственной деятельности (новые направления деятельности колхозов), а также интенсификаций связей с пришлым населением, являлся важной компонентой этнокультурных трансформационных процессов.

Приток упомянутого пришлого населения при этом существенно ускорился. Связан данный факт был в первую очередь с резкой активизацией процессов транспортно-промышленного освоения региона. В частности, получили развитие «морские ворота» республики — Тикси, осуществлялось строительство Нижнеянского порта, аэропортов в административных центрах арктических районов Якутии. Интенсифицировались разведка и добыча полезных ископаемых: золота, олова, сурьмы, угля и др.

Сосредоточение распыленных ранее по необъятным тундровым пространствам коренных малочисленных народов Севера в поселках, повышение транспортной доступности этих поселков за счет развития воздушного сообщения (как отмечал по этому поводу И.С. Гурвич, «если раньше от Якутска до Верхоянска

нужно было ехать два месяца,... то теперь можно попасть... за 2 часа»¹⁸) и инфраструктуры речных перевозок, наряду со сложившейся этнокультурной ситуацией (когда, с одной стороны, резко изменилась сама среда жизнедеятельности аборигенных этносов, с другой — традиционные элементы культуры и хозяйства еще в значительной мере сохранялись) создали чрезвычайно питательную почву для проведения научных исследований.

Начало рассматриваемого периода было ознаменовано проведением 2-й академической Якутской комплексной экспедиции. Как отмечает Ю.Н. Ермолаева, эта экспедиция была организована по инициативе руководства ЯАССР и Якутской научно-исследовательской базы АН СССР. В конце 1948 г. руководство базы обратилось в Президиум АН СССР с соответствующей просьбой. 28 февраля 1950 г. согласно решению этого органа началась деятельность Якутской комплексной экспедиции (ЯКЭ) СОПС АН СССР19.

Перед экспедицией были поставлены следующие задачи: проведение геологических исследований, изучение минерально-сырьевых ресурсов, природно-климатических условий и экономики с целью выявления перспектив развития металлургической промышленности в Якутии; разработка вопроса о нефтегазовом потенциале республики; определение направлений и характера дальнейших геолого-разведочных работ в малоизученных районах республики; выявление путей развития сельского и лесного хозяйства, рыбного и охотничьего промыслов; экономическое обоснование комплексного развития районов, примыкающих к намечаемым транспортным магистралям²⁰.

В результате исследований участников экспедиции предполагалось разработать перспективную схему экономического развития Якутии и дать научное обоснование мероприятиям по развитию ведущих отраслей хозяйства. Общее руководство изысканиями осуществляли академики И.П. Бардин, В.С. Немчинов, Д.С. Коржинский и В.А. Обручев²¹.

В 1950 г. исследования ЯКЭ СОПС АН СССР осуществлялись 18 отрядами. Спустя 2 года в составе экспедиции проводили изыскания 36 отрядов, в том числе 16 — в Алданском горнопромышленном районе. Такой географический фокус деятельности ЯКЭ СОПС АН СССР не менялся и в другие годы реализации инициативы, продолжавшейся до 1955 г. Ее основным итогом стало выявление в Южной Якутии крупных месторождений железных руд и коксующихся углей²².

Тем не менее ряд исследований, проведенных в рамках ЯКЭ СОПС АН СССР, в том числе социогуманитарного профиля, был посвящен вопросам развития арктических районов Якутии. В частности, в 1955 г. сотрудник Главного управления Северного морского пути (СМП) при Министерстве морского транспорта СССР И.А. Фельдман подготовил отчет о состоянии и перспективах развития снабжения Якутии по рекам и СМП.

В отчете были представлены сведения о грузообороте водного транспорта в республике в течение последних 15 лет, отмечены изменения в распределении грузов, произошедшие в связи с прокладкой железной дороги до станции Тайшет, что привело к снижению роли СМП; прослежена динамика морского завоза и вывоза грузов в населенные пункты бассейнов Яны, Индигирки и Колымы, а также определена структура перевозок по этим рекам. Автор отчета определил перспективные (на 1960 г.) потребности районов северо-востока Якутии в грузах товаров народного потребления; показатели перевозки соли из Олекминского месторождения (на 1965 г.), строительных материалов (1960 г.), угля (1965 г.), леса (1960 и 1965 гг.), нефтепродуктов (1960 и 1965 гг.) и прочих грузов, в том числе по Лене, Яне, Колыме и Хатанге; произвел расчет себестоимости транспортировки. Кроме того, И.А. Фельдман представил сведения о количестве и видах транспортных средств, которые требовалось привлечь для перевозки грузов по Тиксинскому, Оленекскому, Янскому, Вилюйскому, Алданскому, Витимскому, Якутскому, Пеледуйскому, Верхне-Ленскому, Западно- и Восточно-морским путям. Одновременно исследователь подготовил прогноз и по пассажироперевозкам судами речного транспорта на 1960 и 1965 гг., включая маршрут Якутск — Тикси.

В 1955 г. завершил работу над аналитическим отчетом о состоянии и перспективах добычи олова в бассейне Яны Н.А. Утенков. Исследователь охарактеризовал важнейшие разведанные месторождения олова в регионе, по запасам «соизмеримые с крупнейшими мировыми месторождениями», а также отметил существующий в связи с этим «резкий контраст» в уровнях его добычи. Основной причиной такого положения было названо слабое управление со стороны Дальстроя, «не справлявшегося с освоением Янского района», который находился в его ведении около 20 лет. Среди других причин автор отчета указал логистические проблемы, дороговизну электро-

энергии, рост импорта олова из Китая, а также отсутствие в регионе научно-исследовательской деятельности специалистов Академии наук СССР, в связи с тем, что регион имел закрытый статус. Это печальное наследие сталинского режима породило «ряд пробелов в исследованиях природных ресурсов, транспортных, энергетических и экономических проблем»²³.

Н.А. Утенков предложил принять следующие меры в целях исправления сложившейся ситуации: выделить из ведения Дальстроя предприятия, расположенные на Яне, и создать в 1956 г. самостоятельное Янское промышленное управление, подчиненное непосредственно Министерству цветной металлургии СССР; увеличить ассигнования на комплексные изыскания, проектирование и строительство необходимой инфраструктуры; организовать силами АН СССР в 1956—1961 гг. «исследования по основным вопросам географии, геологии, полезных ископаемых, энергетики, транспорта и экономики» района и создать для этих целей Янскую комплексную экспедицию.

Следует отметить, что в 1957 г. Дальстрой был упразднен. В течение же 1959—1962 гг. в бассейне Яны проводили изыскания участники Северо-Восточной комплексной экспедиции ЯФ СО АН СССР, научная направленность которой имела достаточно много общего с приведенными выше соображениями Н.А. Утенкова.

В том же 1955 г. развернутую экономико-географическую характеристику Абыйского, Аллаиховского, Анабарского, Верхоянского, Булунского, Жиганского, Кобяйского, Момского, Оленекского, Оймяконского, Саккырырского, Усть-Янского, Средне- и Нижнеколымского районов Якутии подготовил сотрудник сектора природных ресурсов и экономики Севера СОПС АН СССР Г.И. Граник. На основе изучения статистических данных и материалов деятельных проектных организаций (Арктикпроект, Гипроарктикпроект) исследователь выделил основные виды деятельности населения названных районов, привел данные по ведущим производственным показателям местных хозяйств и предприятий, оценочные сведения по запасам разведанных месторождений полезных ископаемых, грузообороту и логистике. При этом именно развитию транспортных связей Г.И. Граник уделил особое внимание в разработанных им рекомендациях. Отметив потенциал рек региона — Оленека, Анабара, Лены, Яны, Индигирки и Колымы — как «решающих звеньев в развитии производительных сил Якутского Севера», ученый предложил ряд конкретных мер: пополнение флота, постройку новых и реконструкцию существующих пристаней, портов, отстойных пунктов, судоремонтных заводов и мастерских, их механизацию²⁴.

Однако в целом исследования различных проблем развития северных районов Якутии в рамках Якутской комплексной экспедиции СОПС АН СССР 1950-1955 гг. были скорее исключением, чем нормой. Несмотря на первоначальные замыслы об охвате комплексными изысканиями всей территории республики, работы в рамках экспедиции, как уже было отмечено, оказались сосредоточенными в основном на изучении промышленного потенциала ее южных районов (алданские железные руды и чульманские каменные угли). В этом отношении представляется показательным, что в соответствии с планом работ экспедиции намечалось проведение в арктических районах Якутии исследований участников комплексного животноводческого, оленеводческого, песцового, соболиного и рыбохозяйственного отрядов²⁵. В итоговом же отчете, где рассматривались основные результаты изысканий, фигурировали южные, центральные и западные географические группы районов республики, тогда как арктические не были представлены вовсе²⁶.

Примечательны также замечания, которые были подготовлены на имя Президента АН СССР академика А.Н. Несмеянова в Якутском обкоме КПСС в августе 1955 г. к проекту плана научно-исследовательских работ на Севере на 1956-1960 гг., внесенного Академией наук СССР и ведомствами на рассмотрение Совета Министров СССР. В документе, подписанном секретарем обкома С.З. Борисовым, говорилось о своевременности «постановки широких исследовательских работ на Севере» и выра-«горячая поддержка» этой идеи со стороны руководства республики. Вместе с тем «в связи со значительным развитием научно-исследовательских работ, проводимых учреждениями Академии наук СССР на территории Якутии», отмечалась «острая необходимость в наиболее полном осуществлении» Президиумом АН СССР постановления Совета Министров СССР от 28 июня 1951 г. № 2716-1302, в котором предусматривалось «объединение всех научно-исследовательских работ, проводимых в Якутской АССР учреждениями Академии наук, в Якутской комплексной экспедиции Академии наук СССР». С этой точки зрения, как указано в документе, работающая в Якутии в соответствии с названным постановлением ЯКЭ СОПС АН СССР

«не в полной мере решала поставленную задачу», так как изыскания ее участников были ограничены работами в Центральной и Южной Якутии, в результате чего не был охвачен «весь комплекс жизненно важных для республики научных исследований в других ее районах, в особенности Севера и Северо-Востока ЯАССР»²⁷.

Схожий по содержанию документ одновременно был направлен и Председателю Госплана СССР Н.К. Байбакову. В нем, в частности, отмечалась необходимость проведения изысканий на всей территории Якутии, включая изучение «комплекса полезных ископаемых» в бассейне Лены, Верхоянском и Колымо-Индигирском районах, «широкие исследования по экономике, энергетике, транспорту и вопросам народонаселения в целом по Якутской АССР». Кроме того, в документе указывалось на целесообразность «усиления работ» Особой транспортной экспедиции Академии наук СССР по улучшению «транспортного использования» рек северо-востока Якутии — Яны, Индигирки и Колымы²⁸.

Таким образом, республиканские органы власти выражали заинтересованность в изучении арктических районов Якутии и в этой связи не были удовлетворены минимальным присутствием соответствующих изысканий в рамках ЯКЭ СОПС АН СССР. Ситуация, к сожалению, не изменилась и во время работы третьей комплексной академической экспедиции в 1956—1958 гг. Единственной существенной разницей являлось то, что на этот раз основные усилия исследователей оказались сосредоточенными на изучении и разработке путей освоения природных ресурсов Западной Якутии. Данный факт прежде всего был связан с открытием здесь крупнейшей алмазной провинции.

Примечательно, что такой узкой направленностью исследований были недовольны и сами ученые. Так, понимание исследователями однобокости проведенных изысканий прекрасно прослеживается на примере выступления сотрудника ЯФ АН СССР к.г.н. Г.В. Наумова на Якутском региональном совещании Восточно-Сибирской конференции по развитию производительных сил (г. Якутск, 2—13 августа 1958 г.). Значительная часть доклада ученого была посвящена осмыслению итогов двух проведенных комплексных экспедиций. Г.В. Наумов отметил, что работы 3-й комплексной академической экспедиции «планировались на 5 лет и предусматривали обширную программу исследований природных условий, ресурсов, народонаселения и т.д.»

с тем, чтобы представить развернутый доклад, в котором бы были даны обоснованные рекомендации по всем отраслям хозяйства. Однако в связи «со спешным созданием алмазодобывающей промышленности» работы экспедиции были сокращены до 3 лет и оказались «неизбежно привязаны к созданию титульных предприятий по добыче алмазов». Экспедиция же превратилась «в лучшем случае в подсобный отдел проектного института» и вынуждена была исходить из «чисто ведомственных интересов создания одной отрасли». При этом «все силы, все интересы» были сосредоточены на «изучении вариантов создания алмазодобывающей промышленности при полной невозможности учитывать интересы развития сельского хозяйства»²⁹.

Доклад Г.В. Наумова был заслушан на секции общеэкономических и районно-комплексных проблем, в работе которой принимали участие 60 чел., представлявших учреждения АН СССР, Госплан ЯАССР, трест Якутстрой и Якутский государственный университет (ЯГУ).

Не менее интересна и деятельность других секций. Например, в работе секции транспорта участвовали 69 специалистов, в том числе сотрудники Якутского филиала АН СССР (Н.М. Будтолаев, Г.И. Граник, Б.В. Белинский), Якутского Геологоуправления (Е.Б. Абель), Янской (В.Г. Архипов) и Зырянской (И.Н. Гомин) автобаз, института Желдорпроект (А.А. Владимиров), Гидропроекта (Хромова), АЯМЗолотранса (И.А. Обыденкин), Управления Автошесдор (А.Н. Дьяченко), Ленморпроекта (Г.И. Эпштейн), Ленского объединенного речного пароходства (А.М. Дуберштейн. М.И. Эйдельзон). Тиксинского (Б.Н. Сергеев), Совмина ЯАССР (А.С. Волков), Обкома КПСС (Н.И. Саранин), Якутского совета народного хозяйства (П.П. Антипин, К.Г. Бардин, М.И. Васинский), Новосибирского отделения Гипроречтранса (А.Г. Болдинский), Якутской авиагруппы (О.П. Востоков), Арктического НИИ (А.Н. Яшина) и др. 30

Е.Б. Абель в своем выступлении отметил крайнюю заинтересованность геологов в развитии транспорта на севере Якутии. Приведя в качестве примера месторождение вольфрамовых и медных руд на Агылках, для эксплуатации которого было необходимо использовать дорогу Кюбюме — Тополиное — Батагай, он сообщил, что 20–23 % капитальных вложений на геологоразведку составляют дорожные расходы. В связи с этим Е.Б. Абель отметил необходимость «разведки и эксплуатации местных запасов горючего», а также важность развития сети железных

дорог в Якутии, на которое он предложил перенаправить средства со строительства и реконструкции аэродромов «ввиду дороговизны авиатранспорта» 31 .

Г.И. Эпштейн высказался за форсированное развитие речного транспорта и морского завоза грузов через северные порты. Выступающий отметил оптимальность Севморпути с экономической и логистической точек зрения при завозе «западных грузов для районов Яны, Колымы, Анабара и Тикси», а также целесообразность доставки «всех грузов сибирского происхождения» в бассейны Лены, Яны и Индигирки судами Ленского речного пароходства. Завоз же грузов на Колыму следовало, по мнению специалиста, осуществлять морскими судами через Певек с перегрузкой их в Нижних Крестах, для чего требовалось сооружение в этом населенном пункте причалов общего пользования³². Необходимо отметить в 1960 г. в местности Зеленый Мыс, расположенной в 3 км от Нижних Крестов, которые вскоре были переименованы в п. Черский, началось строительство капитального деревянного причала, а в 1966 г. – бетонного. Достаточно быстро Черский с Зеленым Мысом превратились в важный опорный пункт освоения Российской Арктики³³.

В работе сельскохозяйственной секции принимали участие 85 чел. Примечательно, что среди ее участников были секретарь Якутского обкома КПСС Н.Н. Барашков и министр сельского хозяйства ЯАССР Т.Г. Николаев, что свидетельствует как о представительности мероприятия, так и об интересе и определенной степени уважения органов власти к научно-исследовательской деятельности в этот период.

Среди докладов, прозвучавших на секции, были и выступления, посвященные вопросам развития северных районов Якутии. Так, сотрудник Министерства сельского хозяйства ЯАССР А.В. Паулин рассмотрел проблемы совершенствования деятельности колхозов Абыйского, Анабарского, Аллаиховского, Булунского, Верхоянского, Жиганского, Томпонского, Момского, Саккырырского, Оймяконского, Усть-Янского, Верхне-, Средне- и Нижнеколымского районов. Специалист определил основные «узкие места» в работе хозяйств названных районов: тяжелые производственно-бытовые условия, отражающиеся в том числе и на численности работников; плохое снабжение товарами («колхозник на Севере не может купить шерстяной шарф») и горючесмазочными материалами; слабая техническая оснащенность; недостаточные темпы строительства жилых домов. Докладчик

предложил и меры для активизации развития колхозов региона, включавшие, помимо устранения названных недостатков, увеличение лимитов на финансирование зоответпунктов, разработку сотрудниками Академии наук СССР «рациональных приемов механизации выемки мерзлых грунтов» при строительстве ледников³⁴.

Заместитель министра промышленности продтоваров ЯАССР Б.Л. Рождественский в выступлении большое внимание уделил перспективам развития рыболовного хозяйства Заполярья и, в частности, организации там 2 зон промышленного производства — Колымо-Индигирской и Нижне-Ленской. В каждой из этих зон он предложил создать по рыбокомбинату, который был бы подчинен единому центру управления в республике. В свою очередь, сами комбинаты должны были иметь «по одному-два рыбзавода с законченным циклом производства и учета», а также «необходимую сеть приемо-обрабатывающих пунктов»³⁵.

Примечательно, что отдельным пунктом в резолюции, принятой по итогам работы секции, значились инициативы, касающиеся комплексного развития сельского хозяйства северных районов Якутии, которые включали мероприятия по «всемерному расширению исконных отраслей — оленеводства, охотничьего и рыбного промыслов, пушного звероводства...», введение во всех колхозах региона пастбищеоборота, интенсификации лугомелиоративных работ, разработке специализированной техники, создание единого государственного комплексного торгово-заготовительного, сбытового и производственного предприятия для всех северных районов РСФСР с центром в Москве и на местах, в том числе в 15 районах Якутии (Абыйский, Анабарский, Аллаиховский, Булунский, Верхне-, Средне- и Нижнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Оймяконский, Оленекский, Саккырырский, Томпонский и Усть-Янский)³⁶.

В 1957 г. закончил еще одну работу по проблеме экономического развития арктических районов Якутии Г.И. Граник. Научный отчет «Основные проблемы развития транспорта Северо-Востока Якутской АССР» базировался на привлечении широкого круга источников: документов Госплана ЯАССР, Статуправления ЯАССР, Дальстроя, Главсевморпути и его проектных организаций, Янского горнопромышленного управления и Колымско-Индигирского речного пароходства, Якутского филиала АН СССР; научной литературы; полевых материалов автора, собранных за время его работы в ЯАССР и Главсевмор-

пути (1936—1955 гг.), а также в ходе экспедиционных изысканий в Магаданской области и в Северо-Восточной Якутии в 1955—1956 гг.

В отчете были рассмотрены природные условия и природные ресурсы, перспективы развития промышленности и сельского хозяйства региона на 10—15-летний период, и в этой связи определены запросы на развитие транспортной инфраструктуры. Представлен анализ существующей транспортной сети, работы всех видов транспорта для выявления внутренних резервов, установлены диспропорции между провозной способностью транспорта и требованиями, предъявляемыми к нему со стороны экономики³⁷. Г.И. Граник отметил оторванность северовостока Якутии в транспортном отношении от промышленных центров страны. Здесь не было железнодорожного сообщения и лишь Оймяконский район имел круглогодичную автодорожную связь (с Магаданом), в остальные же районы основные грузы поступали в течение короткого навигационного пути по трассе Севморпути и рекам³⁸.

Важнейшее место в отчете заняло определение проблем и перспектив развития транспортной системы. Так, ученый рассчитал потенциальный грузооборот на период 15 лет (рост в 2,9 раза) и выделил основные виды магистрального грузового транспорта, развитие которых в первую очередь требовалось для удовлетворения растущих потребностей. Для большинства северо-восточных районов таким видом являлся речной транспорт в бассейнах рек Яна, Индигирка и Колыма, для Оймяконского и южной части Верхоянского — автодорожный. В работе были достаточно подробно представлены необходимые направления модернизации транспортной инфраструктуры: речных судов, улучшения судоходных условий, реконструкции и строительства портов и пристаней, судоремонтных и отстойных баз, снижения себестоимости перевозок, перенаправления потоков грузов.

Г.И. Граник выполнил также расчет необходимых для развития путей сообщения капитальных вложений (810 млн руб.), 78 % из которых были должны направляться на нужды речного транспорта. Разработанные меры касались и развития автодорожного сообщения: строительства автодорог Куйга — Депутатский — Омчикандя; Хандыга — Эге-Хая; Хандыга — Кобюме — Маршальский с механизированными перевалочными базами, что позволило бы, по мнению ученого, ликвидировать

транспортно-экономическую изолированность между Янским, Хандыгским и Верхне-Индигирским промышленными районами. Кроме того, были представлены необходимые меры для развития авиационного сообщения — реконструкция и строительство аэродромов для обеспечения оперативной связи районных и промышленных центров с Якутском.

В итоге всех этих мероприятий, по расчету Г.И. Граника, должны были появиться четыре транспортных узла: Янский — на базе оловорудных предприятий, речного и автомобильного транспорта; Верхне-Индигирский — на базе золотодобывающих предприятий и автодорожного сообщения; Хандыгский — на базе угольной промышленности, добычи полиметаллов и транспортно-перевалочного узла в районе Хандыги; Верхнеколымский — на базе угольной промышленности и речного транспорта³⁹. Рассмотренный отчет стал основой монографии Г.И. Граника «Транспорт Северо-Востока Якутской АССР», вышедшей в свет в 1958 г.⁴⁰

Следует отметить, что 50-е гг. XX в. были ознаменованы значительной активизацией интереса органов власти к проблемам развития аборигенных этносов Советского Севера. Именно в этот период изданы постановления Совета Министров РСФСР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры малых народностей районов Севера» от 22 декабря 1954 г. и «О мерах помощи в развитии хозяйства и культуры районов Севера» от 10 декабря 1956 г., а также постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» от 16 марта 1957 г., фактически определившие политику государства в отношении коренных народов арктических и приарктических районов нашей страны на четверть века.

При этом значительную роль в инициировании подготовки названных постановлений, наполнения их содержательной части сыграла деятельность ученых. В этой связи очень хорошо прослеживается влияние подготовленных ими по результатам проведенных полевых изысканий предложений, касающихся повышения уровня жизни аборигенных этносов, на формулировки правительственных документов.

Вместе с тем, как это иногда бывает в нашей стране, рост внимания органов власти к проблемам коренных малочисленных народов Севера благотворно отразился на поддержке исследовательской деятельности в Российской Арктике.

В частности, по сведениям М.Ю. Киселева, еще 3 марта 1954 г. руководство Госплана СССР обратилось к Академии наук СССР с предложением по интенсификации процесса научного изучения Заполярья. 10 декабря 1954 г. данное предложение получило развитие в постановлении Президиума АН СССР «Об усилении научно-исследовательских работ по Советскому Северу». В соответствии с этим документом, в целях «координации исследований, выполняемых на Севере научными учреждениями Академии наук СССР», создавалась постоянная Комиссия по проблемам Севера. Ее председателем был назначен академик Д.И. Щербаков (Институт геологических наук АН СССР), а его заместителями академики И.П. Герасимов (Институт географии АН СССР) и В.С. Немчинов (СОПС АН СССР)⁴¹.

Согласно этому же постановлению, в рамках новой структуры учреждались несколько секций, включая секцию народов Крайнего Севера, а в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (ИЭ) АН СССР под руководством к.и.н. Б.О. Долгих организован сектор по изучению социалистического строительства у малых народностей Севера (сектор Севера). На сектор возлагалась задача изучения культуры и быта аборигенных этносов Севера и в первую очередь их современного положения⁴². Как отмечает Е.П. Батьянова, новое структурное подразделение должно было работать в соответствии с задачами Комиссии по проблемам Севера и осведомлять директивные органы о положении дел в регионе, направляя им специальные информационные документы — докладные записки⁴³.

Поскольку первоначальный состав сектора Севера Института этнографии, в который входили только Б.О. Долгих, В.А. Туголуков и В.В. Нарышкин, был явно недостаточен для выполнения поставленных задач, целью руководства ИЭ АН СССР стало усиление кадрового потенциала. Одним из первых исследователей, пополнивших ряды нового сектора, был И.С. Гурвич⁴⁴. Несколько забегая вперед, следует отметить, что с именем этого ученого будет связано большинство рассматриваемых в следующем разделе этнографических инициатив. Подробнее с его биографией, а также с информацией о жизненном пути ряда других ученых, посвятивших свою жизнь исследованию Российской Арктики, можно будет ознакомиться в специальном разделе, размещенном в конце книги. Сейчас же представляется необходимым лишь уточнить, что И.С. Гурвич оказался в Якутии в 1941 г. по окончании исторического факультета МГУ

и в течение 5 лет работал учителем, а затем директором неполной средней школы в с. Оленек. Тогда же он становится ученым-корреспондентом НИИЯЛИ при СНК ЯАССР; собирает материалы по религии, фольклору, традиционному хозяйству и быту местного населения. В 1942-1945 гг. И.С. Гурвич проводит исследования в Оленекском, Кирбейском, Жилиндинском наслегах Оленекского района и Саскылахском наслеге Анабарского района Якутской АССР. В 1946 г. И.С. Гурвич поступает в аспирантуру Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая (ИЭ АН СССР), где пишет на основе собранных материалов под руководством С.А. Токарева кандидатскую диссертацию «Оленекские и анабарские якуты (Историко-этнографический очерк)», которую он успешно защитил в 1949 г.⁴⁵ Посзащиты диссертации ученый возвращается в Якутию и поступает на работу в Институт языка, литературы и истории ЯФ АН СССР, в стенах которого трудится до 1956 г.⁴⁶

22 октября 1955 г. И.С. Гурвич принимал участие в работе организационного пленума секции народов Крайнего Севера, проходившего в Москве. Ее ядро фактически составляли сотрудники ИЭ АН СССР. На заседании под руководством к.и.н., заместителя директора этого учреждения М.Г. Левина были рассмотрены планы и задачи работы секции на ближайшую перспективу, проведены выборы в бюро секции.

Обращает на себя внимание выступление руководителя заседания, задавшее тон его ходу, а возможно, и всей последующей работе секции. Среди проблем, преодолению которых должна была способствовать деятельность ее участников, М.Г. Левин выделил следующие: вопросы перехода от кочевого к оседлому образу жизни, где, по замечанию выступающего, «были допущены ошибки, так как "оседание" производилось без учета местных традиций»; различные юридические нюансы; вопросы организации школьного обучения — в результате существующей системы дети оказывались оторваными «от своей семьи, от быта своего народа»; получив же образование, они «забывали занятия своего народа и делались бессильны в тундре»⁴⁷. При этом обучение родному языку зачастую «было неправильно поставлено» и велось на незнакомых для учащихся диалектах⁴⁸.

В целом же в ходе работы заседания были сформулированы такие ключевые задачи секции, как содействие изучению народов Севера и их современного положения; обмен информацией и опытом по работе в арктических районах разных учреждений

и ведомств; обсуждение отдельных проблем и разработка практических мероприятий, связанных с реорганизацией быта аборигенных этносов, хозяйственно-экономической и социокультурной сфер; привлечение к выработке путей реконструкции хозяйства и быта, развития культуры тех учреждений и организаций, «которые по роду своей деятельности должны этим заниматься»⁴⁹.

Вскоре по поручению Комиссии по проблемам Севера сотрудники сектора Севера отправились в экспедиции в ряд арктических и приарктических районов Советского Союза. В частности, в 1956 г. И.С. Гурвич проводил изыскания в Верхнеколымском районе Якутской АССР и Магаданской области, Е.А. Алексеенко и к.и.н. Р.Ф. Итс работали в Туруханском районе Красноярского края. Год спустя к.и.н. И.С. Вдовин посетил Чукотку, В.А. Туголуков — Эвенкийский национальный округ, Б.О. Долгих и Л.А. Райнберг — Таймыр, З.П. Соколова — Ханты-Мансийский национальный округ и т.д.

В Верхнеколымском районе в 1956 г. И.С. Гурвич работал в течение августа. Исследования главным образом были сосредоточены на юкагирском колхозе «Светлая жизнь» и его административном центре с. Нелемное. Следует отметить, что ученый застал село в период организации его переезда на новое место из-за последствий наводнения 1954 г. Тогда была смыта часть берега р. Ясачной, унесены водой здания колхозного склада и коптильни, подмыты основания школы и магазина, а под местной больницей образовалась протока⁵⁰.

Во многом случившееся, а также недостаточное финансирование переезда властями определили «весьма печальное» бытовое положение местного населения, зафиксированное в ходе экспедиции. По наблюдениям И.С. Гурвича, перевезенные на новое место здания школы и больницы после сбора районными энтузиастами «продувались, их полы качались, а рамы и двери были перекошены»⁵¹. Единственным средством отопления при этом являлись железные печки. В результате стационар был свернут, а роды принимались на дому. Усугублял ситуацию кадровый дефицит: врачей в больнице замещали два фельдшера; вместо положенных по штату трех медсестер работала олна.

Неприглядными оказались и условия существования местного населения в построенных на новом месте жилых домах. Сооруженные наспех, они летом заливались дождевой водой, а

в холодное время года насквозь продувались ветрами. Однако и таких конструкций хватило главным образом лишь для членов семей правления колхоза, руководства сельсовета и приезжих вольнонаемных рабочих (и то в некоторых домах приходилось ютиться 3—4 семьям). Остальные же были вынуждены жить в чумах из лиственничной коры и матерчатых палатках⁵².

Основное внимание И.С. Гурвич уделил изучению современного состояния хозяйственной деятельности и экономического положения верхнеколымских юкагиров. В частности, ученый составил описание методов ведения важнейших (рыболовство и охота) и вспомогательных (оленеводство, коневодство и скотоводство) отраслей хозяйства аборигенного населения. При этом исследователь отметил бесперспективность и пагубность насаждения птицеводства, огородничества и свиноводства, имевшее место в начале 50-х гг. ХХ в. Подобная многоукладность хозяйства приводила, по его мнению, к распылению и без того недостаточной рабочей силы, а также к перманентной загруженности наиболее трудоспособного населения, отражавшейся, среди прочего, на его здоровье (из 82 обследованных летом 1956 г. юкагиров у 37 был обнаружен туберкулез).

Экономическое положение местных жителей И.С. Гурвич охарактеризовал как «шаткое». Причинами этого, наряду с названными выше трудностями, исследователь считал отсутствие у большинства семей личных хозяйств, их необеспеченность рабочим инвентарем (около $^{1}/_{4}$ хозяйств не имели необходимого снаряжения даже для ведения рыболовства или охоты) и низкой стоимости трудодня *53 .

Учитывая направленность изысканий, важное место в них отводилось выработке конкретных мер по повышению благосостояния местного населения и развитию колхоза «Светлая жизнь». Эти меры касались, прежде всего, государственной поддержки при организации переезда Нелемного на новое место, улучшения снабжения боеприпасами, хозяйственным инвентарем и строительными материалами, а также выделения ездовых оленей и дополнительных пастбищных земель⁵⁴.

Результаты проведенных И.С. Гурвичем и другими исследователями полевых изысканий были обобщены в докладе руководителя сектора Севера Б.О. Долгих в ходе совместного заседания

^{*} Мера оценки и форма учета количественных и качественных показателей труда в колхозах.

Комиссии по проблемам Севера и Ученого совета Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая, состоявшемся 1 апреля 1958 г. в Москве. В работе заседания, проходившего под председательством Д.И. Щербакова, приняли участие 53 специалиста, которые, наряду со структурами-организаторами мероприятия, представляли министерства здравоохранения, культуры и просвещения РСФСР, отдел науки ЦК КПСС, Главное управление по планированию и досрочному завозу товаров в районы Крайнего Севера и приравненные к ним отдаленные местности, Главное управление Северного морского пути при Министерстве морского транспорта СССР, Рыболовпотребсоюз, Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена (ЛГПИ), Институт национальных школ Академии педагогических наук (АПН) РСФСР, а также редакцию газеты «Правда» 55.

Поскольку в докладе были подробно изложены взгляды ученых на ключевые вопросы жизнедеятельности аборигенных этнических сообществ северных районов Советского Союза, включая, естественно, Якутию, необходимо рассмотреть его подробно.

В начале выступления Б.О. Долгих кратко охарактеризовал успехи в решении проблем коренных народов Севера, достигнутые за время существования Советского Севера. К ним были отнесены создание собственной государственности в виде национальных округов, коллективизация, приведшая к организации сельскохозяйственных и рыболовецких артелей, охват всех детей школьным образованием, появление кадров национальной интеллигенции, новых поселков.

Вместе с тем большая часть доклада была посвящена анализу проблем в жизни аборигенных этносов. Как отметил по этому поводу сам Б.О. Долгих, «предоставив вышестоящим директивным органам правдивые сведения о положении на местах и свои предложения об устранении имеющихся недостатков, мы исполним возложенные на нас обязанности и свой гражданский долг»⁵⁶.

Оценив текущее положение народов Севера как «в общемто, тяжелое», исследователь назвал и важнейшие причины такого состояния дел. Прежде всего, Б.О. Долгих отметил «теоретические промахи»: подчинение вопросов реконструкции хозяйства вопросам перестройки быта, т.е. насильственный перевод охотников и рыболовов на оседлый образ жизни, зачастую оборачивавшийся «трагическими последствиями», а также ряд моментов проведенной коллективизации, когда, например, изъятие у крупных частных собственников оленей в конечном итоге отрица-

тельно влияло на обеспеченность животными оленеводческих колхозов и жизненный уровень колхозников⁵⁷.

Другой негативной стороной развития сельского хозяйства было названо фактическое отсутствие технического прогресса: в отличие от земледельческих и животноводческих хозяйств страны, основные отрасли традиционной деятельности аборигенных этносов Севера — оленеводство, охота и в меньшей степени рыболовство с морским зверобойным промыслом — оставались в техническом отношении обеспеченными только примитивным инвентарем. При этом практически сразу после создания колхозов, как сообщил Б.О. Долгих, «местные организации, а также соответствующие ведомства ... потребовали от них резкого увеличения товарности. И колхозы стали давать эту товарную продукцию, но очень часто за счет потребления колхозников и их семей, а иногда и за счет поголовья оленей. Получилась своего рода "ложная товарность", когда колхозы народов Севера отдавали не излишки своей продукции, а продукцию, необходимую для продовольствия своих членов и изготовления им одежды и жилищ»⁵⁸. Кроме того, по сведениям ученого, стремление увеличить товарную продукцию вызывало перегрузку колхозников различными работами и их физическое перенапряжение, не давало возможности заниматься в частном порядке рыболовством и охотой. Все это привело к «неблагоприятному изменению пищевого рациона» аборигенных этносов — меньшему потреблению жира, мяса и рыбы, что в тяжелых условиях Севера «губительно отозвалось на состоянии здоровья части коренного населения»⁵⁹.

Однако наиболее негативные последствия имели, по мнению Б.О. Долгих, «шаблоны в руководстве». К ним было отнесено «внедрение во чтобы то ни стало» земледелия и скотоводства, по большей части нерентабельных в реалиях арктических и приарктических районов. Эти отрасли хозяйства приносили колхозам убытки, отнимали у колхозников массу сил, лишая их отдыха после суровой зимы, и «зачастую дискредитировали идею колхозов» 60.

Среди важнейших проблем докладчик назвал: «невнимание к национальным интересам и особенностям народов Севера», когда «снималась забота» о сохранении этих этносов, развитии их культуры и языков; существовавшую систему народного образования, при которой преподавание не учитывало местной специфики, молодежь отвлекалась на различные специальности, не имевшие отношения к производству, а выпускники школ не

получали навыков ведения охоты и оленеводства в тундровых и таежных условиях. Очень большой вред приносил и «непродуманный подбор кадров» — предоставление в районах проживания аборигенных этносов работы лицам, осужденным ранее по уголовным статьям. «Вечно пьяные, сквернословящие», они, по наблюдениям Б.О. Долгих, «вносили разложение..., заражали венерическими болезнями, всячески обирали, развращали и зачастую терроризировали» коренное население, «вносили в местную жизнь привычки улицы, обычаи и жаргон преступного мира. В результате среди народов Севера появились неизвестные ранее преступления: кражи, хулиганство и т.п.»⁶¹.

В подтверждение кризисного положения народов Севера ученый привел сведения о сокращении их численности. Причем, как особо отметил докладчик, падала не только численность народов, рассматривавшихся как вымирающие, но и изначально относительно благополучных этносов. Так, если чукчей в 1897 г. было 11 771 чел., в 1926 г. — 12 331 чел., то к концу 50-х гг. ХХ в. около 9,5 тыс. чел. Численность нганасан в те же годы равнялась 876, 867 и 644 чел. соответственно. При этом рождаемость, например, хантов в 1950—1955 гг. была в 1,5 раза выше, чем в среднем по стране, а смертность превышала средние показатели в 3—4 раза⁶².

Непосредственными факторами, обусловившими отрицательную демографическую динамику, были названы четыре, тесно связанные между собой: неудовлетворительное материальное положение аборигенных этносов Севера (бедность), недостатки быта, социальные болезни и алкоголизм.

Как отметил Б.О. Долгих, несмотря на достаточно высокие показатели размеров денежных выплат сотрудникам северных колхозов, «каждому наблюдающему жизнь народов Севера бросается в глаза бедность их быта — иногда только хлеб и чай в качестве пищи в течение целых сезонов, плохая, зачастую рваная одежда, скученность, плохие, грязные без всякой обстановки жилища...» ⁶³. К такому положению, по мнению ученого, приводило отсутствие у большинства колхозников из коренных народов Севера личных подсобных хозяйств и вынужденная в этой связи необходимость жить только за счет покупки продуктов и промтоваров в магазинах. В результате даже собственную продукцию — мясо, шкуры, рыбу — они были «вынуждены покупать в магазинах, переплачивая в 2—3 раза». Кроме того, отмечал исследователь, часто большие заработки оказывались

фиктивными — по факту из них удерживались значительные суммы за выпас личных оленей, использование или утерю колхозных оленей и т.п. («Иногда эти удержания превышают заработки и колхозники остаются должными колхозу».) Другой причиной сложного финансового положения аборигенных этносов, по мнению Б.О. Долгих, было неумение эффективно распоряжаться имеющимися денежными средствами, которые расходовались «быстро и нерационально». Причем одной из основных статей подобных трат являлись спиртные напитки⁶⁴.

Главным виновником такой массовой алкоголизации аборигенных этносов Севера выступающий назвал торговые организации, которые, вплоть до выхода упомянутого ранее постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 г., «стремясь выполнить план оборота в денежном выражении», фактически «спаивали коренное население». По приведенным исследователем данным, завоз спирта составлял 40—50 % и более от стоимости поставляемых в национальные районы Севера товаров, а сами торговые организации в ряде районов массово завозили еще и одеколон, «прекрасно зная, что коренное население покупает его только для того, чтобы выпить». В качестве примера Б.О. Долгих привел подтвержденный сотрудниками его сектора случай, когда 14 нганасан за один вечер 5 августа 1957 г. выпили 40 флаконов одеколона⁶⁵.

Однако наиболее важным фактором сокращения численности коренных народов Севера ученый считал социальные болезни, и прежде всего туберкулез. Так, он сообщил, что, по результатам обследования 1956 г., это заболевание было выявлено у 50% нганасан. Кроме того, у 31% представителей данного народа обнаружили трахому, а от цинги страдали 100% взрослого населения. Причины названных заболеваний Б.О. Долгих видел даже не столько в качестве медицинского обслуживания, сколько в неблагоприятных материальных условиях аборигенных этносов Севера⁶⁶.

Для исправления сложившейся ситуации ученый предложил несколько путей. Во-первых, отказаться от принудительных мер: внедрения земледелия и животноводства, перевода на оседлость, переселения представителей аборигенных этносов из традиционных жилищ («угрожающее распространение туберкулеза... едва ли не является... также результатом замены чумов избами и так называемыми балками»). Во-вторых, сосредоточить усилия на развитии традиционных отраслей хозяйства коренных народов —

оленеводства, охотничьего промысла и рыболовства, включая их техническую реконструкцию (внедрение эффективных средств против «гнуса», новых образцов стрелкового оружия, механизация труда и др.). В-третьих, Б.О. Долгих выступил за «оздоровление торговли», предусматривавшее запрет ввоза спиртных напитков, улучшение снабжения товарами народного потребления и специальной продукцией для условий Севера, возрождение кустарных промыслов, а также создание «особой государственной специализированной хозяйственной организации, которая будет вести все заготовки и всю торговлю». Кроме того, ученый высказался за сокращение чиновничьего аппарата на местах; фокусировку образования на действительно необходимых Северу специфических профессиях; наделение местных органов власти правом удаления нежелательных социально-вредных элементов; унификацию заработной платы приезжим и местным работникам («работают вместе два пильщика — русский и коряк, и первый получает вдвое больше»). Наконец, в целях сохранения традиционной культуры коренных народов докладчик рекомендовал создание вблизи школ семи- и десятилеток небольших национальных центров, где было необходимо сосредоточить кадры национальной интеллигенции, вести работу по дошкольному воспитанию и санитарному просвещению на родном языке коренного населения, развитию самобытного традиционного искусства и изучению истории своего народа. Способствовать же решению названных выше проблем, по мнению Б.О. Долгих, должен был специальный центральный орган, в задачи которого входило бы «руководство хозяйственным и культурным строительством у народов Севера», координация деятельности различных ведомств, защита интересов аборигенных этносов в центральных и местных учреждениях, контроль за исполнением решений на местах⁶⁷.

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на такой достаточно острый характер выступления, его критическую направленность в отношении оценки современного положения коренных народов Севера Советского Севера, только один из участников мероприятия, М.Г. Воскобойников (ЛГПИ), подверг доклад Б.О. Долгих некоторой обструкции за отсутствие в нем «элементов положительного порядка». Остальные же докладчики: И.С. Гурвич, П.Е. Терлецкий (хотя и отметивший, что сведения основного докладчика «несколько утрированы»), И.С. Вдовин, Е.А. Алексеенко (ИЭ АН СССР), К.Г. Кузаков (СОПС АН СССР) и М.Б. Черненко («Правда») — выступили с подтвержде-

нием ключевых положений, которые озвучил Б.О. Долгих 68 , что нашло отражение также в принятой по итогам заседания резолюции 69 (см. Прил. 1).

Помимо рассмотренного основного доклада, вызывает значительный интерес и прозвучавшее на заседании выступление к.г.н. Г.А. Аграната (СОПС АН СССР), посвященное анализу зарубежного опыта поддержки коренных народов Арктики, к слову, также подвергшееся критики со стороны М.Г. Воскобойникова.

В докладе ученый отметил принципиальную схожесть генеральных проблем развития аборигенных этносов советского и зарубежного Севера: разрушение натурального хозяйства и замена его денежной экономикой; нарушение сложившегося комплекса традиционных отраслей хозяйства; истощение охотничьепромысловых ресурсов и нехватка материальных средств для покупки необходимого количества привозных товаров.

Г.А. Агранат сообщил об активизации внимания к проблемам коренных народов зарубежного Севера в послевоенный период. Данный факт, по его мнению, был вызван, прежде всего, стремительным ростом экономической и геополитической роли Арктики, в связи с которым аборигенные этносы приобрели в глазах крупных компаний и военных ведомств важное значение как «наиболее приспособленная к условиям Севера рабочая сила»⁷⁰.

При этом ученый сделал несколько достаточно смелых выводов. Так, он констатировал, что «в некотором отношении положение северных народов за рубежом лучше положения малых народов у нас» (данный тезис, впрочем, был вычеркнут из конечной редакции стенограммы) 71 . В качестве главного подтверждения этого постулата были приведены демографические сведения по Аляске и Гренландии, показывающие рост численности коренного населения в течение первой половины XX в., даже «несмотря на довольно высокую смертность» 72 .

Среди важнейших положительных изменений, произошедших на «капиталистическом Севере», исследователь назвал увеличение масштабов государственной поддержки аборигенных этносов (рост размеров пенсий, детских пособий, материальной помощи нуждающимся); улучшение системы здравоохранения («на 1 эскимоса в Канаде только по линии здравоохранения тратится около 100 долл.»), включая строительство новых больниц, туберкулезных и общего типа санаториев, детских здравниц; проведение мероприятий по поддержке традиционных

отраслей хозяйства коренных народов, строительство благоустроенных домов и предпринятый комплекс природоохранных мер. Кроме того, Г.А. Агранат отметил действия организационного характера — создание в 1953 г. в Канаде Министерства по делам Севера, а годом ранее — Межведомственной комиссии по делам эскимосов и главное: непрекращающийся поиск оптимальной модели развития и путей решения жизненно важных проблем коренного населения⁷³.

Ряд острых вопросов был поднят и на состоявшемся 15 мая 1958 г. в Москве совместном заседании Комиссии по проблемам Севера СОПС АН СССР и сектора народов Крайнего Севера ИЭ АН СССР, которое было посвящено обсуждению проблем начального и среднего образования. В работе заседания также принимали участие сотрудники Госплана, министерств просвещения и культуры РСФСР, институтов истории материальной культуры и языкознания АН СССР, Института национальных школ, АПН РСФСР, ЛГПИ, Нюрбинского и Сунтарского районных отделов народного образования ЯАССР, ЛО Государственного учебно-педагогического издательства, Главкоопкульторга и Роспотребсоюза⁷⁴.

Основные доклады были сделаны П.В. Макаровым (начальник отдела нерусских школ Министерства просвещения РСФСР), сообщившим о состоянии образовательных учреждений и педагогических кадров на Крайнем Севере, и А.Ф. Войцовой (Институт национальных школ АПН РСФСР), которая рассказала о существующих для школ региона программах и учебных пособиях⁷⁵.

Сотрудники академических учреждений приняли активное участие в состоявшихся по итогам названных выступлений прениях.

И.С. Гурвич огласил полученные им в ходе экспедиции в Корякский национальный округ в 1956 г. сведения: большая часть школ округа располагалась в неприспособленных помещениях, где отсутствовала звукоизоляция и «одни классы мешали заниматься другим», в кабинетах зачастую было очень холодно, парты не соответствовали росту учеников. Важнейшей проблемой ученый назвал «совершенное незнание» учителями начальной школы корякского языка, приводившее к необходимости перевода слов педагога учениками, которые владели русским языком, детям, плохо его понимавшим. При этом сами учителя приезжали «откуда угодно, из таких областей, где жители еще

плохо знают русский язык и стремились после положенной отработки перебраться в более обжитые края». Еще одной проблемой было обучение многих детей в так называемых сдвоенных или даже строенных классах — когда на одном уроке в целях экономии занимались дети разных классов и возрастов (2- и 4-го и т.п.). Наиболее сложное положение И.С. Гурвич зафиксировал в интернатах Корякского округа. В них детям изза тесноты помещений приходилось спать «по два человека на одной постели, на одной подушке, укрываться одной простыней» 76.

Подобная скученность, естественно, приводила к быстрому распространению инфекций и сказывалась на здоровье учеников (здесь уместно отметить, что на рассмотренном выше первоапрельском заседании 1958 г. чл.-корр. АН СССР С.П. Толстов назвал интернаты «рассадниками болезней», где «вымирают люди», а Б.О. Долгих привел сведения о семьях эвенов, в которых большинство детей умерло в интернатах и их родители «как милости, просили не отдавать в интернат оставшегося ребенка, боясь лишиться и его»⁷⁷). Кроме того, в выступлении И.С. Гурвича была отмечена и такая проблема, как размещение в неприспособленных помещениях интернатских столовых («...в Хаилинской начальной школе [столовая] помещается в землянке, там же кухня. В интернатской столовой при Каменской средней школе занимались физкультурой; в интернате при Паланской окружной школе дети умываются в столовой и т.д.») и скудость рациона питания: дети практически не получали местных высококалорийных продуктов — мяса, рыбы, жиров, критически необходимых в условиях Севера, что также негативно отражалось на состоянии их здоровья⁷⁸.

Схожие сведения по Чукотке предоставил и к.филол.н. Г.А. Меновщиков (Институт языкознания АН СССР). Исследователь сообщил, что во время служебной поездки зимой 1954/55 г. он видел в интернатах 3-ярусные кровати, на каждом ярусе которой спали по два ребенка. Говоря о текучести педагогических кадров, выступающий заметил, что, по его наблюдениям, она вызвана в том числе и плохими бытовыми условиями, предоставляемыми учителям, — не имея квартир, они сами были вынуждены ютиться вместе с другими служащими на 2-, 3-ярусных кроватях в комнате площадью 7–8 м². При этом учителям из местных кадров не предоставлялись льготы, имеющиеся у приезжих специалистов⁷⁹.

Основным лейтмотивом выступления заместителя директора ЛО Института языкознания АН СССР, д.филол.н. В.А. Аврорина было обоснование необходимости учета в северных районах Советского Союза фактора родного языка при обучении детей. Причем ученый высказался за гибкую позицию в определении такого языка, не зависящую от формальной национальной принадлежности учащегося («тот язык, на котором ребенку легче всего получать образование»)⁸⁰.

Исследования социально-экономических проблем развития Заполярной Якутии и вопросов повышения уровня жизни ее населения в 50-е гг. ХХ в. получили импульс и в результате работы начавшей формироваться в этот период местной школы ученых. Часть из этих изысканий будет рассматриваться в следующем разделе, поскольку основным направлением инициатив, в рамках которых они проводились, были работы историко-антропологического плана; здесь же целесообразно остановиться на исследованиях, осуществленных сотрудниками отдела экономики Якутского филиала АН СССР.

Как отмечалось, сектор экономики был создан в составе Якутской базы АН СССР в числе первых в 1947 г. Спустя 2 года в рамках реорганизации базы в филиал Академии наук СССР появился отдел экономики. Отдел был небольшим — к концу 50-х гг. XX в. в нем работали всего 9 сотрудников, в том числе 2 кандидата наук81. Однако, несмотря на это, экономисты ЯФ АН СССР проводили достаточно разнообразные исследования, направленные на научное сопровождение социально-экономического развития Якутии. В частности, в фокусе внимания ученых в 1940-1950-е гг. находились проблемы совершенствования экономических основ якутского коневодства, рыболовной промышленности, организации производства строительных материалов и т.п. Если первоначально интерес исследователей был сосредоточен, в первую очередь, на центральных и южных районах Якутии, то в середине 50-х гг. ХХ в. он переместился на территории, расположенные за Северным полярным кругом.

Так, научный сотрудник отдела Е.Д. Конников на основе полевых исследований, проведенных летом 1955 г. в Верхоянском, Саккырырском и Усть-Янском районах Якутии, рассмотрел проблемы развития сельского хозяйства в бассейне Яны. Проанализировав состояние скотоводства, коневодства, оленеводства, зверо- и собаководства, охотничьего и рыбного промыслов, а также структуру затрат и валового дохода ведущих хо-

зяйств, ученый установил наиболее экономически эффективные отрасли.

На основе полученных материалов Е.Д. Конников пришел к выводу о низкой рентабельности разведения крупного рогатого скота в условиях исследованных районов. Являясь крайне трудозатратной отраслью хозяйства, скотоводство, по мнению ученого, отвлекало и без того ограниченные трудовые ресурсы региона от более доходных занятий охотой, оленеводством и коневодством. В связи с этим Е.Д. Конников определил наиболее перспективные отрасли. Для Верхоянского района это был пушной промысел в комплексе с оленеводством и мясным коневодством, для Саккырырского — оленеводство и охота, для Усть-Янского — пушной промысел и рыболовство. Ученый отметил также крайне запутанную систему обложения колхозов региона обязательными поставками мяса, масла и сена, мешавшую успешному экономическому развитию. В качестве примера он привел ситуацию с колхозом им. В.И. Ленина в Саккырырском районе, который был образован в 1953 г. после слияния 5 колхозов. Часть колхозников в нем «унаследовала» от прежних хозяйств льготы, освобождавшие их от обязательных поставок, другие же члены артели подобной привилегии не имели, что подрывало, по мнению Е.Д. Конникова, принцип материальной заинтересованности82.

Большинство из названных выше положений нашли отражение также в подготовленной Е.Д. Конниковым докладной записке, которая была адресована руководству Саккырырского района. Наряду с этим имелся и ряд отличий. В частности, в записке были более подробно освещены меры, необходимые для развития основных сельскохозяйственных отраслей района. Так, в оленеводстве предлагался постепенный, в тесной увязке с улучшением технической оснащенности местных колхозов, переход от транспортной ориентации к мясо-шкурной. Кроме того, ученый настаивал на ограничении максимального размера стад, а также на четком определении намечаемых маршрутов их передвижения в целях повышения сохранности пастбищ и улучшения рациона питания животных. Е.Д. Конников отметил и необходимость жесткой дифференциации оплаты труда оленеводов в зависимости от их квалификации, а не механического затраченного времени. Наиболее серьезные Е.Д. Конников выявил в сфере администрирования. По его наблюдениям, в Саккырырском районе оленеводству, несмотря на высокую доходность этой отрасли, районные власти и даже руководство местных колхозов практически не уделяли внимания, сконцентрировавшись на вопросах развития скотоводства. Это послужило одним из факторов плохой материальной обеспеченности, острой нехватки медицинской помощи и в целом — оторванности оленеводов от общерайонной жизни⁸³.

Имелись и более локальные изыскания. Например, сотрудник отдела экономики ЯФ АН СССР В.С. Рыбников осуществил расчет себестоимости продукции, производимой колхозом «Победа» Булунского района. Обобщив сведения по прямым и общехозяйственным затратам трудодней, денежным и материальным расходам, а также по амортизационным отчислениям на средства производства, исследователь выполнил необходимые вычисления, основываясь на общепринятой методике, разработанной во Всесоюзном научно-исследовательском институте экономики сельского хозяйства. При этом В.С. Рыбников отказался от рекомендованной этим институтом оценки трудодня, по его мнению, не учитывающей в полной мере специфики хозяйственной деятельности в Заполярной Якутии. В этой связи ученый на основании материалов снабжающих организаций и отдельных бюджетов колхозников, а также сведений, собранных им в ходе полевых исследований летом 1956 г., составил примерный перечень потребностей жителя Булунского района, позволивший определить усредненный размер доходов, необходимых для нормального существования⁸⁴.

Вкратце резюмируя представленный выше материал, следует выделить ключевых акторов, занимавшихся научным анализом вопросов социально-экономического развития арктических районов Якутии в рамках Академии наук СССР в 50-е гг. ХХ в. — Совет по изучению производительных сил, Комиссия по проблемам Севера, а также отдел экономики ЯФ АН СССР. В рамках названных структур получили развитие исследования, касающиеся как выявления оптимальных траекторий социально-экономического развития региона, так и определения основных социальных «болячек» в жизни аборигенных этносов. Последняя проблема занимала определенную часть повестки и тех изысканий, которые будут рассмотрены в следующем разделе, посвященном работам, носившим преимущественно историко-этнографический характер.

1.2. Историко-этнографические изыскания. Юкагирская комплексная экспедиция

Прежде чем переходить к анализу исследований, осуществленных историками, археологами и этнографами в течение рассматриваемого в этой главе периода, необходимо вкратце охарактеризовать ситуацию с изученностью к этому времени арктических районов Якутии в историко-этнографическом отношении.

В поле зрения ученых местные археологические памятники попали вскоре после организации систематических экспедиционных работ в Азиатской Арктике. Так, участник упоминавшейся Северо-Восточной экспедиции 1785—1793 гг. Г.А. Сарычев осуществил на севере Якутии изыскания, положившие, по мнению А.П. Окладникова, начало полярной археологии как науки⁸⁵. В 1787 г. Г.А. Сарычев обнаружил в 70 км к востоку от устья Колымы «обвалившиеся земляные юрты» и выполнил их обследование⁸⁶. Любопытно, что И.Е. Зыков считает эти работы «первыми научными раскопками» в истории Якутии⁸⁷. Археологическое изучение современной территории республики, таким образом, по его мнению, началось именно с ее арктических районов.

Позапрошлое столетие также было отмечено отдельными и, как правило, случайными археологическими находками, сделанными в том числе за Северным полярным кругом. Определенный импульс этому процессу придало появление в Якутии в последней четверти XIX в. значительного числа образованных людей — политических ссыльных, ставших здесь, по воле судьбы, исследователями местной истории, культуры и языков коренных народов. Однако все равно исследования древней истории Якутии продолжили носить спорадический характер вплоть до конца первой трети XX столетия: это были единичные работы, которые проводились отдельными энтузиастами, а не специалистами-археологами [3, с. 27—41]⁸⁸.

Первыми же профессиональными археологическими исследованиями в Якутии, затронувшими в том числе и арктические районы, стали работы участников Ленской историко-археологической экспедиции 1940—1946 гг., которая была организована НИИЯЛИ при СНК ЯАССР и проводилась под руководством будущего академика А.П. Окладникова, приглашенного из Института истории материальной культуры АН СССР (г. Ленинград). В 1942—1943 гг. исследователи осуществили изыскания в нижнем

течении р. Лены, а в 1946 г. археологической рекогносцировке подвергся бассейн р. Колымы, где были открыты стоянки Помазкино, Лабуя, Кресты Колымские 89 .

Однако исследования, проведенные А.П. Окладниковым, свидетельствуют скорее о роли личности в истории, чем о начале систематического археологического изучения арктических районов Якутии. Последнее было крайне затруднительно без появления в республике исследовательского центра, укомплектованного соответствующими специалистами. В результате после отъезда А.П. Окладникова из Якутии в том же 1946 г. целенаправленные поиски стоянок древнего человека в арктических районах вновь прекратились.

Схожая ситуация была характерна и для этнографической изученности Заполярной Якутии. Если не принимать во внимание разрозненные сведения, относящиеся к материальной и духовной культуре долган, русских арктических старожилов, эвенков, эвенов, юкагиров, чучкей и якутов, которые фактически попутно были аккумулированы в ходе различных инициатив естественно-научной направленности, в значительной мере имеющаяся к 1920 г. степень этой изученности была достигнута за счет исследователей-самоучек, оказавшихся в Якутии либо по долгу службы, либо по приговору суда.

В этой связи, рассматривая проведенные к указанному времени исследования вкратце, как того требуют ограниченные рамки данной работы, следует выделить прежде всего изыскания, осуществленные колымским исправником Г.Л. Майделем во время Чукотской экспедиции 1868—1870 гг., политссыльными В.И. Иохельсоном и В.Г. Богоразом в ходе Сибиряковской экспедиции Императорского Русского географического общества 1894—1896 гг. и Джезуповской экспедиции 1897—1902 гг.

Так, материалы, полученные Г.Л. Майделем, стали ценным источником, характеризующим хозяйство, обряды, жилища и средства передвижения чукчей, а также происходившие в среде коренных народов северо-востока Якутии ассимиляционные процессы 90 .

Чукчи находились в фокусе изысканий и В.Г. Богораза. Исследователь сумел мобилизовать значительный массив данных, позволивших ему детально рассмотреть общественные отношения, традиционную экономику и культуру представителей этого этноса, а также эвенов, населяющих правые притоки Колымы⁹¹.

В.И. Иохельсон по праву считается человеком, фактически «открывшим» для науки юкагирский этнос. В течение 3,5 лет он проводил изыскания в становищах юкагиров на Индигирке, Колыме и ее притоках. В итоге В.И. Иохельсон получил разнообразные сведения о быте, типах и способах охоты, социальных отношениях, духовной жизни народа, собрал богатую коллекцию этнографических материалов⁹².

Кроме того, можно вспомнить и В.М. Зензинова, также оказавшегося в ссылке в Якутии и уже здесь ставшем исследователем. Именно ему мы обязаны интереснейшим описанием жизненного уклада русских старожилов низовий Индигирки в начале XX в. 93

В 1920-е гг. коренные народы, проживающие в арктических районах Якутии, попали в поле зрения участников Якутской комплексной экспедиции АН СССР. В ее рамках также проводили изыскания члены Верхоянского подотряда: братья Д.Д. и Н.Д. Травины. Названные специалисты собрали этнографические материалы по русскоустьинцам, эвенкам, эвенам, юкагирам и якутам. На северо-западе Якутии работал Хатанго-Анабарский подотряд в составе П.В. Слепцова и П.П. Афанасьева. в фокусе внимания которых находились долганы, эвенки и якуты⁹⁴. Результаты деятельности этих исследователей, к сожалению, до сих пор не введены в научный оборот. Кроме того, Ю.Н. Ермолаева приводит сведения о наличии Колымского под-(С.Н. Стебницкий, Н.Д. Травин, А.С. Форштейн Г.Н. Петров), ориентированного на изучение чукчей⁹⁵. Вместе с тем каких-то более подробных сведений о его деятельности ни в опубликованных источниках, ни в архивах выявить не удалось.

В 1927 г. в бассейне Колымы проводил исследования Н.И. Спиридонов — первый юкагир, который получил высшее образование и ученую степень. На основе собранных материалов исследователь составил описание традиционной одежды, жилища, пищи и предметов быта представителей родного для себя этноса, а также подготовил характеристику годового хозяйственного цикла мужчины с верховьев Колымы⁹⁶.

Однако эта научно-исследовательская «вспышка» оказалась краткосрочной. В 30-е гг. ХХ в. масштабы этнографических изысканий среди коренных народов Заполярной Якутии вновь резко сократились. Одной из немногих стала экспедиция 1939 г. К.К. Дидыка и В. Кривошеина к верхнеколымским юкагирам, в

ходе которой были получены физико-антропологические данные 97 .

В 1940-е гг., помимо упомянутых ранее изысканий И.С. Гурвича в Анабарском и Оленекском районах Якутии, следует отметить исследования участников Индигирской этнографо-лингвистической экспедиции. По ее результатам сотрудники ИЯЛИ при СНК ЯАССР к.ф.н. Т.А. Шуб, М.Н. Алексеев и Н.А. Габышев составили описание традиционных хозяйственных занятий, жилища, одежды, обычаев и обрядов русского старожильческого населения низовий Индигирки⁹⁸.

Нисколько не преуменьшая проделанную исследователями к середине XX в. работу, необходимо заметить, что даже в географическом отношении охват этнографическими изысканиями Заполярной Якутии оставлял желать лучшего. В частности, население Абыйского, Момского, Усть-Янского и Саккырырского районов (упразднен в 1963 г., в настоящее время большая его часть — Эвено-Бытантайский национальный улус) по большому счету не было ими затронуто вовсе.

Обширные пространства Якутии, проживание в их пределах сразу нескольких коренных народов, каждый из которых сохранил многогранную самобытную культуру, делали практически невозможным их сколько-нибудь исчерпывающее научное познание.

К этому следует добавить еще тот факт, что даже при наличии определенного массива данных о какой-либо проблеме, на их основе исследователи могли зачастую сделать прямо противоположные выводы, что абсолютно нормально для процесса развития научного знания.

В связи с последним показательна следующая ситуация. Как уже отмечалось в предыдущем разделе, в 1949 г. в стенах Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации И.С. Гурвича «Оленекские и анабарские якуты: Историко-этнографический очерк». В ее основе лежали материалы, собранные в северо-западных районах Якутии⁹⁹.

Краеугольным камнем этой работы, а также увидевшей свет в 1950 г. в журнале «Советская этнография» статьи «К вопросу об этнической принадлежности населения Северо-Запада Якутской АССР»¹⁰⁰, было выделение населения данного региона в самобытную этническую группу якутов (прежде оно считалось эвенкийским), отличающуюся от представителей якутского этноса

центральных районов республики хозяйственным и культурным укладом жизни. В качестве подтверждения этого постулата И.С. Гурвич привел данные ясачных книг, свидетельствовавшие об активной миграции якутов, которые при этом, как отмечал ученый, «попадая в северные условия... усваивали тунгусский образ жизни...», а также о крайне высокой смертности аборигенного эвенкийского населения. В результате ко второй половине XIX в. на основе слияния эвенков, русских старожилов и преобладающего якутского населения образовалась «своеобразная группа северных якутов-оленеводов». Об этом же, по мнению И.С. Гурвича, свидетельствовали данные предыдущих исследований, позиция ряда представителей местных органов власти и сведения, полученные самим ученым от опрошенных им информантов («сами оленекские и анабарские якуты понимают причисление их к эвенам (тунгусам) лишь как выражение их образа жизни, не придавая этому термину в отношении себя этнического смысла»).

Сформулированные И.С. Гурвичем положения, теоретической основой которых, по мнению С.И. Бояковой, стали труды Г.В. Ксенофонтова¹⁰¹, были рассмотрены столь подробно в связи с тем, что явились причиной одной из самых активных и интересных отечественных этнографических дискуссий рассматриваемого периода, развернувшихся в начале 1950-х гг. на страницах ведущего специализированного издания страны — журнала «Советская этнография».

В том же четвертом номере этого журнала за 1950 г., в котором была опубликована и статья И.С. Гурвича, по вопросу этнической принадлежности населения северо-запада Якутии высказался один из видных этнографов-североведов того времени, также уже упоминавшийся ранее, — Б.О. Долгих. Исследователь на основании данных о происхождении основных родов региона и собственных наблюдений, сделанных во время экспедиций к оз. Есей в 1935—1939 гг., пришел к аналогичному выводу о том, что «население бассейнов рек Оленека и Анабары представляет собой якутов, различающихся ... только хозяйством и образом жизни». По мнению Б.О. Долгих, являвшееся до последнего времени «невыправленным» в этнографии «недоразумение» — отнесение населения северо-западной части Якутии к эвенкам («даже на последних этнографических картах»), создавало «ряд практических неудобств». По сведениям автора, например, в якутоговорящий Оленекский район засылались литература и учебники на эвенкийском языке, которые оставались без использования, так как «этого языка население не зна- π 0»¹⁰².

Уже в первом номере «Советской этнографии» за 1951 г. последовал «ответ» от придерживавшегося на данную проблему противоположных взглядов д.и.н. П.Е. Терлецкого (Институт этнографии АН СССР) — одного из составителей этнографических карт, раскритикованных Б.О. Долгих. Автор привел достаточно основательные рассуждения о теоретических началах выявления этнического состава, главным критерием которых должны быть «субъективные показания самого населения ... о своем национальном состоянии как выражении национального самосознания» 103, используемый же в жизни язык — лишь один из этих критериев. Опираясь на данные переписей 1897 и 1926 гг., П.Е. Терлецкий показал, что значительная часть населения Оленекского района самоидентифицировала себя как эвенков, а Анабарского — как долган. При этом ученый категорически не согласился с тезисами И.С. Гурвича и Б.О. Долгих о понимании коренными жителями северо-запада Якутии слова «тунгус» как собирательного термина, обозначавшего все кочевое население вне зависимости от национальной принадлежности, в результате чего якуты записывались эвенками 104.

В следующем году к дискуссии подключился И.М. Суслов¹⁰⁵, командированный в 1934 г. Комитетом Севера для руководства строительством Оленекской культбазы, на мнение которого в подтверждении своих идей И.С. Гурвич ссылался в статье 1950 г. Исследователь, характеризуя свое пребывание на северо-западе Якутии, вспоминал, что при расспросах населения бассейна Оленека ему «постоянно приходилось встречаться с тем, что опрашиваемые называли себя "тунгусами", но не признавали себя "эвенками"»¹⁰⁶. Объяснение данному факту автор статьи видел в том, что «тунгусами» кочевых якутов, занимавшихся оленеводством и имевших, следовательно, эвенкийскую форму хозяйства, называли полуоседлые якуты-скотоводы, которые при этом «ни в коем случае» не имели в виду, что эти кочевники — эвенки. В то же время «выяснение родословных отдельных лиц из местного населения», по мнению И.М. Суслова, «убедительно показало, что это население производит себя от якутов и выводит своих предков из якутских районов» и в результате «культбазу пришлось строить не среди эвенков, как предполагалось, а среди якутов»¹⁰⁷. Резюмируя изложенные сведения, автор отметил, что «в бассейне Оленека обитала лишь одна этническая группа — якуты, а не две..., как полагает Π .Е. Терлецкий» 108 .

Вывод о практически стопроцентном (93,6%) представительстве якутов в общем количестве коренного населения Анабарского и Оленекского районов сделал в новой статье и Б.О. Долгих. При этом ученый, соглашаясь с П.Е. Терлецким по вопросу о ключевой роли самосознания человека в определении этнической принадлежности, отметил, что «все жители бассейна Оленека и Анабара считают себя якутами...», они знают, что «их называют и "пишут" тунгусами, понимают, что такова традиция, но не такова действительность» 109.

Последней в рассматриваемой дискуссии является опубликованная в «Советской этнографии» статья И.С. Гурвича (дискуссия была фактически закрыта редколлегией журнала ввиду «убедительного свидетельства» изданных материалов в том, что коренное население северо-западной части Якутии «является якутским»)¹¹⁰. Ученый развил мысль о традиции именовать всех кочевых оленеводов тунгусами как о главном факторе расхождения результатов переписей (причислявших коренное население к эвенкам) и полевых исследований этнографов (считавших основной массив местных жителей якутами). Эта традиция, по предположению И.С. Гурвича, брала истоки OT М.М. Сперанского. «Согласно "Уставу об управлении инородцев Сибири", — уточнял И.С. Гурвич, — тунгусы (эвенки) были отнесены к разряду "бродячих" (кочевых) и освобождены от ряда повинностей... Кочевые якутские роды, занимавшиеся оленеводством, подошли под категорию тунгусов»¹¹¹.

При этом исследователь так же, как и И.М. Суслов, привел данные организованных им на северо-западе опросов, согласно которым «население считает своими предками якутов — выходцев из южных скотоводческих районов Якутии» и «резко протестовало, когда их соплеменниками ... назвали эвенков Краскрая». И.С. Гурвич продолжил настаивать самобытности коренного населения северо-западной части Якутии: «при непосредственном посещении оленекских и анабарских якутов-оленеводов бросаются в глаза ... их территориальобособленность И резкие отличия как северо-запада, так и от якутов-скотоводов...», невидимые, «если руководствоваться только материалами переписи»¹¹².

Однако более убедительным представляется другой вывод, сделанный И.С. Гурвичем в упомянутой статье. Автор справед-

ливо отметил принципиальные различия, существующие при определении этнического состава того или иного района, края или всей страны с помощью материалов переписи населения. По убеждению ученого, они давали «реальную картину численности и расселения крупных народов, исчисляющихся сотнями тысяч человек», когда «отдельные неправильные показания» составляли «незначительную долю». На Крайнем Севере же, ввиду малочисленности аборигенного населения, требовался «совершенно иной подход», так как «ошибочные показания о своей национальной принадлежности даже нескольких семей» приводили к существенному искажению общего итога переписи. В этой связи И.С. Гурвич настаивал на необходимости сочетания «тщательного критического анализа» материалов переписи с полевыми наблюдениями этнографов¹¹³. Возможность отработки такого подхода представилась И.С. Гурвичу очень скоро.

В 1950 г. ученый вернулся в Якутию и поступил на работу в ИЯЛИ ЯФ АН СССР. Следует отметить, что он оказался в небольшом тогда еще институте (в штат входило всего 19 сотрудников¹¹⁴) единственным подготовленным специалистом по этнографии коренных народов Севера — на тот момент в принципе достаточно редкой специализации в советской науке. Именно И.С. Гурвичу принадлежала важнейшая роль в инициировании и организации планомерного этнографического изучения аборигенных этносов, проживающих в арктических районах Якутии.

Первая из организованных И.С. Гурвичем экспедиций была отправлена в 1951 г. в Нижне- и Среднеколымский районы Якутии. В ее состав, помимо самого исследователя, входил лаборант-переводчик. С целью выявления этнического состава Нижне-и Среднеколымского районов участникам изысканий предстояло провести посемейный опрос, касающийся национальной само-идентификации, определить языковую принадлежность респондентов, изучить похозяйственнее книги и списки. Важной задачей было выяснение географической локализации и примерной численности коренного населения исследуемого ареала. Кроме того, планировалось собрать материал о родоплеменной принадлежности опрошенных, истории административного деления, взаимоотношениях между различными этническими сообществами, а также рассмотреть культуру, хозяйство и быт аборигенных этносов¹¹⁵ (см. Прил. 2).

Исследования проходили с конца апреля по октябрь 1951 г. При этом маршрут экспедиции, как отмечал И.С. Гурвич, был

составлен таким образом, чтобы провести сплошное обследование названных районов, изучить все этнические группы, охватить максимальное количество наслегов, колхозов и поселков¹¹⁶. В этом плане показательна общая протяженность маршрутов: в Нижнеколымском районе она составила около 1600 км (из которых 750 были преодолены на собаках, 450 на оленях, 150 на лошадях, 250 на лодках и катерах), в Среднеколымском — 1470 км (720 на лошадях и 750 на лодках и катерах)¹¹⁷.

География разысканий отряда также дает представление об объемах проделанной участниками экспедиции работы. Из административного центра Нижнеколымского района п. Нижние Кресты, где был собран первый эмпирический материал, они выехали на собаках через заимки Ермолово и Тимкино в с. Колымское (колхоз «Турваургин»). После чего посетили населенные пункты Туустах-Сен («Оленевод») и Андрюшкино («Сутаня-Удеран»), откуда направились на собаках и оленях к летней промежуточной базе колхоза «Турваургин» — Становой. Далее через Колымское исследователи вернулись в Нижние Кресты. Из этого поселка были совершены выезды в Петушки. Походск («12 лет Октября») и Нижнеколымск («Новая жизнь»). В Среднеколымском районе, куда участники экспедиции добрались по Колыме, был совершен следующий маршрут: г. Среднеколымск — Байдунский наслег (с. Хатынгнах) — ІІ Мятюжский наслег (п. Сватай) — II Кангаласский наслег (с. Эбях, Енжа) — I Кангаласский наслег (с. Алеко-Кюель) — Алазейский наслег (с. Аргахтах-Орлово) — І Мятюжский наслег (н.п. Бытылах, Сылгы-Кульдино, Забордево, Лобуя) г. Среднеколымск. Завершающие изыскания проведены в селах Родчево и Верхнеколымск Верхнеколымского наслега, входившего тогда в состав Среднеколымского района¹¹⁸.

В ходе исследований И.С. Гурвич зафиксировал в Нижнеколымском районе 314 чукчей (колхозы «Турваургин», «Сутаня-Удеран», «Оленевод», «12 лет Октября» и Нижнеколымский оленсовхоз), 29 юкагиров («Турваургин», «Оленевод»), более 370 эвенов («Сутаня-Удеран», «Оленевод», «Турваургин»), 450 (примерное количество) русских старожилов и ассимилировавшихся с ними представителей других этносов (чуванцы, юкагиры, татары), которые считали себя русскими («Новая жизнь», «12 лет Октября»). Кроме того, в колхозах «Сутаня-Удеран» и «Оленевод» было отмечено проживание 135 якутов. Среднеколымский район, по наблюдениям ученого, оказался более однородным в этническом плане — здесь проживало около 270 эвенов, а основной костяк населения составляли якуты 119 . Любопытно, что в рамках проводившейся в 1959 г. переписи населения, например, в Среднеколымском районе зафиксировано 197 эвенов, а в Нижнеколымском — 370^{120} . Таким образом, в последнем случае выявленные показатели совпали полностью.

Одновременно с установлением национальной принадлежности И.С. Гурвич определял язык, который употреблялся местным населением в быту, а также являлся основным в делопроизводстве, школьной практике и общественной жизни исследуемых районов.

В колхозах «Турваургин», «Оленевод» и «Сутаня-Удеран» было опрошено 600 чел. Опрос включал сведения о количестве языков, которым владеет респондент, а также о том, какой из этих языков он считает родным. Исследования показали, что для коренных этносов Нижнеколымского района характерно многоязычие — большинство чукчей, эвенов и юкагиров владело или хотя бы могло объясниться на трех-четырех языках (русский, чукотский, эвенский, юкагирский или якутский). При этом значительная часть полиглотов родными языками назвала юкагирский и эвенский. Данный факт И.С. Гурвич связал с малочисленностью и большой подвижностью юкагиров и эвенов, делавших многоязычие, необходимое для налаживания коммуникации с соседями, обязательным элементом повседневной практики.

Любопытными представляются полученные участниками экспедиции сведения о том, что многоязычие на территории Нижнеколымского района получило широкое распространение сравнительно недавно — лишь в конце XIX в. в результате активизации совместной хозяйственной деятельности и появления родственных связей. Например, 96-летний информант И.С. Гурвича юкагир Т.Т. Трифонов сообщал, что еще в годы его молодости юкагиры «держались вместе и говорили только поодульски» и лишь немногие из старейшин «умели объясняться на языке соседей», а 71-летний чукча Г.А. Слепцов рассказывал, что эвенским языком он овладел «благодаря своей жене-эвенке и общению с ее родственниками, якутский язык изучил общаясь с якутами, так как вывозил груз на оленях из Среднеколымска, а по-русски стал понимать, поскольку приходилось общаться с колымчанами, приезжавшими в их стойбище по торговым делам». «Международным» языком в Нижнеколымском

районе являлся русский. На нем проводились собрания, велись делопроизводство и преподавание. На втором месте по популярности был чукотский язык, затем шел якутский. Якутский язык являлся ведущим в Среднеколымском, а также в юго-западной части Нижнеколымского районов, где население употребляло его и в быту, и в общественной жизни¹²¹.

Достаточно интересны наблюдения И.С. Гурвича за языком русских старожилов Нижнеколымского района. Ученый отметил значительное своеобразие их говора («сюсюканье, сладкоязычие — пристрастие к уменьшительным, ласкательным и уничижительным формам»), а также обилие в словарном фонде древнерусских слов и заимствований из языков соседних народов¹²².

Помимо самобытности речи русских старожилов И.С. Гурвич в 1951 г. выявил сохранность старинных хороводных песен, напевов, повествующих о различных исторических событиях XVIII—XIX вв., рассказов о противостоянии в прошлом с чукчами, а также былин, которые не рассказывались, а пелись. Сами русские старожилы при этом резко отделяли себя от приезжих русских, называя тех русаками¹²³.

На основе полученных во время экспедиции данных И.С. Гурвич определил ареал расселения и составил краткое описание истории хозяйственной деятельности эвенов, чукчей, юкагиров и якутов Нижне- и Среднеколымского районов в конце XIX — 20-е гг. XX в. После коллективизации, по мнению ученого, ускорились ассимиляционные процессы, которым значительно способствовало широкое распространение межнациональных браков. В результате И.С. Гурвич отметил значительное смешение коренных народов исследуемого ареала, их культуры и обычаев. Так, было установлено, что юкагиры переняли эвенский тип жилища, покрой одежды и обуви, образ жизни, в то же время сохранив свой язык и даже распространив его среди эвенов. Среди якутов получила распространение заимствованная у русских хозяйственная утварь, русская и чукотская одежда. Восприняли мужскую одежду чукчей и эвены. У самих чукчей, наряду с сохранностью своей национальной одежды, а также традиционного жилища — яранги с пологом, наблюдалось отмирание ряда обычаев (добровольная смерть, отработка за жену, обмен женами и т.д.). Одновременно в ходе исследований И.С. Гурвич выявил представителей некоторых из бывших юкагирских и эвенских родов, установил примерные территории их жизнедеятельности и входившие в них семьи 124.

Отдельным направлением изысканий являлся анализ современной хозяйственной деятельности в Нижне- и Среднеколымском районах. И.С. Гурвич охарактеризовал методику организации работы и хозяйственного цикла оленеводческих бригад, технику охоты и рыболовства, заготовляемую в местных колхозах продукцию. Кроме того, ученый определил «узкие» места, мешающие экономическому развитию названных колхозов — плохая транспортная доступность, недостаточное снабжение продовольственными и промышленными товарами, нехватка топлива для жилых и производственных помещений 125.

Наряду с проведением рассмотренных выше работ, участники экспедиции собрали коллекцию экспонатов, включавшую 78 предметов. Среди них были образцы национальной одежды чукчей, женской одежды эвенов, модели собачьих и оленьих нарт. У русских старожилов И.С. Гурвич приобрел копье и копьеметалку на линных гусей и уток, набородник, куклу для вызывания ветра, набор детских игрушек. Из древнего якутского погребения были взяты лук, налучье, стрелы из мамонтовой кости, колчан и фрагменты вышивок 126.

В следующем году экспедиционные исследования проводились в Момском, Абыйском и Аллаиховском районах ЯАССР с 21 июня по 1 октября. В состав экспедиции в бассейн Индигирки вновь входили И.С. Гурвич и лаборант-переводчик.

Программа работы экспедиции в целом повторяла цели и задачи исследований 1951 г. В частности, предполагалось с помощью посемейного опроса установить языковую и национальную принадлежность респондентов, изучить материалы местных архивов (в первую очередь связанных с работой землеустроительных экспедиций), наслежные и колхозные похозяйственные списки, а также провести наблюдение за современной хозяйственно-бытовой практикой коренного населения¹²⁷.

Исследования начались в административном центре Момского района п. Хонуу, откуда участники экспедиции отправились на пароходе в п. Дружина Абыйского района. Далее работы проходили по маршруту: п. Дружина — н.п. Крест-Майор (на пароходе) — Кебергене (на ветках) — Улахан Сыганах (на лошадях) — Титерик (на ветках) — Суордах — Сыганах — Суордах — Догдугур — Абый — Дружина (на лошадях) — Ожогино (на моторной лодке) — Чокурдах (на катере). Основные изыскания в Аллаиховском районе проводились в низовьях Индигирки как самой населенной его части. В связи с этим из

Чокурдаха на моторной лодке исследователи отправились к местности Усть-Узка, после чего проделали следующий путь: м. Усть-Узка — Якутское жилье — Приморское — Стариково — с. Полярное (Русское Устье) — м. Островок — Кирсино (на ветках) — н.п. Ойотунг — Чокурдах — Котенко — Крестях — Чокурдах (на моторной лодке и катерах). В результате общая протяженность совершенных во время экспедиции маршрутов превысила 3 тыс. км¹²⁸.

И.С. Гурвич составил карты-схемы расселения и определил примерную численность представителей аборигенных этнических сообществ исследуемых районов - якутов, русских старожилов, эвенов и юкагиров. При этом юкагирское и эвенское население Аллаиховского района, имевшее одинаковые модели хозяйства и общий язык (эвенский), ученый счел целесообразным рассматривать как единую этническую группу. Вот, что отмечал по этому поводу сам И.С. Гурвич: «Различия между юкагирами и эвенами сводятся к деталям... В настоящее время молодежь вне зависимости от того, принадлежали ли их родители к юкагирскому или к эвенским наслегам, обычно причисляют себя к эвенам... Большинство населения не различают эвенов и юкагиров, так как нет критерия для отнесения тех или иных семей к юкагирам или эвенам. Затрудняется это и тем, что у населения не выработалось четкого национального самосознания... [Данный] процесс знаменует собой лишь то обстоятельство, что в настоящее время индигирские юкагиры окончательно слились с эвенами - образовалась фактически более крупная группа эвенов»¹²⁹.

Большое значение в ходе экспедиции придавалось анализу лингвистической ситуации. И.С. Гурвич определял язык, превалировавший в сферах администрирования, образования и быта местного населения. За редким исключением (Русско-Устьинский наслег и Чокурдах, где преобладал русский язык) таким языком оказался якутский. Им, в частности, владело все эвенское население рассмотренного ареала. При этом многоязычие, отмеченное И.С. Гурвичем в Нижнеколымском районе, в соседнем Аллаиховском районе ко времени экспедиции зафиксировано только у представителей старшего поколения. Ранее же массовое знание трех и более языков (русский, эвенский, якутский, чукотский) было, по свидетельствам старожилов, достаточно широко распространено¹³⁰. Кроме того, по наблюдениям И.С. Гурвича, в низовьях Индигирки в результате развития

транспортной системы, школьной сети и завоза современной литературы происходил процесс утраты аллаиховскими якутами локальных особенностей речи и восприятия якутского литературного языка 131 .

В ходе экспедиции также были собраны существующие у местных жителей предания о заселении территорий Момского, Абыйского и Аллаиховского районов, материалы по истории хозяйственной деятельности, быту, различным элементам традиционной культуры (одежда, обычаи, жилища) аборигенных этносов. И.С. Гурвич выявил ряд интересных особенностей в жизни якутского населения исследуемых районов. Среди них, в частности, отмечено строительство абыйскими якутами своих юрт отдельно от хотонов; существенное воздействие, оказанное на данную этническую группу русскими старожилами, нашедшее отражение в том числе в словарном фонде, повседневном быте, а также антропологическом облике. В свою очередь, традиционное хозяйство момских якутов испытывало серьезное влияние со стороны эвенского населения. Аналогичные специфические черты исследователь установил для различных групп эвенов и русских старожилов.

Изучению последнего из названных этнических сообществ И.С. Гурвич уделил значительное внимание, работая в Аллаиховском районе. Ученый отметил интересные особенности говора русских старожилов (например, в отличие от своих колымских сородичей, заменявших звук «ц» звуком «с», индигирские, наоборот, в целом ряде слов заменяли звук «с» на «ц» — «Ценя» (Сеня), «циний» (синий) и др.), наличие их в речи множества архаизмов и заимствований из юкагирского и якутского языков, специфику построения предложений (игнорирование родительного падежа — «ружье нету» (нет ружья) и т.п.). Кроме того, рассмотрены сохранившиеся у русских старожилов поверья, былины, легенды и народные песни. Причем содержание некоторых из них, как установил И.С. Гурвич, было неясно даже для самих рассказчиков, не понимавших значения многих слов¹³².

Как и годом ранее, важное место в исследованиях 1952 г. занимал анализ современного состояния хозяйства, быта и благосостояния местного населения. И.С. Гурвич назвал важнейшие отрасли деятельности и подготовил характеристику развития животноводства, пушного промысла, рыболовства и оленеводства (показатели поголовья и добычи, получаемый денежный доход, условия деятельности, техническая оснащенность) в колхо-

зах Момского, Абыйского и Аллаиховского районов. Ученый выяснил важнейшие проблемы в их работе и жизни местного населения. Эти проблемы были в общем схожи с установленными в 1951 г. в колымских районах, однако позволили И.С. Гурвичу сделать ряд обобщений. В частности, была отмечена не совсем справедливая дифференциация налоговой нагрузки и льгот на хозяйства региона. В качестве примера исследователь привел ситуацию, при которой достаточно бедные хозяйства русских старожилов низовий Колымы платили значительные налоги и осуществляли обязательные поставки, тогда как их сравнительно более обеспеченные сородичи с Индигирки были освобождены и от того и от другого. Аналогичная ситуация сложилась и в Момском районе, где одни колхозы налоги платили, а другие — нет, хотя фактически находились в равных условиях¹³³.

Рассматривая изменения, произошедшие в быту местного населения, И.С. Гурвич отметил облагораживание интерьера домов и появление в них обоев, настенных часов, занавесок, книжных этажерок, зеркал, а также швейных машинок, музыкальных инструментов, разнообразной посуды, что стало сближать сельское жилье с городскими квартирами. По наблюдениям ученого, значительно улучшилось и питание аборигенных этносов. Теперь в их обиход на постоянной основе вошли мучные изделия, крупа, сушеные овощи, сахар, чай и консервы. Вместе с тем основой рациона, по-прежнему, оставались традиционные продукты. Для абыйских якутов это были суорат, молоко, сливки и хлеб. Летом их дополняла водоплавающая дичь, зимой — мясо домашних и диких оленей. Значительным подспорьем служила рыба. Повседневное меню жителей низовьев Индигирки было, как установил И.С. Гурвич, однообразным и основывалось в первую очередь на рыбных продуктах. Однако различные способы их приготовления (мороженой (строганина), вяленой (юкола), толченой (барча), вареной и жареной и др.) повышали вариативность кухни. Разнообразия прибавила и выпечка в специальных формах хлеба, а не только лепешек, как ранее. Кроме того, обратили на себя внимание участников экспедиции изменения в одежде местного населения, также сближавшие город и деревню. Мужчины «испытывали пристрастие к полувоенному костюму — гимнастерки, галифе. Женщины носили платья, юбки, блузки и жакеты. Вместе с тем пожилые женщины продолжали использовать длинные платья типа сарафана.

Зимой же одевались «шапки местного покроя и местная обувь..., телогрейки и всевозможные шубы» 134 .

Переменилась, по наблюдениям И.С. Гурвича, и семейная жизнь коренного населения, где окончательно утвердилась малая семья. Так, средняя численность «основной ячейки общества» у якутов Абыйского района составила 4,2 чел., у эвенов Аллаиховского района — 3,5 чел., у русских старожилов — 4,3 чел. 135

Помимо рассмотренных выше изысканий, И.С. Гурвич в низовьях Индигирки осуществил археологические раскопки поздненеолитической стоянки человека на Татьянином озере, которую обнаружил в 1951 г. директор Чокурдахской школы И.Т. Тирских, и разведку в местах старинных поселений, где находились так называемые чандалы — деревянные жилища-полуземлянки, известные по работам путешественников и исследователей XVIII — начала XX вв. (см. Прил. 3)¹³⁶. Во время экспедиции было сделано также около 700 фотоснимков, выполнены чертежи жилых и козяйственных построек, зарисовки традиционной этнической одежды, обуви и орнамента¹³⁷.

В продолжение рассмотренных работ в 1953 г. ИЯЛИ ЯФ АН СССР была организована экспедиция в Верхоянский, Саккырырский, Усть-Янский, Булунский и Жиганский районы Якутии. Изыскания вновь возглавлял И.С. Гурвич. На разных этапах экспедиции в ней принимали также участие коллектор А.Н. Окороков и лаборанты-переводчики А.Н. Божедонов, Е.Д. Колесов, С.Н. Горохов, Н. Ефимов¹³⁸.

Исследования начались 10 ноября 1953 г. в Верхоянске, откуда участники экспедиции отправились в Кангаласский (административный центр — с. Токума, колхоз «Красный путь»), а затем Борулахский (с. Томтор, «Юню»), Табалахский (с. Табалах, «Новый путь»), Адычинский (с. Бетенкес, «Колхоз им. С.М. Кирова»), Янский (с. Столбы, «Колхоз им. В.М. Молотова»), Дулгалахский (с. Томтор, «Коммунизм») и Городской (с. Бабушкино, «Колхоз им. И.В. Бабушкина») наслеги Верхоянского района. В декабре изыскания велись по маршруту: Верхоянск — Батагай-Алыта (административный центр Саккырырского района) — Оленферма (Тюгясирский наслег Саккырырского района, «Колхоз им. В.И. Ленина») — Батагай-Алыта — Джаргалах (Верхне-Бытантайский наслег Саккырырского района, «Победа»). В январе — мае 1954 г. исследователи продолжили работу в Силянняхском, Туматском, Батагайском, Усть-Янском и Омолойском наслегах Усть-Янского района, Хараулахском, Кюп-Эжанском, Туматском,

Сиктяхском, Тит-Арынском и Усть-Оленекском наслегах Булунского района, а также в Линдинском наслеге Жиганского района¹³⁹.

В ходе изысканий участники экспедиции определили этнический состав, проанализировали социолингвистическую ситуацию и выявили особенности расселения аборигенных этносов.

Большинство коренных жителей Верхоянского района составляли якуты. Их поселения, в отличие от колымских и абыйских сородичей, «разбросанных по озерам», располагались преимущественно по берегам Яны и ее притоков — Адыче, Бытантаю, Дулгалаху, Сартангу и ранее назывались тогоями (*«тогой»* — излучина реки (якут.)). Участники экспедиции составили карты ряда тогоев и расселения верхоянских якутов в начале XX в. 21 из 1190 хозяйств Верхоянского района были отнесены исследователями к эвенским. Как установил И.С. Гурвич, эвены переселились в Верхоянье около 30—40 лет назад из Момского и Томпонского районов после резкого сокращения там численности диких оленей. При этом они не составляли компактных групп, и хотя «в быту употребляли эвенский язык», однако все владели также и якутским¹⁴⁰.

Население Саккырырского района состояло из 2 основных этнических групп — эвенов (190 хозяйств из 356) и якутов. Эвены района, в свою очередь, делились на ламунхинских, проживавших в Ламунхинском наслеге (сам наслег обследован не был в связи с тем, что в 1953 г. в нем работала лингвистическая экспедиция К.А. Новиковой, которая предоставила исследователям необходимые сведения - об этой инициативе будет написано далее), и тюгясирских (Тюгясирский, Верхне- и Нижнебытантайский наслеги). Как установил И.С. Гурвич, представители двух эвенских групп «с трудом понимали» друг друга, так как если ламунхинцы «достаточно полно сохранили свой язык», то тюгясирцы «сохранили только эвенский строй языка», а большинство слов были заменены якутскими. Молодежь тюгясирских эвенов, по наблюдениям ученого, уже совсем не говорила на эвенском языке (а «только понимала»). Эти различия, прежде всего, были обусловлены тесными контактами тюгясирских эвенов и якутов; как показала работа исследователей с посемейными списками, большая часть тюгясирцев находилась с последними в кровном родстве¹⁴¹.

Усть-Янский район оказался, как отметил И.С. Гурвич, одним из самых сложных в отношении этнического состава. На его территории были выявлены якуты и объякутившиеся по-

томки русских старожилов, эвены и слившиеся с ними потомки юкагиров. При этом отдельные группы якутского населения — «усть-янская, омолойская, селеняхская и уяндинская» — различались типами хозяйства, особенностями материальной и духовной культуры 142 .

Исследования в Булунском районе позволили И.С. Гурвичу провести четкую грань между эвенским и эвенкийским населением, не только фактически отсутствовавшую тогда в официальных документах, но и неочевидную для самих аборигенных этносов. К эвенам ученый отнес население Хараулахского наслега («тюгясирцы северного рода»). Эвенками, по его мнению, являлись потомки тунгусских родов кюнцев и эжанцев, ко времени экспедиции, впрочем, владевшие только якутским языком и практически «ничем не отличавшиеся от булунских якутов» 143. Особенные, «эвенкийские», черты культуры исследователь обнаружил лишь в области верований и охотничьих обычаев, хотя и в них, как отметил И.С. Гурвич, все «элементы оказались перемешанными с якутскими представлениями» 144.

Схожая ситуация была зафиксирована и в Жиганском районе. Здесь «группы эвенков оленеводов-охотников еще в XIX в. сблизились с якутами — выходцами из центральных и вилюйских районов, восприняли якутский язык и утратили многие черты эвенкийской культуры»¹⁴⁵. В результате, по полученным участниками экспедиции данным, для подавляющего большинства населения района родным языком являлся якутский, а жиганские эвены «ничем не отличались по культуре от якутов»¹⁴⁶.

Важное место в исследованиях 1953—1954 гг. занимал сбор у информантов сведений о хозяйственной деятельности, образе жизни их предков, сохранившихся легенд о переселении и заселении исследуемых районов якутами, преданий о происхождении и истории местных родов, первых контактах с русскими, а также существовавших брачных традиций, примет, обычаев, поговорок и анимистических представлений. Кроме того, И.С. Гурвич изучал местную специфику покроя национальной одежды, конструкции традиционных жилищ, орудий труда и транспортных средств аборигенного населения. В районных архивах ученый занимался анализом документов, связанных с поселкованием и районированием исследуемых территорий в советский период¹⁴⁷.

Существенный интерес представляет проделанная И.С. Гурвичем работа по определению региональных особенностей культуры якутов. Так, например, по его наблюдениям, традицион-

ные жилища, одежда, пища и средства передвижения верхоянских якутов были значительно ближе к культуре якутов центральных районов ЯАССР, чем колымских или индигирских. Об этом же свидетельствовали и результаты проведенного анкетирования, а также анализа исполнения ряда фольклорных произведений, которые показали, что говор якутов Верхоянья был близок к говору жителей Усть-Алданского и Намского районов¹⁴⁸.

Как и в ходе предыдущих экспедиций, значительное внимание специалистов было приковано к изучению современного состояния хозяйства, транспорта и изменений, произошедших в быту местного населения. В частности, исследователи установили численность крупного рогатого скота, лошадей и оленей в хозяйствах районов, а также заготовляемой за год рыбы и пушнины (белка, ондатра, горностай, заяц, лисица, песец); определили основные и вспомогательные направления деятельности местных колхозов; составили перечень имевшегося у них инвентаря. В повседневной жизни аборигенных этносов, наряду с новшествами, названными в ходе предыдущих экспедиций (одежда, конструкция и интерьер домов, пища), отмечено появление больниц и врачебных пунктов, механического транспорта, электростанций, радиоузлов и киноустановок. Анализируя современное положение Усть-Янского района, исследователи не обошли вниманием и основные проблемные точки в жизни местного населения, а именно: нехватка моторного флота, недостаток стройматериалов и необходимость в этой связи завоза специальных сборно-разборных домов¹⁴⁹.

Наряду с рассмотренными выше работами участники экспедиции занимались сбором этнографической коллекции. В частности, в Саккырырском районе ими приобретены эвенская женская шуба, летние торбаза, собраны выкройки эвенской одежды, обуви и шапок 150 .

Показательно, что по итогам экспедиций в ИЯЛИ ЯФ АН СССР проводились специальные открытые заседания Ученого совета. На них, наряду с членами совета и сотрудниками Института, присутствовали представители органов власти, научно-исследовательских учреждений и общественность республики. Например, в работе заседания Ученого совета ИЯЛИ ЯФ АН СССР 8 января 1952 г., посвященного анализу результатов экспедиционных исследований в бассейне Колымы, принимали участие начальник Управления по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров ЯАССР Г.У. Ефретерам по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров ЯАССР Г.У. Ефретерам по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров ЯАССР Г.У. Ефретерам по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров ЯАССР Г.У. Ефретерам по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров ЯАССР Г.У. Ефретерам по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров ЯАССР Г.У. Ефретерам по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров ЯАССР Г.У. Ефретерам по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров ЯАССР Г.У. Ефретерам по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров ЯАССР Г.У.

мов, заместитель начальника северного управления Министерства земледелия ЯАССР Шипицин, областной школьный инспектор И.И. Винокуров, заведующий отделом Якутской государственной научной библиотеки Н.М. Алексеев, заведующий фундаментальной библиотекой ЯФ АН СССР Г.Т. Ильин, научный сотрудник Республиканского краеведческого музея И.В. Заборовская и др. 151 Такое внимание к полученным в ходе рассмотренных экспедиций материалам служит, как представляется, еще одним показателем важности проведенных изысканий, существовавшего отношения к месту и роли научных исследований в развитии республики и в конечном итоге общественного уважения к труду ученого в рассматриваемый период.

Проведенные в течение 1951—1954 гг. вкупе с предыдущими изысканиями на Анабаре и Оленеке исследования позволили И.С. Гурвичу на заседании ИЭ АН СССР, которое состоялось в Москве 26 апреля 1955 г. и было посвящено подведению итогов экспедиционных работ предыдущего года, сделать вывод о «завершении сплошного этнографического обследования всех северных районов Якутии»¹⁵².

Последовавшие затем исследования ученого среди юкагиров Верхнеколымского района ЯАССР 1956 г., о которых шла речь в предыдущем разделе, стали одними из первых изысканий фундаментальной Северной экспедиции ИЭ АН СССР, продолжавшейся до 90-х гг. ХХ в. В рамках данной экспедиции в 1959 г. в арктических районах Якутии под руководством И.С. Гурвича формально проводил исследования Северо-Восточный отряд. В действительности изыскания сотрудников ИЭ АН СССР являлись неотъемлемой частью Юкагирской комплексной экспедиции (ЮКЭ).

С инициативой проведения комплексных исследований в местах компактного проживания юкагиров после выхода в свет в 1957 г. постановления «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» выступило руководство ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. Инициатива получила поддержку со стороны Якутского филиала, профинансировавшего исследования (на полевые работы было выделено 100 тыс. руб. при стоимости а/м «Москвич 407» в 16 тыс. руб.)¹⁵³, и ведущих профильных учреждений страны — наряду с ИЭ АН СССР также и Института языкознания АН СССР. Руководство этих двух институтов согласилось выделить для участия в работах своих научных сотрудников¹⁵⁴.

Состав экспедиции в результате сочетал в себе как уже признанных специалистов, так и молодых, только вступивших на научный путь сотрудников. Ее руководителем, а также начальником археологического отряда был назначен к.и.н., директор ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР З.В. Гоголев. Научным руководителем и начальником этнографического отряда экспедиции являлся с.н.с. ИЭ АН СССР И.С. Гурвич. Лингвистический отряд возглавлял к.ф.н., с.н.с. Ленинградского отделения Института языкознания (ЛО ИЯ) АН СССР Е.А. Крейнович. Вместе с ними в работе экспедиции приняли участие И.М. Золотарева (ИЭ АН СССР), К.И. Горохов, М.Я. Жорницкая, А.Н. Лаптев и С.А. Федосеева (ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР)155. Кроме того, И.С. Гурвич в индивидуальных отчетах среди участников ЮКЭ называет также специалиста по эвенскому языку В.Д. Лебедева, проводившего изыскания в Аллаиховском районе¹⁵⁶. Однако в сводном итоговом отчете экспедиции ни этот исследователь, ни его работы не упоминаются. В связи с этим они будут рассмотрены отдельно в следующем разделе.

Согласно разработанной программе изысканий главными задачами ЮКЭ являлись: реконструкция истории хозяйственной деятельности, культуры и быта юкагиров; изучение языка и физической антропологии данного народа для выяснения его этногенеза; анализ происходящих этнических процессов; исследование современного хозяйства и культуры юкагиров с целью разработки общих мер по улучшению положения населения северных районов Якутии¹⁵⁷. При этом ученые не замыкались на изучении юкагиров и охватили изысканиями также проживающих бок о бок с ними русских старожилов, чукчей, эвенов и якутов.

Как и сейчас, в конце 50-х гг. XX в. основная часть юкагиров была сконцентрирована всего в нескольких районах Якутии и Магаданской области. Программа работ экспедиции предусматривала проведение исследований в большинстве из них: Нижнеколымском, Аллаиховском и Верхнеколымском районах Якутии, а также в Среднеканском районе Магаданской области (здесь изыскания ограничивались только работами И.С. Гурвича). В связи с тем, что основной акцент В.И. Иохельсон сделал на изучении так называемых лесных юкагиров — жителей верховьев Колымы, а их тундренным сородичам, живущим севернее, он уделил меньше внимания, значительная часть работ в рамках ЮКЭ была проведена в Нижнеколымском и Аллаиховском районах.

Перемещения из отправного пункта экспедиции — Якутска — к месту исследований, а также между названными районами участники экспедиции осуществляли на самолетах. Внутри же районов они использовали местный транспорт: собак, оленей, лошадей, моторные лодки, катера и ветки¹⁵⁸. При этом отряды работали в основном независимо друг от друга.

Этнографический отряд экспедиции, в состав которого, помимо И.С. Гурвича, входили К.И. Горохов, М.Я. Жорницкая и И.М. Золотарева, начал свою работу в апреле 1959 г. в Нижнеколымском районе. Здесь исследователи посетили все колхозы и основные населенные пункты, совершили поездки по бригадам оленеводов, охотников и рыбаков. Так, были проведены изыскания в п. Нижние Кресты, селах Колымское (колхоз «Турваургин»), Туустах-Сен и Андрюшкино (колхоз им. И.В. Сталина), Походск и Нижнеколымск (колхоз им. В.И. Ленина), рыбалках Островоко и Лобазно. Во второй половине июня-июле ученые работали в селах Полярное (Русское Устье, колхоз «Победа»), Котенко (колхоз им. И.В. Сталина) и Ойотунг (колхоз им. В.И. Ленина), оленеводческих стадах, рыбалках и заимках Белькочах, Семирная, Сарапулька, Перчик, Осениново, Средняя Аллаиховского района. Исследования в Верхнеколымском районе проводились в с. Нелемное (колхоз «Юкагир») во второй половине июля — первой декаде августа. Завершились полевые работы в конце августа в с. Балыгычан (колхоз им. III пятилетки) Среднеканского района Магаданской области 159.

Прежде всего ученые стремились с помощью информантов составить представления о традиционных занятиях древних юкагиров и различиях между юкагирскими и эвенскими эле-

ментами культуры, которые на момент проведения экспедиции были уже мало заметными. Опросы показали, что хозяйство предков тундренных юкагиров основывалось на упряжном санном оленеводстве, а их важнейшим промыслом вплоть до 30-х гг. ХХ в. была охота на диких оленей. Добывали этих животных путем «поколок», для чего около больших озер сооружались из земли преграды в виде невысоких пирамид. Осенью, когда наступали темные ночи, охотники гнали стадо диких оленей к озеру, где животные принимали сооруженные преграды за людей и бросались в воду. Навстречу оленям выплывали охотники на челноках и кололи их копьями. Помимо этого, юкагиры загоняли диких оленей в озера с помощью специально обученных собак. Подсобными же отраслями хозяйства являлись рыболовство и охота на линных гусей¹⁶³.

Участники отряда выявили достаточно информативные особенности устройства жилищ, охотничьих и погребальных обрядов, а также одежды юкагиров. Основываясь на данных опросов, ученые установили, что, несмотря на идентичность осмотренных ими современных чумов юкагиров и эвенов, остовом в жилищах служили три жерди; ранее при строительстве своих чумов юкагиры применяли 4-жердевую конструкцию. Об этом же свидетельствовала и рассмотренная ритуальная практика — в отличие от эвенов, устанавливающих по традиции на могиле три жерди от чума, юкагиры оставляли четыре жерди¹⁶⁴.

Проанализировав юкагирский, чукотский и эвенский погребальный обряды, исследователи отметили, что если эвены складывали останки диких оленей на специальные помосты, то юкагиры сжигали их или топили в воде. Обратила на себя внимание и такая характерная черта юкагирского погребального обряда, как ритуальное сожжение костей и шкуры оленя, который вез тело умершего к месту захоронения. Данные факты, напоминавшие практику трупосожжения, которая существовала у ряда коренных народов Арктики, а также сходство способов охоты и элементов традиционной одежды юкагиров и нганасан позволили И.С. Гурвичу сделать вывод о существовавших ранее тесных контактах между юкагирскими и нганасанскими родами и наличии в тундровых и лесотундровых районах севера России охотничье-оленеводческих племен. По мнению ученого, современные различия между юкагирами и нганасанами сложились позднее - под влиянием эвенов, ненцев и тунгусов¹⁶⁵.

Работа с местным населением, а также результаты изучения похозяйственных списков свидетельствовали о «далеко зашедшем» процессе смешения юкагиров с эвенами и чукчами, особенно усилившемся в конце 40-x-50-e гг. XX в. Данный процесс привел к метисации практически всех юкагиров, большинство которых ко времени экспедиции распределилось по смешанным семьям. Однако, характеризуя лингвистическую ситуацию, ученые отметили, что основным языком коммуникации в этих семьях выступал именно юкагирский, что подтверждало зафиксированное во время экспедиции И.С. Гурвича 1951 г. положение дел¹⁶⁶.

Проблематика лингвистической ситуации в районах работы экспедиции получила и другое освещение. Так, в колхозе «Турваургин» (с. Колымское Нижнеколымского района) ученые попытались выяснить, какими языками владеют его члены. Итоги проведенного с этой целью опроса, охватившего 306 чел., также находились в хорошем соответствии с результатами изысканий 1951 г. и свидетельствовали о широком распространении явлений дву- и многоязычия — более четверти респондентов владели 3, 4 или 5 (русский, чукотский, эвенкийский, юкагирский или якутский) языками.

Вместе с тем участники экспедиции, проведя исследования в поселениях русских старожилов, отметили их быстрое сближение с пришлым русскоязычным населением, в результате которого, а также под воздействием развития СМИ, произошло стремительное («всего за несколько лет» с момента исследований И.С. Гурвича в 1951—1952 гг.) разрушение описанных В.Г. Богоразом нижнеколымского и походского говоров¹⁶⁷.

Любопытными представляются наблюдения ученых о влиянии коллективизации на этнические процессы. В Нижнеколымском районе она привела, по их мнению, к интенсивному обмену культурными ценностями — восприятию чукотских приемов выпаса оленей юкагирами и эвенами, чукотской мужской одежды русскими, эвенами, юкагирами и якутами, эвенской женской — чукчами и т.п. («Можно видеть эвена в чукотской кухлянке, якутских торбазах, эвенской шапке, в темных синих очках, едущего на нарте русского типа, запряженной собаками, при современных часах, бинокле и даже с китайским термосом в багаже»)¹⁶⁸. В Верхнеколымском районе исследователи установили, что последствиями коллективизации стали значительная утрата лесными юкагирами этнической самобытности, навыков

традиционных занятий охотой и рыболовством, а также обезлюдение берегов рек Рассоха и Коркодон. Причинами этих явлений ученые назвали форсированное переселение промыслового населения в крупные поселки и переход к новым отраслям хозяйствования (животноводство, огородничество), менее рентабельным в условиях Севера, чем традиционные промыслы¹⁶⁹.

Характеризуя состояние современного хозяйства юкагиров, участники экспедиции выявили такие изменения, как укрупнение стада оленей, строительство ряда инфраструктурных объектов (коррали, страховые ледники), развитие инструментария рыболовов, в распоряжении которых появились моторные лодки, капроновые сети и неводы, а кроме того, отметили появление новых подсобных отраслей - звероводства и молочного животноводства. Повседневный быт юкагиров, по наблюдениям исследователей, также претерпел изменения. Так, «в стаде бригадира Явловского около яранги антенна, радиоприемник, кровати-раскладушки, зеркало, умывальник, эмалированная посуда. Сам Явловский ездил в Москву и приобрел не бусы, а детали к приемнику, чайную посуду, кое-что из одежды и т.д. Другой колхозник, ездивший в Москву, приобрел набор раскладной мебели...». Ученых приятно удивили наличие в одной из бригад сахара, масла, галет, вареного мяса, соли и лепешек, знакомство местного населения с правилами банковских операций 170.

Вместе с тем было установлено, что в целом техника оленеводства и ведения охоты осталась практически неизменной. «Бригады оленеводов, — отметил И.С. Гурвич, — постоянно кочуют, с ними передвигаются и члены их семей. Зимой перекочевки производятся один-два раза в месяц, весной — через 3–4 дня, летом — через день. Живут или в чумах, отапливаемых железной печкой, или в ярангах с пологами... спят они на шкурах, из материи у многих только подушки... Топят тальником, возят его за много километров, или возят с собою дрова. Освещаются чумы свечами. В этих жилищах температура резко колеблется... В охоте те же ловушки-пасти, которые объезжают на собаках»¹⁷¹.

Работы этнографического отряда в Аллаиховском, Нижне- и Верхнеколымском районах были посвящены изучению еще нескольких проблем. Так, в ходе бесед с местными жителями К.И. Горохов собрал сведения о родоплеменной принадлежности их предков, путях кочевий и расселении по старым административным единицам древних юкагирских родов¹⁷². М.Я. Жорницкая провела наблюдение за исполнением традиционных тан-

цев и играми русских старожилов, юкагиров, эвенов и чукчей. Ученая составила их описание, сделала фотографии различных жанровых сцен, а также зафиксировала воспоминания информантов о существовавших ранее этнических танцах¹⁷³.

Важное место в работе экспедиции заняли физико-антропологические исследования, осуществленные И.М. Золотаревой. Они состояли главным образом в сборе соматологического* и серологического материала в Аллаиховском, Нижне- и Верхнеколымском районах. В ходе изысканий было обследовано 159 юкагиров¹⁷⁴, при общей численности этого народа в Якутии, по данным переписи 1959 г., 285 чел. И.М. Золотарева выполнила антропометрические замеры и наблюдения за особенностями строения и пигментации тела, а также собрала пробы крови для последующего лабораторного анализа. По итогам работы ученая составила характеристику строения лицевого скелета и мягких частей лица, цвета глаз, волос и кожи, роста участников исследования, распространенности у них определенных групп крови 176.

Исследования И.М. Золотаревой, опиравшиеся на более современную методику и более сильную эмпирическую базу, чем проводившиеся ранее изыскания Д.Л. Иохельсон-Бродской (1901—1902) и Охотско-Колымского краеведческого музея (1939), позволили ученой прийти к выводу, что юкагиры стоят особняком среди антропологических типов северо-востока России и относятся к байкальскому типу¹⁷⁷. Данный вывод подтверждал концепцию происхождения юкагиров, которую разработал в начале 50-х гг. ХХ в. крупнейший советский антрополог, д.б.н. Г.Ф. Дебец на основе изучения небольшой краниологической серии, и в настоящий момент антропологическая принадлежность этноса к байкальскому типу в научном мире не вызывает сомнений.

Лингвистический отряд Юкагирской комплексной экспедиции был самым малочисленным и насчитывал всего двух участников: Е.А. Крейновича и А.Н. Лаптева¹⁷⁸. Начальник отряда Е.А. Крейнович был на тот момент не просто крупнейшим специалистом по юкагирскому языку, но и фактически единственным, кто занимался его углубленным изучением в Советском Союзе. Первые сведения об этом языке исследователь получил еще в 1934 г. от студентов Института народов Севера юкагиров

^{*} Соматология — исследование антропологических признаков человеческого тела; серология — изучение различных свойств и особенностей крови.

Н. Трифонова и М. Ягловского¹⁷⁹. Эту исследовательскую работу чуть было не оборвала трагедия: в 1937 г. Е.А. Крейнович был арестован как «участник троцкистско-зиновьевской шпионскотеррористической организации» и «японский шпион». Однако, даже находясь в заключении в лагере на территории современной Магаданской области, ученый, проводя расспросы осужденных, сумел продолжить свои лингвистические изыскания, включавшие и сбор материалов о юкагирском языке¹⁸⁰. По этому поводу в романе «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицын писал: «...если раньше народовольцы становились знаменитыми языковедами благодаря вольной ссылке, то Е.А. Крейнович сохранился им, несмотря на сталинский лагерь...»¹⁸¹. Именно языку юкагиров была посвящена кандидатская диссертация исследователя, успешно защищенная на Ученом совете Института языкознания АН СССР в 1948 г.¹⁸²

Более подробно с биографией Е.А. Крейновича, являющейся хорошим примером преодоления жизненных трудностей и реализации намеченных целей, можно ознакомиться при прочтении упомянутого специального раздела, размещенного в конце работы. Здесь же необходимо отметить, что незадолго до начала Юкагирской комплексной экспедиции Е.А. Крейнович опубликовал монографию «Юкагирский язык». Ее узким местом, по мнению самого автора, являлся недостаточный анализ морфологической структуры слов. В связи с этим в задачи лингвистического отряда входили восполнение названного пробела, а также сбор фольклорного материала и изучение диалектологических особенностей языка тундренных и лесных юкагиров.

Среди тундренных юкагиров Е.А. Крейнович проводил исследования с 3 мая по 27 июня в с. Колымское, среди лесных — с 1 июля по 19 августа в с. Нелемное. Всего подробно были опрошены 7 информантов. Для облегчения изысканий Е.А. Крейнович взял с собой в экспедицию копии рукописных словарей В.И. Иохельсона, которые хранились в Институте востоковедения АН СССР и включали около 4тыс. карточек. Однако эти карточки, по признанию ученого, принесли лишь дополнительные трудности, так как «записи юкагирских слов и их перевод на русский язык часто требовали серьезных уточнений», в итоге их проверка отняла очень много времени¹⁸³.

Результаты проделанной в ходе экспедиции работы и последующего скрупулезного анализа собранных данных, которые Е.А. Крейнович аккумулировал в монографии «Исследования и

материалы по юкагирскому языку», позволили ученому установить целый ряд ключевых характеристик и особенностей синтаксиса, морфологического строя и фонетики юкагирского языка. Впервые в истории науки, осуществив глубокий анализ грамматики двух диалектов тундренных и лесных юкагиров, Е.А. Крейнович отметил значительные лексические расхождения, а также различия в звуковом строении и внутренней структуре целого ряда слов. Кроме того, исследователь осветил проблему генетической принадлежности юкагирского языка. Его основу он отнес к уральской языковой семье. Впоследствии под влиянием времени и контактов с другими народами эта основа, по мнению Е.А. Крейновича, претерпела существенные изменения, что нашло отражение в том числе и в многочисленных заимствованиях¹⁸⁴.

Следует отметить, что до Е.А. Крейновича в нашей стране, если не считать отдельных работ М.М. Робека, Ф.Ф. Матюшкина и А.А. Шифнера, юкагирский язык исследовал только В.И. Иохельсон на рубеже XIX-XX вв. Именно он выявил наличие тундренного и лесного диалектов юкагирского языка и установил существенные расхождения между ними. В.И. Иохельсон сумел достаточно точно определить, что язык юкагиров является своего рода изолятом, не имеющим генетического сходства ни с одним из языков соседних народов. Вместе с тем исследователь отметил «морфологические черты, сближающие юкагирский язык с американскими (т.е. языками аборигенов Северной Америки. — A. C.)»¹⁸⁵. На материалах, полученных В.И. Иохельсоном, главным образом базировались исследования зарубежных специалистов по юкагирскому языку — Х. Паасонена, Б. Коллиндера, Э. Леви, К. Боуды, Ю. Ангере и др. 186 Е.А. Крейнович же фактически был вторым после В.И. Иохельсона исследователем, который сумел собрать значительный оригинальный полевой материал, касающийся юкагирского языка. Вплоть до последнего времени положение о близости юкагирского языка к уральской языковой семье, несмотря на значительное число особенностей (существует гипотеза, выделяющая уральско-юкагирскую языковую семью), являлось превалирующим в научном мире.

Лаборант лингвистического отряда ЮКЭ юкагир А.Н. Лаптев, в задачу которого, помимо помощи Е.А. Крейновичу, входил сбор фольклорного материала, начал исследования раньше всех — 16 февраля 1959 г. он прилетел в Нижнеколымск из Якутска, а на следующий день был уже в с. Колымское. Как

вспоминал исследователь, во время работы в низовьях Колымы ему «приходилось часто и много ездить», так как не было людей, «знающих по много сказок» 187. У одного человека он мог записать максимум 3—4 произведения. Кроме того, А.Н. Лаптев в течение полумесяца был задействован в качестве переводчика при работе этнографического отряда. В результате, по оценке исследователя, протяженность его маршрутов в Нижнеколымском районе составила около 2 тыс. км.

В июне А.Н. Лаптев, по заданию Е.А. Крейновича, посетил Юкагирский наслег Аллаиховского района. Перед лаборантом была поставлена задача «выяснить, имеются ли здесь юкагиры» и «если они обнаружатся... произвести сбор фольклора и представить сведения о языке». Однако на месте выяснилось, что «юкагиров там нет», несмотря на то что «большая группа людей» при определении своей национальной принадлежности использовала именно данный этноним. Язык же, на котором говорили эти люди, не имел «ничего общего с юкагирским» А.Н. Лаптев отнес этот язык к диалектам эвенского языка. Позднее справедливость такого мнения подтвердил Х.И. Дуткин, назвавший этот диалект «языком эвенов рода Дутки» 189.

В июле — августе А.Н. Лаптев работал вместе с Е.А. Крейновичем в Верхнеколымском районе. Любопытно, что если полувеком ранее спутник В.И. Иохельсона, носитель лесного диалекта юкагирского языка А. Долганов практически не мог понять родную речь тундренных юкагиров¹⁹⁰, то в 1959 г. владевший последней А.Н. Лаптев испытывал трудности при общении с жителями Нелемного¹⁹¹. В целом же, наряду с помощью Е.А. Крейновичу в сборе необходимого лингвистического материала, главный итог работы исследователя состоит в фиксации на бумажные носители уникальной коллекции из более чем 80 фольклорных текстов — сказок, рассказов, легенд, преданий, загадок тундренных и лесных юкагиров, которая была частично опубликована в 1980-е гг. и хранится сейчас в Рукописном фонде Архива ЯНЦ СО РАН¹⁹².

К исследованиям археологического отряда, наряду со штатными членами экспедиции З.В. Гоголевым и С.А. Федосеевой, были дополнительно привлечены топограф А.Г. Степанов и один рабочий (его имя, к сожалению, установить не удалось)¹⁹³. Перед специалистами стояли две основные задачи: проведение археологической разведки и раскопки ранее выявленных исторических памятников (могильники, поселения)¹⁹⁴.

Отряд приступил к исследованиям позже всех — с июня, когда началось оттаивание почвы. До этого момента С.А. Федосеева фактически работала как этнограф, собирая по заданию И.С. Гурвича сведения о традиционной хозяйственной деятельности, погребальном обряде, пище и обычаях местных жителей В течение экспедиции члены археологического отряда посетили Аллаиховский, Нижне- и Верхнеколымский районы. При этом специализированные археологические исследования ранее проводились только в последних двух — в 1946 г. на их территории работала упоминавшаяся Колымская экспедиция А.П. Окладникова, в Аллаиховском же районе подобные изыскания были организованы впервые.

В низовьях Колымы ученые выполнили рекогносцировочные исследования в окрестностях населенных пунктов Колымское, Андрюшкино, Походск и Нижние Кресты. В местности Старый город, где в XVII—XVIII вв. располагался Стадухинский острог, ими был составлен план этого исторического памятника, а в береговой осыпи найдены фрагменты вооружения и предметов быта. Кроме того, исследователи очистили оклады двух домов, вскрыли и задокументировали могилу XVIII в. 196 В селах Андрюшкино и Походск участники отряда также ознакомились и зафиксировали современную технику обработки камня, используемую юкагирами и чукчами при изготовлении скребков 197.

В конце июня — июле ученые работали в Аллаиховском районе. Основной целью отряда здесь были поиски в окрестностях с. Полярное (Русское Устье) упоминавшихся ранее чандалов. Принадлежность данных сооружений к какой-либо древней культуре на тот момент вызывала вопросы. Хотя В.М. Зензинов — автор широко известной книги «Старинные люди у холодного океана», не сомневаясь, назвал строителями чандалов древних юкагиров¹⁹⁸.

Свою работу участники отряда начали с опроса местных жителей, который позволил выяснить места нахождения чандалов, а также существующие предания об обитателях данных жилищ и их материальной культуре. По сообщениям информантов, в сооружениях жили «дикие люди» (хотя мнение опрошенных не было единогласным, однако большинство назвало хозяевами чандалов предков юкагиров), питавшиеся мясом оленей. Орудия они изготавливали из камня и кости, использовали деревянную посуду, а одежду выделывали из оленьих шкур. По-

гибли эти люди от голода, начавшегося из-за сокращения численности диких оленей 199 . Сохранность чандалов опрошенные объясняли существовавшим поверьем о том, что прикасаться к ним великий грех 200 .

По итогам опроса ученые приступили к обследованию сооружений. Им удалось обнаружить целые поселения, которые насчитывали до 40 чандалов, располагавшихся на возвышенностях по берегам мелких проток. Такая диспозиция позволяла их жителям ловить рыбу достаточно примитивным инвентарем в период осеннего нереста, а к крупным рекам выходить лишь для «поколок» диких оленей. Исследователи выполнили съемку местности, составили описание планировки обнаруженных поселений и конструкции чандалов²⁰¹. Более полной картины, включающей сведения о материальной культуре хозяев этих сооружений, археологам составить не удалось — почва ко времени изысканий оттаяла всего на 15 см, а ни запаса времени, ни необходимого для таких условий инвентаря у них не было²⁰².

Основываясь на анализе исторических данных и сведений, полученных от местного населения, а также результатов обследования чандалов, ученые пришли к выводу, что в этих сооружениях проживали «пешие», т.е. оседлые, юкагиры, упоминавшиеся в документах XVII в. и исчезнувшие ко времени заселения края русскими²⁰³.

Еще одним итогом работы археологического отряда ЮКЭ в Аллаиховском районе стало открытие в 20 км от с. Ойотунг, расположенного в низовьях Индигирки, Бурулгинской стоянки неолитического человека — одной из самых северных в Якутии, известных на тот момент. В ходе ее раскопок ученые обнаружили значительное количество каменного инвентаря (около 300 отщепов из сланца и халцедона, 8 скребков, 23 резца, 3 ножа и 36 наконечников стрел) и костного материала²⁰⁴. Детальное обследование этой стоянки было проведено позднее — в 70-е гг. ХХ в.

Кроме того, недалеко от с. Ойотунг археологи посетили недавно покинутое стойбище оленеводов. Здесь были исследованы оставшиеся после пребывания промысловиков предметы быта, следы расположения важнейших инфраструктурных объектов (яранги, места разведения костров, привязи собак, хранения отходов) и хозяйственной деятельности. На основе полученных данных ученые составили общую археологическую картину стойбища, необходимую для выявления и изучения аналогичных памятников более раннего времени²⁰⁵.

В Верхнеколымском районе была проведена археологическая разведка вблизи населенных пунктов Зырянка и Нелемное, а также по рекам Ясачная и Россоха. Здесь, как и в середине 40-х гг. ХХ в. в ходе исследований А.П. Окладникова, археологами не обнаружено никаких следов древнейших культур человека. Одновременно в юкагирских погребениях у с. Нелемное археологи собрали краниологический материал — несколько черепов для последующего анализа их строения и сравнения с другими северными народами Советского Союза и аборигенами Северной Америки²⁰⁶.

Помимо рассмотренных выше работ, участники Юкагирской комплексной экспедиции записали на аудионосители образцы юкагирской речи, юкагирских, чукотских и эвенских танцевальных напевов и песен; засняли на кинопленку танцы, езду на оленях и собаках, процесс строительства чума, а также различные бытовые сцены из жизни местного населения (см. Прил. 4)²⁰⁷.

Примечательно, что ни до, ни после ЮКЭ в местах компактного проживания юкагиров исследований подобного формата, с охватом такого количества местного населения и привлечением ведущих в стране специалистов не проводилось. Именно работам участников данной экспедиции мы обязаны многим из современных представлений о юкагирах, включая сведения об их этногенезе, истории, языке, культуре и хозяйственной деятельности. Внимание ученых к различным этническим группам позволило создать действительно широкую панораму жизни местного населения, которая нашла отражение в многочисленных научных работах²⁰⁸. Экспедиция придала хороший импульс научной карьере ее участников. Так, И.М. Золотарева впоследствии была признана ведущим специалистом в области физической антропологии коренного населения Северной и Центральной Азии; М.Я. Жорницкая по праву стала считаться одним из крупнейших этнохореографов-североведов, а С.А. Федосеева сумела стать автором многочисленных археологических открытий на северо-востоке России.

Среди упомянутых научных работ практически полностью на материалах, полученных в ходе ЮКЭ, были написаны коллективный труд «Юкагиры», посвященный, главным образом, истории и этнографии этноса, и упомянутая монография Е.А. Крейновича «Исследования и материалы по юкагирскому языку». При этом изначально планировалось аккумулирование результатов

проведенных изысканий в рамках 3-томной коллективной монографии (1-й том — «Этнография и физическая антропология»; 2-й том — «История»; 3-й том — «Язык»). Об этом, в частности, упоминал З.В. Гоголев на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР, которое состоялось 7 октября 1960 г. и было посвящено обсуждению итогов ЮКЭ. Среди других несбывшихся ожиданий руководителя экспедиции — организация аналогичных комплексных исследований среди эвенов Якутии²⁰⁹. Следует отметить, что эта идея, как и результаты изысканий 1959 г., получила среди сотрудников Института этнографии высокую оценку²¹⁰.

Еще одним итогом работы ЮКЭ стала подготовка И.С. Гурвичем традиционной для сотрудников ИЭ АН СССР докладной записки, характеризующей социально-экономическое положение аборигенных этнических сообществ исследованных районов.

В документе была дана оценка уровня жизни, состояния социальной сферы и хозяйственной деятельности. Ученый отметил позитивные сдвиги последних лет и, в частности, улучшение технической оснащенности охотников и рыбаков, строительство корралей и ледников. В ярангах и чумах «появились зеркала, посуда, часы, умывальники, полотенца, раскладные кровати, печи с духовками-обогревателями, пригодные для выпечки хлеба, оленеводам полюбились термосы»²¹¹.

Однако большая часть записки была посвящена анализу негативных моментов — важной задачей подобных документов было прежде всего стремление обратить внимание властей именно на нерешенные вопросы в создании хотя бы минимально комфортной жизненной среды для северян. В частности, содержание докладной записки позволяет проследить одни из первых проявлений последствий политики поселкования и коллективизации, реализованной на севере Якутии в 30—50-е гг. ХХ в. По данным ученого, отрицательные результаты имело проведенное в ходе коллективизации укрупнение оленьих стад. Если прежде стада, в зависимости от численности голов, паслись на ягельных участках разных размеров, то после их объединения маленькие участки оказались заброшенными, а большие — перегружены²¹².

Негативно отнесся И.С. Гурвич и к практике укрупнения (по примеру центральных районов страны) колхозов на севере Якутии. Если в центре это оправдывало себя в плане лучшей доступности техники, то северные колхозы были лишены этого

преимущества — новации здесь, как уже отмечалось, были доступны в крайне незначительных размерах. В то же время, как заметил ученый, хрупкие экосистемы Севера не могли выдержать излишней скученности населения и чрезмерной концентрации их хозяйственной деятельности. При этом масштабы территорий новых колхозов значительно усложняли их управление («председатель колхоза с весны до осени даже при непрерывной езде не имеет возможности посетить все заимки»)²¹³. В результате объединения, по мнению исследователя, «вместо освоения тундровых пространств» произошло «образование белых пятен»²¹⁴.

Острыми проблемами, по наблюдениям И.С. Гурвича, являлись отсутствие технических новшеств («техника оленеводства... по сравнению с XIX в. почти не изменилась» 215) и тяжелые жилищные условия пастухов, охотников и рыбаков. Последнее, в частности, привело к тому, что молодежь крайне неохотно шла работать в промысловые и оленеводческие бригады. Это, естественно, ставило под угрозу преемственность поколений и уже негативно сказывалось на рекрутировании кадров 216 . Таким образом, данной проблеме, чрезвычайно актуальной и в наше время, более шести десятилетий. Хромала зоотехническая работа: выбраковки оленей не проводилось, не осуществлялась их подкормка солью и практически отсутствовало опрыскивание эмульсией гексахлорана — от заражений животных кожным оволом 217 .

Таким образом в записке нашли отражение как специфические моменты из жизни аборигенных этносов северных районов Якутии того времени (острейшая нехватка квалифицированных кадров, особенности строительных работ и завоза техники, соседство с местами заключений, численность которых за годы сталинского правления кратно возросла и др.), так и общие явления, характерные для развития села по всей республике и в целом по стране. Среди этих явлений: стремление любой ценой выполнить производственный план, печальная судьба личных хозяйств колхозников, непродуманные эксперименты по внедрению нетрадиционных отраслей хозяйственной деятельности.

В частности, Министерство сельского хозяйства ЯАССР продолжало, по сведениям ученого, навязывать северным колхозам дальнейшее увеличение численности крупного рогатого скота, несмотря на очевидную нерентабельность скотоводства в

специфических природно-климатических условиях тундровой зоны, а также отвлечение и без того дефицитных трудовых ресурсов. Вызвало вопросы у И.С. Гурвича и повсеместное расширение звероводческих хозяйств²¹⁸, не учитывающее лимитированности кормовой базы. Негативными следствиями погони за выполнением производственных планов колхозами стал приоритетный забой здоровых оленей, что отрицательно сказывалось на качестве породы животных, а также зачастую вынужденная добыча белого песца, оказывавшаяся убыточной из-за необходимости содержать значительное число ездовых собак²¹⁹.

Серьезной проблемой, по мнению И.С. Гурвича, послужил и тот факт, что у значительного числа колхозников «вообще отсутствовало», а у части имело «крайне незначительные размеры» личное подсобное хозяйство. В частности, в колхозе им. В.И. Ленина Нижнеколымского района додумались запретить «метать личные сети для своих личных нужд»²²⁰. В результате деньги и натуральные выдачи, получаемые из колхоза, являлись единственным источником существования большинства его членов. Причем размеры этих выдач были, по словам ученого, «крайне незначительны», что негативно сказывалось на рационе питания аборигенных этносов - привычных мяса и рыбы они стали потреблять существенно меньше. Данный факт, отличавшийся от оценок ученого, сделанных по результатам исследований 1952 г. (возможно, сказалось определенное влияние последующих общественно-политических изменений в стране) на Индигирке, в свою очередь, приводил к ухудшению состояния здоровья местного населения и широкому распространению социальных болезней²²¹.

В документе была затронута и такая актуальная проблематика, как борьба с алкоголизацией населения. В частности, И.С. Гурвич отметил положительные последствия введенных ранее ограничений на завоз и продажу спиртных напитков: резко поднялось благосостояние населения, улучшилась трудовая дисциплина, значительно сократился уровень преступности. Последнему способствовало и «удаление с Колымы лагерников»²²². При этом ученый не ограничивался критикой, а предлагал конкретные меры, необходимые для преодоления или хотя бы минимизации выявленных проблем.

В рассмотренной докладной записке отражены результаты исследований И.С. Гурвича, касающиеся современного социально-экономического положения на севере Якутии в 50-е гг. XX в.

Итоги же своей деятельности по изучению межэтнических связей ученый подвел в докладе, сделанном на заседании ученого совета Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР в декабре 1959 г., а также в статье «Современные этнические процессы, протекающие на севере Якутии», которая была опубликована в журнале «Советская этнография».

И.С. Гурвич выделил четыре основных направления в динамике этнических процессов, обусловленные, по его мнению, прежде всего масштабными социальными сдвигами, которые последовали после 1917 г. Так, ученый отметил «завершение процессов этнического слияния». Под этим понималась постепенная ассимиляция одним этносом ряда других соседних в ходе многолетних контактов, установившихся задолго до революции, но значительно интенсифицировавшихся после отмены административных делений царского периода (родов). В качестве примера подобного процесса ученый привел русских старожилов низовий Колымы, в состав которых подобным образом фактически влились представители долгое время живших с ними бок о бок чуванцев, юкагиров и якутов.

Ко второму направлению И.С. Гурвич отнес консолидацию относительно небольших одноязычных этнических групп в более крупные образования, чему способствовали коллективизация и поселкование. В частности, по мнению ученого, подобным образом из ранее распыленных по тундре родов сформировалась группа уяндинских эвенов в Усть-Янском районе.

Еще одним вектором этнических процессов стало сближение разноязычных обособленных в прошлом этнических сообществ. Данный процесс опять-таки стал следствием коллективизации, в результате которой крупные хозяйства объединили под своей крышей представителей разных этносов: русских старожилов, чукчей, эвенов, юкагиров, якутов. Это, в свою очередь, привело к росту межэтнических браков и других контактов.

Наконец, четвертое направление представляло собой, по наблюдениям ученого, слияние малых по численности этнических групп с «большими социалистическими нациями», как, например, северных якутов-оленеводов с основной массой якутского населения вследствие распространения литературного языка, повышения транспортной доступности Севера, усиления экономических связей. Следует отметить, что при этом ученый негативно отнесся к возможному форсированию «полного растворения» малочисленных народов среди более крупных этносов²²³.

Результаты проведенных И.С. Гурвичем на севере Якутии историко-этнографических исследований - собственно, основного профиля изысканий ученого - были представлены в фундаментальной монографии «Этническая история Северо-Востока Сибири», вышедшей в свет в 1966 г. В этой работе рассмотрен широкий спектр вопросов, связанных с историей коренного населения региона с XVII — до середины XX вв. Одним из главных выводов И.С. Гурвича было положение о протекавших в пределах современных территорий Магаданской области, Чукотки, Камчатки и северных районах Якутии активнейших и разнонаправленных ассимиляционных процессах. Результатами этих процессов стали, в частности: формирование современных юкагиров как этнического конгломерата, включающего потомков эвенков, эвенов, русских старожилов и якутов; ассимиляция переселенцами-якутами ряда эвенкийских родов, с другой — заимствования у последних основной формы хозяйствования этнической группы северных якутов-оленеводов, интегрировавших позднее часть русских арктических старожилов, формирование сравнительно крупных сообществ которых также отмечено ученым. Русские старожилы, по мнению И.С. Гурвича, достаточно гибко адаптировались к местным условиям, смогли усовершенствовать некоторые традиционные хозяйственные практики «соседей» и впоследствии включили в свою среду «целые группы юкагиров, ительменов, якутов, оседлых эвенов и коряков». В то же время у другого аборигенного этноса региона — эвенов этнические процессы протекали достаточно обособленно²²⁴.

В 1959 г. на Колыме и Яне работал еще один сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР — д.и.н. Г.П. Башарин. Целью изысканий ученого был сбор материала по истории аграрных отношений в бывших Верхоянском и Колымском округах царской России. Исследования велись по следующему маршруту: Якутск — Нижние Кресты (17 мая) — Сеймчан (Магаданская область, 25 мая) — Зырянка (28 мая — 2 июня) — Среднеколымск (2—3 июня) — Верхнеколымск (12—14 июня) — Зырянка — Якутск (15 июня) — Батагай (23 июня) — Казачье (24 июня — 26 июня) — Батагай (29 июня) — Верхоянск (30 июня) — Батагай (3 июля) — Якутск (7 июля)²²⁵.

Программа исследований Г.П. Башарина включала изучение материалов местных архивов, опрос старожилов, а также визуальное ознакомление с сельскохозяйственными угодьями региона и условиями земледелия²²⁶. В ходе изысканий ученый получил информацию о географической локализации сенокосов и паст-

бищ исследуемых районов, особенностях их функционирования (частое заболачивание, плохая доступность и др.), характере рыболовецкой и охотничьей деятельности. При этом выявленные исследователем архивные материалы касались в основном более позднего периода: истории аграрных отношений в 1920-е — начале 1930-х гг. Значительно содержательнее оказались устные свидетельства 54 информантов, записанные Г.П. Башариным. Они включали данные о возрасте, месте жительства в дореволюционный период, а также имени, занятиях, имущественном положении опрашиваемого и его отца. Полученные сведения проливали свет на социально-экономические отношения, вопросы распределения земли, распространения крупного рогатого скота и лошадей на северо-востоке Якутии, годового хозяйственного цикла местных жителей в рассматриваемый исследователем период²²⁷.

Собранные на Колыме материалы использовались Г.П. Башариным при подготовке монографий «История животноводства в Якутии второй половины XIX — начала XX в.» и «Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX — начала XX в.» 228 .

Таким образом, в фокусе проведенных в 1950-е гг. историко-этнографических исследований оказались 11 арктических
районов Якутии: Жиганский, Булунский, Саккырырский, Верхоянский, Усть-Янский, Абыйский, Момский, Аллаиховский,
Верхне-, Средне- и Нижнеколымский. При этом был аккумулирован комплекс сведений, характеризующих историю протекания этнических процессов, расселение, хозяйственную деятельности, культуру, межэтнические связи и социолингвистическую
ситуацию у русских арктических старожилов, эвенков, эвенов,
юкагиров, чукчей и якутов. Участники Юкагирской комплексной экспедиции серьезное внимание также уделили исследованию языков и фольклора юкагиров. Как будет показано, не
менее плодотворно в 50-е гг. ХХ в. велась работа по научному
изучению языков и фольклора других коренных народов, проживающих в Заполярной Якутии, — эвенов и якутов.

1.3. Исследования в области языка и фольклора аборигенных этносов

Рассматривая историю реализации в арктических районах инициатив филологической направленности в 1950-е гг., необходимо отметить, что как для этого десятилетия, так и в целом

для исследуемого в книге периода сложно выделить какие-либо самостоятельные изыскания в отношении языков долган, эвенков и чукчей. Споры вокруг самостоятельности долганского языка продолжаются и в наше время, а в 1950—1980-е гг., возможно, в том числе под влиянием рассмотренной выше дискуссии в журнале «Советская этнография», анабарских долган даже не фиксировали переписи населения (до 1989 г.). Эвенки же рассматриваемого ареала являлись, как можно будет убедиться, носителями якутского языка, и лингвистические работы, проводимые в их среде, как правило, посвящались анализу влияния эвенкийского языка на якутский. Масштабы же исследований чукотского языка в Якутии, к сожалению, вплоть до наших дней оставляют желать лучшего.

Переходя к анализу истории научного изучения эвенского языка, необходимо отметить, что к началу рассматриваемого периода исследовательская работа по мобилизации сведений о нем велась уже на протяжении более двух столетий — небольшие по объему записи эвенкийских (тунгусских) и эвенских (ламутских) слов были собраны Д.Г. Мессершмидтом во время экспедиции 1719 г. К концу XVIII в. относятся словарные материалы участника Северо-Восточной экспедиции 1785—1793 гг. М.М. Робека, который записал около 200 слов от колымских эвенов²²⁹.

В XIX в. научному миру были представлены первые обобщенные сведения по грамматике и фонетике эвенского языка. Эта заслуга принадлежит академику А.А. Шифнеру, проделавшему серьезную работу по осмыслению собранных протоиереем Охотска С. Поповым материалов по охотскому говору, а также лингвистических данных, полученных колымским исправником Г.Л. Майделем и якутским губернатором Ю.И. Штубендорфом²³⁰.

Начало же систематическому изучению и анализу говоров и диалектов языка эвенов было положено в 30-е гг. XX в. Данный факт прежде всего обусловливался происходившей в этот период в СССР культурной революцией, которая, как известно, предполагала в том числе всеобщую ликвидацию безграмотности и создание письменности для не имевших ее народов.

Первым крупным исследованием в этот период стала работа В.Г. Богораза 1931 г., в которой на основе собранного ученым еще конце XIX в. материала по языку эвенов, проживавших в верховьях р. Омолон, был описан его звуковой состав, приведен перевод ряда эвенских текстов и представлен словарь из более чем 1000 слов²³¹.

Исследование грамматического строя эвенского языка было продолжено ученицей В.Г. Богораза В.И. Цинциус (Институт народов Севера, Ленинград). В 1933 г. она составила конспект эвенской грамматики, а в 1944 г. издала «Очерк грамматики эвенского языка» — наиболее полное, как отмечает В.Д. Лебедев, грамматическое описание языка эвенов. В 1935 г. увидел свет «Самоучитель эвенского языка» В.И. Левина (Институт народов Севера), а несколько позднее его же «Ключ к самоучителю...» ²³³.

В 1933—1934 гг. первые материалы по языку эвенского населения Саккырырского, Булунского и Усть-Янского районов Якутии собирала сотрудник Института народов Севера Л.Д. Ришес. Ценность данных, полученных выпускницей географического факультета Ленинградского государственного университета, в числе преподавателей которой были Г.М. Василевич и Л.Я. Штернберг, подчеркивает тот факт, что, несмотря на гибель большей части этого материала в годы Великой Отечественной войны, Л.Д. Ришес только на основе сохранившейся относительно небольшой доли записей сумела выделить основные характерные черты исследованных говоров²³⁴, а также использовать их при составлении совместно с В.И. Цинциус «Русско-эвенского словаря»²³⁵.

Следует отметить, что научное исследование различных проблем эвенского языка в Якутии имело значительную специфику, связанную с чрезвычайной разбросанностью ареалов расселения его носителей. В 50-е гг. XXв. представители эвенов. несмотря на малочисленность (согласно результатам переписи населения 1959 г. в Якутии насчитывалось 3537 эвенов²³⁶), проживали в Оймяконском, Момском, Абыйском, Аллаиховском, Томпонском, Усть-Янском, Саккырырском, Булунском, Верхне-, Средне- и Нижнеколымском районах республики. Такая дисперсность, имевшая достаточно глубокие исторические корни, естественно, наложила отпечаток и на эвенский язык, который насчитывал к этому времени около десятка различных говоров, входивших в выделенные в 30-е гг. XX в. Л.Д. Ришес западный (Усть-Янский, Булунский, Саккырырский районы)²³⁷ и восточный (все остальные) диалекты. При этом если по западному диалекту, как уже отмечалось, был получен определенный, пусть и в значительной степени утраченный массив научных данных, то восточный применительно к Якутии представлял из себя в исследовательском плане «невспаханное поле».

Тем не менее первые исследования эвенского языка в Якутии в рассматриваемый период были посвящены, главным образом, изучению западного диалекта: в июле — ноябре 1953 г. в Якутске и Саккырырском районе его изучением, как отмечалось в связи с работами И.С. Гурвича, занималась к.ф.н., м.н.с. ЛО ИЯ АН СССР К.А. Новикова. Целью изысканий был сбор необходимых лингвистических материалов и частично «сведений историко-этнографического характера». Кроме того, перед ученой стояли задачи выяснения возможности применения разработанной на основе восточного ольского говора эвенов Хабаровского края письменности в Якутии, а также целесообразности организации обучения в начальных классах учеников школ с преимущественным эвено-эвенкийским составом на родных языках²³⁸.

В Якутске К.А. Новикова работала с архивными материалами и со студентами — носителями эвенского языка из Томпонского, Саккырырского, Аллаиховского, Нижнеколымского и Момского районов, которые составили «целую бригаду молодежи..., хорошо знающую свой родной язык и проявляющую большой интерес к его научному изучению»²³⁹. Главным помощником при этом, по словам ученой, являлся слушатель курсов киномехаников И.Г. Кривошапкин²⁴⁰.

В Саккырырском районе, выбор которого был обусловлен тем, что ламунхинский и тюгясирский говоры его эвенского населения были «наиболее отличными от литературного эвенского языка», К.А. Новиковой помогали проводить исследования учителя Себян-Кюельской неполной средней школы — Н.А. Кейметинов. Г.И. Кейметинов. А.А. Кейметинова. П.А. Степанов. студент ЛГПИ Д.Л. Горохов, а также «актив Ламунхинского наслежного совета во главе с его председателем Т.К. Кривошапкиной». Основным пунктом сбора полевого материала в этом районе было с. Себян-Кюель — центр колхоза «Коммунизм» (25 августа — 30 сентября). Кроме того, ученая работала в административном центре колхоза им. С.М. Кирова с. Сеген-Кюель (6-17 августа). Между названными населенными пунктами Саккырырского района, которые располагались на расстоянии около 240 км, она передвигалась верхом на лошадях в течение 6 суток (в одну сторону) «по непроходимой тайге, болотам и частично по долинам р. Неры и ее притоков»²⁴¹.

В результате опроса 26 респондентов К.А. Новикова записала образцы ламунхинского, тюгясирского, томпонского, аллаиховского и момского говоров эвенского языка общим объемом

около 700 рукописных страниц (из них 500 приходилось на саккырырские говоры) и составила рабочий вариант диалектологического словаря из 8 тыс. слов. Кроме того, в ходе исследований удалось собрать общие сведения о хозяйственной деятельности, быте, социально-экономическом положении населения сел Сеген-Кюель и Себян-Кюель, численности эвенов, а также материалы по расселению представителей ламунхинского наслега до советских преобразований²⁴².

Значительное место в изысканиях занял анализ существующей школьной практики. В этой связи К.А. Новикова выявила основные проблемы, характерные для школ, где большинство учеников были эвенами: в Якутии имелось недостаточное количество учебной и художественной литературы на эвенском языке при их «значительном выпуске редакцией Учпедгиза», в то же время «к имеющейся в отдельных районах литературе» относились «подчас варварски...» — ею утепляли дома, использовали в качестве оберточной бумаги и т.д. Кроме того, по замечаниям ученой, отсутствовали необходимые директивы от Министерства просвещения ЯАССР «о том, как должна быть организована работа», а также учебные программы и планы. Важнейшей проблемой являлась нехватка педагогических кадров, знающих родной язык учащихся. «Несколько затрудняли» обучение на таком языке и различия в диалектах эвенов Якутии и литературного эвенского языка. Однако эти различия не были, по мнению К.А. Новиковой, «настолько существенными», чтобы приходилось «говорить о невозможности обучения ... по существующим учебникам», требовалось «лишь издать соответствующие методические указания»²⁴³.

Исследователь определила круг школ, в которых был целесообразен перевод обучения начальных классов на эвенский или эвенкийский языки (при их укомплектовании подготовленными кадрами), отметила необходимость подготовки специалистов по этим языкам в Якутском государственном педагогическом институте и важность расширения поля лингвистических исследований Института языка, литературы и истории ЯФ АН СССР за счет языков коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Якутии²⁴⁴.

В отношении исследования эвенского языка подобное расширение тематики изысканий сотрудников ИЯЛИ произошло уже через 2 года и было связано прежде всего с именем уже упоминавшейся Л.Д. Ришес, которая в 1948 г. была принята на работу в

Якутскую научно-исследовательскую базу АН СССР. В составе базы, а затем ИЯЛИ ЯФ АН СССР Л.Д. Ришес проработала (с перерывом на 1949—1954 гг.) до 1958 г. Именно в период трудовой деятельности в этом институте Л.Д. Ришес совместно с В.И. Цинциус подготовила и издала предназначенный для преподавателей и студентов «Эвенско-русский словарь» 1957 г. Примечательно, что только в 2004 г. на смену этому пособию пришло более полное издание, составленное В.А. Роббеком и М.Е. Роббек.

Под руководством Л.Д. Ришес с 1 апреля по 7 сентября 1955 г. в Момском районе работала диалектологическая экспедиция ИЯЛИ ЯФ АН СССР. Наряду с руководителем в ее состав входил студент ЛГПИ эвен В.Д. Лебедев — ученик В.И. Цинциус. Л.Д. Ришес проводила исследования в Эселяхском наслеге, а В.Д. Лебедев — в родном для себя Догдо-Чыбагалахском. Кроме того, руководитель экспедиции организовала опрос учащихся старших классов Момской средней школы, приехавших из Улахан-Чистайского наслега²⁴⁵. В ходе выполнения маршрутов экспедиции Л.Д. Ришес преодолела расстояние в 700 км (к месту исследования «зимним путем на нартах», обратно — верхом на лошадях), В.Д. Лебедев — 1080 км²⁴⁶.

В результате изысканий исследователи записали более 1000 страниц текстов с переводами, собрали материалы по грамматике и фонетике эвенского языка, а также составили рабочий вариант словаря, включавший около 4000 слов. В состав словаря вошли названия месяцев, времен года, жилища, одежды, домашней утвари, диких животных, различных явлений природы, термины родства и др.²⁴⁷

Участники экспедиции отметили «довольно хорошую» сохранность эвенского языка, однако установили, что в быту местное население стало чаще использовать якутский. В результате, например, в с. Хабдилах дети-эвены «даже в тех семьях, где родители хорошо знают свой язык, уже не говорят по-эвенски». Лучшая же аутентичность как эвенского языка, так и эвенских обычаев зафиксирована в оленеводческих бригадах, отличавшихся, по словам Л.Д. Ришес, своей «консервативностью».

Исследователи выяснили, что момский говор имеет ряд существенных лексических, фонетических и грамматических отличий от литературного эвенского языка, несмотря на то что последний, как уже упоминалось, также относился к восточному диалекту. По их мнению, одним из основных факторов, обусловивших эти расхождения, были, с одной стороны, тесные кон-

такты с якутами, с другой — разница в образе жизни момских и ольских эвенов. Если последние являлись жителями прибрежных районов, то момские — «глубинных, таежных», и «морская лексика была им чужда». Кроме того, Л.Д. Ришес удалось установить определенную специфику языков эвенов рассмотренных наслегов. В то время как жители Эселяхского и Улахан-Чистайского наслегов говорили на практически идентичном эвенском языке, язык населения Догдо-Чыбагалахского наслега имел достаточно серьезные фонетические различия и ряд черт, характерных для западного диалекта²⁴⁸.

В 1956 г. Л.Д. Ришес продолжила исследование эвенского языка в Верхне- и Среднеколымском районах. В последнем работы проводились в п. Рыжово Байдынского наслега — одном из основных, наряду с Березовским наслегом, местом проживания эвенов на средней Колыме (51 чел. при общей численности населения поселка в 129 чел.). Исследователь отметила хорошее владение эвенами родным языком, при том, что все взрослое население знало якутский и частично русский языки. Примечательно также, что дети дошкольного возраста, по наблюдениям Л.Д. Ришес, владели исключительно эвенским²⁴⁹. Исследование говора эвенов Байдынского наслега позволило Л.Д. Ришес составить его описание и провести сравнительный анализ с литературным эвенским языком, показавшим минимальные фонетические и лексические расхождения (особенности сочетания гласных, морфологической структуры слова, наличие оригинального пласта слов и др.)²⁵⁰.

В Верхнеколымском районе исследования проводились в одноименном наслеге, на территории которого проживали 86 эвенов, являвшихся в основной массе выходцами из Улахан-Чистайского наслега Момского района. Здесь Л.Д. Ришес отметила, в целом, такую же схожую лингвистическую ситуацию, что и на средней Колыме: для обследованной этнической группы были характерны высокая степень знания родного языка, а также владение якутским. Дошкольники также не знали других языков, кроме эвенского, а якутским овладевали уже после начала обучения в Арылахской средней школе, преимущественно якутской по национальному составу. Существенная разница наблюдалась только в познании русского языка — верхнеколымские эвены с ним были «незнакомы совсем»²⁵¹.

Л.Д. Ришес установила практически полную идентичность родного языка эвенского населения Верхнеколымского и Ула-

хан-Чистайского наслегов. Однако поскольку в ходе предыдущих изысканий в Момском районе последний был «только затронут описанием», исследователь составила подробную характеристику говора верхнеколымских эвенов, которая включала фонетический, морфологический и синтаксический разбор, а также анализ лексического состава, «в общих чертах» совпадавшего с литературным языком (помимо якутского влияния и отсутствия «морской тематики», серьезные различия отмечались в фаунистических терминах)²⁵².

В 1957 г. научное изучение восточного диалекта эвенского языка получило продолжение в Мямяло-Готниканском наслеге Томпонского района. Изыскания по программе, составленной В.И. Цинциус и дополненной Л.Д. Ришес, проводил В.Д. Лебедев. Исследователь установил наличие в рассматриваемом ареале двух говоров: близкого к литературному языку аллах-юньского и имеющего значительную специфику томпонского²⁵³.

Результаты проведенных ИЯЛИ ЯФ (СО) АН СССР в 1955-1957 гг. изысканий были обобщены Л.Д. Ришес. Основным выводом исследователя стало положение о фактически промежуточэвенского населения ной позиции говоров Томпонского и Верхнеколымского районов в разработанной ранее системе диалектов эвенского языка: с одной стороны, справедливым являлось их отнесение к восточному диалекту, с друграмматическим строе и лексическом составе наблюдались значительные параллели с западным диалектом (позднее в эвенском языке вместо диалектов стали выделять восточное, западное и среднее наречия). Эти отличия исследованных в Якутии говоров от литературного языка делали, по мнению Л.Д. Ришес, выпускаемые на эвенском языке работы «трудно доходчивыми» для потенциальных читателей²⁵⁴.

В 1959 г. В.Д. Лебедев продолжил полевые исследования в Аллаиховском районе. Ряд источников, как уже отмечалось, относит их к деятельности Юкагирской комплексной экспедиции. В результате проведенных работ В.Д. Лебедев установил близость местной эвенской речи к говорам момских и томпонских эвенов²⁵⁵.

Одновременно в ИЯЛИ ЯФ (CO) АН СССР развернулись работы по планомерному изучению якутского языка и фольклора в различных районах Якутии, включая арктические.

Считается, что первым исследователем фольклора якутов был участник Великой Северной (Второй Камчатской) экспеди-

ции Я. Линденау, который записал несколько якутских народных преданий 256 . Позднее образцы устного народного творчества представителей этноса нашли отражение в работе А.Ф. Миддендорфа «Коренные жители Сибири» 257 . В конце XIX — начале XX в. фольклор якутов попал в поле зрения сразу целого ряда известных исследователей Якутии: О.Н. Бетлингка, Р.К. Маака, В.Л. Серошевского, С.В. Ястремского и др. Однако в основном запись этих материалов осуществлялась в центральных и западных районах Якутии 258 .

Неоценимый вклад в аккумулирование фольклорных материалов в ее арктической части внесли участники Северной экспедиции Института языка и культуры при СНК ЯАССР (1939—1941 гг.) — С.И. Дьячковский (Боло) и А.А. Саввин. Исследователи тогда посетили Оймяконский, Момский, Среднеколымский, Нижнеколымский и Аллаиховский районы В ходе проведенных изысканий они записали 6 полных текстов олонхо, несколько десятков сказок, песен и скороговорок, более сотни загадок и пословиц 60. Вместе с тем, конечно же, проведенных к середине XX в. исследований было явно недостаточно для фиксации сколь-либо существенного числа уникальных «арктических» образцов якутского фольклора в условиях нарастающих унификационных тенденций.

Схожая картина наблюдалась и в отношении научного исследования якутского языка. В этой связи необходимо отметить, что несмотря на то, что он к этому времени был самым распространенным в республике и уже активно «замещал» родную речь у представителей других аборигенных этносов, сам якутский при этом тоже испытывал на себе влияние иных языков. В первую очередь, естественно, русского, а также эвенского и эвенкийского. Предполагается, что в том числе и под воздействием двух последних в якутском языке фактически образовались две диалектные зоны. Для одной, восточной, где шли активные контакты с эвенским населением, был характерен неогубленный вариант произношения слов (так называемое акание), для западной же, «эвенкийской» — огубленный вариант («окание»). При этом якутская речь различалась не только по названным диалектным зонам, но и по районам, где, например, не совпадали лексические значения одинаковых в написании слов и т.п.

Впервые существование фонетических различий внутри якутского языка выявил в середине XIX в. академик О.Н. Бет-

лингк²⁶¹. Еще через полвека автор грамматики якутского языка С.В. Ястремский отметил, что следует говорить о диалектных различиях²⁶². В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского представлен материал, содержащий различные «оканья» и «аканья»²⁶³. Разработчик же первого якутского букваря 1918 г. С.А. Новгородов заявил о наличии в якутском языке именно двух говоров (диалектов)²⁶⁴. Этот исследователь внес также значительный вклад в формирование литературного якутского языка, за основу которого был взят «окающий» вариант, как господствующий в центральных районах Якутии. Позднее разработка проблемы существования в якутском языке «акающего» и «окающего» диалектов получила развитие в трудах Л.Н. Харитонова и Е.И. Убрятовой 265. Однако точные границы между этими диалектами к началу рассматриваемого периода так и не были установлены, как и само их происхождение. Оставались также вопросы и по адаптации населения «акающих» районов к литературному якутскому языку. Все эти аспекты, естественно, требовали глубокой научной проработки.

В рассматриваемый период лингвисты ИЯЛИ ЯФ (СО) АН СССР приступили к систематическому изучению диалектных особенностей якутского языка, сосредоточившись первоначально на работах в центральных, западных и южных районах Якутии — Сунтарском, Усть-Алданском, Орджоникидзевском (Хангаласском), Ленском, Олекминском и др. В арктических районах республики, где речь якутов имела свои особенности, что позднее отразилось в выделении здесь двух из четырех диалектных зон распространения якутского языка — северо-западной и северо-восточной, аналогичные работы начались во второй половине 1950-х гг.

С 16 марта по 27 апреля 1956 г. в Верхоянском районе научным изучением якутского языка занимались аспиранты ИЯЛИ ЯФ АН СССР П.С. Афанасьев (руководитель отряда) и Н.В. Емельянов. П.С. Афанасьев проводил исследования в северных и восточных наслегах района (Эльгесский, 1-й Эгинский, Адычинский, Табалахский), а также в Борулахском, Н.В. Емельянов — в южных (Арылыхский, Сартанский, Дулгалахский и Янский). Общая протяженность маршрутов участников экспедиции составила порядка 2000 км²⁶⁶.

В ходе изысканий исследователи опросили 74 чел., заполнили 43 специально разработанные для диалектологических изысканий в Якутии анкеты, записали 150 страниц лингвистиче-

ского материала, а также около 280 страниц фольклорных произведений (предания, сказки, песни, загадки и др.). Характеризуя разнообразие выявленных образов фольклора, П.С. Афанасьев отметил, что «у верхоянских якутов, занесших в этот далекий и суровый край скотоводческую культуру, якутское устное поэтическое творчество развивалось так же интенсивно и ярко, как и в центральный районах»²⁶⁷.

В результате анализа собранного полевого материала была составлена общая характеристика говора якутов Верхоянского района. Исследователи выявили его значительные отличия от литературного якутского языка, которые выражались прежде всего в лексическом составе (наличие «неизвестных» литературному языку слов, архаизмов, иного значения ряда терминов), а также фонетике, морфологии и синтаксисе. Верхоянский говор они отнесли к группе «акающих», в то же время отметив «довольно часто встречающиеся» отклонения от его норм. П.С. Афанасьев и Н.В. Емельянов установили, что специфические черты говора якутского населения Верхоянья наиболее устойчивы у людей старшего и среднего поколений. Молодежь, «недавно покинувшая школьную скамью», была более свободна от «диалектизмов», «предпочитала литературные формы». Кроме того, участники экспедиции определили территориальные особенности распространения норм литературного якутского языка в Верхоянском районе: в расположенных ближе к Центральной Якутии южных наслегах их использовали и пожилые люди²⁶⁸.

Практически одновременно проводились исследования якутского языка в Среднеколымском районе. 3 марта — 31 апреля 1956 г. здесь работали к.ф.н., м.н.с. ИЯЛИ ЯФ АН СССР Н.К. Антонов (руководитель отряда) и лаборант этого Института Е.Н. Аммосова. Так же, как и в Верхоянском районе, изыскания участников экспедиции велись раздельно: Н.К. Антонов посетил Байдинский, 2-й Мятисский, Алазейский, 1-й и 2-й Кангаласский наслеги; Е.Н. Аммосова — 1-й Мятисский и Сень-Кюельский, а также Среднеколымск.

Во время исследований был опрошен 61 информант и собрано 39 анкет по говору среднеколымских якутов. На основе полученных данных участники экспедиции выявили его ключевые фонетические, морфологические и лексические особенности. Кроме того, был собран значительный массив фольклорного материала: 72 бытовых, 30 исторических и 17 охотничьих рассказов, 41 песня, около 300 загадок, 9 отрывков из олонхо, 8

пословиц, 7 сказок, 5 заклинаний (алгысы охотников и шаманов) и 2 чабыргахи (самобытные сатиро-юмористические произведения якутов 269).

В 1957 г. изучение говоров якутского языка специалистами ИЯЛИ ЯФ АН СССР продолжилось в Абыйском, Момском и Аллаиховском районах.

На территории Абыйского района исследования осуществлялись в населенных пунктах Уолбутского, Урасалахского, Абыйского и Мугурдахского наслегов Н.К. Антоновым. В период с 1 марта по 8 апреля ученый собрал 23 лингвистические анкеты, записал 32 рассказа, 23 песни, 38 загадок, 7 пословиц, воспоминания о Гражданской войне, сказку и отрывок из олонхо. Н.К. Антонов установил, что говор якутов Абыйского района относится к «акающим» и имеет ярко выраженные особенности в словарном составе (значительное количество «местных» слов) и грамматическом строе (специфика построения предложений и др.), характерные для северных районов Якутии²⁷⁰.

В Момском районе изыскания проводила Е.И. Коркина. Информация о биографии этой ученой, ставшей впоследствии первой женщиной-директором академического института в Якутии, размещена в конце данной работы. С 9 марта по 27 апреля 1957 г. она работала в Индигирском, Тебюлехском, Догдо-Чыбагалахском и Улахан-Чистайском наслегах, совершив маршруты общей протяженностью свыше 1000 км.

Как и в ходе рассмотренных ранее экспедиций, Е.И. Коркина в результате беседы с информантами и заполнения 30 анкет выявила существенные лексические, морфологические и фонетические отклонения местного говора от литературного якутского языка. В частности, она записала слова, которые не встречались в местном говоре, а относились к архаизмам или имели иное значение. Аналогии прослеживаются и в полученных результатах. Е.И. Коркина также отметила лучшее владение литературным языком у молодого поколения и устойчивость самобытного момского говора у людей старшего и среднего возраста.

Упомянутый говор исследователь отнесла к «акающим». Кроме того, Е.И. Коркина рассмотрела проблему влияния эвенов на язык якутского населения Момского района. Его степень она оценила как «незначительную»: получилось выявить только 4 слова, прочно вошедшие в речь якутов, а также ряд географических названий и имена людей²⁷¹.

Младший научный сотрудник ИЯЛИ ЯФ АН СССР П.П. Барашков и привлеченный для сбора полевого материала Н.М. Заболоцкий в течение месяца (24 апреля — 24 мая) исследовали язык якутов Аллаиховского района. В Юкагирском, Аллаиховском, Быягнырском и Берелехском наслегах они собрали 23 анкеты по говору, записали значения 300 местных слов, а также 20 рассказов и 15 песен.

П.П. Барашков отметил основные специфические элементы якутского языка в исследованном районе. К ним прежде всего он отнес оригинальное произношение (ударение на первый или второй слоги), которое «особенно сильно чувствовалось у женщин» — этот факт ученый объяснил их более тесными контактами с эвенами. Одновременно были выявлены морфологические, лексические и фонетические особенности. Язык якутского населения Аллаиховского района являлся преимущественно «акающим», однако достаточно часто встречалось «оканье» и оригинальное «эканье», что также, по мнению П.П. Барашкова, было следствием тесных межэтнических контактов²⁷².

Кроме трех рассмотренных экспедиций, ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР организовал в 1957 г. еще одни исследования якутского языка на севере Якутии. С 28 июля по 28 августа в Усть-Янский район был командирован студент ЯГУ Е.Н. Томский. В результате изысканий, проведенных в населенных пунктах Туматского и Омолойского наслегов, а также в с. Казачье, были заполнены 17 анкет, записаны 243 оригинальных местных слова, 51 загадка, 5 рассказов, 4 песни и 3 предания²⁷³.

На основе полученных Е.Н. Томским сведений, материалов корреспондентов, а также лингвистических данных экспедиции И.С. Гурвича 1953—1954 гг., м.н.с. ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР М.С. Воронкин составил характеристику говора якутского населения Усть-Янского района.

Исследователь отметил, что, несмотря на наличие в местном говоре достаточного количества «окающих» элементов, его следовало отнести к «акающим». Данный факт являлся прежде всего следствием активной миграции населения из «акающих» Алданского и Верхоянского районов. М.С. Воронкин выявил оригинальный лексический пласт, употребляемый в быту, оленеводстве, охоте и рыболовстве. Эти диалектизмы, по мнению исследователя, сформировались в результате «иноязычных заимствований при соприкосновении с эвенами, русскими, юкагирами и чукчами», а также представляли собой «общеякутские архаизмы». Зна-

чительным было эвенское влияние и на грамматические особенности говора якутов Усть-Янского района. Так, ученый установил широкое употребление эвенских аффиксов и увеличительных²⁷⁴.

В 1958 г. были обследованы еще два района: Саккырырский и Булунский. Изыскания проводили работники ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР Е.И. Коркина (м.н.с., начальник отряда), А.А. Билюкина (лаборант), В.Д. Кривошапкина (препаратор), а также приглашенный для сбора полевого материала А.А. Кузьмин. В.Д. Кривошапкина с 23 марта по 3 мая работала в Саккырырском районе, остальные участники экспедиции — в Булунском (12 марта — 8 мая). В ходе исследований были заполнены 72 анкеты по говору и около 600 страниц лингвистических материалов²⁷⁵.

Представляется любопытной лингвистическая ситуация, выявленная Е.И. Коркиной в Булунском районе. Четыре тысячи человек из коренного населения, проживающего в нем, в официальных документах относились к эвенкам. Однако было установлено, что ни один из местных жителей не говорил ни на эвенкийском, ни на эвенском языках. Лишь в Хараулахском наслеге «сохранились единичные старики, которые помнят отдельные эвенские слова, но не способны в целом разговаривать на эвенском языке». При этом, как отметила исследователь, «даже глубокие старцы (80-90 лет)» утверждали, что «исконным языком, на котором говорили их родители, родители их родителей, был этот же самый язык, на котором они говорят сегодня (т.е. якутский. — A. C.)». Более того, некоторые из опрошенных «диву давались», что их родной язык «является не эвенкийским, как они все время полагали, а якутским» 276 .

Говор населения Булунского района был отнесен исследователями к «окающим». Исключения составляли «акающие» жители Борогонского и Хараулахского наслегов, что Е.И. Коркина объяснила принадлежностью упомянутых административно-территориальных единиц до 1930 г. к Верхоянскому району. Сравнивая литературный якутский язык и местный говор, участники изысканий отметили ряд особенностей последнего. Как и в ходе предыдущих исследований, эти особенности, прежде всего, были характерны для его лексического состава. Так, удалось выявить около 100 слов в основном эвенского происхождения, «неизвестных» литературному языку, часть из которых были архаизмами. Распространение получили и слова, заимствованные из русского языка. Также было зафиксировано употребление ряда понятий в ином нормативном значении²⁷⁷.

Говор якутов Саккырырского района, где изыскания велись в Нижне- и Верхнебытайском наслегах, являлся «акающим». В.Д. Кривошапкина установила особенности его лексического состава, а также фонетические отклонения от языковых норм. Исследовательница отметила «незначительное влияние», которое оказало достаточно многочисленное эвенское население района на якутский язык. Помимо этого, она записала 256 местных загадок, 6 рассказов, 2 чабыргахи и отрывок из «Олонхо»²⁷⁸. Обработку собранного В.Д. Кривошапкиной лингвистического материала осуществил сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР П.Н. Габышев.

В том же 1958 г. исследования якутского языка проводились в Жиганском районе. В них принимали участие П.П. Барашков и привлеченная для сбора полевого материала Е.Е. Олесова. Во время изысканий, осуществлявшихся в населенных пунктах Линдинского и Ленского наслегов, а также Жиганске, были заполнены 24 анкеты по говору, собраны текстовые лингвистические материалы.

На основе полученных сведений П.П. Барашков составил описание говора жиганских якутов. По мнению ученого, этот говор имел значительно больше общих черт с языком, употреблявшимся в центральных районах Якутии, чем с северными говорами. Вместе с тем были отмечены и определенные отличия от литературного якутского языка. В отношении лексического состава они относились, в первую очередь, к описанию хозяйственной деятельности оленеводов Ленского наслега и их тесным связям с эвенками. Эвенкийское влияние на жиганский говор установлено П.П. Барашковым и в области морфологии: местное население использовало в речи специфические уменьшительно-ласкательные формы²⁷⁹.

В 1959 г. научное исследование говоров якутского языка продолжилось в северо-западных Анабарском и Оленекском районах. В Кирбейском, Оленекском, Жилиндинском и Шологонском наслегах Оленекского района соответствующие работы проводила Е.И. Коркина. По замечанию исследователя, несмотря на то что коренное население этого района так же, как изученного годом раньше Булунского, в официальных документах относилось к эвенкам, в реальности практически было на 100% якутоязычным («могут разговаривать на эвенкийском менее 10 чел., и то это были приехавшие в последние годы из Эвенкийского национального округа»).

Продолжая, таким образом, дискуссию, которая развернулась в начале 50-х гг. XX в. на страницах журнала «Советская этнография» и касалась проблемы национальной принадлежности коренного населения Северо-Западной Якутии, Е.И. Коркина разделила взгляды И.С. Гурвича и Б.О. Долгих, скептически относившихся к официальным данным переписей населения в этом ареале и позиции П.Е. Терлецкого. В связи с этим исследователь отметила, что, по мнению опрошенных ею местных жителей, в Булунском и Оленекском районах «население именует себя эвенкийским далеко не для выражения своего национального самосознания, а "скорее всего потому, что так нас записали, когда составляли списки"». Вместе с этим не существовало и грани в материальной и духовной культуре, хозяйственной деятельности, обычаях и нравах, которая «позволила бы разделить эвенков и якутов», так как местное население представляло в этом отношении «единое целое»²⁸⁰.

Собранный Е.И. Коркиной диалектологический материал (35 специальных анкет, 200 страниц различных текстов) «показывал большую близость, если не общность оленекского говора с говором булунских якутов»²⁸¹. Так же, как и последний, говор якутоязычного населения Оленекского района не имел отличий от литературного якутского языка в звуковом составе, а его основные особенности сводились главным образом к лексике: ученая установила ряд специфических терминов, заимствованных из эвенкийского языка, и наличие «общеякутских архаизмов»²⁸².

Исследования в Анабарском районе в период с 5 марта по 16 апреля осуществил м.н.с. ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР П.С. Афанасьев. В ходе экспедиции он заполнил 25 специальных анкет по говору, записал 400 страниц лингвистического и фольклорного материала, включавшего 12 песен, 3 сказки и 6 преданий. Такое сравнительно небольшое количество зафиксированных образцов устного народного творчества якутов ученый объяснил в целом плохой сохранностью традиционного фольклора среди населения района.

Анализ полученного полевого материала позволил П.С. Афанасьеву подготовить лексическую, фонетическую и грамматическую характеристики говора анабарских якутов. Он, согласно выводам исследователя, являлся «окающим». Наряду с некоторыми общими чертами с группой говоров северных районов Якутии, в данном говоре имелись и значительные оригиналь-

ные элементы, сформировавшиеся, по мнению П.С. Афанасьева, главным образом под эвенкийским и русским влиянием. Это влияние, в частности, выразилось в большом количестве заимствованных понятий, необычных для литературного якутского языка синтаксических сочетаниях, специфическом употреблении некоторых глагольных категорий, а также своеобразном произношении ряда слов 283 .

Наряду с изысканиями на Анабаре в 1959 г. П.С. Афанасьев совершил новую поездку в Верхоянский район. Ее задачами являлись «уточнение и выяснение отдельных вопросов по местному говору». В течение 1—24 июля ученый посетил районный центр — п. Батагай, где работал с материалами местного архива, а также г. Верхоянск, с. Боронук Бабушкинского наслега и животноводческий пункт колхоза им. Бабушкина «Ойуук Ирэгэ». Исследователь осуществил наблюдения за речью аборигенного населения, произвел опрос 13 информантов и собрал образцы нескольких растений «для установления научного эквивалента местных названий»²⁸⁴.

Проведенная работа позволила П.С. Афанасьеву получить дополнительный материал по особенностям расстановки ударений и интонаций носителями верхоянского говора, топонимике и флористической терминологии 285 .

Таким образом, в 50-е гг. XX в. важное место в исследованиях филологов занимала проблема локальных особенностей в говорах эвенов и якутов, проживающих в арктических районах Якутии. В связи с этим специалисты в области эвенского языка охватили исследованиями Саккырырский, Момский, Аллаиховский, Верхне- и Среднеколымский районы, якутского — Верхоянский, Среднеколымский, Абыйский, Момский, Аллаиховский, Саккырырский, Булунский, Анабарский и Оленекский.

* * *

Подводя некоторые итоги рассмотренному в данной главе материалу, представляется справедливым отметить, что в 50-е гг. XX в. произошла значительная интенсификация исследовательской деятельности, посвященной социогуманитарному изучению арктических районов Якутии.

Именно в рассмотренный период выполнено первое сплошное этнографическое исследование аборигенных этносов Заполярной Якутии, дана объективная и адекватная оценка их текущего социально-экономического положения. Значительными

достижениями характеризовались изыскания в области языков коренных народов — якутского, юкагирского и эвенского, процесс научного исследования которых в 50-е гг. XX в. был поставлен на систематическую основу. Апофеозом же исследовательской работы стала Юкагирская комплексная экспедиция, являющаяся одной из эталонных инициатив в истории изучения коренных малочисленных народов Севера в Российской Арктике.

Главнейшим результатом всех проведенных в рассмотренный период работ была документация массива уникальной информации, которая характеризовала стремительно растворявшиеся в ходе значительно интенсифицировавшихся унификационных процессов самобытные традиционные культуры Севера.

Названные успехи стали возможными благодаря сочетанию целого ряда объективных и субъективных факторов: от роста заинтересованности властных структур в проведении научных изысканий и упрощения логистики исследовательской деятельности до повышения доступности образования в 20-е—30-е гг. XX в. и развития сети академических учреждений, что привело к притоку в Якутию талантливых научных кадров.

В целом же, как и жизнь населения арктических районов республики, процесс их научного познания в 1950-е гг. представлял собой сочетание старого и нового. Это касалось, например, мобильности ученых, которая предполагала набор как технологических и консервативных транспортных средств, так и собственно кадрового состава исследователей.

Так, И.С. Гурвич, изысканиям которого была посвящена значительная часть данной главы, являлся продолжателем традиций отечественного североведения. Его исследованиями был охвачен широкий спектр этнографических, лингвистических, фольклорных, социологических, экономических и археологических проблем. И.С. Гурвича, таким образом, можно справедливо назвать ученым-энциклопедистом, какими ранее, скажем, являлись В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз. При этом именно в 50-е гг. XX в. возникла систематическая практика, при которой изучением коренных малочисленных народов Севера в Якутии начали заниматься их представители. Эти представители, таким образом, стали не только объектом изысканий или в лучшем случае помощником при их проведении, а полноценным актором исследовательского процесса.

В то же время 50-е гг. XX в. характеризовались появлением целой плеяды талантливых ученых, внесших значительный вклад

в исследование арктических районов Якутии, таких как М.С. Воронкин, Н.В. Емельянов, Е.И. Коркина, С.А. Федосеева, видных языковедов — П.С. Афанасьев, В.Д. Лебедев и др.

Приведенные данные свидетельствуют о важной роли в 1950-е гг. СОПС АН СССР в аккумулировании и генерировании научных подходов к определению оптимальных траекторий социально-экономического развития арктических районов Якутии. К концу обозначенного периода происходит и определенная активизация в этом направлении изысканий сотрудников отдела экономики Якутского филиала АН СССР.

Резюмируя представленный материал, нельзя не остановиться также на деятельности Комиссии по проблемам Севера по изучению социально-экономического положения коренных малочисленных народов Советской Арктики в 50-е гг. ХХ в. Материалы деятельности этой структуры носят во многом уникаль-В силу господствовавших идеологических характер. установок и имевших место административных препонов, публиковавшиеся работы, как правило, носили комплиментарный характер, подчеркивающий заслуги советской власти. В документах же Комиссии существовавшие в жизни аборигенных этносов проблемы показаны достаточно объективно, что, возможно, связано с определенной либерализацией общественнополитической жизни в Советском Союзе, отразившейся в том числе и на деятельности ученых, ставших немного более свободными в возможностях оценки текущего положения дел.

Глава II

Заполярная Якутия в фокусе академических интересов в 60-70-е гг. XX в.

2.1. Поиски путей повышения качества жизни и определение социального самочувствия населения. Якутская северная комплексная экспедиция

В предыдущей главе рассматривалась история проведения в Якутии в 50-е гг. ХХ в. двух комплексных академических экспедиций. При этом отмечалось, что локализованы они были главным образом в южных и западных районах. Несколько позднее отдельная комплексная экспедиция, пусть и в существенно меньших масштабах, была организована и в Заполярной Якутии. Речь идет о Северо-Восточной комплексной экспедиции ЯФ СО АН СССР (СВКЭ), проводившейся в 1959—1962 гг. под руководством к.г.-м.н. Б.Л. Флерова.

В августе—сентябре 1959 г. работала возглавляемая В.С. Рыбниковым экономическая группа рыбохозяйственного отряда СВКЭ. Изыскания осуществлялись на моторной лодке по маршруту Батагай — Нижнеянск с целью рекогносцировочного обследования состояния рыболовства на р. Яне. Проведение опросов и личные наблюдения участников исследований позволили установить места лова, встречающиеся на них виды рыбы и примерные количественные показатели добычи. Примечательно, что отсутствие рыбного промысла на участке р. Яны от Батагая до р. Оюн-Юряге исследователи предположительно связали с «пагубным влиянием сточных вод» обогатительной фабрики № 418 (гипотезу косвенно подтвердили работы, проведенные в том же году гидрохимиком А.Г. Немчиновым)¹. Как показала разработка темы, этот печальный сюжет будет присутствовать на страницах научных отчетов все чаще.

Собранный эмпирический материал послужил базой для разработки исследователями ряда практических рекомендаций по оптимизации рыболовной деятельности на Яне. Рекомендации включали: предложения о варьировании численности работников Усть-Янского рыбзавода в зависимости от сезона (увеличение на период путины); передачу производства бочкотары Верхоянскому промкомбинату с соответствующим обеспечением ее перевозки судами Янского речного пароходства, а также доставку готовой продукции из рыбзавода в районы потребления.

Кроме того, рекомендовались организация лова чира в ряде мест, не используемых ранее, и ограничения на добычу муксуна, нельмы, омуля и ряпушки в целях восстановления популяции этих видов².

В 1962 г. на основе полевых работ в рамках СВКЭ ЯФ СО АН СССР, а также изучения отчетных материалов местных совхозов и обзора научной литературы В.С. Рыбников продолжил экономико-ихтиологические исследования, подготовив подробный отчет, в котором были проанализированы состояние рыболовной отрасли в северо-восточных районах Якутии и перспективы ее развития³.

Ученый мобилизовал сведения о показателях вылова рыбы, средней себестоимости и средней цены на нее, задействованных в развитии отрасли колхозных бригад и рыбаков, оснащении хозяйств необходимым промысловым инвентарем, выполнении планов по сдаче продукции государству, объему заготовки предприятиями Якутии и др. При этом В.С. Рыбников достаточно скептически отнесся к существующему в отрасли порядку вещей. Среди негативных черт, характеризующих рыболовное хозяйство региона, он, в частности, назвал промысел в устьях крупных рек и на приморских участках, регулярный перелов рыбы в бассейнах Яны, Индигирки и Колымы, производившийся зачастую за счет добычи неполовозрелых особей и молоди, по своим качественным показателям малопригодных для потребления, использование запрещенных орудий лова. Все это приводило к «быстрому изъятию» рыб, не успевавших оставить потомство, и, естественно, отрицательно сказывалось на численности популяций. Такой подход, по его мнению, был целесообразен в годы Великой Отечественной войны (в 1943 г. почти 37 тыс. ц рыбы выловлено только на Яне, что привело к резкому сокращению возможностей добычи до 1,2 тыс. ц в 1949 г.), но никак не оправдывал себя в исследуемый период.

Критику ученого вызвало и рассредоточение производства рыбной продукции в нескольких разбросанных по Якутии организациях. Это, по его данным, приводило к так называемым встречным перевозкам рыбной продукции. Например, Усть-Янский рыбзавод ежегодно вывозил свою продукцию из п. Кресты Верхоянского района в Якутск. В свою очередь, Янский и Депутатский продснабы систематически поставляли рыбную продукцию в тот же Верхоянский район из других регионов. В результате, как отметил исследователь, «только в 1959 г. на

встречные перевозки было затрачено 514 тыс. руб. и было заморожено 970,5 тыс. руб. На эти деньги можно было бы построить три рыбоводных завода...»⁴. Вызвало у ученого вопросы и качество производимой продукции. Так, были забракованы все 303 ц поступившей в 1960 г. в Якутск продукции Усть-Янского рыбзавода.

Немаловажным негативным фактором было названо также отсутствие промысловой разведки, из-за чего не осваивалось множество перспективных водоемов региона. В связи с этим В.С. Рыбников отметил недостатки, существующие в организации рыбохозяйственной науки Якутии. Проведением соответствующих исследований занимались две структуры — Ихтиологическая лаборатория Института биологии ЯФ СО АН СССР и Якутское отделение Государственного научно-исследовательского института озерного и речного рыбного хозяйства (ГосНИОРХ). Их работа, по мнению ученого, слабо координировалась, а малочисленный штат (в лаборатории было всего 6 сотрудников) не позволял проводить изыскания в необходимых масштабах и с достаточной степенью оперативности.

В.С. Рыбников подробно остановился и на проблеме ценообразования — розничные цены формировались без учета вкусовых качеств, жирности и питательности различных пород прорыб. Решить ЭТУ проблему были выполненные ученым расчеты оптимальных заготовительных и розничных цен, одним из важнейших критериев которых выступало качество поставляемого сырья. Цены, в частности, предлагалось дифференцировать в зависимости от периода лова рыбы (зимняя, как правило, дороже) и размеров. Последнее подразумевало и упразднение заготовительных цен на маломерную рыбу, что было призвано повысить качество производимой продукции и обеспечить сохранность популяций — вылов молоди терял бы экономический смысл.

Среди других рекомендаций ученого: прекращение рыболовецкой деятельности на участках в устьях Яны, Индигирки и Колымы, что позволило бы, по его мнению, увеличить вылов крупной рыбы в низовьях и средних течениях рек; организация искусственного рыборазведения на Яне; промысловое освоение богатых рыбой озер северо-востока Якутии; механизация лова и переработки рыбы на местах; поставка в регион рефрижераторных катеров; строительство больших ледников в поселках Куйга и Батагай; упорядочение системы поставок рыб-

ной продукции для ликвидации «встречных перевозок»; объединение ихтиологических лабораторий Института биологии ЯФ СО АН СССР и Якутского отделения ГосНИОРХ под эгидой Академии наук с укреплением кадрового потенциала новой структуры; создание Министерства рыбной промышленности ЯАССР⁵.

Совместно к.э.н. Ф.И. Головных И Е.Д. Конниковым В.С. Рыбников также подготовил отчет о состоянии и перспективах развития сельского хозяйства в северо-восточных районах Якутии. В отчет, который был написан на основе полевых исследований, проведенных авторами в рамках СВКЭ в 1959-1961 гг., изучения плановой и отчетной документации по деятельности совхозов, колхозов и подсобных хозяйств, материалов Якутской землеустроительной экспедиции Министерства сельского хозяйства РСФСР, Якутского статистического управления и научной литературы, естественно, вошли многие из положений, представленных в работах Е.Д. Конникова и В.С. Рыбникова. Вместе с тем следует отметить скрупулезный анализ собпри анализе современного состояния материала скотоводства, коневодства и земледелия (площадь угодий, динамика поголовья и производства продукции, ее себестоимость и др.) в регионе. Исследователи определили важнейшие проблемы, аналогичные для названных отраслей, установили имеющиеся и потенциальные ресурсы по увеличению производства мяса, молока, картофеля и других овощей. Одновременно были даны рекомендации, касающиеся целесообразной специализации совхозов и колхозов северо-востока ЯАССР, перспектив отдельных видов животноводческой и плодоовощной продукции, рационализации деятельности аграриев, повышения технической оснащенности сельскохозяйственных предприятий⁶.

Еще одним направлением экономических изысканий, организованных в рамках Северо-Восточной комплексной экспедиции ЯФ СО АН СССР, стали вопросы развития транспорта. В 1959 г. члены транспортного отряда экспедиции м.н.с. отдела экономики ЯФ СО АН СССР Б.В. Белинский и лаборант А.Я. Алексеев провели полевые исследования в районе Яны и Адычи. На основе собранного материала, а также изучения статистических данных и научной литературы в том же году был подготовлен отчет, в котором рассматривался транспортно-логистический потенциал Янского бассейна. В работе была представлена характеристика современного состояния хозяйства и

внешних транспортных связей изучаемого региона, включая СМП и Ленский каботаж; осуществлен анализ гидрологических особенностей Яны и Адычи, их влияния на судоходные условия в различные периоды навигации; определены возможные меры по оптимизации судоходства⁷.

Работу по сбору полевого материала участники транспортного отряда СВКЭ Б.В. Белинский, И.Н. Штырев (м.н.с. отдела экономики ЯФ СО АН СССР) и А.Я. Алексеев продолжили в 1960 и 1961 гг. в бассейнах Индигирки, Омолоя и Алдана. В 1962 г. исследователи подготовили итоговый отчет, в котором рассмотрели природно-климатические условия восточных районов Якутии в контексте их влияния на продолжительность эксплуатации водных путей, автомобильных зимников (дороги, проложенные по смерзшейся почве и поверхностному льду водоемов) и воздушного транспорта; обобщили данные по объемам и себестоимости перевозок; выявили факторы, влияющие на удорожание транспортировки грузов. Основное внимание уделялось анализу развития основных речных магистралей — Яны и Индигирки. В частности, авторы отчета установили экономическую эффективность перевозок грузов на Индигирку из Тикси, определили влияние увеличения глубин Яны на себестоимость транспортировки. Кроме того, в отчете была представлена характеристика подъездных путей к основным промышленным узлам региона. Исследователи выявили оптимальные магистрали транспортных подходов (типы дорог, сочетание видов сообщения), позволяющих осуществлять индустриальное освоение в минимально возможные сроки при наименьших затратах. Например, снабжение всего северо-востока Якутии сельскохозяйственной продукцией рекомендовано осуществлять воздушным транспортом из Хандыги8.

Б.В. Белинский и А.Я. Алексеев занимались в рамках СВКЭ также изучением проблемы эффективного размещения обогатительных фабрик с точки зрения организации водоснабжения. Источниковой базой разработки темы послужили полевые изыскания, материалы наблюдений гидрологических партий Дальстроя и станций Якутского управления Гидрометслужбы, а также научные работы. В результате были определены возможные источники водоснабжения индустриальных объектов северо-востока Якутии, а также рассчитана себестоимость добычи полезных ископаемых на предприятиях основных промышленных узлов (Депутатский, Центрально-Янский, Южно-Янский и Хан-

дыгский), исходя из двух важнейших факторов — строительства обогатительных фабрик либо непосредственно у месторождения с подачей воды по высоконапорному трубопроводу, либо у водоема с транспортировкой руды. Полученные данные позволили экономистам разработать схему оптимального размещения фабрик на важнейших месторождениях олова и полиметаллов: Депутатском, Кестерском, Бургочанском, Илинтасском, Алысхайском, Агылкинском, Верхне-Менкеченском, Кутинском и Зарницком⁹.

Кроме того, Б.В. Белинский, Б.Н. Бунин, И.И. Биниауришвили и С.Д. Паньшин, а также к.г.-м.н. Т.И. Анодин изучили состояние и перспективы развития строительной индустрии в районах функционирования оловодобывающей промышленности на северо-востоке Якутии. Исследование включало подробный анализ имеющихся в регионе запасов минеральных строительных материалов и определение наиболее эффективных путей их использования¹⁰.

Изыскания участников СВКЭ ЯФ СО АН СССР охватили также вопросы развития лесной промышленности и выявления потенциала трудовых ресурсов. Исследователи произвели количественную и качественную оценки запасов древесины в регионе, подготовили рекомендации по организации деревообрабатывающего производства в Верхоянском районе, необходимого для обеспечения потребностей оловодобывающей промышленности, произвели расчеты требуемых капиталовложений в развитие отрасли и потребности в рабочих кадрах¹¹. Вопросам же потребностей в рабочих кадрах оловодобывающих предприятий было посвящено исследование Я.Т. Васильева. Ученый составил характеристику имеющихся в Верхоянском районе трудовых ресурсов (численный и качественный состав, распределение по отраслям хозяйства), рассмотрел практику их использования на местных горнодобывающих предприятиях и оценил перспективные потребности в кадрах различной квалификации12.

Организация СВКЭ является важным маркером, характеризующим рост значения исследовательской деятельности в арктических районах Якутии в рассматриваемый период. Однако несмотря на то, что эти изыскания носили комплексный характер и включали социогуманитарные инициативы, очевидно, что они полностью вписывались в доминантную ресурсную модель освоения Советской Арктики. В ее рамках, как отмечалось, фак-

тически все целеполагание подчинялось интересам развития сырьевого сектора экономики. Основным апологетом такого подхода являлись союзные власти¹³. Позиция же региональных управленческих структур по этому вопросу в историографии практически не рассматривалась. Однако определенные выводы на примере Якутии можно сделать и из материалов, относящихся к теме данного исследования. О реакции руководства республики на итоговое содержание изысканий, проведенных в рамках Якутской комплексной экспедиции СОПС АН СССР, есть информация в предыдущем разделе. Однако, пожалуй, именно на примере 60-х гг. ХХ в. наиболее рельефно прослеживается заинтересованность региональных властей в действительно комплексном освоении северных территорий, включавшем все сферы социально-экономического развития.

17 сентября 1963 г. Бюро Якутского обкома КПСС приняло постановление о проведении научно-исследовательских работ по проблемам развития Крайнего Севера. В том же году в план научно-исследовательских работ Якутского филиала СО АН СССР была включена тема «Пути развития экономики, культуры и улучшения быта народов Севера в период перехода от социализма к коммунизму (на примере Якутии)». Причем при обсуждении основных параметров ее разработки члены Президиума ЯФ СО АН СССР приняли решение ограничить ареал проведения изысканий именно северными районами республики.

Основу реализации инициативы должны были составить полевые исследования. В связи с этим решением Президиума ЯФ СО АН СССР от 20 декабря 1963 г. создавалась Якутская северная комплексная экспедиция (ЯСКЭ). Начальником экспедиции был назначен сотрудник отдела экономики ЯФ СО АН СССР к.э.н. К.Г. Кондаков, его заместителями — Г.И. Иванов, А.Г. Немчинов и Н.И. Степанова. К.Г. Кондаков, наряду с председателем ЯФ СО АН СССР, д.т.н. Н.В. Черским и его заместителем к.э.н. Н.В. Антипиным, также вошел в состав научных руководителей разработки темы «Пути развития экономики, культуры и улучшения быта народов северных районов Якутии в период перехода от социализма к коммунизму»¹⁴.

1 апреля 1964 г. на заседании республиканского совета по проблемам Севера были утверждены тематический план и программы научно-исследовательских работ по разделам темы¹⁵. В обсуждении этих документов принимали участие специалисты различных учреждений страны. В частности, подробные реко-

мендации подготовили сотрудниками Отдела гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства (ОГИ ИЭОПП) СО АН СССР (г. Новосибирск)¹⁶. Представляется любопытным, что в данных рекомендациях отдельно отмечалась недостаточная амбициозность планируемых этнографических исследований. Как будет показано далее, с 60-х гг. ХХ в., после своеобразного бума предыдущего десятилетия, масштабы работы этнографов в арктических районах Якутии действительно стали сокращаться.

Активно содействовали реализации инициативы органы власти республики. Например, Министерство культуры ЯАССР направило на места распоряжения, обязывающие предоставлять исследователям необходимые материалы¹⁷.

Изыскания в рамках экспедиции и разработки темы в целом начались в апреле 1964 г. и продолжались до конца 1965 г. Участники инициативы изучили широчайший круг вопросов: условия быта и жизни народов Севера Якутии, состояние культуры, просвещения и искусства (д.и.н., профессор Ф.Г. Сафронов, к.п.н. Н.Е. Егоров, к.и.н. И.А. Потапов, Н.С. Евсеева. М.Я. Жорницкая, Д.А. Данилов, З.Т. Тюнгюрядов); промышленность и ее влияние на изменение жизни народов Севера (к.э.н. В.Г. Мельников, Б.А. Антонов, Е.Г. Егоров); сельское хозяйство и промыслы (к.э.н. Ф.И. Головных, к.в.н. В.И. Веселов, к.в.н. В.А. Поликарпов, к.б.н. М.К. Слепцов, Е.Д. Конников, М.Е. Степанов, Н.И. Ча, Л.П. Дорохова, Л.И. Щербаков); ресурсы охотничьего промысла (к.б.н. О.В. Егоров); экономика рыбного про-(Г.И. Иванов, В.С. Рыбников); энергетика Г.М. Чудинов, Р.П. Колодезников, Г.С. Ли, В.С. Горбунов); транспорт и связь (к.г.н. Б.В. Белинский, И.Н. Штырев, А.Я. Алексеев); леса и лесная промышленность (С.Д. Паньшин, Е.К. Цой); здоровье населения (к.м.н. П.А. Петров, к.м.н. Р.А. Петров, к.м.н. Н.И. Строд, заслуженный врач ЯАССР Н.К. Субботина, врачи: А.П. Ушницкий, В.Е. Жиренко, К.В. Корнилов, К.Р. Вешникова, К.Я. Иванова, Л.И. Корякина, В.А. Григорьева, А.С. Колесова и др.); строительство и промышленность строительных материалов (В.Т. Царев, Ю.П. Максимов, А.Г. Андронова); население и трудовые ресурсы (Я.Т. Васильев, З.М. Дмитриева); размещение населенных пунктов (к.э.н. К.Г. Кондаков, Я.Т. Васильев, С.В. Данилов, З.М. Дмитриева)18. Представляли названные специалисты, помимо Якутского филиала СО АН СССР, Якутский госуниверситет, Якутский научно-исследовательский институт сельского

хозяйства, Министерство здравоохранения ЯАССР, Якутский филиал Института национальных школ и Якутскую республиканскую библиотеку. Изыскания, таким образом, носили межведомственный характер.

В соответствии с программой работ экспедиции предполагалось проведение исследований в 14 районах республики — Абыйском, Аллаиховском, Анабарском, Бабушкинском, Булунском, Индигирском, Колымском, Момском, Оймяконском, Оленекском, Приморском, Янском, Средне- и Нижнеколымском (в соответствии с административной реформой 1963 г. в Якутии был образован ряд новых районов, просуществовавших в основном 1-2 года; для ясности далее будут употребляться современные названия)¹⁹. Однако в силу нехватки времени, как отметили в итоговом отчете организаторы инициативы, изысканиями удалось охватить: Абыйский, Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Верхоянский и Усть-Янский (Янский), Жиганский (При-Момский, Оленекский, Верхне-(Колымский), Средне- и Нижнеколымский районы. С учетом того, что территория бывшего Саккырырского района к этому времени была распределена между Верхоянским и Кобяйским районами, исследованиями были затронуты все 13 современных арктических районов Якутии. Охват, таким образом, имел достаточно впечатляющие показатели. При этом в основу полевых работ был положен принцип комплексности, заключавшийся в «одновременном посещении отдельных населенных пунктов и объектов изучения специалистами разных профилей» — исключением стала только деятельность участников социоэтнографического отряда, проводивших исследования самостоятельно²⁰.

На основе полевых исследований, анализа научной литературы, а также привлечения разнообразного статистического и иного документального материала ученые подробно охарактеризовали важнейшие проблемы в жизни местного населения и развитии арктических районов Якутии, а также разработали рекомендации и предложения по улучшению существующего положения.

Участники социоэтнографического отряда ЯСКЭ в апреле — мае 1964 г. посетили наиболее репрезентативные, по их мнению, населенные пункты Момского, Аллаиховского, Верхне-, Средне-и Нижнеколымского районов, а весной следующего года — Оленекского и Анабарского. В Момском районе исследователи работали в административном центре с. Хонуу, а также в

с. Улахан-Чистай (Сасыр), в котором располагалось отделение совхоза «Момский». В Аллаиховском районе изыскания проводились в центре Юкагирского наслега с. Ойотунг. В районах бассейна Колымы — в селах Андрюшкино, Колымское, Нелемное и Березовка. Наконец на северо-западе Якутии были посещены села Саскылах (районный центр Анабарского района), Халганнах, Юрюнг-Хая (отделение совхоза «Анабарский»), Жилинда (отделение совхоза «Оленекский») и Эйик (центр колхоза «Эйикский»)²¹.

В соответствии с программой работ исследователи собирали материалы, характеризующие жилищно-бытовые условия, погребальный обряд, традиционную одежду, современную семью, семейные отношения и бюджет, гендерные роли, сферы образования и культуры 22 .

Рассматривая состояние благоустроенности сельских поселений, специалисты пришли к выводу, что ни одно из них не отвечало «элементарным санитарно-гигиеническим требованиям». В посещенных населенных пунктах отмечалась «исключительно низкая» обеспеченность электроэнергией. Большая часть поселений не имела плановой застройки. На одного человека в среднем приходилось не более $3 \, \text{м}^2$ жилой площади, а в Анабарском, Аллаиховском и Абыйском — $1,5 \, \text{м}^2$. При этом основной массив жилого фонда находился в непригодном для эксплуатации состоянии. Практически отсутствовало бытовое обслуживание населения (4 парикмахерские, 3 пошивочные мастерские и ни одного банно-прачечного комбината на все сельские поселения исследуемых районов) 23 .

Отдельного упоминания заслуживает описанная учеными деятельность образовательных учреждений. Согласно полученным в ходе полевых исследований данным, «почти во всех детских яслях и садах» работали «случайные люди», не имевшие специальной подготовки и закончившие 5–6 классов общеобразовательной школы. Это приводило, по мнению исследователей, к отставанию в развитии детей. Не могло исправить ситуацию и домашнее воспитание — большинство родителей сами имели низкий уровень образования. В этой связи была поддержана идея создания детского журнала на якутском языке, а также распространения грампластинок со сказками, стихами и песнями. Сложной ситуация была и в школах-интернатах, предназначенных, как уже упоминалось, прежде всего для детей оленеводов, охотников и выходцев из многодетных семей. Родители

должны были оставлять их осенью в поселке, где располагался интернат, и забирать после окончания учебного года. Однако такая практика имела «досадное несоответствие» с бытом оленеводов — оленеводческие стада весной на длительный срок отправлялись на северные пастбища, а летом интернаты закрывались и детям негде было жить. Для исправления этой ситуации, приводившей к постоянным конфликтам между школой и родителями, участники ЯСКЭ предложили изменить сроки учебного года — начинать его 15 августа и завершать в мае. Еще одним проблемным моментом исследователи назвали передачу питания детей в распоряжение торгующих организаций, что «резко ухудшило положение дел по всему Северу Якутии». В результате зачастую единственным достоинством предлагаемой пищи, по тонкому замечанию ученых, являлось «только то, что она горячая». Дети же постоянно недоедали²⁴.

Дополняли такую грустную картину условий жизни местного населения данные изысканий, проведенных участниками медико-биологического отряда ЯСКЭ в 16 населенных пунктах Среднеколымского, Аллаиховского, Верхоянского и Усть-Янского районов. Эти исследования показали, что только 30% взрослого населения могут быть признаны «практически здоровыми». Наиболее широко распространенным заболеванием при этом являлся туберкулез легких, что во многом обусловливалось плохой материальной базой медицинских учреждений на местах, зачастую размещавшихся в тесных, неприспособленных помещениях. Данные учреждения не имели либо необходимого оборудования, либо специалистов, умеющих этим оборудованием пользоваться. Расположение же туалетов по берегам рек и озер вело к распространению кишечных инфекций. Другими факторами, негативно влияющими на состояние здоровья местного населения, были названы перебои в обеспечении населения мясом и рыбой, отсутствие молочных продуктов, свежих овощей и фруктов 25 .

Достаточно острые вопросы ставились исследователями также при анализе экономической ситуации в северных районах Якутии и разработке мер по развитию хозяйства коренного населения.

Участники изысканий составили краткую характеристику основных отраслей горнодобывающей промышленности, которую они назвали «решающим благоприятным фактором развития производительных сил»²⁶ арктических районов республики. Исследователи отметили наиболее перспективные месторожде-

ния алмазов, золота, олова, вольфрама, полиметаллических руд и угля; рассмотрели возможности их освоения с точки зрения вопросов обеспечения необходимой инфраструктурой.

Однако более интересным представляется тот факт, что наряду с этим, в общем-то традиционным направлением исследований, серьезное внимание также уделялось, очевидно, впервые проведенному в Якутии на подобном уровне анализу влияния форсированного развития промышленности на местное население. Вместе с тем следует оговориться, что этот анализ был призван не столько найти ответы на вопрос, чего может лишить форсированное индустриальное освоение коренных жителей, а выяснить потенциальные возможности позитивного воздействия на уровень их социально-экономического благосостояния. Так, специалисты подробно остановились на необходимости привлечения представителей коренных народов республики к деятельности промышленных предприятий — вопрос, который актуален до сих пор. При этом отмечалась «нецелесообразность» массовости подобного шага в силу отрицательных последствий для традиционных отраслей хозяйства. В целом же исследователи указали на слабость производственных связей между промышленными и аграрными предприятиями. Данный факт, по их мнению, обусловливался прежде всего очаговым характером индустриального освоения, в результате которого получали развитие только территории, прилегающие к наиболее богатым месторождениям полезных ископаемых, находившихся, как правило, на значительном удалении от мест проживания коренного населения. В качестве примера была приведена ситуация с электрификацией, в ходе которой «все промышленные электростанции Севера были построены без учета потребностей предприятий сельского хозяйства»²⁷.

В результате участники изысканий сделали неутешительный вывод о фактическом отсутствии «сколько-нибудь существенного» позитивного влияния создания в арктических районах Якутии промышленности на представителей аборигенных этносов. В этой связи специалисты подготовили следующие рекомендации: привлечение коренного населения к деятельности промышленных предприятий в плановом порядке; сочетание промышленного и сельскохозяйственного труда на основе совмещения профессий с целью повышения эффективности использования имеющихся трудовых ресурсов; учет интересов сельских поселений при развитии инфраструктуры индустриальных объектов²⁸.

Отдельный блок исследований был посвящен изучению проблем развития сельского хозяйства. Ученые подготовили подробный анализ состояния аграрного сектора в арктических районах Якутии. В частности, они привели основные производственные показатели совхозов региона, отметили важнейшие характерные для этих предприятий недостатки (отсутствие четко выраженной специализации и учета природно-экономической целесообразности производства той или иной продукции, низкий уровень механизации, слабые качественные показатели производства ряда отраслей). Кроме того, исследователи определили наиболее эффективные с экономической точки зрения направления развития совхозов ареала с учетом природноклиматических и инфраструктурных особенностей их деятельности²⁹.

Специально были рассмотрены также «узкие места» в функционировании каждой из основных сельскохозяйственных отраслей. Так, важнейшей проблемой позитивной динамики оленеводства ученые назвали вопросы пополнения кадрового состава молодежью, что обусловлено, по их мнению, прежде всего тяжелыми бытовыми условиями жизни оленеводов. Для исправления ситуации был предложен ряд мер, которые предполагали развитие путей сообщения и скорейшее внедрение достижений науки и техники в отрасль (новые транспортные средства, жилища, познания в области физиологии животных и др.). С этой целью, в частности, участник ЯСКЭ В.А. Поликарпов провел опыты по подкормке оленей смесью комбикорма, карбамида и поваренной соли, что позволило на протяжении более месяца содержать оленей без перекочевок.

Анализируя вопросы развития охотничьего промысла, исследователи отметили, что именно реорганизация данной отрасли хозяйства является «наиболее трудной и в то же время неотложной» — пушнина все еще оставалась важным экспортным товаром. При этом негативную тенденцию имели показатели добычи зверя и численности охотников (2-кратное снижение за 10 лет). В качестве причин этого были названы период и способы охоты, являвшиеся «в большей мере продолжением исторических традиций» и не вызывавшиеся «разумной необходимостью».

В частности, специалисты подвергли критике чрезмерные, на их взгляд, сроки добычи зверя, которые приводили к переутомляемости охотников. С этой целью предлагалось сократить временные промежутки, выделяемые для промысла, и связать

их с периодами, когда пушнина имеет наивысшее качество, при одновременном увеличении числа работников отрасли. Одним из шагов на этом пути, по мнению ученых, должны были стать изменения в администрировании — рекомендовалось, чтобы совхозам спускались плановые показатели не по количеству «выставленных» охотников и добытой пушнины, а исключительно по объему заготовок в ценностном выражении, сроки же и количество привлеченных к добыче людей определялись бы на местах.

Любопытно, что участники изысканий попытались установить сравнительную экономическую эффективность якутской пушнины как валютного товара. Расчеты показали, что ее продажи на мировом рынке были в 6 раз выгоднее экспорта угля, в 2,3 раза — нефтепродуктов, в 1,4 раза — пиломатериалов. Среди других мероприятий, необходимых для развития охотничьего промысла, были также названы запрет отстрела самок дикого оленя для восстановления популяции этого вида и повышение эффективности клеточного звероводства. Последнее, в частности, предусматривало отказ от использования высокосортной рыбы в качестве корма, о чем еще 10 годами ранее, как мы помним, писал И.С. Гурвич³⁰.

В области развития скотоводства и мясного табунного коневодства ученые выявили «значительные неиспользованные возможности». В этой связи было рекомендовано четко дифференцировать направленность деятельности хозяйств арктических районов Якутии в зависимости от природно-климатических условий. Так, ограниченные ресурсы тундровой и западной лесотундровой зоны обусловливали, по мнению исследователей, необходимость их специализации исключительно на производстве молока. Имеющие же большее количество дешевого подножного корма хозяйства, расположенные за пределами тундровой зоны, должны были также заниматься племенной работой. Кроме того, участники экспедиции подготовили предложения по улучшению производственно-бытовых условий рабочих и доведению производства говядины в Северо-Восточной горно-таежной и Индигирско-Колымской горно-равнинной зонах «до таких размеров, которые дадут возможность не только полностью удовлетворить потребности местного населения», но и вывозить полученную продукцию в другие районы республики³¹.

Для дальнейшего развития коневодства, являвшегося, к слову, по расчетам исследователей, второй после оленеводства по

доходности отраслью сельского хозяйства Якутии, рекомендовалось установление новых обоснованных закупочных цен, производство мелиоративных работ, организация кумысных ферм и благоустройство быта табунщиков³².

Рыбное хозяйство исследуемых районов характеризовалось, по заключению участников Якутской северной комплексной экспедиции, «затянувшимся застоем». Причинами этого застоя являлись отсутствие «глубоких разносторонних научных изысканий», а также резкое сокращение запасов рыбы на старых угодьях.

Изучение потенциальной сырьевой базы и, как следствие, вовлечение в хозяйственный оборот новых водоемов при одновременном улучшении материально-технического обеспечения рыболовецких предприятий должны были, на взгляд исследователей, обеспечить развитие отрасли. Особое значение при этом они придавали северо-восточной окраине Якутии, где сосредоточены 75 тыс. потенциально пригодных для рыболовства больших и малых озер. По мнению ученых, первым шагом на пути освоения этих озер должна была стать организация комплексной экспедиции с участием квалифицированных специалистов по добыче и обработке рыбы, ихтиологов и экономистов.

В качестве примера были приведены осуществленные в рамках ЯСКЭ в 1965 г. исследования Чебагинских озер, в которых, наряду с членами экспедиции, принимали участие специалисты Колымского рыбного завода и Якутского отделения Сибирского научно-исследовательского института рыбного хозяйства. Проведенные изыскания позволили разработать рекомендации по организации экспедиционного лова, что, по расчетам ученых, давало большой экономический эффект и ликвидировало необходимость лова рыбы в наиболее суровое время зимнего периода.

Кроме того, участники ЯСКЭ предложили создать в п. Черский рыбный завод мощностью в 20 тыс. ц/год, поставляющий как свежую, так и переработанную рыбу — соленую, копченую, балычные изделия. Значительный потенциал для развития рыболовства имел и Аллаиховский район. Здесь также рекомендовалась организация комплексной экспедиции. В то же время водоемы северо-западных районов Якутии и Нижнеленская рыбопромысловая провинция, по мнению ученых, «не представляли значительного интереса» в плане промышленного лова. В связи с этим они предложили снять в этих районах все административные ограничения на лов рыбы для коренного насе-

ления. Эта мера должна была «решительно улучшить» рацион питания местных жителей. При этом признавалось, что в настоящее время население обеспечивалось рыбой «неудовлетворительно» 33 .

Наряду со строительством в Нижнеколымском районе рыбного завода, участники Якутской северной комплексной экспедиции предложили создать здесь райпищекомбинат для производства колбас, молочных, кондитерских и винно-водочных изделий, пива и безалкогольных напитков, а также переработки дикорастущих³⁴.

Важное место в исследованиях участников ЯСКЭ занимало и изучение транспортно-логистических проблем развития арктических районов ЯАССР. Ученые проанализировали данные по пассажиро-, почто- и грузообороту 10 крупнейших транспортных узлов северных районов Якутии и на их основе определили удельный вес того или иного вида транспорта (воздушный, водный, автомобильный) в перевозках в целом по Северу и для каждого из районов, их себестоимость, объемы на одного жителя³⁵. Одновременно исследователи выполнили расчет оптимальных по себестоимости маршрутов доставки грузов. Для Момского, Абыйского, Оленекского, Анабарского и Усть-Янского, например, это была комбинация железнодорожных перевозок до Осетрово, речных до Якутска и воздушных на самолетах типа АН-12 и в перспективе АН-22 до места назначения. Для перевозок массовых грузов (нефтепродукты, строительные материалы и др.) предлагалось сохранить действующие, в основном речные, схемы. При этом основную роль должна была играть модернизация транспорта: широкое внедрение снегоходов (в особенности в оленеводство), новых типов самолетов, вертолетов, дирижаблей и речных судов³⁶.

Одновременно участники ЯСКЭ проанализировали состояние топливо- и энергоснабжения в арктических районах республики. Ожидаемо ситуация оказалась достаточно тяжелой — основным топливом в большинстве мест проживания коренного населения по-прежнему оставались дрова, заготавливать которые с каждым годом становилось все труднее — и без того редкий растительный покров в окрестностях многих населенных пунктов был сведен к закритическому минимуму. Рекомендации, разработанные исследователями для развития данной сферы хозяйства, сводились к следующему: централизация отопления жилых и производственных зданий; переход в Аллаиховском

и Анабарском районах, а также совхозе «Усть-Янский» с использования дров на нефтепродукты, в колымских районах — на уголь с Зырянского месторождения, в Булунском и Жиганском — из п. Сангар; организация промышленных опытов по использованию угольных брикетов, твердого газа и твердых нефтепродуктов в бытовых отопительных приборах³⁷.

В тесной связи с предыдущим пунктом, а также с вопросами строительства рассматривались проблемы развития лесной промышленности. Ученые осуществили оценку лесов по природно-климатическим зонам и выделили площади, имеющие промышленное значение. В частности, проблемы обеспечения лесоматериалами Янского района предлагалось решить за счет имеющихся местных ресурсов, расположенных в бассейнах рек Сартанг, Дулгалах и Адыча, в то время как Момский, Абыйский и Аллаиховский районы должны были, по мнению участников изысканий, снабжаться привозной продукцией³⁸.

Упомянутые выше проблемы строительства в арктических районах Якутии были названы участниками ЯСКЭ одним из основных факторов, ограничивающих рост качества жизни коренного населения. Это обусловливалось, по их мнению, отсутствием учета природно-логистических особенностей (огромная слабозаселенная территория, сезонность транспортных связей, высокая себестоимость доставки грузов и проведения требуемых работ, недостаток рабочей силы, короткое лето и продолжительное зимнее время) и автоматическим переносом шаблонов, используемых при строительстве в центральных районах, а также игнорированием «фактора социологического порядка» — одними их самых тяжелых условий жизни в стране, что диктовало необходимость концентрации усилий на форсировании решения жилищно-коммунальных проблем именно в исследуемом ареале.

Решение «жилищного вопроса» требовало, по расчетам участников изысканий, капитальных вложений в размере 230 млн руб., завоза 116 тыс. м² жилой площади крупнопанельных домов из Красноярска и Владивостока, а также 380 тыс. м² деревянных из Южной Якутии, Игарки, Находки и др., внедрения в строительство сверхлегких и высокотранспортабельных конструкций, которые, однако, еще находились в стадии разработки. Одновременно прорабатывался второй вариант — организация непосредственно в северных районах республики строительных предприятий, которые использовали бы местное сырье. В связи с этим участники изысканий определили наиболее пригодные для производства

стройматериалов месторождения и потенциальные места выработки продукции с учетом специфических условий развития инфраструктуры. Выполненные расчеты, однако, показали, что этот вариант требовал еще больших финансовых средств и не оправдывал себя также в плане сроков реализации³⁹.

Таким образом, рекомендации, высказанные участниками ЯСКЭ по итогам проведенных изысканий, зачастую были достаточно смелыми. Однако более решительной оказалась генеральная идея ученых — для кардинального улучшения уровня жизни населения арктических районов Якутии, по их мнению, была необходима его концентрация в крупных населенных пунктах. В качестве аргументов своей позиции исследователи представили ряд доводов, безусловно, имевших под собой серьезные основания. Некоторые из них целесообразно привести в данной работе. Во-первых, в малых поселениях было крайне затруднительно осуществить электрификацию, обеспечить население больницами, школами, домами культуры и другими культурно-бытовыми учреждениями, которые по своему оснащению могли бы отвечать современным стандартам. Во-вторых, реконструкция всех малых населенных пунктов потребовала бы большего времени, чем строительство в каждом районе 2-3 сравнительно крупных поселков. В-третьих, постоянное проживание людей в таких компактных деревнях и селах приводило к смешению крови со всеми вытекающими отсюда последствиями. В-четвертых, рассредоточенность населения тормозила внедрение новой техники и облегчение тем самым тяжелейших условий трудовой деятельности. В-пятых, существующее положение дел вело к частым отрывам детей от родителей (школы-интернаты), что пагубно сказывалось на семейных связях и сохранении традиционной культуры⁴⁰.

Следует отметить, что в качестве гипотезы идея концентрации населения выдвигалась руководством ЯСКЭ еще до начала полевых исследований, что, в частности, вызвало вопросы специалистов ОГИ ИЭОПП СО АН СССР при анализе программы работ⁴¹. Возможно, определенное влияние на ее появление оказала популярная в те годы концепция ликвидации «неперспективных» деревень, остро критикуемая в последние десятилетия, когда отчетливо проявились негативные последствия этого шага.

Точно неизвестно, в какой степени органы власти учитывали названные выше предложения ученых, однако из всех реко-

мендаций, выработанных в результате проведения ЯСКЭ, именно позиция о сокращении населенных пунктов наиболее полно претворилась в жизнь. В течение 60–70-х гг. ХХ в. количество населенных пунктов в Якутии снизилось с 4423 до 764. Остальные же исследовательские наработки, реализация которых и должна была дать ту самую комплексность развития, если и осуществились на практике, то фрагментарно. В частности, некоторые рекомендации нашли отражение в постановлении Якутского бюро обкома КПСС и Совмина Якутии «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» 42, принятом в июле 1968 г.

Очевидно, что осуществить разработанные учеными мероприятия без поддержки союзных властей было невозможно. Ориентация же «центра» на первоочередное развитие добычи полезных ископаемых и в этой связи «очаговый» характер освоения арктических районов Якутии оставалась бичом вплоть до конца рассматриваемого периода, который, по грустной иронии, сейчас считается, и во многом справедливо, самым благополучным в истории региона. Кроме того, достаточно трудно оценить, какую роль сыграли предложения ученых при реализации той или иной инициативы, если в документах не отложилось соответствующих отсылок. Проведенная работа позволила лишь установить, что, наряду с укрупнением населенных пунктов, в арктических районах Якутии со временем произошла централизация отопления жилых и производственных помещений с переходом на угольное или дизельное топливо; в Черском некоторое время функционировал мясомолочный комбинат, а в конце 80-х гг. ХХ в. Колымстрой создал собственную линию по производству панельного домостроения.

Помимо комплексных экспедиционных работ, в 60-е гг. XX в. получили продолжение также специализированные исследования. Так, в 1962 г. в арктических районах Якутии вновь работал И.С. Гурвич. На этот раз в качестве начальника северовосточного отряда Северной экспедиции ИЭ АН СССР он проводил изыскания в Оленекском и Нижнеколымском районах Якутии. Помощь в сборе эмпирического материала И.С. Гурвичу оказывал его ученик, аспирант ИЭ АН СССР Н.А. Алексеев. Целью исследований было выяснение текущего социально-экономического положения представителей коренных народов Севера.

Проведенные изыскания показали, что в целом условия жизни представителей аборигенных этносов не стали лучше.

Более того, в связи с реорганизацией колхозов в совхозы уже упоминавшаяся в рассмотренных выше работах ученого проблема обеспечения местного населения привычным рационом питания (мясо и рыба) только усугубилась, так как при новой форме коллективного хозяйствования труд оплачивался исключительно деньгами, натуральные же выдачи были полностью прекращены. Это привело к ситуации, при которой «потребление населением привычных традиционных национальных продуктов настолько сократилось...», что существование коренного населения⁴³ стало вызывать серьезные опасения. По сведениям И.С. Гурвича, раньше один мужчина употреблял в среднем 1,5-2 кг мяса в день, а нередко 3-4 кг. В 1962 г. же в Оленекском совхозе оленеводам отпускалось только 7 кг мяса по себестоимости (40-50 коп) на 1 чел. в месяц, или 200-230 г в день. Охотники же получали еще меньше — 150 г. В итоге население было вынуждено покупать мясо по розничным ценам — 2 руб. 20 коп. за 1 кг при среднем доходе 80-100 руб. Досадный парадокс ситуации заключался в том, что такие высокие цены были установлены правительством специально, чтобы поддержать оленеводческие колхозы и повысить уровень жизни аборигенных этносов.

Положение усугубляли недолов рыбы, практически полное исчезновение диких оленей — традиционного источника дополнительного пропитания северных народов, а также неоднократно называвшийся исследователями ранее такой лимитирующий фактор развития, как фактическое отсутствие личных подсобных хозяйств. При этом даже подобные, минимальные, объемы выловленной рыбы, а также недостающаяся работникам совхоза оленина шли на корм лисиц и песцов в звероводческие хозяйства, приносившие ежегодный убыток. Поэтому И.С. Гурвич вновь поставил вопрос о нецелесообразности насаждения нетрадиционных видов хозяйствования (по крайней мере, в существовавших масштабах).

Рекомендации, выработанные ученым, сводились к сокращению количества разводимых зверей до такого, которое можно было бы прокормить за счет отходов. Это позволило бы освободить трудовые ресурсы, способные интенсифицировать оленеводство и охоту, а также сэкономить мясо, что могло дать возможность улучшить рацион питания представителей аборигенных этносов и сделало бы более эффективной дорогостоящую борьбу с туберкулезом⁴⁴.

Рассмотренные материалы фактически резюмируют изыскания И.С. Гурвича, проведенные в арктических районах Якутии, — вскоре ученый сосредоточится на исследовании народов Чукотки и Камчатки. Следует отметить, что в последующем подобные критически направленные оценки применительно к фундаментальным аспектам условий жизни аборигенных этносов региона автору данной работы удалось встретить только в исследованиях уже перестроечного периода. К сожалению, нет уверенности, что здесь сказалось действительное улучшение социально-экономического положения проживающих в Заполярной Якутии представителей коренных малочисленных народов Севера, и комплиментарный характер работ, в которых могли критиковаться лишь частности, обусловлен именно этим, а не другими факторами.

При этом, как свидетельствует выявленный источниковый материал, исследования И.С. Гурвича продолжали сохранять достаточно критическую позицию в оценке социально-экономической и этнокультурной ситуации среди аборигенных этносов Российской Арктики, которую он не боялся доводить до органов власти различного уровня. Так, по результатам экспедиционных исследований, проведенных в Шмидтовском районе Чукотского национального округа Магаданской области в 1975 г., ученый подготовил и направил в Совет Министров РСФСР докладную записку «К проблеме улучшения развития хозяйства, культуры и улучшения быта коренного населения Севера Чукотки».

В документе, наряду с отмеченными положительными моментами (значительная доля молодежи, занятая в оленеводстве; высокий уровень трудоустройства; совместное кочевание семей; механизация труда; радиофикация бригад), резкой критике подверглась работа промышленных предприятий, в результате которой были загрязнены окрестные реки и морское побережье, сделавшее невозможным рыболовную и морзверобойную деятельность аборигенного населения; изыскания геологов и старателей привели к делихинизации (сокращению лишайниковых пастбищ), «обезжизниванию» значительных участков тундры в силу непосредственной добычи ресурсов, так и передвижения транспорта. И.С. Гурвич отметил, в частности, что промышленное освоение Севера не увязано с развитием традиционного промыслового хозяйства и «пока что ничего не дало коренному населению, а в ряде случаев способствовало ухудшению бытовых условий» 45.

Ученый также выступил против намечавшегося продолжения политики поселкования, укрупнения населенных пунктов и

ликвидации «неперспективных» сел ввиду необходимости сохранения этнокультурной компоненты и традиционного хозяйства чукчей, а также элементарной защиты от последствий неблагоприятных контактов с «цивилизацией» — алкоголизации и тунеядства. Не многим лучше стала и ситуация в интернатах. Здесь были зафиксированы те же, что и в результате рассмотренных ранее исследований проблемы: скученность проживания, приводившая к быстрому распространению инфекций, отсутствие в рационе питания привычных для детей продуктов (мясо морского зверя, рыба), оторванность воспитательной работы от национальной культуры⁴⁶.

Вернемся к исследованиям, проводившимся в арктических районах Якутии. В июне-июле 1966 г. Н.А. Алексеев продолжил свои полевые работы в регионе в рамках Северной экспедиции ИЭ АН СССР, повторно посетив Оленекский, а также Булунский районы. Основной целью изысканий по-прежнему было выяснение условий жизни коренного населения. С этой целью исследователь изучил в Тикси материалы плановых и статистических районных управлений, характеризующие развитие сети учреждений образования и культуры, взял интервью у представителей руководящих органов и работников местных организаций. В Кюсюре и Харыялахе Н.А. Алексеев собрал сведения о хозяйственной деятельности, средних доходах работников, условиях оказания медицинских и образовательных услуг, особое внимание уделив школам-интернатам. Кроме того, в ходе исследований были записаны воспоминания старожилов о существовавших охотничьих обрядах, благосостоянии предков, методах их хозяйствования, традиционной одежде и жилище⁴⁷.

Изыскания И.С. Гурвича и Н.А. Алексеева в общем-то являлись логическим продолжением работ, проводившихся в 50-е гг. XX в. Однако в 1960—1970-е гг. меняющиеся социально-экономические реалии в арктических районах Якутии, связанные с активным индустриальным освоением, которое сопровождалось резким увеличением притока населения, ставили перед исследователями новые задачи.

В частности, изучением проблемы снабжения растущего населения низовий Колымы свежим картофелем и другими овощами занимался сотрудник отдела экономики ЯФ СО АН СССР Л.И. Щербаков. В подготовленном по данной теме в 1965 г. научном отчете были представлены сведения о завозе названной продукции в регион, ее себестоимости, сравнительные данные

обеспеченности по населенным пунктам. Проведенные изыскания выявили крайне низкую степень удовлетворения потребностей населения в овощах. Так, показатели потребления свежей продукции в год составляли всего лишь 5% от необходимого. Для исправления положения исследователь предложил ряд мер. Прежде всего он рекомендовал завозить в регион поздние сорта картофеля вместо более дорогих ранних. При этом требовалась жесткая выдержка графика отправок товара из Архангельска не позднее начала сентября, чтобы успеть доставить картофель по Северному морскому пути. Кроме этого, Л.И. Щербаков предложил создать в Нижнеколымском районе тепличный комбинат с искусственным обогревом. По мнению ученого, это должно было обеспечить население района свежими огурцами, редисом, укропом и др. Автор отчета выполнил расчеты необходимой производственной мощности такого комбината, требуемые для его строительства и функционирования финансовых вложений, а также стоимости производимой продукции и ее доставки потребителю 48 .

Еще одним направлением исследований экономистов Якутского филиала СО АН СССР в 60—70-е гг. ХХ в. было изучение вопросов лесоснабжения арктических районов Якутии. Социально-экономическое развитие региона привело также к значительному росту использования продукции лесной промышленности. Об этом и об острой нехватке местного сырья убедительно свидетельствуют данные возросшего в течение 1958—1968 гг. практически в 3 раза объема завоза лесных грузов в порт Тикси⁴⁹. Важность поисков возможных путей оптимизации лесоснабжения арктических районов в таких изменившихся условиях, естественно, диктовала необходимость соответствующих научных изысканий.

Работы по данной тематике проводил сотрудник отдела экономики ЯФ СО АН СССР Е.К. Цой. В 1967 г. он подготовил научный отчет, в котором рассматривались различные аспекты лесоснабжения населения и предприятий Нижнеколымского района. В работе автор оценил объемы и направления поставок лесоматериалов (местный лес был непригоден для строительства) за 1965 г., проанализировал характер поступающей продукции. Так, было выяснено, что основной объем поставок составляла необработанная древесина. В то же время, по расчетам Е.К. Цоя, замена ее на готовые пиломатериалы или продукцию домостроения давала бы ежегодную экономию в 500 тыс. руб.

Основной причиной сложившегося положения исследователь назвал неразвитость деревообрабатывающей промышленности в Якутии, и в частности в ее юго-западных районах — основном источнике поставок на нижнюю Колыму. Имелись недостатки и у готовой продукции, завозимой с дальневосточных портов, — она, как правило, изготавливалась из ели и пихты, обладавших по сравнению с лиственничной и сосновой продукцией пониженными эксплуатационными свойствами. Решению проблемы должно было способствовать, по мнению автора, строительство Табагинского лесопильно-деревообрабатывающего комбината. Поставка готовой продукции из Якутска должна была дать экономию еще в 100 тыс. руб. Кроме того, автор отчета рекомендовал организовать сплав древесины с верховьев Колымы⁵⁰.

Другой серьезной проблемой, связанной с лесоснабжением Нижнеколымского района, Е.К. Цой назвал заготовку дров значительная часть предприятий и населения по-прежнему использовала именно этот вид топлива. Между тем, когда рассматривался ход реализации ЯСКЭ, уже отмечались значительные и все возрастающие трудности, возникавшие при их заготовке по всему северу Якутии. Не был исключением и Нижнеколымский район. Так, для обеспечения дровами предприятий и населения поселков Черский и Зеленый Мыс уже приходилось производить лесозаготовки на расстоянии 60-70 км от этих населенных пунктов — более близкие леса были вырублены. Это, естественно, вело к повышению себестоимости заготовки дров и отвлечению дополнительных трудовых ресурсов (10% работников совхоза «Нижне-Колымский» в 1965 г.). При этом, как справедливо замечал автор, дальнейшая вырубка могла привести к заболачиванию местности и исчезновению ценных промысловых видов животных. Единственным выходом из сложившегося положения Е.К. Цой назвал скорейший переход предприятий района на использование угля с развивающихся Зырянских месторождений⁵¹.

В 1972 г. к.э.н. Е.К. Цой подготовил капитальный отчет по проблеме лесоснабжения всех северных районов Якутии, а также Магаданской области⁵², на основе которого через 4 года была издана монография «Эффективное развитие лесной и деревообрабатывающей промышленности на Северо-Востоке СССР»⁵³.

Основой разработки темы послужили экспедиционные работы, проведенные в 1969—1970 гг., научная литература, материалы статистических управлений, научно-исследовательских учрежде-

ний, промышленных предприятий, строительных и транспортных организаций ЯАССР, Магаданской области, Приморского и Хабаровского краев⁵⁴.

Е.К. Цой дал хозяйственную оценку лесосырьевого потенциала Якутии и Магаданской области. Проанализировав данные по запасам древесины, продуктивности лесов, преобладающим породам, их возрасту и эксплуатационным характеристикам, ученый, как и ранее в отчете по нижней Колыме, пришел к выводу, что оптимальной с точки зрения экономической эффективности будет организация лесоснабжения исследуемого ареала из Олекминского и Ленского районов Якутии с обработкой заготовленного материала в Якутске⁵⁵.

Одновременно исследователь оценил объемы и структуру потребления древесины в Абыйском, Аллаиховском, Анабарском, Булунском, Верхоянском, Жиганском, Момском, Оймяконском, Оленекском, Томпонском, Усть-Янском, Верхне-, Средне- и Нижнеколымском районах Якутии, а также в Магаданской области. Е.К. Цой проанализировал маршруты и состав поставок лесоматериалов. Это позволило автору найти возможные пути сокращения транспортных издержек как за счет поставок обработанной продукции, а не круглого леса, так и оптимизации дальности пробега. Кроме того, Е.К. Цой определил перспективные потребности в лесоматериалах и продукции деревообработки исследуемого ареала⁵⁶.

Важное место в названных работах занимали авторские рекомендации по рационализации лесоснабжения северных районов Якутии и Магаданской области. Помимо замены ассортимента поставок на готовую продукцию и совершенствования схем доставки, они содержали предложения по строительству в наиболее перспективных районах (Ленск и Хандыга) крупных деревообрабатывающих комбинатов, более эффективного использования транспортных средств (за счет порожних рейсов Дальневосточного пароходства из Тикси, использования судов класса река-море)⁵⁷.

В рассматриваемый период получили продолжение работы Б.В. Белинского по вопросам развития транспорта в арктических районах Якутии. В 1964 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук по теме «Экономико-географические проблемы комплексного развития транспорта в Янском бассейне Якутской АССР»58. Через два года исследователь подготовил научный отчет «К вопросу о за-

возе грузов на Индигирку и Колыму» 59 и развернутую аналитическую справку о состоянии авиаобслуживания населения районов, расположенных на Яне 60 , а в 1970 г. — завершил работу над рукописью, в которой получили развитие идеи о транспортно-логистических перспективах этого региона 61 .

Еще несколько работ Б.В. Белинский написал совместно со своим коллегой к.э.н. И.Н. Штыревым. Так, в 1968 г. для Госплана ЯАССР были разработаны предложения по развитию в северо-восточных районах республики автомобильного, воздушного и водного транспорта на 1971—1975 гг., а по заказу Цветметпроекта — проведено исследование по Янскому горнопромышленному району (следует отметить, что работы по заданию различных ведомств были типичными для рассматриваемого периода и служили важным источником пополнения бюджета академических институтов Якутии). В 1969 г. исследователи подготовили промежуточный научный отчет о перспективах транспортного развития северо-востока СССР в целом⁶².

Несмотря на различия в географии, большинство из содержащихся в перечисленных работах положений тесно переплетались между собой — вопросы развития транспорта в бассейнах Яны, Индигирки и Колымы имели много общих проблем и путей их решения. Следует отметить, что проблемы развития транспорта на северо-востоке Якутии исследовались Б.В. Белинским комплексно. Например, в тесной увязке с природно-климатическими особенностями (температурный режим, режим ветров, атмосферные осадки, снежный покров, метели, снегозаносимость и др.) были проанализированы сезонные пути сообщения. В контексте определения перспективных направлений грузопотоков ученый рассмотрел современное состояние и потенциал промышленности и сельского хозяйства. Кроме того, в целях повышения экономической эффективности капитальных вложений, он подробно остановился на освещении гидрологических особенностей крупнейших водных артерий региона⁶³.

В ходе разработки указанной проблематики, источниковой основой которой послужили материалы, полученные Б.В. Белинским во время полевых работ 1956—1964 гг., документы местных организаций и научная литература, был представлен развернутый анализ существующих в развитии отдельных видов транспорта диспропорций, состояния путей сообщения, пассажиро- и грузоперевозок, структуры транспортных расходов. Ученый аккумулировал обширный объем данных по себестоимости дос-

тавки важнейших товаров в зависимости от времени года и выбора транспортного пути. Б.В. Белинский выполнил и расчеты по экономической целесообразности строительства в северовосточных районах Якутии круглогодичных автомобильных дорог, портов, эксплуатации автопоездов и даже внедрения дирижаблей нового типа. Однако в целом на момент исследований оптимальным, по его данным, оставалось использование традиционных сезонных путей сообщения (водных, автозимников) и авиаперевозок⁶⁴.

Важнейшим компонентом работ Б.В. Белинского было определение маршрутов организации снабжения населения и промышленных предприятий региона. Большинство из этих марпредполагало как сочетание различных шрутов видов транспорта (железнодорожный — речной, речной — воздушный, речной — морской, речной — автомобильный и т.д.), так и транспортных артерий — Ленского каботажа, Большеневерского и Магаданского направлений, Северного морского пути. При этом ученый установил, что, как правило, наиболее эффективный путь предполагал использование Ленского бассейна. Одновременно Б.В. Белинский разработал детальные комплексные схемы рациональных направлений транспортного освоения Северного Депутатского и Южного Янского промышленного узлов, которые включали, в частности, расчеты по размерам капитальных вложений и срокам окупаемости в зависимости от возможных вариантов завоза грузов⁶⁵.

Работы ученого содержали и рекомендации по осуществлению конкретных мероприятий для снижения издержек и улучшения транспортной доступности северо-восточных районов Якутии. На водном транспорте предлагалось производство работ по углублению бара* рек, устройство на ряде маршрутов глубоководного пути, ликвидация часто практиковавшихся односторонних перевозок и улучшение условий вывоза продукции местной промышленности. Ha воздушном взлетно-посадочных полос на ряде важнейших аэродромов (Депутатский, Саккырыр и др.), повышение регулярности полетов. Развитие автомобильного транспорта предполагало наряду с широким использованием автозимников (по меткому выражению автора, «щедрого дара суровой природы Якутии») также и строительство дорог круглогодичного действия (например, от приста-

^{*} Бар — песчаная подводная отмель в устье реки.

ней Кулар и Куйга). Автозимники же предлагалось обустроить гостиницами, автозаправочными станциями, теплыми стоянками и пунктами связи⁶⁶. Многие из рекомендаций ученого, таким образом, к сожалению, не утратили актуальности и полвека спустя после их разработки.

Результаты исследований Б.В. Белинского по вопросам развития транспорта северо-восточных районов Якутии нашли отражение также в коллективных изысканиях сотрудников отдела экономики ЯФ СО АН СССР «Научные основы развития и размещения производительных сил зоны Севера на 1971-1980 гг. (по Якутской АССР)» 1967 г. и в дополнениях к ним, подготовленных двумя годами позднее. Эти работы выполнялись под руководством заведующего отделом экономики к.э.н. И.П. Авдеева. Арктические районы Якутии в них специально не выделялись. Ученые анализировали имеющиеся социально-экономические проблемы и пути их решения в целом по республике. Вместе с тем в исследованиях был представлен подробный анализ важнейших вопросов развития такой «северной» отрасли сельского хозяйства, как оленеводство; рассматривались перспективы различных территориально-хозяйственных комплексов, в том числе расположенных в Заполярье, а также меры по улучшению условий жизни коренных народов Севера ЯАССР67. Поскольку основные положения названных разделов базировались на результатах работ ЯСКЭ, представляется излишним рассматривать их более подробно.

Следует отметить только, что данные исследования сотрудников отдела экономики ЯФ СО АН СССР являлись одними из «кирпичиков» в проведении колоссальной работы, которой занимались ученые и работники плановых органов по всему Советскому Союзу. Результатом этой работы стала разработка Генеральной схемы развития и размещения производительных сил СССР на 1971—1980 гг., состоявшей более чем из 50 томов и призванной дать научное обоснование оптимальным территориальным пропорциям различных отраслей хозяйства, путям повышения эффективности производства и благосостояния населения страны.

В 1977 г. сотрудник отдела экономики ЯФ СО АН СССР К.А. Попов подготовил аналитическую записку «О строительстве Депутатского ГОКа в ЯАССР». В документе отмечалась и обосновывалась необходимость первоочередного развития именно Депутатского горно-обогатительного комбината в связи с исто-

щением запасов разрабатываемых в Советском Союзе месторождений олова. К.А. Попов привел экономические расчеты (разведанные и прогнозные запасы олова и их качество, планируемые производственные мощности, наличие мощностей по выработке электроэнергии, необходимые капитальные затраты на строительство, себестоимость продукции), доказывавшие преимущества Депутатского ГОКа перед другими перспективными районами оловодобычи: Пыркакайского на Чукотке, Учкошконского и Трудового в Киргизской ССР. При этом именно последнее являлось «фаворитом» в расчетах, произведенных ранее «Гипроникелем»⁶⁸.

Яркий след социально-экономических В исследованиях 70-х гг. ХХв., посвященных проблемам развития арктических районов Якутии, оставил Ф.С. Донской. Будущий ученый родился во II Мальжагарском наслеге Нюрбинского улуса Якутии в неграмотной семье якутских крестьян. Однако это не помешало ему окончить семилетнюю школу, поступить сначала в Якутский техникум пушно-мехового хозяйства, а затем продолжить учебу на Московском рабочем факультете легкой промышленности. После окончания Великой Отечественной войны, под занавес которой Ф.С. Донской оставил свою подпись на Рейхстаге, он долгое время работал в республиканских СМИ, пока в декабре 1967 г. не был принят в отдел экономики ЯФ СО АН СССР, где занялся изучением различных аспектов жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера⁶⁹.

В 1973 г. исследователь завершил работу над фундаментальным научным отчетом «Экономические и социальные проблемы перевода кочевого населения Якутии на оседлый образ жизни». Его написанию предшествовал комплекс проведенных автором изысканий. Первоначально они велись в рамках подтемы «Экономико-социологические проблемы комплексного развития хозяйства на Севере» (научный руководитель И.П. Авдеев), включенной в 1970 г. в план научных исследований отдела экономики ЯФ СО АН СССР. Основной задачей работ по названной подтеме было изучение «путей сочетания промышленного освоения Севера с развитием сельского хозяйства, и особенно — его традиционных отраслей». Ф.С. Донской совместно со Статистическим управлением ЯАССР осуществил анкетное обследование среди оленеводов и охотников в ряде северных районов Якутии. Параллельно проводился опрос представителей руководящих органов и специалистов совхозов, занимавшихся организацией деятельности в этих областях хозяйства. Методика и анкеты были разработаны И.П. Авдеевым, который опирался при этом на опыт исследований социальных проблем села, накопленный в ИЭОПП СО АН СССР. После пилотных изысканий анкеты были дополнены и использовались уже во время массового социологического опроса, в котором приняли участие 1016 семей оленеводов и 1194 семьи охотников из 17 районов Якутии⁷⁰.

Проведенные Ф.С. Донским исследования послужили основой для включения в 1971 г., по постановлению Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике, в план научных работ отдела экономики ЯФ СО АН СССР самостоятельной темы, касающейся проблемы перевода кочевого населения республики на оседлый образ жизни. В основу разработки данной темы легли экспедиционные работы в северных районах Якутии, а также в Ненецком автономном, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском, Таймырском и Чукотском национальном округе, в которых, наряду с Ф.С. Донским, принимали участие сотрудники отдела экономики Т.Г. Исмаилова, Е.А. Петренко и М.Х. Протопопова. Кроме того, автор отчета привлек для написания работы статистические данные Центрального статистического управления РСФСР, СОПС при Госплане СССР*, Министерства сельского хозяйства РСФСР и региональных статуправлений, годовые отчеты и данные первичного учета колхозов и совхозов, архивные материалы и научную литера- Typy^{71} .

В отчете был обобщен обширный объем сведений, характеризующих современное состояние оленеводства (площадь пастбищ, динамика поголовья, показатели сданной продукции, а также экономической эффективности профильных совхозов и колхозов, основные производственные проблемы) и охотничьего промысла (среднегодовая заготовка и ее стоимостный объем, данные по важнейшим промысловым видам, проблемы отрасли) в Якутии, а также для сравнения по ряду показателей в хозяйствах Коми АССР, Красноярского и Хабаровского краев, Архангельской, Магаданской, Мурманской, Камчатской и Сахалинской областей.

^{*} В 1960 г. СОПС был передан из структуры АН СССР в состав Госэкономсовета Совета Министров СССР, а в 1962 г. — в ведение Госплана СССР, что привело к серьезным изменениям в характере деятельности СОПС, включая сворачивание организации комплексных экспедиционных работ.

Одновременно Ф.С. Донской подробно рассмотрел «человеческий» срез фунционирования названных отраслей; условия труда и быта оленеводов и охотников, а также их семей. В частнохарактеристика сти. страницах отчета представлена национального и возрастного состава пастухов-оленеводов и кадровых охотников 17 районов ЯАССР. Примечательно, что из числа опрошенных автором только 26 % оленеводов были в возрасте до 30 лет, а в охотничьем промысле этот показатель и вовсе составил катастрофические 9%. Основной причиной данного факта Ф.С. Донской назвал крайне тяжелые условия производственной деятельности и соответствующее нежелание молодежи жить так же, как и старшее поколение. Вот что он писал по этому поводу: «труд пастуха-оленевода северных колхозов и совхозов связан с постоянным окарауливанием стада под открытым небом независимо от погоды, времени суток и года. Отсутствие механизированного транспорта, плохие бытовые условия и длительный отрыв от семьи при исключительно слабой связи с поселком делает еще более непривлекательным труд оленевола»⁷².

При этом у работников практически не было выходных, а фактическая продолжительность времени занятости «значительно превышала установленный семичасовой рабочий день»⁷³. Так, в результате проведенного Ф.С. Донским в ноябре 1970 г. хронометража рабочего времени пастуха Д.Н. Бегунова было установлено, что его рабочий день продолжался почти 17 часов, что никак не влияло на размер заработной платы, рассчитываемой по фиксированной тарифной сетке. Аналогичные проблемы, как отметил ученый, были характерны и для охотников. Ко всему этому добавлялась острая нехватка жилой площади. Например, в промысловый сезон 1968-1969 гг. из-за ее отсутствия 9 кадровых охотников совхоза «Оленекский» были вынуждены выехать в тайгу вместе со своими семьями, включая 12 детей дошкольного возраста. Кроме того, ученый остановился на описании других маркеров, отражающих комфортность условий жизни: состояния медицинского и торгового обслуживания, образовательной деятельности, среднестатистического рациона питания, а также более частных проблем — заготовки топлива, освещения помещений, используемых одежды, постельных принадлежностей и др.⁷⁴

Для решительного исправления сложившегося положения, по мнению Ф.С. Донского, требовался перевод кочевников на

оседлый образ жизни - собственно в этом постулате и заключалась основная идея работы. Подобная трансформация уклада, в свою очередь, естественно, предполагала изменение самой системы занятия оленеводством и охотничьим промыслом. В связи с этим автор оценил накопленный в северных регионах СССР опыт совершенствования методов ведения хозяйства, который включал попытки укрупнения стад, внедрения бесчумного, сменного, полувольного или вольного выпасов, строительство промежуточных баз для охотников и оленеводов, механизацию производства. Следует отметить, что анкетный опрос, организованный Ф.С. Донским, содержал пункты об отношении промысловиков к предложениям, которые были разработаны участниками Якутской северной комплексной экспедиции. В частности, идею о сокращении сроков ведения охоты и увеличения числа охотников поддержали только 15% опрошенных. Главной причиной такого ответа было отсутствие, по мнению респондентов, требуемого количества рабочих рук в хозяйствах северных районов Якутии. В то же время рекомендация исследователей по отлову молодых песцов и их последующей передержке в вольерах получила поддержку⁷⁵.

Рекомендации же, подготовленные Ф.С. Донским, в основном были направлены на достижение вышеназванной идеи. В частности, в целях обеспечения перевода кочевого населения на оседлый образ, на взгляд автора, оленеводческим хозяйствам северных районов Якутии следовало перейти на использование сменно-звеньевого выпаса и полувольного содержания оленей в пределах специально огороженных территорий, создавать на маршрутах передвижений комфортабельные промежуточные базы, активно механизировать процесс труда. Последние два пункта также относились и к охотничьему промыслу. Кроме того, в основных населенных пунктах, где и должны были оседать кочевники, требовалось создание благоприятной для жизни среды — строительство благоустроенных домов в необходимом количестве, достижение определенного уровня торгового, медицинского и культурного обслуживания, а также образовательных услуг.

Ф.С. Донской предложил и меры организационно-административного порядка. Например, в сфере охотничьего промысла он выступил за концентрацию всей полноты власти в рамках Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров СССР. Кроме того, была отмечена необходи-

мость создания центрального органа управления северными территориями страны⁷⁶. Сам ученый при этом ссылался на аналогичное предложение участников Второго научного совещания по развитию производительных сил Якутской АССР, проводившегося в марте 1969 г. Однако, как мы помним, идея об учреждении подобного органа высказывалась в ходе научных совещаний и ранее.

В последующих работах Ф.С. Донского основные положения рассмотренного отчета получили развитие и были дополнены. Например, в монографии «Проблемы переустройства производства и быта коренного населения Крайнего Севера»⁷⁷, подготовленной в 1976 г., и диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук «Социально-экономические проблемы переустройства условий труда и быта оленеводов и охотников Крайнего Севера»⁷⁸, которая была успешно защищена в 1978 г., также предлагалось уделить пристальное внимание корреляции развития совхозов и колхозов с деятельностью горнодобывающих и строительных предприятий.

В 1976 г. ученый представил развернутые рекомендации по завершению перевода на оседлый образ жизни населения совхозов «Аллаиховский» и «Нижнеколымский». Так, для ликвидации кочевания охотников, оленеводов и рыбаков Аллаиховского района Ф.С. Донской предложил укрупнить поселки Оленегорск, Полярный, Чкалов, принять меры по улучшению культурно-бытового обслуживания населения, а главное — модернизировать саму систему ведения хозяйства.

В частности, исследователь подробно остановился на обосновании необходимости внедрения непосредственно для совхоза «Аллаиховский» методов сменно-звеньевого выпаса оленей или их полувольного изгородного содержания, строительства промежуточных и промысловых производственных баз, широкой механизации труда, совершенствования инфраструктуры и существующих образовательных программ. К рекомендациям прилагались и соответствующие экономические расчеты⁷⁹. Положения о целесообразности укрупнения населенных пунктов Андрюшкино и Колымское, широкого использования новых методов ведения хозяйства, современных средств передвижения, газорацио- и электрификации, активного сооружения благоустроенных жилых домов, культурно-бытовых и производственных объектов нашли отражение и в рекомендациях, разработанных для совхоза «Нижнеколымский» 80.

В 1977 г. Ф.С. Донской подготовил развернутый доклад, посвященный условиям труда и быта работников еще одного крупного сельскохозяйственного предприятия арктических районов Якутии — булунского колхоза «Арктика». Основным направлением его деятельности было рыболовство, вспомогательным охотничий промысел. Рыбаки при этом 9 месяцев находились на промысле и только 3 месяца жили в своих домах в п. Быковский. Вот что писал ученый, характеризуя условия жизни колхозников: «Рыбаки в период летней путины (с июня до октября) живут в палатках. Многие из них сюда приезжают с семьями, включая грудных младенцев и престарелых родителей. В условиях арктического побережья, где часты ветры, штормы, дожди, ранние заморозки и снега, жить в палатке с железной печкой очень трудно — холодно и сыро... С октября по апрель месяц рыбаки проводят подледный лов рыбы. Жилищем для них в этот период служат старые ветхие избушки или давно списанные дома с железными печками... Вся работа ведется вручную на открытом воздухе: установка сетей, извлечение рыбы, складирование, вырубка и расчистка проруби, погрузка и разгрузка рыбы и т.д. От избушки до промысла рыбак добирается пешком, преодолевая расстояние от 1 до 5 км. На месте промысла нет балков или других помещений, где можно обогреться в зимнюю стужу, в условиях круглосуточных полярных ночей нет никакого освещения возле проруби»⁸¹.

В связи с таким тяжелым положением дел ученый подготовил рекомендации, необходимые для кардинального улучшения условий работы колхозников. Они включали мероприятия по механизации процесса лова рыбы, строительству для бригад колхоза промысловых баз на рыболовных и охотничьих участках, установке утепленных домиков и прожекторов в местах осеннего и подледного промыслов, сооружению помещений для ремонта рыболовных сетей⁸².

Одновременно Ф.С. Донской изучил степень механизации, радио- и электрификации рыбного и охотничьего промыслов. На основе полученных данных он составил перечень технических средств, необходимых колхозу для обеспечения производственных нужд в течение ближайших 15 лет. Исследователь произвел также расчеты имеющейся и перспективной потребности в жилой площади, объектах производственного и культурнобытового назначения, необходимого количества промысловых баз и требуемых на их строительство средств, финансового благо-

состояния колхозников, составил перечень мер для материального стимулирования их труда 83 .

Кроме того, Ф.С. Донской проанализировал качество культурно-досугового, медицинского, торгового и бытового обслуживания работников колхоза. Оно в большинстве случаев было признано недостаточным. В частности, только 1–2 раза в год рыболовецкие участки посещал медицинский работник, а вся досуговая деятельность сводилась к показу кинофильмов⁸⁴.

Через два года после написания доклад стал основой для подготовки Ф.С. Донским по заказу производственного объединения «Якутрыбпром» комплексного плана развития колхоза «Арктика» на 1979—1985 гг. Осуществленные автором ранее полевые наблюдения за экономическими, производственными и культурно-бытовыми условиями жизни колхозников были дополнены проведением социологических исследований, сбором и обработкой материалов, в рамках которых занимались также лаборанты отдела экономики ЯФ СО АН СССР И.И. Винокуров и Е.А. Петренко.

В плане нашли отражение: подробная характеристика природно-климатических условий и экономических показателей деятельности колхоза; сведения о технической оснащенности и уровне механизации производства; анализ качества организации управления; описание социальной структуры трудового коллектива, включая данные об уровне квалификации и образования, основных демографических показателях, условиях труда, социальной активности и др.

Непосредственно план развития включал детально проработанные рекомендации по улучшению условий труда и жизни колхозников, подготовке квалифицированных кадров, расчеты по повышению экономической эффективности деятельности колхоза «Арктика». 18 апреля 1979 г. разработанный ученым документ был утвержден решением объединенного совета колхоза «Арктика», исполкома Быковского поселкового совета и месткома профсоюзов работников пищевой промышленности⁸⁵. Предложения из плана были учтены Совмином СССР при утверждении закупочных цен на промысловую пушнину и на рыбу-сырец, добываемую во внутренних водоемах⁸⁶. Следует отметить, что позднее в знак признания заслуг Ф.С. Донской стал почетным колхозником рыболовецкого колхоза «Арктика».

Аккумулирование богатого эмпирического материала, полученного в ходе осуществленных Φ .С. Донским в конце 60-x-70-e гг. XX в. исследований, долгие месяцы, проведенные бок о

бок с представителями коренных малочисленных народов Севера в местах их традиционного проживания, позволили ученому при разработке профильных законодательных инициатив стать одним из тех специалистов, к мнению которых прислушиваются. Как отметил В.А. Роббек, исследования ученого легли в основу принятого 7 февраля 1980 г. Постановления ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры районов проживания народностей Севера»⁸⁷.

В частности, в постановлении нашли место положения о необходимости завершения перевода кочевых семей на оседлый образ жизни к 1990 г., разработка генеральных планов населенных пунктов в местах традиционного проживания представителей коренных народов и активного строительства там жилых домов, объектов культурно-бытового назначения, коммунального хозяйства, развитие здравоохранения и просвещения, а также улучшение материально-технической базы оленеводческо-промысловых хозяйств⁸⁸.

Понятно, что подобные предложения могли исходить от специалистов из различных регионов и сфер деятельности. Однако анализ сохранившихся в фондах Архива Якутского научного центра СО РАН материалов показал, что в течение 1977-1979 гг. Ф.С. Донской и заместитель председателя ЯФ СО АН СССР к.э.н. В.Н. Антипин подготовили 9 вариантов предложений, дополнений и замечаний к проекту постановления89. При этом в итоговый вариант документа практически дословно были включены несколько рекомендованных данными учеными пунктов. Любопытно также и то, что в первоначальных предложениях, разработанных Ф.С. Донским и В.Н. Антипиным, содержалось положение о распространении финансовых и иных льгот, предусмотренных для коренных народов Крайнего Севера, на занятых в традиционных отраслях хозяйства якутов и коми. Подобная инициатива, достаточно сложная для выполнения в финансовом и организационном планах, но имеющая под собой значительные основания в отношении восстановления социальной справедливости, не реализована и поныне.

Таким образом, рассмотренные выше исследования Ф.С. Донского нашли отражение в практических действиях, предпринятых органами власти для улучшения качества жизни коренных народов арктических районов Якутии и других северных регионов страны.

Вероятно также, что в значительной степени именно исследования Ф.С. Донского и аналогичные изыскания других совет-

ских ученых придали необходимый импульс для разработки фактически важнейшего правового акта, касающегося проблем аборигенных этносов нашей страны начиная с конца 50-х гг. XX в.: в 1960—1970-е гг. в отношении развития коренных малочисленных народов Севера союзными органами власти не принималось решений, аналогичных по своим масштабам постановлению 1957 г. Скорее, этот период отечественной истории характеризовался определенным вниманием к социогуманитарным аспектам освоения интересующего нас региона в целом.

В частности, 25 декабря 1973 г. Совет Министров СССР принял Постановление № 927 «О мерах по развитию экономики и культуры в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях». В документе фиксировалась необходимость повышения эффективности освоения природных ресурсов и комплексного их использования, развитие пригородного хозяйства, транспорта и связи, усиление охраны природы и улучшение жилищно-бытового строительства и др.

В развитие этого документа 25 января 1974 г. Президиум АН СССР принял Распоряжение № 10103-138, согласно которому учреждениям, подведомственным АН СССР, включая структуры Сибирского отделения, предписывалось предусмотреть в своей деятельности конкретные мероприятия ⁹⁰. Однако, по-видимому, никакого серьезного влияния на направления научного поиска (во всяком случае в отношении изысканий социогуманитарной направленности) и их структурную организацию этот документ не оказал.

В 70-е гг. XX в. получили развитие и социологические исследования. Важное значение в этом отношении, безусловно, имели организация в 1974 г. в составе ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР специализированного научного подразделения, а также деятельность аналогичной структуры в рамках Института истории, филологии и философии (ИИФФ) СО АН СССР (создан на основе Отдела гуманитарных исследований в 1966 г.), г. Новосибирск.

Так, в 1978—1979 гг. отдел социологии ИИФФ СО АН СССР и сектор комплексных социологических исследований ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР с целью изучения условий труда и быта сельского населения Якутии организовали масштабный социологический опрос, который охватил 5 районов республики — Алексеевский (Таттинский), Нижнеколымский, Олекминский, Оленекский и Сунтарский. Под руководством заведующих структурных подразделений д.филос.н. В.И. Бойко (ИИФФ) и к.и.н. И.А. Аргунова (ИЯЛИ) была подготовлена анкета, включавшая

71 вопрос. Ответы на них освещали различные аспекты сельской жизни, связанные с уровнем образования респондента, трудовыми отношениями, преобразованиями колхозов в совхозы, миграционными установками (желанием переехать, например, в город), бытовыми удобствами, позволяли выяснить мнение населения относительно своего материального благосостояния (доходы, жилая площадь) и в целом удовлетворенность текущим социальным положением⁹¹.

В марте 1979 г. исследователи собрали 189 таких анкет в населенных пунктах Андрюшкино, Нижнеколымск, Колымское и Походск Нижнеколымского района⁹². В следующем месяце опрос был продолжен в селах Оленек, Эйик, Харыялах и Жилинда, а также оленеводческом стаде «Адагалах» Оленекского района. Здесь респонденты заполнили еще 258 анкет⁹³.

Представляется интересным, что четыре вопроса анкеты были посвящены такой актуальной сейчас теме, как отношение селян к проблеме интенсификации промышленного освоения и влияния на экологию различных видов хозяйственной деятельности (мелиорация, химизация, строительство дорог и индустриальных объектов). Значительная часть опрашиваемых в арктических районах Якутии в этом плане проявляли спокойствие и завидный по современным меркам оптимизм — с «приходом» промышленности, по их мнению, жизнь на селе должна была улучшиться (шефская помощь, рабочие места, развитие инфраструктуры и др.), а серьезных рисков для состояния окружающей среды они не видели⁹⁴.

В том числе на основе этих изысканий В.И. Бойко и к.филос.н. Н.В. Васильев (ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР) подготовили и в 1981 г. опубликовали монографию «Социально-профессиональная мобильность эвенков и эвенов Якутии», в которой был предпринят анализ темпов и характера изменений в социально-профессиональной структуре представителей двух народов в течение 50—70-х гг. ХХв., исследована эволюция их отношения к труду, включая выяснение взглядов на традиционные и новые виды занятий, рассмотрены вопросы ориентации молодежи в этом отношении и проблемы смены поколений в привычных для аборигенных этносов отраслях хозяйства⁹⁵.

Таким образом, в 60-е гг. XX в. в Заполярной Якутии были проведены две комплексные экспедиции, охватившие все современные административные районы региона. Важнейшее место в них занимали вопросы социально-экономического развития.

Следующее десятилетие было ознаменовано значительной интенсификацией исследований, посвященных проблемам повышения качества жизни коренных малочисленных народов Севера. Другие аспекты жизнедеятельности аборигенных этносов, включая изучение культур их возможных протопредков, получили развитие в исследованиях археологов и этнографов.

2.2. Изучение исторической эволюции археологических культур и этнических сообществ

Несмотря на то что рассмотренная в предыдущей главе Юкагирская комплексная экспедиция фактически стала «лебединой песней» масштабных полевых исследований в Заполярной Якутии И.С. Гурвича, который являлся ключевым актором историко-этнографических изысканий в регионе, в течение 1960—1970-х гг. в было реализовано несколько интересных исследовательских инициатив, безусловно, заслуживающих должного освещения.

Среди них следует отметить исследования М.Я. Жорницкой, изучавшей в составе ЮКЭ танцы коренных народов Севера. Исследователь продолжила разработку этой проблематики в Момском и Томпонском районах Якутии. Руководимый ею этнографический отряд ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР работал там с 8 октября по 30 ноября 1960 г. В экспедиции, наряду с М.Я. Жорницкой, участвовали по договору лаборанты — эвены И.Е. Тарабукин (11—24 октября), П.Х. Стручков (27 октября — 1 ноября) и Т.К. Неустроева (3—13 ноября). Целью отряда было изучение традиционных эвенских танцев и игр.

В колхозах «Коммунизм» (Улахан-Чистайский), «Сайды» (Орто-Дойдунский наслег), «Правда» (участок Суон-Тит) Момского района, «Победа» и им. А.А. Жданова Томпонского района исследователи опросили свыше 130 информантов. В единый вопросник входили пункты о содержании и смысле того или иного танца, значении танцевальных или игровых терминов, об особенностях организации (участники, место и традиции исполнения) народной игры или пляски. Информантам задавались и вопросы, касающиеся традиционных свадебных обрядов и шаманских культов.

Основной формой проведения исследования было визуальное наблюдение за исполнением этнического танца или игры и его фиксация на кино- и фотопленку. Кроме того, на магнито-

фонную ленту записывались запевы к эвенским танцам, традиционные мелодии и песенные импровизации.

На основе собранного материала М.Я. Жорницкой выявила и описала варианты исполнения традиционного эвенского хоровода, отдельные элементы старинных танцев «Кинди» и «Эныкаай», свыше 20 эвенских игр; зафиксировал игровую и танцевальную терминологию; определила основные различия в исполнении народных танцев 6 локальными группами эвенов. Одновременно исследователи записали 4 рассказа о свадебных обрядах эвенов, воспоминания о традиционной охоте на медведя и горного барана, охотничьих и «врачевательных» обрядах шаманов, их приметах и костюмах⁹⁶.

Так же, как и И.С. Гурвич, позднее М.Я. Жорницкая была приглашена на работу в Институт этнографии АН СССР и переехала в Москву, что усугубило кадровый голод в этнографахсевероведах. В результате все последующие из рассматриваемых в данном разделе изысканий проводились уже специалистами, посещавшими республику в рамках командировок.

Так, в 1969—1971 гг. жизнедеятельность юкагиров и эвенов вновь находилась в фокусе исследований Северной экспедиции ИЭ АН СССР. На этот раз изыскания проводил научный сотрудник института, к.и.н. В.А. Туголуков.

Следует отметить, что В.А. Туголуков был специалистом по истории и этнографии тунгусоязычных народов нашей страны. Ко времени своей поездки в Якутию он, в частности, написал научно-популярную книгу «Следопыты верхом на оленях» и серию научных статей «Охотские эвенки», «Изменения в хозяйстве и быте эвенков Иркутской области за полтора века», «У эвенков западной части Эвенкийского национального округа и Туруханского района Красноярского края» и др. 97 Именно в качестве эксперта-тунгусоведа В.А. Туголуков подошел к изучению юкагиров.

Полевой и документальный материал о лесной группе данного этноса ученый собирал в июле 1969 г. в п. Зырянка и с. Нелемное Верхнеколымского района. Исследовательская работа фактически состояла из двух частей: изучения документов районного архива и опроса информантов.

В ходе изысканий В.А. Туголуков составил список населения Нелемного с указанием года рождения, семейного положения, грамотности, рода занятий, национальной и родовой принадлежности. Кроме того, исследователь получил сведения о сохра-

нившихся у местных жителей преданиях, касающихся происхождения юкагиров, традиционных обрядов, современной хозяйственной деятельности и условий жизни в селе (образование, снабжение, цены на отдельные товары и услуги, случаи суицида и др.)⁹⁸.

В полевом сезоне следующего 1970 г. в фокусе внимания В.А. Туголукова наряду с юкагирами находились и эвены. Исследования начались 10 июля в п. Черский, где в течение недели ученый проводил опросы местного населения, работал с материалами районных организаций и архива. 17-27 июля В.А. Туголуков побывал в Андрюшкино и рыболовецком поселении юкагиров на оз. Малое Улуро. Далее из Черского исследователь вылетел в административный центр Аллаиховского райп. Чокурдах (28 июля). моторной откуда на отправился в с. Ойотунг — место проживания чукчей, эвенов и юкагиров (29 июля — 2 августа). Вернувшись в Чокурдах (3 августа), В.А. Туголуков проследовал по маршруту: п. Дружина (Абыйский район, 8-9 августа) — п. Зырянка (Верхнеколымский 9 августа) — п. Хандыга (Томпонский район, 10-17 августа) — с. Томпо (17 августа — 7 сентября) — г. Якутск $(9-24 \text{ сентября})^{99}$.

Как и в течение предыдущей экспедиции, в каждом из посещенных ученым мест компактного проживания исследуемых этносов он составлял подробный список местных жителей. Кроме того, с целью сбора материала по проблеме экзогамии В.А. Туголуков старался выяснить девичьи фамилии жены и матери главы семьи.

Значительное внимание в ходе изысканий было уделено сбору сведений о традиционных видах хозяйственной деятельности — охоте, рыболовстве и оленеводстве; материалов, касаюмифологии, этнических связей И национальной самоидентификации, а также этнической терминологии и в целом лингвистической ситуации. Исследователь отметил «частичную сохранность» юкагирского языка у жителей бассейна р. Алазея (Андрюшкино) и «практически полную» утрату его у населения Индигирки. В последнем случае «родным» языком являлся преимущественно эвенский (эти сведения, таким образом, находились в хорошем соответствии с материалами, полученными участниками ЮКЭ)100.

Примечательно, что в подготовленном по результатам экспедиции отчете В.А. Туголуков на основе анализа выявленных эт-

нонимов, а также иных полевых материалов пришел к следующему выводу: «В настоящее время говорить о существовании тундровых юкагиров не приходится. В лучшем случае в междуречье Индигирки и Колымы мы находим юкагироязычных тунгусов (на страницах отчета исследователь употреблял и термин В.И. Иохельсона "юкагиризированные тунгусы". — A. C.). Дальнейшая полевая работа должна была дать ответ на вопрос, какие местные этнографические группы относятся к эвенкам, а какие к эвенам (ламутам) 101 ».

Однако в опубликованной 8 годами позднее работе «Кто вы, юкагиры?» В.А. Туголуков уже вообще не упоминает понятий «юкагироязычные»/«юкагиризированные» тунгусы и менее категоричен относительно юкагиров Нижнеколымского района — ученый отметил, что ядро этнической группы, «именующей себя одулами и говорящей на тундровом диалекте юкагирского языка», составляют «тунгусы, выходцы с нижней Лены, женившиеся на юкагирских женщинах»¹⁰².

Среди важнейших выводов, сделанных В.А. Туголуковым по результатам проведенных изысканий, были и другие положения о глубоком тунгусском* влиянии, оказанном на материальную и духовную культуру юкагиров и в целом на их образ жизни. В частности, у тунгусов юкагиры заимствовали навыки ведения оленеводства, технику охоты на диких оленей, переносные чумы, систему отсчета месяцев, элементы традиционной одежды. Кроме того, по мнению ученого, именно под воздействием тунгусов у юкагиров произошел отход от матрилокального брака 103.

Любопытны также выводы В.А. Туголукова о заимствовании юкагирами другого, казалось бы, традиционного для представителей этого народа занятия — ездового собаководства. По предположению исследователя, исконные умения, которыми обладали древние юкагиры, были практически полностью утрачены из-за вынужденной миграции под натиском тунгусов на север — в места, где условия для развития данной отрасли были значительно хуже (в первую очередь, из-за нехватки корма). Новый импульс развитие ездового собаководства получило в

^{*} Термин «тунгусы» В.А. Туголуков использовал как собирательный, объединяющий родственные тунгусо-маньчжурские народы — эвенов и эвенков. В частности, в 1985 г. ученым была опубликована монография «Тунгусы (эвены и эвенки) Средней и Западной Сибири».

XVIII в., до этого сохраняясь «скорее как реликт, чем как полноценная отрасль традиционной культуры» 104. Вот, что по этому поводу отмечал сам исследователь: «Возродилось ездовое собаководство у юкагиров после прихода русских. Поселившись в конце XVII в. в низовьях Индигирки, а также на Колыме, русские завели в своем хозяйстве собачьи упряжки. Этот способ передвижения им был знаком еще со времени установления торговых связей Древней Руси с остяками (ханты и манси) Западной Сибири» 105.

Если работа «Кто вы, юкагиры?», главным образом, базировалась на материалах полевых исследований 1969—1970 гг., то та часть фундаментальной монографии В.А. Туголукова «Тунгусы (эвены и эвенки) Средней и Западной Сибири», которая касалась эвенков северо-западных районов Якутии, была основана на изысканиях автора, проведенных в 1971 г.

В течение июля-сентября В.А. Туголуков работал в Анабарском, Оленекском, Жиганском и Булунском районах. Перед исследователем стояли задачи изучение истории местных хозяйств, этнического и родового состава, этнических процессов, направлений деятельности совхозов, условий труда и быта его членов, а также сочетания традиций и новаций в культуре. Для их решения В.А. Туголуков, преимущественно используя авиатранспорт (самолеты Ан-2, Ил-14, Ил-18, Ли-2, вертолет Ми-4), проделал следующий маршрут: Москва — Якутск (19 июля) — Саскылах (20 июля, с посещением оленеводческих бригад совхоза «Анабарский» и его отделения в с. Юрюнг-Хая) — Оленек (30 июля) — Жилинда (2 августа) — Оленек (12 августа) — Жиганск (16 августа) — Кыстатыам (18 августа, катер СП-40) — Тикси (23 августа, теплоход «40 лет ВЛКСМ») — Хара-Улах (27 августа, с посещением (на лошади) рыболовецкого участка в бух. Сытыгын-Тала) — Тикси (2 сентября) — Кюсюр (3 сентября) — Тикси (10 сентября, теплоход «ХХХХ лет ВЛКСМ») — Якутск (11 сентября) — Москва (18 сентября). Методика проведения изысканий включала опрос населения, изучение документальных материалов Научного архива ЯФ АН СССР, местных архивов и учреждений, фотографирование и зарисовки. Собранный эмпирический материал был зафиксирован в 2 тетрадях и на 5 катушках фотопленки¹⁰⁶.

Приоритетное место в подготовленном по итогам экспедиции 1973 г. В.А. Туголуковым отчете занял анализ этнической истории коренного населения исследованных районов Якутии.

Одним из наиболее любопытных результатов проведенных изысканий является закавычивание в нем этнонимов «якуты» и «эвенки», в случае их употребления применительно к аборигенному населению исследованных районов. Данный факт объяснялся активнейшими ассимиляционными процессами на северо-западе Якутии и был своего рода продолжением дискуссий о национальной принадлежности коренных жителей ареала, развернувшихся в начале 50-х гг. ХХв., а также развитием рассмотренной выше концепции И.С. Гурвича об истории этнических процессов на северо-востоке нашей страны.

Так, в отношении давно проживавших на Анабаре якутов (в отличие от недавно поселившихся здесь) В.А. Туголуков отметил, что они «не якуты в полном значении этого слова и тем более не тунгусы (эвенки), а якутоязычный сплав якутского, тунгусского и русского населения»¹⁰⁷. При этом, несмотря на общий вывод об отнесении аборигенного населения северо-запада Якутии к оригинальному этническому сообществу северных якутов, ученый достаточно настойчиво проводил параллели между якутами Анабарского района и долганами Красноярского края. Хотя, например, в ходе упомянутой дискуссии этноним «долганы» применительно к северо-западу республики не звучал вовсе, а начиная с переписи 1939 г. полвека вплоть до волны подъема национального самосознания во время перестройки анабарских долган записывали якутами. В частности, В.А. Туголуков пришел к выводу, что смешение «анабарских якутов с тунгусами и русскими привело к образованию населения, весьма близко напоминающего долган на Таймыре и явно связанного с ними генетически» 108.

В соседнем Оленекском районе, напротив, основная масса населения относила себя к эвенкам. Однако исследователь установил, что значительная их часть «принадлежит к якутским родам Катыгын (Хатыгын, Хатылинский), Рюняй, Маймага, Осогостох, Чорду, Эспех и др., неизвестным у эвенков» 109. Косвенное подтверждение «давней ассимиляции эвенков Северо-Западной Якутии якутами» В.А. Туголуков увидел в длительном отсутствии среди аборигенов ареала родовой экзогамии, а также, как минимум, вековой традиции отнесения к родному языку якутского. Вообще положение о родном языке как ключевом маркере определения национальной принадлежности занимало важное место в исследованиях ученого. В частности, по его сведениям, на момент изысканий эвенкийский язык знали все-

го 6—8 чел. Одной из них была старейшая жительница Жилинды 99-летняя Е.Х. Сергеева, а остальные — недавними мигрантами из Илимпийского района Эвенкийского округа¹¹⁰. В результате В.А. Туголуков пришел к выводу о принадлежности аборигенного населения Оленекского района «к тому же этническому образованию (слою), что и анабарские "якуты"»¹¹¹.

Схожая ситуация была зафиксирована и у «эвенков» (кавычки В.А. Туголукова) Жиганского района. Здесь также, по мнению исследователя, тунгусское население было давно «объякучено», а сами якуты переняли у эвенков и эвенов хозяйство и образ жизни. Ученый выявил «достаточно индифферентное» отношение местных жителей к определению своей национальной принадлежности. Например, как отмечено в итоговом житель Кыстатыама Н.А. Семенов на вопрос о том, кем он себя считает — эвенком или якутом, ответил: «саха, эвенки симбирь (все равно)»112. При этом ученому не удалось выявить ни одного носителя эвенкийского языка в Жиганском районе. Охарактеризованный жителями единственным его знатоком в районе Д.С. Семенов, как установил В.А. Туголуков, в действительности владел западным диалектом эвенского языка — предки информанта за полвека до упомянутых событий перекочевали на Лену с Верхоянья. В итоге исследователь зафиксировал в Жиганском районе наличие «некоторого числа эвенов», которые между тем не знали такого этнонима и относили себя к эвенкам113.

Несмотря на аналогичную путаницу в терминологии в Булунском районе, здесь В.А. Туголукову, так же как и ранее И.С. Гурвичу, удалось выявить именно эвенское население. В связи с этим ученый отметил, что западной границей расселения представителей данного этноса следует считать нижнее течение Лены¹¹⁴.

В упомянутой выше монографии «Тунгусы (эвены и эвенки) Средней и Западной Сибири», опубликованной в 1985 г. на основе привлечения материалов полевых исследований и комплекса архивных документов, В.А. Туголуков с большой скрупулезностью рассмотрел историю тунгусских родов, их миграции на северо-запад Якутии, а также дальнейших межэтнических связей 115.

В последний год полевой работы В.А. Туголукова в арктических районах Якутии начались исследования Якутского отряда ИЭ АН СССР. Общее научное руководство деятельностью отря-

да осуществлял д.и.н., профессор Ленинградского государственного университета (ЛГУ) Р.Ф. Итс. Полевые изыскания возглавляла м.н.с. Ленинградской части Института этнографии (ЛЧ ИЭ) АН СССР Р.В. Каменецкая. Фактически это были совместные исследования ЛЧ ИЭ АН СССР и кафедры этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ. Причем активное участие в них принимали не только ученые названных научных центров, но и проходившие практику студенты.

В первый, 1971-й, год своей работы исследования Якутского отряда, в которых участвовали 13 чел., осуществлялись тремя группами с 25 июня по 5 августа.

Антропологическая группа (руководитель аспирантка ЛГУ Л.Ф. Томтосова) занималась сбором антропометрического, серологического, демографического и иного материала в центральных районах Якутии: Намском, Мегино-Кангаласском и Алексеевском (сейчас — Таттинский). Этнографическая группа, возглавляемая Б.П. Шишло (ассистент кафедры этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ), проводила исследования среди юкагиров Аллаиховского (25 июня — 6 июля), Нижне- и Верхнеколымского районов (6 июля — 30 июля) в селах Ойотунг, Андрюшкино и Нелемное, а также поселении на оз. Малое Улуро. Помимо руководителя в группу также входили В.Б. Золотарева, В.И. Хартанович и В.А. Попов. Наконец, группа Р.В. Каменецкой (Р.Ф. Итс, К.П. Калиновская, Н.И. Бондарь, А.Б. Спеваковский) в населенных пунктах Полярное (Русское Устье), Черский, Походск и Чокурдах собирала сведения по этнографии русского старожильческого населения 116.

В июле 1972 г. Якутский отряд возобновил свои исследования уже в составе двух групп. Антропологическая группа Л.Ф. Томтосовой (2 участника) вновь работала в центральных районах Якутии. Этнографическая группа (руководитель Р.В. Каменецкая, студенты А.И. Терюков и С.С. Григорьев) продолжила сбор этнографического материала о русских старожилах. Маршрут этнографов выглядел следующим образом: Ленинград — Москва — Чокурдах — Полярный — участки в дельте Индигирки (Островок, Якутское жилье, Станчик, Яр, Лагашкино) — Полярный — Чокурдах — Черский — Походск — Черский — Москва — Ленинград¹¹⁷.

В последний год работы Якутского отряда Института этнографии АН СССР основным объектом исследований являлось русское старожильческое население арктических районов Якутии.

Участники отряда (Р.В. Каменецкая и Б.П. Шишло) в июле — августе 1973 г. провели изыскания в низовьях р. Яны, обследовали села Казачье, Кресты и Усть-Янск, а также промысловые участки в дельте Яны и на ее протоках Хочомой и Хотоон¹¹⁸.

На основе опроса местных жителей, включавшего перепроверку материалов, полученных ранее исследователями (В.Г. Богораз, В.М. Зензинов, Д.Д. Травин, Т.А. Шуб, Н.М. Алексеев), изучения похозяйственных книг и данных о развитии совхоза, члены отряда мобилизовали сведения о материальной и духовной культуре, годовом хозяйственном цикле, традиционных промыслах и обрядах этого самобытного этнического сообщества.

Участники экспедиции установили, что, несмотря на все унификационные процессы, представление о себе как об оригинальном этническом сообществе, отличном от «остальных русских», о чем, как мы помним, писал, в частности, И.С. Гурвич, продолжало занимать центральное место в картине мира русских старожилов. Так, колымчанин С.Е. Борисов сказал ленинградским этнографам следующее: «Вот вы русские, они (члены биологической экспедиции ЯАССР) — якуты, а мы колымчане... ото всех понемножку»¹¹⁹. О значительной самобытности русских старожилов свидетельствовала, по мнению исследователей, также материальная культура, являвшаяся сплавом традиционной культуры русских и культуры аборигенных этносов Севера: якутов, юкагиров, эвенов, чукчей. При этом элементы культуры названных народов были «переплетены так тесно и так выкристаллизовались, что образовалась особая, совершенно новая форма материальной культуры...»¹²⁰.

Исследователи составили подробное описание промыслового календаря XIX — начала XX в., весенней добычи нерпы и традиционного жилища (однокамерный сруб с плоской крышей и пристраиваемыми к дому сенями, напоминавшими по форме якутскую юрту) русских старожилов, а также употребляемой ими пищи — в частности, зафиксировано 18 различных способов приготовления рыбы. По наблюдениям участников изысканий, ко времени экспедиций практически полностью вышла из употребления старожильческого населения традиционная повседневная одежда. Вместе с тем сохранилась и активно использовалась промысловая амуниция. Благодаря опросам возрастных информантов были установлены сохранившиеся элементы традиционного фольклора («Виноградье») и религиозных представлений сообщества, являвших собой «переплетение дохристиан-

ских и христианских верований с представлениями и обрядностью... коренного населения севера Сибири»¹²¹.

Важное место в изысканиях занял компаративный анализ традиционных хозяйства и культуры двух самобытных этнических групп русских старожилов - колымчан (походчан) и индигирщиков (русскоустьинцев). Следует отметить, что участники изысканий 1971-1973 гг. стали первыми исследователями, специально обратившимися к сравнительному этнографическому изучению русских старожилов. В результате проведенных работ установлено значительное сходство названных этнических групп. В частности, идентичными оказались способы рыболовного и пушного промыслов, добычи нерпы, собаководства. Существенная близость наблюдалась также в конструкциях традиционных жилищ и хозяйственных построек, одежде, пище, средствах передвижения, промысловом календаре, народных знаниях, верованиях и обрядах. Серьезные различия отмечены лишь в погретерминологии. Однако бальном обряде И целом, наблюдениям исследователей, на Индигирке лучше сохранились архаические элементы. Данный факт, по их мнению, был обусловлен большей отдаленностью региона от торговых путей и его фактической «замкнутостью» — в низовьях Колымы долгое время квартировалась часть якутского казачьего полка, проживали политические ссыльные и т.д. 122

Участники экспедиции также составили краткое описание современной хозяйственной деятельности русских старожилов. В частности, они отметили, что основными направлениями экономической деятельности представителей этого этнического сообщества остаются традиционные рыболовство и пушной промысел. Однако если первое претерпело существенные изменения (широкое распространение получили моторные лодки и капроновые сети, было выстроено значительное количество ледников для хранения), то способы ведения охоты оставались практически неизменными — пасть (ловушка) на песца была «точно такой же, какой пользовались их деды», по-прежнему для объездов применялся собачий транспорт, сохранилась и промысловая одежда¹²³.

Кроме того, в ходе экспедиционных работ исследователи приобрели для коллекции Музея антропологии и этнографии более 30 предметов, относящихся к традиционным средствам передвижения, промысловой и повседневной одежде, хозяйственной деятельности и быту русских старожилов¹²⁴.

Как уже упоминалось в гл. І, наряду с исследованиями В.А. Туголукова и участников Якутского отряда важный вклад в изучение этнографии юкагиров в 70-е гг. ХХв. внес д.филол.н. Е.А. Крейнович. В ходе Юкагирской комплексной экспедиции 1959 г. ученый по собственной инициативе параллельно с выполнением своих основных лингвистических залач занимался в Нижнеколымском районе сбором материалов, касающихся истории хозяйственной деятельности и обычаев юкагиров. Результаты проделанной работы нашли отражение в фундаментальной статье «Из жизни тундренных юкагиров на рубеже XIX–XX вв.» 1972 г. 125, которая позднее была переведена и издана на английском языке в журнале «Arctic Anthropology»¹²⁶. В основе этих публикаций лежали сведения, полученные от самого близкого, пожалуй, для Е.А. Крейновича информанта — Н.Т. Трифонова — одного из тех студентов, которые в 1934 г. помогали ученому делать первые шаги в познании юкагирского языка (в монографии 1982 г. Е.А. Крейнович назвал Н.Т. Трифонова своим другом).

Исследователь подробно рассмотрел обычаи избегания, наследования, брачных отношений, распределения добычи у тундренных юкагиров, определил традиционные маршруты кочевий их алазейских представителей, показал конструкцию зимнего и летнего жилища, способы пошива одежды. Наибольшую же ценность имеет самое содержательное, пожалуй, в существующей историографии описание хозяйственной деятельности тундренных юкагиров, сделанное Е.А. Крейновичем. Ученый привел детальный разбор годового хозяйственного цикла, методов охоты на диких оленей и линных гусей, охотничьего церемониала, техники кочевки, ловли рыбы, обработки шкур, сооружения лодок и саней, заготовки и хранения продуктов.

В рассматриваемый период серьезный импульс был придан археологическому изучению арктических районов Якутии. Следует отметить, что регион к 1960-м гг. продолжал в значительной степени оставаться практически неизученным с археологической точки зрения. Помимо рассмотренных ранее исследований участников ЮКЭ, а также работ А.П. Окладникова в 40-е гг. XX в., сколь-либо существенные данные об истории заселения и освоения древним человеком интересующего нас ареала являлись своего рода побочным продуктом деятельности геологических и геокриологических экспедиций или единичных изысканий, как, например, раскопки на Татьянином озере, осуществленные И.С. Гурвичем в 1951 г.

В этой связи большой интерес представляет организованная академиком АН СССР, директором ИИФФ СО АН СССР А.П. Окладниковым в 1969 г. комплексная экспедиция по изучению одного из форпостов освоения русскими северо-востока России — г. Зашиверска, который забросили в XIX в., как считается, из-за эпидемий и угасания пушного промысла.

Основной целью изысканий было обследование Спасской церкви 1700 г. постройки, о высокой степени сохранности которой свидетельствовали члены Индигирской гидрографической экспедиции 1931 г. Кроме того, участники экспедиционных исследований планировали произвести раскопки существовавшего здесь поселения.

В экспедиции вместе с А.П. Окладниковым принимали участие: З.В. Гоголев, перешедший на работу в ИИФФ СО АН СССР, д. арх., профессор И.В. Маковецкий (Министерство культуры СССР), д.иск., профессор А.Е. Ащепков, к.иск. С.Н. Баландин, Н.П. Журин (Новосибирский инженерно-строительный институт), М.И. Угрин, П.А. Иванов, кинооператор О.Г. Максимов, фотографы В.М. Семенов и Л.А. Греб.

Маршрут исследователей в Якутии выглядел следующим образом: из Якутска, где было предпринято изучение ряда архитектурных памятников (башня острога, здание бывшей Воеводской канцелярии, «Кружало» и др.), они на самолете прибыли в п. Зырянка Верхнеколымского района. Из этого населенного пункта часть экспедиционной группы совершила выезд в с. Нелемное, часть — в Верхнеколымск. Вернувшись в Зырянку, участники экспедиции на двух вертолетах вылетели в Зашиверск 127.

В Зашиверске исследователи определили планировку и характер застройки поселения, вскрыли при раскопках башни и стены острога, а также ряд построек жилого и служебного назначения. Помимо этого, участники экспедиции выявили следы наводнения и двух пожаров, обнаружили медные монеты XVIII в., «идола» и шахматную фигурку из кости мамонта, стеклянные бусы, железный нож и ряд других менее значимых предметов. На расстоянии 1,5 м от церкви на глубине 80 см в песчаном грунте учеными была найдена и исследована группа захоронений. Сохранившиеся же Спасская церковь и колокольня, служившая одновременно надвратной башней острога, подверглись скрупулезному обследованию, обмерам и фиксации на фото- и видеоносители¹²⁸.

Учитывая уникальность Зашиверской церкви (на тот момент она оставалась единственным сохранившимся в Сибири памятником шатрового деревянного зодчества) и перманентную угрозу подтопления территории погибшего города, было принято решение об ее эвакуации в более безопасное место. При этом правительство Якутии передало церковь и колокольню в дар Сибирскому отделению АН СССР, а точнее — в создаваемый недалеко от новосибирского Академгородка музей под открытым небом.

В том же 1969 г. участники экспедиции разобрали колокольню. Бревна были пронумерованы и погружены на баржу. Однако доставить их к месту назначения быстро не получилось — судно село на мель посередине Индигирки и осталось там на зимовку. Самих исследователей забрал проходивший мимо катер и, спустившись по Индигирке, они обследовали также деревянную церковь-часовню в местности Станчик. Кроме того, участники экспедиции собрали подъемный материал на открытой во время ЮКЭ Бурулгинской стоянки эпохи неолита. Здесь, среди прочего, были найдены изделия из халцедона и камня других камней 129.

Лишь в следующем году ценный груз с баржи добрался до Чокурдаха, а оттуда воздушным путем — в Новосибирск. Спасская церковь была вывезена в 1971 г. экспедицией ИИФФ СО АН СССР под руководством д.и.н. А.П. Деревянко¹³⁰.

Любопытна судьба зашиверских колоколов, которые также оказались в музее под открытым небом. Один из них, отлитый в XVII в., был найден участниками экспедиции на складе металлолома в Чокурдахе. Второй, датируемый XVIII в., подарен сотрудниками Колымо-Индигирского речного пароходства из п. Дружины, где он использовался для оповещения о начале рабочего дня¹³¹.

Однако наибольшие успехи в деле археологического познания арктических районов Якутии в рассматриваемый период были связаны с организацией сотрудниками ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР в 1964 г. ежегодной работы фундаментальной Приленской археологической экспедиции (ПАЭ). Исследователь истории развития археологического знания в Якутии Н.Д. Архипов считает это событие началом нового этапа в изучении опыта освоения древним человеком территории республики¹³². Бессменным руководителем ПАЭ, полевые исследования в рамках которой продолжались вплоть до конца первого десятилетия XXI в., являлся кандидат, а затем и доктор исторических наук Ю.А. Мочанов.

Как и большинство других рассмотренных крупных инициатив, первоначально изыскания участников ПАЭ сконцентрированы в центральных, западных и южных районах республики. Первые же исследования в Заполярной Якутии проведены в полевые сезоны 1967 и 1968 гг. в Оленекском районе отрядом под руководством м.н.с. ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР И.В. Константинова. В ходе изысканий, в которых наряду с руководителем принимали участие студенты Якутского госуниверситета Ф.И. Новгородов и Н.Н. Решетников, был обследован участок по р. Оленек от одноименного населенного пункта до с. Таймылыр.

Основной целью исследований было выявление и картографирование древних памятников деятельности человека для определения «характера будущих работ». Участники отряда при этом, как правило, ограничивались осмотром береговых отложений без проведения земляных работ («за исключением редких шурфов») 133 .

В ходе исследований зафиксированы и нанесены на карту следы пребывания древних людей в более чем 20 пунктах, 12 из которых получили достаточно подробное описание. Так, в ходе раскопок 5 шурфов на стоянке Оленек I, расположенной в черте современного административного центра Оленекского района, исследователи нашли сделанный из кремня инвентарь эпохи неолита (2 наконечника стрел, наконечник копья, нож, 5 резцов, ступенчатое тесло, многочисленные отщепы и др.), на основании анализа которого осуществили ее датировку¹³⁴.

На стоянках Сенкю, Тирэхтээх, Абыналаах, Эсэгэлээх, Мэрчимдэн I, Нижне-Талоудская, Бороллуолаах, Керсюсе, Хотугуй Нойуо и Хорбсусуонка I, а также в пункте Кюютинг участники отряда обнаружили около 30 фрагментов наконечников стрел, резцы, скребки, проколки, более 700 отщепов и 30 ножевидных пластин, 6 тесел, 37 нуклеусов, мотыгообразное орудие из рога северного оленя, 8 фрагментов керамики. Исследованные археологические памятники отнесены к раннему, среднему и позднему неолиту, а также к бронзовому и раннему железному векам¹³⁵.

Подводя итоги проведенным изысканиям, И.В. Константинов отметил присущую всем исследованным местам малочисленность культурных остатков по сравнению с «ленскими, алданскими и вилюйскими». Данный факт исследователь объяснил временным характером оленекских стоянок, обитателями

которых были бродячие охотники. Этим же моментом была обусловлена и редкость обнаружения керамических изделий. Вместе с тем, по мнению И.В. Константинова, древние обитатели Оленека добились «больших успехов в обработке камня». В изготовлении орудий из этого материала они «достигли того же уровня, что и их соседи из других районов Якутии». Аналогичными большинству неолитических стоянок республики были и технические приемы производства керамики, используемые «оленекцами». На основании полученных сведений исследователь пришел к выводу о тесном контакте подвижного населения Северо-Западной Якутии эпохи неолита с Ленской культурной областью, а также о направлении заселения бассейна р. Оленек первобытными людьми, осуществлявшегося, по его мнению, с востока 136.

В 1970 г. участники ПАЭ проводили исследования в низовьях р. Колымы и на Малом Анюе. При этом в бассейне последнего ранее никаких раскопок не проводилось и этот район, как отмечали Ю.А. Мочанов и С.П. Кистенев, оставался не охваченным исследованиями археологов, что «самым пагубным образом» влияло на возможность корреляции и синхронизации археологических памятников Якутии и Восточной Чукотки, а также определения границ распространения приленских культур¹³⁷. Исследователям удалось выявить здесь 15 разновременных археологических памятников, самым древним из которых была признана отнесенная к палеолиту стоянка Майорыч¹³⁸.

Как отмечалось выше, значительный вклад в копилку археологического изучения Якутии внесли геологи и геокриологи. Так, Н.Ф. Григорьев, изучавший мерзлотные процессы в бассейне Индигирки, в 1951 г. открыл ставшее впоследствии знаменитым берелехское кладбище мамонтов, расположенное на берегу одноименной реки. В 1970 г. памятник был впервые целенаправленно исследован участниками экспедиции Геологического института ЯФ СО АН СССР во время размыва гидропомпой костеносного горизонта.

Начиная с 1971 г. в течение нескольких полевых сезонов это место исследовалось отрядом ПАЭ под руководством Ю.А. Мочанова. Как отмечали участники изысканий, в процессе палеонтологических работ археологический памятник был сильно разрушен. Тем не менее исследователям удалось обнаружить 127 каменных и 49 костяных обработанных древним человеком предметов, а также 1003 кости животных, являющихся, по их

предположению, кухонными остатками¹³⁹. Более подробный анализ проведенных исследований, к сожалению, затруднен практически полным отсутствием отчетов Ю.А. Мочанова в Отделе полевых исследований Института археологии РАН, выдающим, как известно, открытые листы на проведение соответствующих изысканий.

В 1971—1973 гг. под руководством к.и.н. С.А. Федосеевой была исследована открытая в ходе ЮКЭ 1959 г., а спустя 10 лет посещенная участниками Зашиверской экспедиции, Бурулгинская стоянка древнего человека. Здесь были выявлены 3 культурных слоя, относящиеся к позднему неолиту и характеризующие ымыяхтахскую археологическую культуру¹⁴⁰.

В 1973 г. участники ПАЭ под руководством Ю.А. Мочанова проводили исследования на о. Большой Ляховский Новосибирского архипелага. Важнейшим результатом работ были обнаруженные в районе п-ова Кигилях скопления костей плейстоценовой фауны, предположительно возникшие в результате деятельности древнего человека¹⁴¹.

В полевой сезон следующего года Янским отрядом ПАЭ (руководитель — Н.М. Щербакова, ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР) были проведены пионерные археологические изыскания в бассейне Яны, которые, к сожалению, не позволили выявить стоянки древнего человека 142 .

В том же 1974 г. И.В. Константинов вновь возглавил исследования Приленской археологической экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР в Северо-Западной Якутии. На этот раз разведкой был охвачен бассейн р. Анабар. В состав отряда, помимо руководителя, входили: аспирант ЯФ СО АН СССР С.И. Эверстов, студент ЯГУ И.С. Горохов и рабочий В.Н. Романченко.

С 6 по 20 августа исследователи на двух резиновых лодках прошли маршрут общей протяженностью в 285 км из населенного пункта Жилинда на Малой Куонамке до районного центра Анабарского района — Саскылаха. Продолжить путь далее археологам помешали «сложные природные условия и слабая транспортная связь» 143.

Первые материалы участники отряда получили уже в Жилинде. Здесь были найдены 9 кремневых ножевидных пластин и 18 отщепов. Аналогичные единичные находки сделаны еще в 4 местах, сосредоточенных в 10-километровом радиусе от названного села. «Более содержательной» оказалась открытая исследователями стоянка Эбэлээх, расположенная в 1,5—2 км ниже

р. Эбелях на правом берегу р. Анабар. На достаточно небольшом «пятачке» они обнаружили 37 ножевидных пластин, 34 отщепа, двухстороннеобработанный нож, 2 угловых резца, 2 нуклеуса и 2 отбойника¹⁴⁴.

Кроме того, археологи открыли и составили описание стоянки Сэмэлдьин (357 км от устья р. Анабар) и 3 пунктов: одного напротив устья р. Билээх на левом берегу р. Анабар и 2 в окрестностях горы Эбэ-Хая. На территории этих памятников найдены отщепы, ножевидные пластины, скребок, угловой резец, нож из кремня и наконечники стрел¹⁴⁵.

На основе полученных материалов И.В. Константинов осуществил предположительную датировку исследованных мест пребывания древнего человека, а также отметил их ключевые особенности — малочисленность культурных остатков и практически полное отсутствие керамики. Эта специфика была, по мнению ученого, как и в случае с «оленекцами», обусловлена высокой мобильностью населения Северо-Запада. Кроме того, И.В. Константинов установил и иные сходства памятников, исследованных в 1974 г. на р. Анабар и 6 годами ранее на р. Оленек: высокий уровень обработки камня и аналогичные другим районам Якутии приемы изготовления керамических изделий¹⁴⁶.

В августе—сентябре 1974 и 1975 гг. участники Приленской археологической экспедиции работали также на Индигирке, охватив своими исследованиями территории Момского и Оймяконского районов. Руководство изысканиями осуществлял сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР В.А. Кашин. Кроме него в состав группы входили рабочие С.П. Мунгалов и П.И. Карпов¹⁴⁷.

Основным результатом исследований стало открытие стоянок Юбилейный и Кыйымыт на территории Оймяконского района, Калядин — в Момском. Среди найденных в ходе раскопок предметов материальной культуры были различные кремневые отщепы, ножевидные пластины, чешуйки, нуклеусы, а также несколько ножей, наконечников стрел, скребков, вкладышей, резцов, проколка и долото. Характер стоянок и выявленный на них инвентарь позволили В.А. Кашину сделать вывод о подвижном образе жизни древнего населения исследованного ареала, обусловленного основной формой хозяйствования — охотой. Рассматривая проблемы датировки и культурной принадлежности обнаруженных археологических памятников, ученый отметил значительную специфику стоянки Юбилейный: аналогии с другими стоянками Северной Якутии прослеживались «в рамках

отдельных элементов, но не комплекса в целом», и она могла быть только предположительно отнесена к сыалахской ранненеолитической культуре. Стоянка Калядин же, по мнению В.А. Кашина, однозначно являлась памятником ымыяхтахской поздненеолитической культуры¹⁴⁸.

В 1977 г. северный отряд ПАЭ продолжил начатые 7 годами ранее работы в низовьях Колымы и на Малом Анюе. Под руководством лаборанта ИЯЛИ ЯФ АН СССР С.П. Кистенева были обследованы стоянки Пантелеиха I-VIII. Все они располагались в зоне аэропорта Черский и подвергались в связи с производимыми там земляными работами интенсивному разрушению. На 7 стоянках исследователям удалось собрать подъемный археологический материал: 293 кремневых, кремнисто-сланцевых и халцедоновых отщепа, 7 обломков кремнистых желваков, 65 кремневых и кремнисто-сланцевых ножевидных пластин, 2 нуклеуса, кремневый нож, 12 каменных орудий (скребки, вкладыши, резцы и тесла) и 39 фрагментов керамики. Важнейшее место С.П. Кистенев уделил сопоставлению на основе полученных материалов выводов о датировке и культурной принадлежности стоянок с результатами изысканий 1970 г. — исследователь установил, что оба комплекса данных находятся в хорошем соответствии друг с другом¹⁴⁹.

После проведения изысканий на Колыме участники отряда отправились на вертолете к оз. Тытыль на Чукотке. Оттуда на резиновой лодке они проследовали маршрутом с. Илирней — с. Кепервеем, преодолев по Малому Анюю за 7 дней около 180 км и открыв 5 стоянок древнего человека: Новый Илирней, Оленная, Ягодная, Кантвеем I и II. В ходе работ (сбор подъемного материала и небольшие раскопы) на этих археологических памятниках были найдены халцедоновые и обсидиановые пластины, скребки, вкладыши и резцы, отщепы из халцедона и кремнистого сланца, диабаза, халцедона и обсидиана, тесло из рога северного оленя, заготовки каменных орудий, фрагменты наконечников стрел и керамики¹⁵⁰.

Важнейшим итогом исследований в низовьях Колымы и на Малом Анюе стало свидетельство того, что Западная и Центральная Чукотка на протяжении всего голоцена входила в ареал распространения приленских культур¹⁵¹.

В следующем году участники северного отряда ПАЭ проводили исследования в низовьях Лены. В состав отряда входили сотрудники ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР Н.Г. Багынанов (руково-

дитель) и Н.М. Щербакова. Кроме того, исследователям был передан катер «Наука» (капитан В.М. Таюрский, механик А.И. Беляев) 152 .

Участники отряда открыли и составили описание 11 археологических памятников: стоянок Говорово (на берегу Лены в 423 км от ее устья) и Батыялах I—VIII (Оленекская протока), а также двух пунктов в местности Дюлюнг-Хая. При обследовании этих памятников археологи собрали подъемный материал: 85 отщепов, 5 пластин, 5 наконечников стрел, 2 резца, 6 скребков, обломок ножа и фрагменты различных предметов. По результатам изысканий Н.Г. Багынанов установил предположительную датировку найденных стоянок (поздний неолит) и их принадлежность к археологическим культурам (ымыяхтахская). При этом, как отметил ученый, выявленные памятники были самыми северными (72,5° с. ш.) на Лене и подтверждали гипотезу о том, что границы распространения различных приленских культур доходили до побережья м. Лаптевых¹⁵³.

В полевых сезонах 1978 и 1979 гг. археологические изыскания на севере Якутии осуществлял Нижнеиндигирский отряд ПАЭ. В первый год исследования проводили: принятый в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР С.И. Эверстов (руководитель), рабочие В.П. Гармель и А.И. Щеколдин. В основные задачи отряда входили обнаружение археологических памятников, изучение их топографических особенностей, а также геолого-морфологические условия залегания культурных остатков в бассейне среднего и нижнего течения Индигирки на территории Абыйского и Аллаиховского районов. При этом, как отмечал С.И. Эверстов, если в низовьях Индигирки раньше уже проводились специальные экспедиции (стоянки Татьянино Озеро, Уларовская, Бурулгино и Берелех), то бассейн ее среднего течения оставался не исследованным. Маршрут осуществлялся как пешком, так и на арендованной у местных жителей моторной лодке¹⁵⁴.

Первым объектом исследования стала котловина между реками Дружина (714 км от устья Индигирки) и Уяндина (635 км). Однако обнаружить каких-либо следов стоянок древнего человека участникам отряда здесь не удалось. Безуспешной оказалась и разведка, проведенная по берегам правых притоков Индигирки — Буор-Юрях и Бадяриха.

Удача поджидала исследователей несколько северней — в 603 км от устья Индигирки в административном центре Абыйского района п. Белая Гора. На его территории был собран

подъемный археологический материал (отщепы и изделия из халцедона и кремня) и заложены два шурфа. В ходе раскопок участники отряда нашли сланцевый топор, комбинированное орудие из роговика, 2 клювовидных орудия из халцедона, 3 многофасеточных резца, 3 скребка, 2 наконечника стрел, 27 микропластин и 203 отщепа из халцедона, сланца, кремня и обсидиана, фрагменты каменных орудий и керамики. Обработка полученных материалов показала, что все они относятся к ымыяхтахской археологической культуре (II тыс. до н.э.). При этом сланцевый топор и комбинированное орудие были найдены на стоянках, относящихся к названной культуре, впервые 155.

В 4 км северо-западнее Белой Горы на левой стороне притока Индигирки р. Сутуруоха участники отряда обнаружили, сфотографировали и составили подробное описание наскальных рисунков, выполненных красной охрой и включавших изображения человека, животных и различных бытовых сюжетов. Анализ степени сохранности, методов нанесения и состава композиций выявленных писаниц позволил С.И. Эверстову определить их примерную датировку¹⁵⁶.

Кроме того, в местности Крест, расположенной на правом берегу Индигирки, в 145 км от ее устья были собраны 18 халцедоновых и 5 кремневых отщепов. Провести в этом пункте раскопки помешала погода — ко времени проведения изысканий земля уже оказалась промерзшей 157.

В следующем году археологические изыскания на Индигирке получили продолжение. Их вновь возглавил С.И. Эверстов, а помогали ему рабочие М.Н. Миронов и С.П. Сурнин. Передвигались участники отряда на вертолете, моторной и резиновой лодках¹⁵⁸. Работы начались с раскопок найденной в прошлом году стоянки Белая Гора. Исследователи выявили 7 наконечников стрел, 8 скребков, 5 вкладышей, 4 резца, проколку, топор из кремнистого сланца, отбойник, 2 нуклеуса, более 70 кремневых, халцедоновых, роговиковых, обсидиановых и кремнистосланцевых пластин, 635 отщепов, 60 фрагментов керамики, а также обломки различных изделий древнего человека. Полученные материалы подтвердили принадлежность стоянки к ымыяхтахской культуре. При этом установлено, что ее обитатели занимались исключительно охотой¹⁵⁹.

Из Белой Горы участники отряда отправились по Индигирке к находящемуся в 310 км выше по течению урочищу Крест-Майор. На данном участке, как отметил С.И. Эверстов, происходило интенсивное обрушение берега реки, в результате которого на поверхности зачастую оказывались кости животных периода плейстоцена. Однако следов пребывания здесь древнего человека исследователям найти не удалось¹⁶⁰.

В начале августа отряд забросили в верховья р. Алазея, где был исследован прибрежный участок общей протяженностью 500 км. На этом участке исследователи обнаружили стоянку древнего человека, расположенную в 1020 км по руслу реки от ее устья. В ходе изысканий были заложены два разведочных шурфа по 1 м² каждый. Из этих шурфов удалось извлечь 30 фрагментов керамики, скребок из халцедона, 111 халцедоновых, диабазовых и кремневых отщепов и провертку на халцедоновых, диабазовых и кремневых отщепов и провертку прийти к заключению, что весь найденный комплекс также относится к ымыяхтахской археологической культуре II тыс. до н.э. 161 Следует отметить, что данная стоянка была первым археологическим памятником, выявленным в бассейне Алазеи.

С 19 июня по 18 июля 1978 г. разведочная группа Северного отряда ПАЭ снова проводила рекогносцировочные работы в бассейне р. Яны. В состав отряда входили: Н.М. Щербакова (начальник), рабочие А.Д. Кишкопаров и Д.С. Скрябин. Маршрут Верхоянск — Нижнеянск, общая протяженность которого составила 853 км, осуществлялся на резиновой лодке с подвесным мотором. Как отметила Н.М. Щербакова, исследования проводились в крайне трудных погодных условиях: «весь маршрут сопровождался обильными дождями и частыми грозами. Уровень воды в Яне был намного выше обычного... Были затоплены уровни поймы и местами I надпойменная терраса». Очевидно, именно по этим причинам работа поисковой группы по обнаружению археологических материалов¹⁶² не увенчалась успехом.

В следующем году изыскания на Яне были продолжены. 22 августа — 13 сентября, вновь под руководством Н.М. Щербаковой, исследования на территории Верхоянского и Усть-Янского районов проводили участники Янской группы Первого отряда ПАЭ. В состав исследовательской группы также входили: сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР В.И. Козлов и рабочий А.Н. Анискин. Маршрут выполнялся на моторной лодке¹⁶³.

Из начального пункта работы экспедиции — Батагая, где была арендована лодка, участники изысканий направились вверх по Яне. Однако, проследовав до Верхоянска, они не обнаружили никаких признаков нахождения в исследованном ареале стоянок

древнего человека. После этого археологи приступили к спуску по реке. В местности Хатыстаах (835 км от устья Яны) они зафиксировали наличие археологического памятника — стоянки Хатыстаах І. На ней в результате сбора подъемного материала и закладки разведочного шурфа были извлечены 3 фрагмента керамики, наконечник стрелы и сечение ножевидной пластины. Аналогичная работа на стоянке Ньулбугур-Айаана, расположенной еще в 16 км вниз по течению Яны, позволила выявить два фрагмента керамики, заготовку наконечника стрелы, 60 отщепов и несколько обломков каменного инвентаря. На основе полученных данных специалисты осуществили предварительную датировку названных стоянок: первая была отнесена к позднему неолиту (ымыяхтахская культура), вторая, из-за «невыразительности материала», к неолиту в общем¹⁶⁴.

В 800 км от устья Яны в местности Куранаах участники Янской группы Первого отряда ПАЭ открыли два археологических пункта, в ходе раскопок которых были обнаружены: скребло, обломок скребла, скребок, 45 отщепов. Кроме этого, на берегу Яны в интервале в 765—587 км от ее устья исследователи установили местонахождение еще 5 археологических памятников: стоянок Кэлимсэ, Омук, Мэкчиргэлэх, Кунаах I и II. Работы (подъемные и разведочное шурфирование) на этих стоянках позволили извлечь 7 отщепов, обломки наконечника стрелы и ножевидной пластины¹⁶⁵.

В 1978 г. археологическую разведку бассейна р. Пантелеиха в низовьях Колымы осуществил отряд ПАЭ под руководством С.П. Кистенева. В результате были открыты стоянки Пантелеиха гора и Родинка эпохи позднего неолита 166.

В следующем году в бассейне другого притока Колымы — р. Омолон на территории Магаданской области также под руководством С.П. Кистенева проводил изыскания Северо-Восточный отряд ПАЭ. В его состав входили: Ю.А. Мочанов, В.И. Эртюков и Л.А. Швецов¹⁶⁷.

В связи с возникшими при аренде вертолета проблемами и сложными метеоусловиями отряд смог вылететь из п. Омсукчан в истоки Омолона 15 августа — почти на 2 недели позднее запланированного срока. Трудности поджидали исследователей и в ходе следующего этапа экспедиции: из-за неисправности моторов на резиновых лодках практически весь маршрут по Омолону им пришлось проделать, используя весла. Несмотря на эти задержки, приведшие, в частности, к тому, что последние дни

участники отряда передвигались, по их выражению, «на проход» и не останавливались даже в перспективных с археологической точки зрения местах, они сумели обследовать участок длиной около 400 км. На этом участке были открыты 6 стоянок древнего человека: Первая, Вторая, Третья, Мысовая, Преджданка и Большой Эльгахчан. В ходе сбора подъемного археологического материала и закладки разведочного шурфа на этих стоянках были выявлены: 47 кремневых, халцедоновых и обсидиановых пластин, 273 отшепа из кремня, кремнистого сланца, диабаза и халцедона, 2 вкладыша, нож, долото, подвеска, 2 скребка, наконечник стрелы, многофасеточный резец, комбинированное орудие и различные фрагменты каменного инвентаря. Анализ найденных изделий позволил исследователям установить аналогии с материалами сумнагинской (X-IX тыс. до н.э.), сыалахской (IV тыс. до н.э.), белькачинской (III тыс. до н.э.) и ымыяхтахской культур (II тыс. до н.э.), а также прийти к выводу о полном охвате бассейна Колымы древними приленскими культурами¹⁶⁸.

Таким образом, в рассмотренный период в арктических районах Якутии был реализован ряд исследовательских инициатив по мобилизации этнографического материала, касающегося коренных народов региона. Характерной особенностью большинства из представленных изысканий является их проведение специалистами научных учреждений Москвы и Ленинграда. В то же время прежде всего за счет местных кадров хороший импульс получили археологические исследования, которыми оказались охвачены низовья Лены, бассейны рек Анабар, Оленек, Яна, Индигирка, Алазея и Колыма. Как можно будет убедиться далее, достаточно успешными 60—70-е гг. XX в. оказались и для продолживших свои научные поиски в Заполярной Якутии филологов.

2.3. Фольклорно-лингвистические инициативы: динамика позиций и подходов

В соответствующем разделе предыдущей главы рассматривались исследования, посвященные научному изучению якутского и эвенского языков, а также сбору фольклорного материала, которые были проведены в арктических районах Якутии в 50-е гг. ХХ в. Изыскания же, относящиеся к аккумулированию сведений о языке и фольклоре юкагиров, были представлены

отдельно — в рамках описания истории реализации Юкагирской комплексной экспедиции, ставшей, как отмечалось, поистине эпохальным событием в североведении. Материалы этой фундаментальной инициативы вводились в научный оборот вплоть до конца 80-х гг. ХХ в. Неудивительно, что тесно связаны с ней и исследования интересующего нас в данном разделе периода. Так, в значительной степени именно ЮКЭ дала импульс работам Г.Н. Курилова — уроженца Олеринской тундры, ставшего впоследствии первым доктором наук среди юкагиров.

В 1960-е гг. Г.Н. Курилов принимал активное участие в обработке лингвистических материалов, полученных отрядом Е.А. Крейновича. В апреле—июле 1963 г. старший лаборант ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР Г.Н. Курилов в родном Нижнеколымском районе (с. Андрюшкино, производственные участки «Большое Улуро» и «Куоуолээх») занимался, по заданию Е.А. Крейновича, перепроверкой ряда сведений и сбором дополнительных данных по тундренному диалекту юкагиров, которые использовались позднее при написании упоминавшейся ранее монографии «Исследования и материалы по юкагирскому языку». Кроме того, Г.Н. Курилов в беседах со старожилами фиксировал фольклорный материал — сохранившиеся юкагирские сказки, предания, пословицы, поговорки и загадки¹⁶⁹.

На основе аккумулированных материалов Г.Н. Курилов подготовил, а в 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию «Сложные имена существительные в юкагирском языке». После этого события многочисленные экспедиционные исследования ученого в места компактного проживания юкагиров Якутии получили свое продолжение, однако осветить их подробно, к сожалению, не позволяет специфика отложившегося архивного материала¹⁷⁰.

По результатам этих исследований было написано несколько капитальных научных работ¹⁷¹. В них ученый рассмотрел проблемы орфографии, систему словообразования, вопросы нормативной грамматики юкагирского языка. Достаточно серьезное место было уделено сравнительному анализу лесного и тундренного диалектов. Г.Н. Курилов развил выводы Е.А. Крейновича об их значительном расхождении, а также предположение о том, что эти диалекты «являются не диалектами, а самостоятельными юкагирскими языками»¹⁷². В частности, исследователь подробно охарактеризовал имеющиеся лексические и фонетические

различия, усугублявшиеся оказываемым на них «длительным воздействием языков соседних народов»¹⁷³.

В 60-е гг. XX в. получили дальнейшее развитие исследования эвенского языка. Связано это было прежде всего с именем В.Д. Лебедева. В 1961 г. исследователь собирал полевой материал в Верхоянском районе. 24 февраля он вылетел из Якутска в административный центр района — п. Батагай, где в ожидании подходящих метеоусловий пробыл 6 дней. 2 марта В.Д. Лебедев прилетел в с. Сайылык Селеняхского наслега — одно из двух мест, наряду с селом Уяндя, компактного проживания эвенов в районе. Исследования здесь проводились до 14 марта. За это время путем опроса 37 чел. был определен родовой состав наслега, получен пилотный диалектологический материал.

После месячного перерыва, связанного с участием В.Д. Лебедева в конференции литераторов Севера, проходившей в Ленинграде, изыскания в Сайылыке были продолжены. В течение 14 апреля — 7 мая ученый вновь занимался здесь сбором лингвистических сведений в соответствии с разработанной ранее диалектологической программой. В.Д. Лебедев заполнил 5 экземпляров специального вопросника (объем каждого по 73 страницы), записал образцы речи 21 респондента на магнитофонную ленту. 7 мая исследователь выехал на автомашине в с. Уяндя (сейчас — территория Усть-Янского района). С 11 по 16 мая здесь было заполнено еще 3 экземпляра вопросника, произведена магнитофонная запись речи 28 носителей эвенского языка. Из Уянди В.Д. Лебедев отправился в поездку по оленеводческим стадам. У оленеводов удалось заполнить еще 10 вопросников, зафиксировать на аудионоситель речь 15 чел., а также собрать фольклорный материал. В июле исследователь посетил с. Казачье, но, по собственному признанию, он «съездил сюда зря» и без того малочисленное эвенское население полностью «объякутилось» и не могло дать сколь-либо ценный диалектологический или фольклорный материал. 24 июля В.Д. Лебедев прибыл в с. Табалах, откуда рассчитывал совершить поездку в еще 3 оленеводческих стада. Ученого вновь ждало разочарование необходимого транспорта на месте не оказалось. 25 июля он добрался до Батагая и в тот же день вернулся в Якутск¹⁷⁴.

Всего в ходе исследований В.Д. Лебедев собрал около 2000 страниц лингвистического и фольклорного материала (сказки, рассказы, предания), записал 12 магнитофонных катушек с образцами эвенской речи. Анализ полученного материала позво-

лил ученому установить фонетические, лексические и грамматические отличия местного говора от литературного эвенского языка. Кроме того, проведенные исследования показали относительно неплохую сохранность традиционного фольклора («по крайней мере, лучше, чем в Томпонском, Аллаиховском и Момском районах»). Однако молодежь его уже практически не знала¹⁷⁵.

Представляются любопытными и записи, касающиеся особенностей исследовательской работы в арктических районах Якутии в рассматриваемый период, которые оставил ученый по итогам экспедиции. Как отмечалось, тогда в регионе фактически встретились две эпохи - прежняя, с традиционными средствами передвижения, и современная, которая предполагала использование высокомобильного авто- и авиатранспорта. При прочтении записей возникает ощущение, что суровая реальность, с которой регулярно сталкивались исследователи предыдущих эпох, к тому моменту уже начала забываться. Вот, что писал В.Д. Лебедев: «Полевые работы в районах Севера имеют особые трудности и препятствия, вызванные отсутствием транспорта и крайне суровыми природным условиями. В горных местностях, где обычно расположены оленеводческие стада и где основным видом транспорта являются олени, передвижение с одного место на другое занимает много времени, иногда по 8-10 дней. При составлении программы и сроков экспедиции такое обстоятельство в будущем необходимо учесть»¹⁷⁶.

С 17 февраля по 12 марта 1963 г. В.Д. Лебедев совместно с учителем Себян-Кюельской 8-летней школы, поэтом П.А. Ламутским-Степановым, проводил первые в истории исследования эвенского языка в Абыйском районе. Изысканиями были охвачены населенные пункты Дружина, Кебергене и Били. Интересующие участников экспедиции материалы собирались с помощью доработанной «Программы диалектологических исследований по эвенскому языку», составленной В.И. Цинциус и использовавшейся в ходе предыдущих изысканий 177.

Как отметили исследователи, эвены Абыя были переселенцами из Момского района. В частности, по сведениям информатора С. Никулина (39 лет), когда он был ребенком, его семья перекочевала из Догдо-Чыбагалахского наслега вследствие резкого сокращения численности диких оленей. При этом названия большинства бывших эвенских родов Момы встречались и в Абыйском районе. Такое относительно недавнее переселение, ес-

тественно, обусловило практически полную идентичность языка его эвенского населения с говором эвенов Догдо-Чыбагалахского наслега Момского района (бывшие представители Эселяхского и Улахан-Чистайского наслегов в Абыйском районе, как установлено исследователями, «составляли незначительное количество»).

Тем не менее В.Д. Лебедев на основе анализа полученного лингвистического материала установил несколько фонетических и морфологических особенностей, характерных для языка абыйских эвенов, его важнейшие отличия от литературных норм. Кроме того, ученый подробно рассмотрел лексический состав данного языка: установил терминологические расхождения с ольским говором; назвал встречающиеся архаизмы (термины из шаманского камлания, старинные названия месяцев) и выделил слова, заимствованные из якутского и русского языков. Как отметил В.Д. Лебедев, из первого, прежде всего, эвены переняли термины, связанные со скотоводством, рыболовством, утварью и мебелью; из второго, вследствие ограниченности контактов с малочисленным русскоязычным населением, - общественно-политические (депутат, закон и т.п.) понятия и слова, связанные с техническими достижениями (мотор, машина, пароход и др.). При этом и заимствования русских слов происходили своего рода путем «ретрансляции» из якутского языка¹⁷⁸.

Наряду с научным изучением эвенского языка участники экспедиции собрали фольклорный материал, составили краткое описание хозяйственной деятельности и лингвистической ситуации. Так, исследователями было отмечено, что основными занятиями эвенского населения Абыйского района по-прежнему являлись оленеводство и охота на пушного зверя, кроме того, получило развитие и разведение голубого песца. Оленеводство носило транспортное направление — животных использовали главным образом для охоты и перевозки продуктов. Еще одним занятием эвенов было рыболовство, однако большая часть улова уходила на нужды зверофермы.

Эвенское население Абыйского района было двуязычным — наряду с родным языком широкое распространение получил якутский. Именно на последнем велось делопроизводство, проводились общественные собрания. Эвенский язык служил пре-имущественно средством межличностного общения. При этом, как установили участники экспедиции, наилучшую сохранность он имел среди представителей старшего поколения, понимав-

ших в том числе все слова из традиционного песенного творчества. Дети школьного возраста уже плохо владели родным языком, а многие выражения из фольклора были неизвестны практически всей молодежи. Еще одним показательным явлением, характеризующим лингвистическую ситуацию в Абыйском районе, стал отмеченный исследователями факт «совершенного незнания» эвенского языка детьми, рожденными в этнически смешанных семьях¹⁷⁹.

В марте—мае следующего 1964 г. В.Д. Лебедев продолжил исследования говоров эвенского языка в Тюгясирском наслеге Верхоянского района, а также в населенных пунктах Березовка (Среднеколымский район), Андрюшкино и Колымское (Нижнеколымский район). Ученый собрал материалы, характеризующие фонетический и морфологический строй местных диалектов, а также их лексический состав¹⁸⁰.

В 1970 г. В.Д. Лебедев защитил кандидатскую диссертацию «Догдо-Чыбогалахский говор эвенов Момского района Якутской АССР» и на ее основе подготовил монографию «Язык эвенов Якутии», которая увидела свет спустя 8 лет¹⁸¹. Значительное внимание ученый также уделял работе над усовершенствованием орфографии эвенского языка. В частности, совместно с К.А. Новиковой В.Д. Лебедев подготовил «Правила орфографии эвенского языка»¹⁸².

Очевидно, в значительной степени именно плодотворная работа В.Д. Лебедева и Г.Н. Курилова позволила организовать в 1969 г. в стенах ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР первое специализированное североведческое подразделение — сектор северной филологии.

Прежде чем перейти к анализу инициатив, связанных с изучением якутского языка, остановимся на исследованиях, являющихся своеобразным мостиком, связывающим его с языками коренных малочисленных народов Севера. В 1966—1968 гг. сотрудники ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР принимали участие в социолингвистических изысканиях, посвященных изучению взаимодействия языков народов Сибири.

Идея их организации принадлежала сотрудникам ОГИ ИЭОПП СО АН СССР (г. Новосибирск) во главе с чл.-корр. В.А. Аврориным. Фундаментальной целью работ должна была стать перепроверка целесообразности положения о необходимости перевода обучения представителей коренных малочисленных народов Севера на языки более крупных этносов, имевшего

тогда значительную популярность среди ученых (одним из сторонников этого положения был, в частности, И.С. Гурвич). Более локальными задачами инициативы являлись исследования фактического распределения у каждого рассматриваемого народа «социальных функций различных языков (языка своей национальности, языка межнационального общения, языка основного населения республики, языков соседних народов и т.п.)», определение реальной возможности и потребностей использования того или иного языка в различных сферах общественной жизни, а также выявление влияния межъязыковых контактов, миграционных и ассимиляционных процессов на «языковую жизнь»¹⁸³.

В соответствии с этими задачами в Отделе гуманитарных исследований была разработана специальная анкета. Первые изыскания с ее использованием осуществлялись в 1965-1966 гг. в сельских районах Бурятской АССР, Горно-Алтайской автономной области, а также среди чукчей, нанайцев и тофаларов. Всего исследованием тогда были охвачены 4 тыс. чел., так как анкета была составлена на целую семью. По результатам пионерных экспедиций анкету доработали, и ее окончательный вариант вышел в свет уже под грифом ИИФФ СО АН СССР184. В анкете, помимо адресных и паспортных, были представлены вопросы, касающиеся степени владения респондентами тем или иным языком (родной язык, на котором велся разговор до и после поступления в школу, язык, на котором понятнее читать, и др.) и пожеланий относительно использования языка в общественной жизни (на каком языке следует вести обучение детей, издавать газеты и книги, необходимость изучения родного языка в школе и т.п.). Кроме того, на места была также разослана подробнейшая инструкция по проведению исследований (см. Прил. $5)^{185}$.

Вся территория Сибири была разделена организаторами исследований на 6 зон. Руководство работами в них было закреплено за известными учеными. Изыскания в отдельной якутской зоне возглавили д.филол.н. Е.И. Убрятова (зав. сектором ИИФФ СО АН СССР) и к.филол.н. Н.Е. Петров (зав. сектором ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР)¹⁸⁶.

В арктических районах ЯАССР исследования проходили в Момском, Верхоянском, Нижне- и Верхнеколымском районах. В с. Андрюшкино работы проводил к.филол.н., м.н.с. ИЯЛИ ЯФ АН СССР П.А. Слепцов. Всего здесь анкетированием были ох-

вачены 189 чел.: 93 якута, 50 эвенов, 37 юкагиров, 6 чукчей, 3 русских. При этом к родному языку 123 опрошенных отнесли якутский, 44 — эвенский, 36 — юкагирский, 6 — русский, 3 — чукотский, 2 — эвенкийский. Еще 534 чел. было опрошено в г. Верхоянске, 173 в Арылахском наслеге Верхнеколымского и Улахан-Чистайском наслеге Момского районов 187.

Всего же в ходе исследований в течение 1965—1969 гг. в анкетировании удалось задействовать около 58 тыс. представителей 31 коренного народа Сибири (якуты, буряты, тувинцы, алтайцы, хакасы, эвенки, ненцы, ханты, шорцы, эвены, чукчи, нанайцы, коряки, манси, селькупы, нивхи, телеуты, удэгейцы, ульчи, эскимосы, долганы, кеты, тофы, ороки, орочи, юкагиры, энцы, ительмены, нганасаны, негидальцы, алеуты)¹⁸⁸. По замечанию д.филол.н. Л.Г. Панина, «научного предприятия такого размаха отечественная филология не знает до сих пор». При этом, как отмечает цитируемый автор, полученные в ходе экспедиции результаты фактически остались закрытыми для общественности. В итоге, по его мнению, истинная цель работ, состоявшая в побуждении властей к коренному пересмотру языковой политики в СССР, не была достигнута¹⁸⁹.

Переходя к анализу исследований якутского языка в арктических районах Якутии, необходимо отметить, что в начале рассматриваемого в главе периода были продолжены работы по научному изучению его диалектных особенностей.

В 1962 г. исследование говора верхнеколымских якутов осуществил П.Н. Габышев. Работы проводились с 22 ноября по 30 декабря в п. Зырянка, селах Верхнеколымск и Арылах (Усун-Кюель) и участках Арылахского отделения совхоза «Верхнеколымский» «Таала Куол», «Хабыппыт» и «Тыастаах».

В ходе изысканий были заполнены 2 анкеты по говору (по признанию самого П.Н. Габышева, он сознательно «уклонился от намеченного в программе» и сделал основным методом «запись связной речи со стороны и путем тематических бесед») и от 25 информантов записаны 452 страницы лингвистического материала, включавшего в том числе 160 охотничьих терминов190.

Анализируя собранные полевые данные, ученый пришел к выводу, что местный говор, отнесенный им к «акающим», «богат и интересен во всех без исключения лингвистических аспектах». П.Н. Габышев выявил более 400 «диалектных» слов, отличающих речь верхнеколымских якутов, отметил ее «уникальные ритмико-интонационные особенности», которые «прямо-таки

шокировали» впервые приезжавших в эти места жителей центральных районов Якутии, а также ряд специфических черт в области синтаксиса и морфологии.

Любопытны замечания ученого, характеризующие богатым и живым языком выявленные им фонетические особенности верхнеколымского говора: «сразу, буквально с борта самолета, попадаешь во власть исключительно своеобразной речевой сферы, содержащей соответствующую воздействующую силу. Человек, проживший в гуще коренного населения с полгода-год, а то и меньше, начинает говорить по-колымски "певуче". Произвольно возникает сравнение с настройкой музыкального инструмента. Этот дар, по-нашему, приходит раньше всего — употребления местных слов, оборотов и пр.»¹⁹¹.

Причиной фонетических и иных отличительных черт верхнеколымского говора, отмеченных П.Н. Габышевым, стало, по его мнению, влияние эвенского языка («ритмико-интонационный строй верхнеколымской речи по общему своему рисунку созвучен с таковым предполагаемой северо-восточной общности говоров, совпадающей со сферой функционирования эвенского языка»¹⁹²). К сопутствующим факторам сохранения значительной самобытности речи верхнеколымских якутов ученый отнес «исключительную редкость» (1—2 раза в неделю) национальных радиотрансляций из Якутска (т.е. вещания на литературном якутском языке), а также формирование кадрового состава местных школ, как правило, за счет жителей Верхнеколымского района, являющихся, естественно, носителями локального говора¹⁹³.

В 1964 г. в арктических районах Якутии, а также на севере Красноярского края по темам «Говоры якутского языка» и «Якутский фольклор» проводили исследования участники Долганской экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР М.С. Воронкин (руководитель), П.Е. Ефремов, а также д.филол.н. Е.И. Убрятова (ОГИ ИЭОПП СО АН СССР).

Проделанный учеными маршрут выглядел следующим образом: г. Якутск — п. Кюсюр (Булунский район, 13—17 апреля) — п. Саскылах (18—23 апреля) — п. Юрюнг-Хая (Анабарский район, 25—27 апреля) — фактория Попигай (30 апреля — 6 мая) — п. Хатанга (6 мая) — п. Волочанка (Таймырский национальный округ, с 7 мая). В Волочанке участники экспедиции разделились. Е.А. Убрятова оставалась в этом населенном пункте до 17 мая, П.Е. Ефремов посетил факторию Усть-Авам (8—12 мая),

М.С. Воронкин на оленях выехал в колхоз «Искра» и вернулся оттуда 16 мая. Далее исследователи проводили изыскания в п. Хатанга (17—30 мая), откуда совершили выезды в факториях Жданиха (18—20 мая) и Кресты (21—25 мая). 1 июня П.Е. Ефремов вернулся в Якутск, а М.С. Воронкин и Е.А. Убрятова еще неделю работали в Дудинке. 11 июня они также возвратились в столицу Якутии.

В ходе изысканий в Булунском и Анабарском районах Якутии участники экспедиции опросили 12 информантов, владеющих долганским языком, записали фольклорные тексты (сказки, предания, загадки), сделали фотоснимки жителей и панорам сел. Кроме того, в целях выяснения происхождения семей, в которых имелись носители долганского языка, из местных похозяйственных книг были переписаны сведения о них¹⁹⁴.

В течение 7—24 апреля 1967 г. сбором лингвистического материала по теме «Взаимовлияние якутского и эвенкийского языков» в Оленекском районе занимался П.П. Барашков. Работы проходили преимущественно в колхозе «Эйик» (10—17 апреля), расположенном в 550 км от районного центра — с. Оленек. Место проведения исследований было связано со смешанностью этнического состава колхоза. Как отмечал П.П. Барашков, в нем проживали «якуты из Верхневилюйского и Нюрбинского районов», а также «объякученные эвенки, прибывшие из Эвенкийского национального округа Красноярского края». При этом «в документах все местные жители считали себя эвенками» 195.

П.П. Барашков произвел анкетирование местного населения, а также получил от 7 информантов устные сведения о лексике и фонетике. Кроме того, исследователь с помощью местных знатоков составил список из 180 наименований близлежащих рек и озер, записал 8 легенд и преданий 196.

Аналогичные работы П.П. Барашков выполнил в с. Жилинда (17—21 апреля), жители которого также относили себя к эвенкам, но общались на якутском языке. Ценнейшие сведения (слова и фонетические особенности) здесь, по признанию самого ученого, были получены от 81-летнего старожила Х.И. Декоянова, в палатке которого П.П. Барашков прожил несколько дней 197.

По результатам предыдущих исследований и своей поездки П.П. Барашков пришел к выводу о том, что «по всему Оленекскому району теперь нет ни одного эвенка, не владеющего якутским языком». Хотя в наслегах «бывают по 3—4 эвенка»,

для которых родным языком является эвенкийский, их дети, и «особенно внуки и внучки», уже «совершенно им не владеют»¹⁹⁸. Ученый определил ряд различий, существовавших в говоре якутоязычного населения Оленекского района по сравнению с анабарскими и садынскими якутами, к главным из которых он отнес меньшее употребление слов эвенкийского происхождения¹⁹⁹.

В 1969 г. в Институте языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР приступили к составлению лингвистического атласа говоров и диалектов якутского языка. Первоочередной задачей при этом являлось определение границ между «оканьем» и «аканьем», для чего был разработан специальный вопросник и определены «пограничные» районы проведения изысканий. Этот вопросник, в частности, предусматривал уточнение местной традиции обозначения 32 отобранных специалистами слов, перевод информантами с русского языка на якутский заранее подготовленных предложений, постановку перед ними ряда вопросов в необходимых условиях («используя момент, когда человек садится на лошадь» и т.п.).

Помимо заполнения вопросника, большое значение придавалось наблюдению за устной речью респондентов, а также определению их происхождения (этнос, местность)²⁰⁰. Выбор информантов, по признанию руководителей исследований — научных сотрудников ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР П.П. Барашкова и С.А. Иванова, осуществлялся после консультаций с председателем местного сельсовета или секретаря парткома совхоза. При этом значительное число информантов составляли представители эвенов и эвенков, перенявших якутский язык. Методика сбора информации предполагала применение метода «сосуществования», когда исследователи проживали с респондентами в одном доме или квартире и вели наблюдение за их речами и разговорами в семье. Кроме того, с целью более глубокого проникновения в языковую среду специалисты посещали свадьбы, торжественные вечера, собрания²⁰¹.

Первоначально изыскания проходили только в центральных районах Якутии — Алексеевском (Таттинском), Мегино-Кангаласском, Чурапчинском и др. В ноябре 1971 г. инициативой были охвачены арктические Булунский и Жиганский районы. В первом исследования проводились в населенных пунктах Быковский, Кюсюр, Таймылыр, Намыы, Найба (Хара-Улах) и Сиктях П.П. Барашковым и С.А. Ивановым. Всего здесь было заполнено

28 вопросников²⁰². В Жиганском районе изыскания осуществляли лаборанты ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР В.Д. Кривошапкина и М.Т. Жиркова. Исследователи посетили районный центр, а также села Кыстатыам и Бэстээх, где собрали 22 вопросника²⁰³. В следующем году диалектологические исследования были продолжены. В.Д. Кривошапкина и М.Т. Жиркова работали в Абыйском районе и пополнили полевые материалы еще 11 вопросниками²⁰⁴.

На основе полученных данных в 1973 г. П.П. Барашков и С.А. Иванов подготовили научный отчет «Лингвистическая карта распространения "окающих" и "акающих" говоров якутского языка». В работе была уточнена география распространения говоров. Так, к "акающим" авторы отнесли Нижне-, Средне- и Верхнеколымский, Аллаиховский, Абыйский, Момский, Оймяконский, Верхоянский, Усть-Янский, Усть-Алданский, Намский, Булунский (в пределах Хараулахского и Борогонского наслегов), Жиганский (в пределах Сыалахского наслега), а также частично Кобяйский. Горный, Мегино-Кангаласский, Чурапчинский, Алексеевский и Томпонский районы. Среди «окающих» были указаны: Анабарский, Оленекский, Ленинский (Нюрбинский), Верхневилюйский, Вилюйский, Сунтарский, Ленский, Олекминский, Орджоникидзевский (Хангаласский), Алданский, Амгинский, Усть-Майский районы и оставшиеся территории названных выше административных образований, включая наслеги Булунского и Жиганского районов. Граница между областями преимущественного распространения двух говоров, таким образом, проходила примерно по р. Лена с дальнейшим «поворотом» на восток по границе между Усть-Майским и Томпонским районами. Как уже отмечалось, "акающие" говоры были характерны для тех территорий, где проживали или проживают эвены, а "окающие" — в районах расселения эвенков. Ученые составили также соответствующие географические карты. На одной были отображены современные границы между двумя говорами, на другой — представлена схема их распространения по Якутии» 205 .

П.П. Барашков и С.А. Иванов подробно рассмотрели диалектологическую ситуацию в каждом из исследованных населенных пунктов. Так, для носителей якутского языка в с. Таймылыр Булунского района был характерен «заметный эвенкийский акцент» при том, что сам эвенкийский язык «уже вышел из употребления». Противоречивая ситуация наблюдалась в Кюсюре,

где проживали «представители практически всех районов республики». Соответственно аборигены и выходцы из «окающих» районов придерживались огубленного варианта произношения, те, кто в недавнем прошлом покинул Намский и Усть-Алданский районы «частично "акали"», а жители из бывшего Саккырырского района последовательно придерживались неогубленного варианта («акания»). Кроме того, были установлены неизвестные ранее лексические расхождения, когда в одинаковые по звучанию слова представители одной местности вкладывали разное значение²⁰⁶.

Вскоре после В.Д. Кривошапкиной и М.Т. Жирковой в Абыйском районе проводил исследования еще один специалист из ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР — м.н.с. А.С. Луковцев. В ноябре 1972 г. он посетил с. Абый, где в результате опроса старожилов зафиксировал характерные для местных якутоязычных жителей термины охоты и рыболовства²⁰⁷. В апреле — мае следующего года исследователь провел аналогичную работу в Анабарском и Булунском районах²⁰⁸. По итогам сбора и обработки полевого материала А.С. Луковцев составил «Якутско-русский словарь терминов охоты и рыболовства», который, к сожалению, так и не был издан. Ознакомиться с ним можно в Рукописном фонде Архива Якутского научного центра СО РАН²⁰⁹.

В этом архиве хранится также капитальный научный отчет «Северо-западная группа говоров якутского языка», подготовленный в 1975 г. к.филол.н., с.н.с. ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР М.С. Воронкиным. В данной работе в том числе были подведены некоторые итоги истории научного изучения якутского языка. Автор, например, отметил, что «если раньше (в 50—60-е гг. ХХ в. — А. С.) производилось первичное описание говоров», то 1970-е гг. характеризовались новым этапом исследований, в ходе которого «стали делаться определенные шаги в деле углубленного изучения говоров». В этой связи были отмечены подготовка «Диалектологического словаря якутского языка» (издан в 1976 г.) и «Очерков диалектологии якутов» (1980 г.), начало работ по лингвогеографическому изучению говоров (рассмотренные выше изыскания П.П. Барашкова и С.А. Иванова)²¹⁰.

В процессе этого «углубленного изучения» была, в частности, произведена «рабочая классификация» диалектов якутского языка. Всего ученые выделили четыре диалектные зоны: центральную, вилюйскую, северо-западную и северо-восточную²¹¹. Две последние имеют непосредственное отношение к теме пред-

ставленной работы. Так, к территории распространения северовосточной диалектной зоны были отнесены все янские, индигирские и колымские районы Якутии. К северо-западной — Оленекский, Анабарский, Булунский, Жиганский, а также районы оз. Ессей в Эвенкийском национальном округе и в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе, где М.С. Воронкин проводил полевые изыскания в 1959 и 1964 гг.²¹²

При этом говору ессейских якутов была посвящена кандидатская диссертация ученого, защищенная в 1967 г. Четыре названных же северо-западных района Якутии исследовались сотрудниками ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР первыми среди всех четырех диалектных зон. М.С. Воронкин и лаборант Л.Е. Еремеева в декабре 1972 г., марте—апреле и ноябре—декабре 1973 г. посетили населенные пункты Оленек, Жилинда, Харыялах, Эйик, Саскылах, Юрюнг-Хая, Таймылыыр, Кыстатыам и Баханай²¹³.

В ходе бесед, анкетного опроса жителей и наблюдения за их речью был собран материал по лексике, фонетике и морфологии местных говоров якутского языка, записан ряд самобытных сказок, рассказов, антропонимов и топонимов. Основной корпус информантов составили люди старшего возраста, так как они «не прошли школьного обучения» и сохранили в связи с этим диалектные особенности языка. При этом М.С. Воронкин подчеркнул, что таких людей становится «все меньше и меньше, и с ними исчезают говоры»²¹⁴. Ученый также отметил и первое применение им во время изысканий магнитофона для записи разговоров с информантами²¹⁵. В результате обработки полученных диалектологических материалов М.С. Воронкиным и был подготовлен отчет «Северо-западная группа говоров якутского языка».

В отчете рассматривались четыре говора, выделенные в пределах северо-западной диалектной зоны, которые автор назвал по районам распространения: оленекский, анабарский, булунский и жиганский. В свою очередь, внутри анабарского говора было установлено наличие юрюнг-хаинского подговора, «учитывая несколько иную этническую судьбу» его носителей. По аналогичной причине в оленекском говоре, который в целом, по мнению автора, представлял собой достаточно монолитное явление (прежде всего в силу идентичных природно-климатических условий), существовал эйикский подговор. Булунский же и жиганский говоры являлись переходными, сформировавшимися на стыке северо-западной и северо-восточной диалект-

ных зон. Если на северо-западе, как уже отмечалось, основными этническими «контрагентами» якутов были эвенки, то на северо-востоке эвены, юкагиры и чукчи. Различия, как отметил М.С. Воронкин, усугублялись географическими факторами, включая мощный Верхоянский хребет.

В результате Булунский и Жиганский районы оказались, по образному выражению автора, «зоной вибраций», которая в разной степени содержала «ту или другую особенность полярных диалектных зон» Якутии (употребление в правобережных частях эвено-эвенкийских аффиксов и др.). При этом богатые рыбные промыслы и охотничьи ресурсы двух районов в сочетании с удобством водного пути по Лене издавна притягивали сюда людей из разных районов республики. В связи с этим «здесь можно часто обнаружить диалектные черты, характерные для центральных и вилюйских районов»²¹⁶. В то же время, как отметил М.С. Воронкин, между Булунским и Жиганским районами нельзя было «поставить знак равенства»: их населяли «неодинаковые этнические элементы», существенно различалась история заселения того и другого, а район Жиганска и вовсе являлся «основной лабораторией» формирования якутов-оленеволов²¹⁷.

Кроме того, ученый, как и его предшественники, отметил значительное субстратное (эвенкийское) влияние, оказанное на говоры северо-западной диалектной зоны и наличие в них значительного объема архаических черт якутского языка в области фонетики, лексики и грамматики²¹⁸. Через 9 лет после завершения работы над рукописью отчета «Северо-западная группа говоров якутского языка» М.С. Воронкин опубликовал на ее основе одноименную монографию²¹⁹.

В ходе значительной части рассмотренных выше лингвистических исследований их участники занимались сбором фольклорного материала. Однако проводились и изыскания, ориентированные именно на аккумулирование сведений об устном народном творчестве аборигенных этносов арктических районов Якутии.

В 1964—1965 гг. в Момском районе собирал фольклорный материал корреспондент ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР Н.И. Корякин. Энтузиастом были записаны более 50 якутских сказок, преданий и загадок²²⁰. В связи с этим следует отметить, что с первых лет существования института аккумулирование в его стенах комплекса фольклорных материалов в определенной сте-

пени осуществлялось именно благодаря корреспондентам²²¹. Корреспондентами были рядовые местные жители, проживающие, как правило, в местах лучшей сохранности народного творчества, которые либо по личной инициативе, либо по просьбе научных сотрудников фиксировали его сюжеты. Источником этих сюжетов могли быть как собственные познания корреспондента, так и его земляков.

Данное явление было характерно для всего рассматриваемого в работе периода. Так, в 1950 г. учитель Среднеколымской школы, корреспондент ИЯЛИ ЯФ АН СССР Г.Г. Софронов отправил ученому секретарю института В.Н. Чемезову справочник традиционных географических терминов, употребляемых коренным населением Среднеколымского района в повседневной жизни (например, названия «Крепость» вместо «Среднеколымск», «Калачево» вместо «Кулучева» и т.п.). Кроме того, краевед переслал собранные им материалы по истории празднования в 1-м Кангаласском наслеге (Среднеколымский район) Ысыаха, проводившегося 1 раз в три года. При этом Г.Г. Софронов отметил, что уже практически не осталось «вещественных доказательств» праздника, а многие исполняемые в ходе него песни забыты²²².

В 1970 г. предоставил ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР материалы по якутскому фольклору, записанному среди населения Аллаи-ховского района, корреспондент К.Т. Платонов²²³; в 1973 г. результаты аналогичной работы, проделанной в Среднеколымском районе, передал П.С. Иванов²²⁴; в 1974—1975 гг. — А.В. Иванова из Момского района²²⁵; в 80-е гг. ХХв. — П.К. Аммосов из Верхоянского района²²⁶; К.Н. Никулин, К.Н. Новиков и Н.В. Слепцов из Абыйского²²⁷. О работе К.Н. Никулина, например, с чрезвычайной теплотой и благодарностью отзывалась Е.И. Коркина²²⁸.

В 1973 г. изучением фольклора русских старожилов низовий Индигирки и Колымы занимались под руководством профессора, д.филол.н. Л.Е. Элиасова участники фольклорной комплексной экспедиции Бурятского института общественных наук Бурятского филиала (БИОН БФ) СО АН СССР: В.И. Зоркин, Л.П. Кузьмина, З.А. Миронова, В.Д. Осипов и Р.П. Потанина²²⁹. Любопытно, что в ходе экспедиции В.И. Зоркин специально проехал на собаках 1,5 тыс. км по Индигирке и Колыме, следуя маршруту, который в свое время проделал В.Г. Богораз²³⁰.

В результате изысканий ученые отметили существенные изменения в фольклорном репертуаре русских старожилов, вы-

званные, по их мнению, трансформациями в экономике, культуре и общественной жизни населения. В частности, получили распространение песни и сказки, занесенные из разных уголков страны приезжавшими на заработки мигрантами; появились основанные на местном материале новые сатирические частушки. Одновременно в широкий обиход вошли сказки и легенды соседних народов — якутов, юкагиров и эвенов. Все это привело, по наблюдениям исследователей, к «полному исчезновению многого из того, что было зафиксировано научными экспедициями ранее»²³¹. Наилучшую сохранность «следы некогда богатой фольклорной традиции» участникам экспедиции удалось обнаружить на охотничьих участках, куда представители старожильческого населения выезжали в конце зимы и жили до осени.

Исследователи записали свыше 30 фольклорных произведений, многие из которых, однако, были «разрушены». Так, зафиксированные отрывки из былин «Илья Муромец» и «Олеша и Тугарин» отличала «потеря размера, напевности и поэтического языка»; легко узнавалось включение сюжетов из других произведений. Вместе с тем ученые выделили качество записанных в с. Полярное (Русское Устье) 27 куплетов упомянутой выше песни «Виноградье», которые были «значительно полнее и богаче» ранее известных научному миру вариантов.

В ходе экспедиции был отмечен также факт сохранности быличек и бывальщин, преимущественно из серии охотничьих рассказов, называемых «пужанками». При этом если пожилые охотники воспринимали эти рассказы всерьез, то молодежь находила объяснение происходившим в них событиям уже в галлюцинациях, мираже и т.п. рациональных причинах.

Суммируя полученный материал, ученые пришли к неутешительному выводу о «постепенном исчезновении» остатков традиционного фольклора русских старожилов. Мало кто из опрошенных знал хотя бы в отрывках былины и исторические песни. Однако многие еще помнили сказителей прошлого, а некоторые — и их репертуар²³².

Схожего мнения придерживались и участники совместной фольклорной экспедиции Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР и Института русской литературы (ИРЛИ, Пушкинский дом) АН СССР (г. Ленинград) 1977 г. Проводившие исследования в Полярном к.филол.н. С.Н. Азбелев (ИРЛИ АН СССР) и Ю.Н. Дьяконова (ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР) записали

12 сказок и иных образцов народной прозы, 16 песен, 3 баллады, 125 частушек, 18 загадок, пословицы, примеры из детского фольклора и гаданий, бытовые мемораты, приметы и др. При этом исследователи отметили «угасание традиционного фольклора» и тот факт, что «его носителями являются только люди старшего поколения»²³³. Следует отметить, что полученные в ходе данной экспедиции материалы, наряду с образцами устного народного творчества русских арктических старожилов, зафиксированные в ходе отмеченных ранее экспедиций Т.А. Шуба и С.И. Дьячковского (Боло), легли в основу во многом уникального сборника «Фольклор Русского Устья», вышедшего в свет в 1986 г.

Одновременно продолжался сбор фольклорного материала и среди представителей других аборигенных этнических сообществ. Так, 18-29 декабря 1974 г. в селах Берелех, Оленегорск и Ойотунг Аллаиховского района проводили исследования участники фольклорно-диалектологической экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. В состав экспедиции входили сотрудники института П.Е. Ефремов (руководитель), З.З. Винокурова и Х.И. Дуткин, а также нанятый в качестве препаратора К.С. Попов. П.Е. Ефремов, З.З. Винокурова и К.С. Попов опросили информантов и записали полученный фольклорный материал (якутские и эвенские сказки, мелодии и песни) на бумажные носители и магнитофонную ленту. Х.И. Дуткин собрал среди населения Ойотунга сведения для разработки темы «Оленеводческая терминология аллаиховских эвенов». В пяти тетрадях ученым были записаны 1,5 тыс. слов, словосочетаний и выражений из разговорной речи оленеводов и охотников. Кроме того, участники изысканий прочитали местному населению четыре лекции: «Международное положение Советского Союза», «Над чем работают ученые ИЯЛИ», «БАМ и Якутия» и «Изучение народной музыки в Якутии»²³⁴.

Подобные пропагандистско-просветительные выступления, являвшиеся неотъемлемой частью многих из рассматриваемых в работе научно-исследовательских экспедиций, а также наличие определенных догм и установок, прежде всего именно в социогуманитарных науках, диктовались специфическими общественно-политическими условиями рассматриваемого периода. Документами, отражающими особенности эпохи, служат также ежегодные социалистические обязательства, которые давали сотрудники ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. Например, к.и.н. Ж.К. Ле-

бедева в таком документе брала на себя обязательства в течение 1980 г. завершить плановую научно-исследовательскую работу, написать 3 статьи, участвовать в конференциях по фольклору, заниматься редактированием сборника статей, посвященного памяти Г.У. Эргиса, отвечать за выпуск стенной газеты «Гуманитарные науки», участвовать в общественной работе института и одной из школ Якутска²³⁵.

В ноябре – декабре 1975 г. Х.И. Дуткин продолжил в Ойотунге сбор материалов по терминологии эвенов. Исследователь, в частности, зафиксировал традиционные для местного населения обозначения месяцев, различных степеней родственных связей, явлений природы, названий птиц, рыб, животных, растений, предметов быта, топонимы, личные имена. Значительная часть полученных данных вновь была посвящена тем или иным сторонам деятельности оленеводов (термины, относящиеся к действию оленей, их характеру, клички животных, названия используемых в хозяйстве предметов и т.п.). Кроме того, Х.И. Дуткин установил наиболее характерные лексические расхождения местного диалекта эвенского языка от литературных норм²³⁶.

В декабре 1975 г. в с. Улахан-Чистай (Сасыр) Момского района собирал материал по якутскому фольклору лаборант ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР В.П. Еремеев. В результате опроса 15 информантов исследователь записал 33 рассказа²³⁷.

В октябре следующего года исследовательская работа по аккумулированию материалов о традиционном фольклоре населения арктических районов ЯАССР в стенах ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР была продолжена. П.Н. Дмитриев (руководитель отряда), В.П. Еремеев, аспиранты В.В. Илларионов и Л.Д. Нестерова проводили изыскания в Верхоянском районе. Исследования осуществлялись в рамках двух групп. В первую входили П.Н. Дмитриев и В.П. Еремеев, во вторую — названные аспиранты. Маршрут первой группы был следующим: Батагай — Борулах — Саккырыр — Верхоянск — Боронук. В.В. Илларионов и Л.Д. Нестерова работали вместе в с. Улахан-Кюель, а затем разделились: первый продолжил работы в с. Сайды, вторая отправилась в населенные пункты Бетенкес и Токума²³⁸.

П.Н. Дмитриев в ходе экспедиции собрал несколько образцов эвенкийской сказки и преданий, записал отрывки песни об Омолое, колыбельную, якутские рассказы, сюжеты из олонхо, а также бытующие предания о происхождении местных топонимов²³⁹.

Основной задачей В.П. Еремеева была фиксация фольклорных произведений на магнитофонную ленту. Так, в с. Батагай исследователь записал на аудионосители выступление учителей и воспитанников Саккырырского детского комбината, исполнивших песни современного верхоянского мелодиста Г.Д. Новгородова²⁴⁰.

В.В. Илларионов подробно опросил 10 информантов. Традиционно большинство из них было пожилого возраста. Однако возраст одного из опрошенных по-хорошему удивляет. Жителю Табалахского наслега Е.В. Потапову было на момент исследований 106 лет. При этом с его слов В.В. Илларионов записал 6 якутских преданий²⁴¹. От других информантов исследователь получил еще три кратких сюжета олонхо, 23 якутские сказки, песни, загадки и скороговорки. Рассказы 4 информантов В.В. Илларионов записал на аудионосители с помощью магнитофона «Комета-266». Всего таким образом исследователь зафиксировал 15 песен. Еще 20 наименований различных образцов местного фольклора В.В. Илларионову передал руководитель краеведческой экспедиции, проводившейся летом 1976 г. в населенных пунктах Верхоянского района учениками Табалахской средней школы, учитель якутского языка и литературы X.E. Слепцов²⁴². Л.Д. Нестерова, для которой эта экспедиция была дебютной, встретилась с 7 информантами. От них исследователь получила материалы о якутском фольклоре, которые включали рассказы о старине, загадки, сказку, 4 варианта текста осуохая, 8 песен, 11 стихотворений современных местных авторов и чабыргах²⁴³.

Резюмируя представленный в разделе материал, необходимо отметить два момента: прежде всего создание первого в стенах ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР структурного подразделения североведческой направленности, а также — общее повышение качества анализа и обобщения эмпирического материала, диверсификацию направлений изысканий филологов.

* * *

Таким образом, в 60—70-е гг. XX в. социогуманитарные исследования, посвященные изучению арктических районов Якутии, получили дальнейшее развитие. При этом если проанализированные в предыдущей главе якутские комплексные экспедиции, а также Северо-Восточная комплексная экспедиция 1959—1962 гг. полностью вписывались в господствовавшую в Советском Союзе ресурсную модель освоения арктических терри-

торий, то Якутская северная комплексная экспедиция 1964—1965 гг., реализованная при поддержке правительства республики, по-видимому, свидетельствует о продолжении попыток региональных властей и научного сообщества найти баланс в выработке решений по социально-экономическому развитию региона с учетом интересов иных, помимо горнодобывающих и связанных с ними, отраслей. Следует отметить, что, как можно будет убедиться далее, ЯСКЭ фактически оказалась последней в череде масштабных комплексных экспедиций по изучению Заполярной Якутии. Далее вплоть до конца рассматриваемого периода работы подобного плана, если и проводились, то в отдельно взятом административном районе.

Наметившийся во второй половине 50-х гг. XX в. отъезд из республики в центральные научно-исследовательские институты Советского Союза ряда специалистов имел различные последствия для развития североведческих изысканий в 1960—1970-е гг. Если в области этнографии это событие привело к секвестированию объемов исследований соответствующей направленности (хотя и здесь нельзя не отметить значительные успехи в изучении русских старожилов, эвенов и юкагиров) и определенному регрессу в деятельности местной этнографической школы, то в плане языкознания, напротив, благоприятно сказался на перспективах молодых лингвистов-североведов. Такие исследователи, как Г.Н. Курилов и В.Д. Лебедев, а несколько позднее — X.И. Дуткин и В.А. Роббек, изыскания которого рассмотрены в следующей главе, стали локомотивом изучения языков коренных малочисленных народов Севера Якутии.

В 1960-е гг. фактически завершился этап сбора в арктических районах Якутии первичных сведений, касающихся диалектных различий в якутском языке. В конце этого же десятилетия начался новый этап, который характеризовался иным уровнем анализа мобилизованного материала. Уже в 1969 г. сотрудники ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР приступили к составлению лингвистического атласа говоров и диалектов якутского языка, в 1976 г. опубликовали «Диалектологический словарь якутского языка», а в 1980 г. — «Очерк диалектологии якутов». Важным итогом углубленного изучения диалектных особенностей якутского языка стали подробная характеристика и детальный анализ особенностей одной из двух диалектных зон, преимущественно распространенных в арктических районах Якутии — Северо-Западной.

Наконец, в 60-70-е гг. XX в. был дан старт систематическому археологическому изучению Заполярной Якутии силами участников Приленской археологической экспедиции. Проведенными в этот период исследованиями оказались охвачены наиболее перспективные для поиска стоянок древнего человека в регионе ареалы, доселе являвшиеся фактически «белым пятном» на археологической карте. В результате осуществленных работ, несмотря на ограниченность их масштабов, археологи получили ценнейшие сведения, позволившие обнаружить значительное число археологических памятников, коррелировать и синхронизировать их с выявленными ранее культурами, и в конечном итоге органично вплести в общую канву истории заселения территории Якутии человеком.

Глава III

Исследовательская деятельность в арктических районах Якутии в 1980-е — 1991 гг.

3.1. Оценка экономической ситуации и этносоциальных процессов

В рассматриваемый период продолжились исследования социокультурных и экономических проблем развития коренных малочисленных народов Севера. Первоначально важную роль в этом отношении, как представляется, сыграло упоминавшееся в предыдущей главе Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры районов проживания народностей Севера» (1980 г.).

В соответствии с данным документом Академии наук СССР поручалось расширить свою деятельность в области изучения социально-экономических и медико-биологических условий жизни аборигенных этносов Арктики, а также «продолжить необходимые лингвистические и социологические исследования по проблемам развития письменности на языках народностей Севера, не имеющих ее»¹.

В целях выполнения этого решения 13 июня 1980 г. в Президиуме АН СССР было проведено совещание по вопросу о выработке конкретных мероприятий. В совещании участвовал и Ф.С. Донской, который предложил провести в 1982 г. научнопрактическую конференцию «Проблемы дальнейшего развития экономики и культуры народностей Севера». Кроме того, прозвучали идеи об организации центра комплексных исследований проблем развития экономики и культуры народов Севера, создания Координационного совета по этим вопросам при Президиуме АН СССР, расширения и улучшения подготовки научных кадров особенно из коренного населения в области социальноэкономических, лингвистических и других проблем жизни аборигенных этносов².

Следует отметить, что в 1981 г. при Совете Министров РСФСР была создана Региональная межведомственная комиссия по координации комплексных исследований проблем развития народностей Севера. Этот орган, руководителем которого был назначен И. Бойко, фунционировал вплоть до конца рассматриваемого периода³.

Выход в свет Постановления 1980 г. имел и другие структурные последствия для организации исследовательской деятельности в системе Академии наук СССР. Уже весной того же года в стенах Института социологических исследований (ИСИ) АН СССР (г. Москва) был создан отдел социально-демографических проблем народностей Севера⁴. В пояснительной записке к организации отдела отмечалось, что к этому времени, «кроме малочисленной группы специалистов в Якутском филиале СО АН СССР, ни в одном академическом и отраслевом институтах не проводятся научные исследования по социально-экономическим проблемам развития народностей Севера»⁵.

Среди исследовательских инициатив, направленных на практическую реализацию постановления, следует отметить изыскания, проведенные под научным руководством Ф.С. Донского сотрудниками ИЯЛИ и отдела экономики ЯФ СО АН СССР, а также Якутского НИИ туберкулеза. В их рамках был подготовлен отчет «Социально-экономические проблемы завершения перевода кочевых эвенов Березовского сельского совета Среднеколымского района Якутской АССР на оседлый образ жизни». В его подготовке, наряду с Ф.С. Донским, принимали участие к.филос.н. Н.В. Васильев, И.И. Винокуров, к.п.н. У.А. Винокурова, Х.И. Дуткин, И.И. Петров, к.филол.н. В.А. Роббек, к.м.н. М.А. Тарылгин. Примечательно, что на страницах отчета говорилось о его выполнении на основе авторской методики изучения социально-экономических проблем развития коренных малочисленных народов Севера, разработанной Ф.С. Донским⁶.

Базой для исследования послужили материалы, полученные в ходе полевых работ ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР и Министерства здравоохранения ЯАССР, которые состоялись в сентябре—октябре 1977 г. и в июле—августе 1979 г., а также изысканий в хозяйствах Березовки, осуществленных в июле 1980 г.⁷

В названных экспедициях принимали участие авторы отчета, врачи Якутской республиканской и Среднеколымской районной больниц С.М. Колесова, О.М. Колесова, В.И. Кузьмин, Ю.Е. Пахомов и В.А. Третьякова, сотрудники отдела культуры Среднеколымского райисполкома А.Н. Бережнова и И.Г. Шадрин, управляющий Березовским отделением совхоза им. 50 лет СССР Д.А. Роббек, представители сельских органов власти Н.С. Березкин и Е.П. Сибиряков. Указанные специалисты изучили санитарно-гигиенические условия жизни населения Березовки, состояние медицинского, бытового, культурного и торгового

обслуживания, экономическое положение в ведущих отраслях хозяйства, вопросы материальной обеспеченности семей, трудовой занятости, квалификации работников. Анкетирование, охватившее 45 чел. в 1977 г. и 52 чел. — в 1979 г., позволило также определить некоторые мотивационные установки, характерные для жителей села⁸.

Следует отметить, что население Березовки, состоявшее более чем на 80% из эвенов, представляло собой достаточно интересный объект для исследований. Вследствие труднодоступности и отдаленности территории их проживания от основных коммуникаций, а также, возможно, сознательного «избегания», будущие березовцы долгое время были фактически изолированы от внешнего мира — контакты с представителями других этносов, включая русских и якутов, сводились к минимуму. Эти люди, сохраняя патриархально-родовые отношения, вплоть до 50-х гг. ХХв. вели постоянную кочевую жизнь, занимаясь домашним оленеводством и охотничьим промыслом на приграничной территории Магаданской области и Якутской АССР. Лишь в 1954 г. был создан Березовский наслег и открыта школа, а с 1961 г. единоличные хозяйства эвенов, минуя систему колхозов, вошли в состав совхоза им. 50 лет СССР9. Как отмечали участники Якутской северной комплексной экспедиции 1964—1965 гг., после основания в 1952 г. Березовки для эвенов были построены 13 срубовых домов, однако жили в них «в основном приезжие якуты (учителя, фельдшер, радист и др.)». Эвенская семья, по свидетельству ученых, проживала лишь в одном таком доме, остальные же не желали селиться непосредственно в селе — «поставили ярангу, палатки возле деревни, но несколько отдаленно»¹⁰. При этом чтобы добраться до них, нужно было переплыть озеро.

Неудивительно, что на момент проведения изысканий 53 % населения Березовки продолжало вести кочевой образ жизни. Данный факт, как отметили исследователи, сам по себе обусловливал достаточно тяжелые бытовые и трудовые условия существования местных оленеводов. Кроме того, в плохом состоянии находилась транспортная система. Не было регулярных наземных путей сообщения с районным центром — Среднеколымском, отсутствовала авиапосадочная площадка. Единственным средством связи зачастую оказывалось дорогое и сильно зависящее от метеоусловий вертолетное сообщение.

Помимо этого, как выяснили исследователи, в течение 10 лет в Березовке фактически было заморожено жилищное строитель-

ство. В результате в среднем на 1 жителя села приходилось $2,3 \,\mathrm{M}^2$ полезной жилой площади, что было в 4 раза меньше общесоюзной санитарной нормы. Из-за отсутствия жилья в селе 26 пастухов-оленеводов были вынуждены кочевать вместе с семьями. Крайне ограниченными оказались размеры личных хозяйств — более половины населения вообще не имела собственных оленей. Существовавшая же система оплаты труда «не обеспечивала компенсации трудовых и материальных затрат» и «не создавала стимула для привлечения и закрепления кадров». Зачастую оленеводам приходилось «расплачиваться» за форс-мажорные обстоятельства, вызванные, как правило, различными природно-климатическими факторами и сказывавшимися на производственных показателях. При этом гарантированного минимума заработной платы они не имели. В этой связи показательны результаты проведенного исследователями анкетирования: обнаружилось, что удовлетворены своим материальным положением только 22,2% респондентов, остальные были либо «не очень довольны», либо «недовольны». Одновременно ученые выявили нежелание березовских эвенов, чтобы их дети последовали примеру родителей и работали в традиционных отраслях хозяйства. Такой выбор опрошенные объясняли прежде всего именно тяжелыми условиями труда и быта оленеводов¹¹.

Печальную картину, увиденную специалистами в Березовке, дополняло состояние медицинского обслуживания: имеющийся фельдшерско-акушерский пункт размещался в антисанитарных условиях, был недостаточно оснащен инвентарем, а его сотрудники не проводили необходимых санитарно-профилактических мероприятий. В течение двух лет персоналом районной больницы ни разу не производился облет оленеводческих бригад. В 1979 г. из-за несвоевременного выполнения санрейсов умерло двое детей. Санитарно-эпидемиологическую ситуацию усугубляли скученность семей в Березовке, кочевание почти половины детей с родителями и низкая гигиеническая культура. В рационе питания практически отсутствовали молочные продукты, картофель, овощи и фрукты. В результате здоровыми можно было считать только 20% детей. Еще хуже была ситуация с более старшим поколением — 1/4 взрослого населения страдала хроническим алкоголизмом¹².

Исправить сложившееся положение, по мнению авторов отчета, было возможно только за счет перевода населения Березовки на оседлый образ жизни. Для этого, прежде всего, требо-

валось изменить саму методику ведения хозяйства. В связи с этим предлагались пути, рекомендовавшиеся уже ранее Ф.С. Донским. В частности, исследователи выступили за скорейшее внедрение сменно-звеньевого метода выпаса оленей, апробированного в Ямало-Ненецком округе, что позволило бы оленеводам более 5 месяцев в году жить со своими семьями в Березовке, а также полувольного изгородного метода содержания животных. Кроме того, подчеркивалась необходимость создания четырех промежуточных баз для пастухов. Развитие охотничьего промысла, по мнению ученых, требовало: создания специализированных звеньев, состоящих из 3-4 профессиональных охотников и 2-3 учеников; проведения охотоустроительных работ по освоению отдаленных угодий; сооружения благоустроенных промысловых баз; механизацию труда. Предлагалось развивать и подсобные отрасли хозяйства — производство меховых изделий, а также молочное животноводство¹³.

Важным шагом на пути повышения качества жизни населения Березовки исследователи назвали улучшение культурно-бытовых условий. В связи с этим были выполнены расчеты, касающиеся строительства необходимых благоустроенных жилых домов, производственных и социальных объектов. В частности, предполагалось строительство 7 многоквартирных жилых домов, школы, интерната, участковой больницы, почтового отделения, радиоузла, электростанции, котельных и др. Однако при этом требовалось перенести село на правый берег р. Березовки в таком случае, по мнению авторов отчета, было проще организовать доставку строительных материалов и в целом наладить снабжение села, обеспечить его связь с основными пастбишными угодьями, а также дополнительную занятость населения (в первую очередь за счет рыболовства). Одновременно ученые составили план подготовки специалистов высшей и средней квалификации из числа эвенов Березовки, выполнили расчеты потребности населения в вездеходах и снегоходах, моторных лодках и катерах¹⁴.

Существенное место занимали и рекомендации по улучшению материального положения работников. В частности, предлагалось установить гарантированный минимум заработной платы, не зависящий от невыполнения плана по форс-мажорным обстоятельствам, а также выплаты за время, проведенное на промыслах, обеспечить полевое довольствие, по аналогии с членами геолого-разведочных экспедиций. Кроме того, разработан-

ные рекомендации касались отмены существовавшего ограничения на максимальный размер основного заработка, повышения закупочных цен на рыбу и пушнину, обеспечения в течение 1981—1982 гг. всех семей личными оленями¹⁵.

Необходимо отметить, что подобные комплексные исследования мест компактного проживания коренных малочисленных народов Севера были во многом пионерными. До этого момента нечто подобное предпринимали только участники Юкагирской комплексной экспедиции 1959 г., однако в ее рамках основной уклон все же был сделан на историко-антропологических проблемах. В последующем схожая по содержанию инициатива будет реализована лишь однажды, и вновь при участии Ф.С. Донского: в 1993 г. в местах компактного проживания тундренных и лесных юкагиров — селах Андрюшкино, Колымское и Нелемное — проводили исследования члены экономико-социологической экспедиции, организованной Институтом проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Вскоре после завершения работы над отчетом по Березовке в 1981 г. Ф.С. Донской был приглашен на работу в упоминавшийся отдел социально-демографических проблем народностей Севера ИСИ АН СССР 16 . Это приглашение свидетельствует как о востребованности и квалификации самого специалиста, так и об определенной реактуализации научного изучения различных сторон жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера.

В ИСИ АН СССР Ф.С. Донской продолжил заниматься анализом вопросов перевода аборигенного населения арктических районов Советского Союза на оседлый образ жизни. В рамках этой работы ученый среди прочего подготовил (в том числе на основе данных новых полевых исследований — анкетный опрос в Якутии и на Чукотке в 1983 г.) развернутый доклад, представленный в 1984 г. в Совет Министров РСФСР.

В документе были приведены статистические данные, характеризующие процесс перевода кочевников на оседлость. При этом исследователь сделал, как представляется, достаточно точную ремарку о том, что эти данные далеко не всегда отражают реальную ситуацию — многие оленеводы, например, хотя и имели номинально жилые площади в населенных пунктах, фактически, в силу производственной необходимости, большую часть времени находились в кочевьях со своими стадами. Проблемы, обозначенные Ф.С. Донским в докладе, естественно, во

многом были схожи с теми вопросами, которые рассматривались в предыдущей главе: тяжелые условия трудовой деятельности и быта, слабый охват медицинским, культурным и торговым обслуживанием. Основным выходом из сложившейся ситуации, по мнению ученого, был переход от вынужденного производственного кочевания к фактически вахтовому методу работы, что предполагало возвращение работников домой в свободное от вахты время.

В связи с этим Ф.С. Донской предложил комплекс мер, в которых получили развитие рассмотренные ранее идеи. В частности, помимо внедрения сменно-звеньевой и бригадно-звеньевой организации труда по твердо установленному графику, изгородного содержания оленей, ученый рекомендовал организовать массовое производство быстроходных наземных и водных транспортных средств, расширить и улучшить авиаобслуживание, ликвидировать дефицит трудовых ресурсов, в том числе за счет привлечения грамотной молодежи (повышение заработной платы, оплаты гарантированного минимума вне зависимости от выполнения производственных показателей, выплаты полевого довольствия, компенсации затрат на использование собственных транспортных средств и орудий труда). Кроме того, Ф.С. Донской выступил за создание новых отраслей и видов сферы обслуживания в населенных пунктах (молочное животноводство, звероводство, птицеводство, полеводство, шитье меховой одежды и т.п.), улучшение условий труда, быта и досуга оленеводов и промысловиков на производственных участках (благоустроенные сборно-разборные дома, комплексные базы отдыха и переоснастки, регулярная доставка авиатранспортом или вездеходами продуктов питания, снаряжения, газет), решение жилищного вопроса путем достижения опережающих темпов строительства и комплексности застройки северных населенных пунктов, исправление неблагоприятной демографической ситуации (стимулирование рождаемости, борьба с ранней смертностью), а также преодоление разобщенности и координацию научных исследований 17 . Кочевой образ жизни при этом Ф.С. Донской назвал «тяжелым наследием прошлого»¹⁸.

В 80-е гг. XX в. продолжил свои изыскания, посвященные экономическому обоснованию развития оловодобывающей промышленности в Якутии, м.н.с. отдела экономики ЯФ СО АН СССР К.А. Попов. В рамках хоздоговорной работы по заказу Депутатского ГОКа исследователь под руководством заведующе-

го сектором эффективности промышленного производства д.э.н. Е.Г. Егорова в 1983 г. совместно с коллегами по отделу экономики: с.н.с., к.э.н. А.Н. Скрыбыкиным, с.н.с., к.э.н. Н.А. Петровым, м.н.с. Э.И. Ефремовым, с.н.с., к.э.н. В.Т. Царевым, с.н.с., к.э.н. Н.С. Копысовым, с.н.с., к.э.н. Е.К. Цоем, с.н.с., к.г.н. Б.В. Белинским, с.н.с., к.э.н. А.А. Кугаевским, м.н.с. О.Н. Жариковым, м.н.с. В.Г. Лесным, старшим лаборантом К.И. Григорьевым, инженером В.Н. Захаровым, с.н.с., к.э.н. В.И. Власовым, а также ведущим инженером Института физико-технических проблем Севера (ИФТПС) ЯФ СО АН СССР А.Д. Алексеевым подготовил научный отчет «Научная схема перспективного развития и размещения оловодобывающей промышленности в Якутской АССР». В работе была представлена характеристика перспектив развития добычи олова в республике с учетом имеющихся минерально-сырьевых ресурсов и возможностей комплексного хозяйственного освоения территории региона.

Следует отметить, что автор введения к отчету — Е.Г. Егоров — сделал характерную ремарку о том, что усилению экономических разработок по повышению эффективности деятельности оловодобывающих предприятий препятствует «излишняя закрытость материалов, при которой невозможно вести систематические научные экономические исследования и организовать обсуждение вопросов с привлечением широкого круга специалистов» В связи с этим показательно, что Министерство цветной металлургии дало допуск на работу с материалами подведомственных ему учреждений только К.А. Попову. Подобная секретность также являлась одной из характерных черт рассматриваемого в представленном исследовании периода отечественной истории.

Документальной основой разработки темы послужили материалы институтов: ЦНИИолово, Гипроникель, Дальстройпроект, ВНИИ-1, Якутского филиала АН СССР и др.²⁰ Основное внимание в отчете было уделено оценке возможностей и путей комплексного решения проблемы создания и развития оловодобывающей промышленности. В связи с этим были проанализированы основные направления, темпы и масштабы добычи олова в Якутии и прежде всего в ее арктических районах.

К.А. Попов определил комплекс мероприятий, необходимых для эффективного развития оловодобывающей промышленности в Якутии. В частности, исследователь отметил необходимость ускорения темпов строительства первой и второй очереди Депу-

татского ГОКа, форсирования в связи с этим темпов создания производственной и социально-бытовой инфраструктуры, а также ритмичного освоения новых месторождений. Среди последних К.А. Попов назвал разработку морских россыпей олова в районе Ванькиной Губы — именно в 1980-е гг. интерес к арктическому шельфу значительно возрос, однако вследствие социально-экономического кризиса с новой силой он зазвучал лишь в XXI в. Кроме того, подготовленный исследователем прогноз развития горных работ на Депутатском ГОКе на период до 2000 г. предполагал совершенствование технического арсенала добытчиков: специализированного машинного парка, адаптированного к условиям Арктики, создание надежной топливно-энергетической базы, включая Нижне-Адычанскую ГЭС, а позднее — АЭС²¹.

Названными выше коллегами К.А. Попова была дана развернутая оценка состояния строительного производства и его материально-технической базы, выполнены расчеты перспективных потребностей оловодобывающей промышленности в его продукции и выработаны соответствующие рекомендации. Аналогичные работы были проведены также в отношении оценки состояния транспортных связей в регионе и потенциала их развития к концу XX столетия. Важным пунктом отчета стала разработка оптимальной территориальной организации комплексного развития Усть-Янского района²².

Спустя 2 года сотрудники отдела экономики ЯФ СО АН СССР провели еще одно исследование в рамках хоздоговорной темы с Депутатским ГОКом. Руководитель изысканий к.э.н. А.Д. Кириллин, м.н.с. В.К. Попова, м.н.с. В.Г. Емельянов, и.о. зав. сектором, к.э.н. А.А. Кугаевский, м.н.с. О.Н. Жариков, м.н.с. В.Н. Захаров, старший инженер Г.А. Вихрова, старшие лаборанты В.В. Васильева, К.И. Григорьев, Р.П. Тихонова, М.Т. Косыгина и Е.С. Павлова занимались сбором и анализом материалов для разработки экономического обоснования необходимости сооружения нефтепродуктопровода Усть-Куйга — Депутатский. Данный объект был призван удовлетворить потенциальные потребности Депутатского ГОКа в нефтепродуктах, которые на тот момент доставлялись по сложной схеме: через порт Осетрово на Лене, далее следовали вниз по реке к Янскому заливу и через него вверх по Яне до Нижне-Янской и Усть-Куйгинской нефтебаз, затем — автотранспортом по автозимнику в Депутатский. Строительство нефтепровода должно было исключить из этой

цепи последнее звено и сделать менее зависимым строящийся ГОК от сезонности.

В связи с этим экономисты ознакомились с работой действующего нефтепродуктопровода в Магаданской области, собрали материалы в институтах Гипротрубопровод (г. Москва) и Сибгипронефтетранс (г. Омск). Исследователи выполнили оценку текущей и потенциальной потребности Депутатского ГОКа в нефтепродуктах, состояния транспортной инфраструктуры, осуществили компаративный анализ себестоимости вариантов снабжения данного промышленного узла. Кроме того, исследователи выполнили расчеты оптимальных масштабов и сроков использования планируемого нефтепродуктовода, признанного специалистами «наиболее экономическим эффективным» способом доставки²³, а также рекомендовали оптимальные, на их взгляд, параметры трубопровода (протяженность, диаметр трубы, толщина стенок, количество и расположение насосно-перекачивающих станций, территории расположения)²⁴.

Продолжением проблематики изысканий 70-х гг. ХХ в. в какой-то степени стала и разработка в 1986 г. очередного перспективного плана комплексного социально-экономического развития колхоза «Арктика» в Булунском районе, авторами которого были сотрудники отдела экономики ЯФ СО АН СССР: зав. сектором комплексных социально-экономических проблем, к.э.н. Я.Т. Васильев (руководитель), м.н.с. И.И. Винокуров, старший лаборант М.В. Степанова, лаборант А.В. Иванова, старший инженер Л.В. Зубарева, а также Ф.С. Донской. В документе определены основные направления повышения эффективности рыбного и пушного промыслов, качества жизни его членов (внедрение достижений НТР, новой техники и орудий промысла, улучшение условий быта, труда и материального положения колхозников). Серьезное внимание при этом уделялось обоснованию необходимости увеличения лимита на добычу рыбы в дельтовых участках Лены, а также изменению технологии охоты на песца²⁵.

Однако в целом к этому времени отчетливо наблюдается тенденция, в рамках которой на первый план в изысканиях якутских экономистов вышли проблемы, связанные с развитием коренных малочисленных народов Севера. Ученые при этом следовали в фарватере развития североведения — активность научного сообщества по разработке различного спектра вопросов, связанных с коренными малочисленными народами Севера, не

ограничилась только кратким промежутком после выхода в свет постановления «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры районов проживания народностей Севера», а фактически возрастала на протяжении всех 1980-х гг.

Так, отдельное место вопросам улучшения жизни коренных малочисленных народов Севера отводилось в разрабатываемой в этот период «Концепции экономического и социального развития СССР на период до 2005 г.». В частности, в ней был представлен раздел «Районы Севера и районы проживания народностей Севера», подготовкой которого занимались сотрудники сектора этнографии народов Севера и Сибири ИЭ АН СССР. Этот институт являлся также головной организацией в рамках деятельности названной региональной межведомственной комиссии по написанию концепции «Этнокультурное развитие народов Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 г.»²⁶.

Таким образом, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР фактически был ведущей структурой при исследовании этнокультурного положения аборигенных этносов Российской Арктики. Отдел экономики ЯФ СО АН СССР же считался «профилирующим по экономическим проблемам развития коренных малочисленных народов Севера»²⁷.

Одной из подобных проблем был посвящен научный отчет, который в 1985 г. на основе проведенных исследований подготовили м.н.с. отдела экономики И.И. Винокуров, а также сотрудники ИФТПС ЯФ СО АН СССР, зав. отделом энергетики, к.т.н. А.П. Шадрин, м.н.с. Э.М. Львова и А.Н. Кузьмин. Работа была посвящена вопросам энергоснабжения районов проживания коренных малочисленных народов Севера. Авторы документа осуществили анализ современного состояния топливо- и энергоснабжения этих районов. Специалисты установили низкую эффективность использования дров и рядового угля для отопления. В связи с этим были разработаны предложения по организации их рационального электро-, тепло- и топливоснабжения. В частности, проведенные исследователями расчеты показали целесообразность использования жидкого топлива в небольших отопительных установках в большинстве арктических районов Якутии (кроме колымских), строительства в Момском районе цистерн в п. Белая Гора и новой нефтебазы для уменьшения стоимости затрат на доставку топлива, сооружения на базе Кангаласского и Сангарского угольных месторождения брикетной фабрики.

Кроме того, участники изысканий рекомендовали в целях экономного и рационального использования производить отпуск топлива населению по разработанным ими нормативам, а также осуществить строительство ЛЭП Алдан — Хатыстыр, Буор-Сысы — Кулун-Елбют (50 км) в Момском районе, а в пунктах также Удачный — Оленек (250 км). Одновременно исследователи предложили использовать для промысловиков и оленеводов ветроэлектрические станции²⁸. Следует отметить, что во введении к работе, хотя и указывалось на нерешенность проблемы стабильного теплоснабжения поселков и обеспечения населения топливом, однако все же отмечался скачок в развитии аборигенных этносов арктических районов Якутии в годы советской власти, их «преобщение к самым передовым общественным отношениям»²⁹.

Значительный интерес в этой связи представляет также «Концепция экономического и социального развития народностей Севера на период 1991—2005», подготовленная в 1988 г., в том числе при активном участии Ф.С. Донского. Данный документ разрабатывался под общим руководством упоминавшейся Региональной межведомственной комиссии по координации комплексных исследований проблем развития народностей Севера при Совмине РСФСР, председателем которой был чл.-корр. АН СССР В.И. Бойко (ИИФФ СО АН СССР). При этом ведущую роль в разработке экономической части концепции играл созданный в 1986 г. на базе отдела экономики Институт экономики комплексного освоения природных ресурсов Севера ЯФ СО АН СССР (ИЭКОПРС ЯФ СО АН СССР).

По инициативе руководства ИЭКОПРС ЯФ СО АН СССР в Якутске в апреле 1988 г. было проведено рабочее совещание по подготовке концепции, в котором приняли участие ученые из Кольского и Карельского филиалов АН СССР, Коми филиала Уральского отделения (УрО) АН СССР, Дальневосточного отделения (ДВО) АН СССР, институтов Якутского филиала АН СССР, Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ) и отраслевых НИИ. На совещании обсуждалась стратегия совместных действий и был принят координационный план по подготовке проекта концепции. В итоге ученым удалось обобщить «результаты исследований социально-экономических проблем развития почти всех 26 народностей Севера и районов их проживания» В написании концепции приняли участие сотрудники ИЭКОПРС ЯФ СО АН СССР, Ленинград-

ского сельскохозяйственного института, отдела экономики Карельского филиала АН СССР (г. Петрозаводск), отдела экономики Северо-Восточного комплексного НИИ Дальневосточного отделения АН СССР (г. Магадан), НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера СО ВАСХНИЛ (г. Норильск), НИИ экономики и организации сельскохозяйственного производства Нечерноземной зоны (г. Пушкин), ИФТПС СО АН СССР, Научно-производственного объединения «Якутское» (г. Якутск), Института социально-экономических проблем УрО АН СССР (г. Сыктывкар), Института экономических исследований ДВО АН СССР (г. Хабаровск)³¹.

В документе, направленном на формирование «действительно нового социалистического образа жизни народностей Севера»³², был рассмотрен широкий спектр проблем в экономике и социальной сфере жизни аборигенных этносов: вопросы влияния транспортно-промышленного освоения, развития традиционных хозяйственных отраслей, местной продовольственной базы, транспортных связей, организации капитального строительства, обеспечения энергоснабжения и внедрения достижений HTP, демографии и трудовых ресурсов, повышения уровня и качества жизни, расширения самоуправления.

Авторы концепции обратили внимание на недостатки упоминавшегося ранее Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. Принятый в этой концепции территориальный подход усложнил «целенаправленность», снизил «конкретность и действенность практических мер», ориентированных на решение существующих проблем. На страницах отчета также встречались фразы о присутствии на Севере «значительных негативных явлений и трудно решаемых проблем в социальной сфере»³³ (сокращение рождаемости, сравнительно высокий уровень смертности детей, ухудшение семейных отношений и др.), «нарушения естественного процесса воспроизводства населения и сложившегося режима использования трудовых ресурсов» из-за массового его перевода на оседлость в поселки, в которых предварительно не была подготовлена соответствующая инфраструктура³⁴.

Обращает на себя внимание и негативная оценка последствий индустриального освоения Севера для экологии региона. Так, среди результатов интенсификации его транспортно-промышленного развития названы: сокращение оленьих пастбищ, промысловых угодий, загрязнение окружающей среды. В качестве одного из

примеров приведен Кольский полуостров, где практически исчез пушной промысел³⁵. Для исправления ситуации авторы концепции предложили заменить существующее «одностороннее требование адаптации экономических, социальных и духовных интересов коренных народностей Севера к новым формам хозяйственной деятельности» на «комплексный социально-экологический подход к коренной перестройке взаимоотношений промышленного освоения и заселения территорий, с одной стороны, и развития традиционных отраслей хозяйства... с другой»³⁶. Однако в целом критика существующих порядков была достаточно сдержанной³⁷.

Вместе с тем параллельно уже набирала обороты тенденция к пересмотру оценок, господствовавших ранее в советском североведении. «Спусковым крючком» в этом отношении, очевидно, послужили происходившие во второй половине 80-х гг. ХХ в. изменения в общественно-политической жизни СССР. Наряду с либерализацией и «гласностью», важнейшее место в этих трансформациях занимал национальный вопрос. Неудивительно, что сочетание названных факторов привело к активизации различных этнических движений коренных малочисленных народов Севера, широкому обсуждению в обществе последствий проводившейся в годы советской власти политики для их традиционного хозяйства и культуры, а также анализу «свежим взглядом» устоявшихся идеологических клише, в том числе по инициативе самих властей.

В том же 1988 г. участники межсекторальной группы сотрудников ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР представили научный отчет «Характер и тенденции развития социально-культурных, языковых процессов у народностей Севера Якутии», который фактически стал переходным в оценке советской действительности для судеб коренных малочисленных народов Севера к тем позициям, которые будут господствовать в отечественной историографии в конце XX столетия.

Основой для подготовки отчета послужила серия этносоциологических исследований, проведенных в 80-е гг. ХХ в. Так, в течение в 1984—1985 гг. в Алданском, Жиганском, Ленинском (Нюрбинском), Нерюнгринском, Нижнеколымском и Оленекском районах Якутии сотрудники сектора социологических исследований ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР занимались изучением профессиональных предпочтений и миграционных намерений выпускников 8-х и 10-х классов местных школ³⁸. В Оленекском и

Жиганском районах соответствующее анкетирование осуществлялось с 25 мая по 25 июня 1984 г. к.и.н. Д.Г. Брагиной, Н.С. Евсеевой и к.филос.н. Н.В. Васильевым³⁹, а в Нижнеколымском районе — в следующем году участниками экспедиции под руководством к.и.н. П.А. Слепцова⁴⁰.

В декабре 1986 и октябре — декабре 1987 гг. под руководством сотрудников сектора к.г.н. Е.Н. Федоровой, к.и.н. П.А. Слепцова и А.Л. Дьяконова среди населения Среднеколымска, Булунского, Верхнеколымского и Оленекского районов проводилось анкетирование «Мнение городского жителя», «Мнение сельского жителя» и «Север»⁴¹.

В частности, с 16 до 28 октября 1987 г. П.А. Слепцов (начальник отряда), М.О. Бурцева (ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР) и Л.Н. Жукова (историко-филологический факультет ЯГУ) участвовали в изысканиях в Верхнеколымском районе. В Зырянке и Нелемном исследователи собрали 13 анкет по методике «Мнение сельского жителя», $36 - \text{«Север» и 176} - \text{«Мнение городского жителя»}^{42}$. Всего же в рамках анкетирования «Севера» участники отряда получили и обработали 449 анкет, из которых 183 заполнили эвены, 174 - эвенки, $28 - \text{юкагиры}^{43}$.

Одновременно в ходе названных изысканий 1984—1987 гг. были сделаны списки похозяйственных книг сел Андрюшкино, Березовка, Жилинда, Колымское, Найба и Харыялах, которые хранятся сейчас в Рукописном фонде Архива ЯНЦ СО РАН.

Использовались при подготовке отчета «Характер и тенденции развития социально-культурных, языковых процессов у народностей Севера Якутии» и наработки, полученные в ходе сотрудничества с социологами ИИФФ СО АН СССР. В 1987 г. целью очередных совместных исследований сотрудников этого института и ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР стало изучение проблемы адаптации представителей коренных малочисленных народов Севера к нетрадиционным для них видам деятельности (промышленность, администрирование, сфера образования и т.п.). Программу работ и социологическую анкету подготовили специалисты ИИФФ СО АН СССР. Задаваемые респондентами вопросы предполагали, в частности, выяснение причин выбора места работы и удовлетворенности им, условий труда, существующих в коллективе отношений, предпочтений по работе в национальном/ межнациональном коллективе, владение языками, уровня материального благосостояния, миграционных установок и др.44

Аналогичными изысканиями сотрудники ИИ $\Phi\bar{\Phi}$ СО АН СССР во взаимодействии с местными исследователями охватили

тогда целый ряд регионов Сибири. В Якутии сотрудники ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР проводили соответствующие исследования в Алданском, Верхоянском, Жиганском, Намском, Томпонском и Усть-Майском районах, а также в г. Якутске. В названных арктических районах исследователи работали в населенных пунктах Баханы, Верхоянск, Джаргалах, Кыстатыам и Батагай-Алыта (Саккырыр), где опросили 48 информантов — представителей эвенкийского и эвенского населения⁴⁵.

Всего же при подготовке отчета «Характер и тенденции развития социально-культурных, языковых процессов у народностей Севера Якутии» были задействованы материалы, полученные в результате полевых исследований в Булунском, Верхоянском, Жиганском, Кобяйском, Нерюнгринском, Олекминском, Оленесском, Томпонском, Усть-Янском, Верхне-, Средне- и Нижнеколымском районах Якутии, а также в Хабаровском крае и Магаданской области⁴⁶.

Авторами отчета являлись сотрудники ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР: к.п.н., с.н.с. У.А. Винокурова (руководитель), к.ф.н., м.н.с. Д.Е. Васильева, м.н.с. Х.И. Дуткин, м.н.с. А.Л. Дьяконов, к.и.н., н.с. Ф.М. Зыков, к.иск. В.Х. Иванов, к.ф.н., с.н.с. Н.З. Копырин, м.н.с. Р.А. Кузьмина, аспирант Л.М. Лукина, к.ф.н., м.н.с. В.Б. Окорокова, к.филос.н. Б.Н. Попов, к.филол.н., с.н.с. В.А. Роббек, к.и.н., м.н.с. П.А. Слепцов, зав. отделом, к.филол.н. Г.С. Сыромятников, к.г.н., с.н.с. Е.Н. Федорова. Помимо названных выше специалистов, в сборе и обработке материалов принимали участие и другие сотрудники этого института: А.В. Абрамов, В.К. Антонова, Т.В. Аргунова, П.Е. Ефремов, С.С. Максимова, а также художник Е. Заболоцкая и методист Министерства культуры ЯАССР Н.В. Марсанова⁴⁷.

Отчет выполнялся в рамках программы «Сибирь», которая была сформирована Президиумом Сибирского отделения АН СССР еще в 1978 г. В 1984 г. Президиум АН СССР утвердил ее в качестве долгосрочной региональной научно-исследовательской программы государственного значения⁴⁸. Поскольку в основном изыскания в рамках «Сибири» были посвящены различным естественно-научным вопросам, то ее реализация в Якутии будет подробно проанализирована в следующей работе. Здесь же целесообразно остановиться только на отчете, выполненном при разработке раздела программы «Социальные проблемы народностей Севера».

Конечно же, было бы несправедливым утверждать, что ранее не обращалось внимания на проблемы в социально-эконо-

мическом развитии коренных малочисленных народов Севера Якутии, связанные с советской модернизацией. Однако до этого скорее критиковались частности; в названной же работе негативную оценку получили сами подходы государства по отношению к аборигенным этносам. В частности, в документе говорилось об отсутствии «в современной концепции промышленного освоения Севера гуманистической заботы о коренных народностях», непродуманности «системы их жизнеобеспечения в новой преобразованной среде». В связи с этим одной из основных позиций авторов документа была идея о необходимости возвращения коренным народам Севера «возможности образовывать нарайоны циональные округа, советы», И «единственно возможным условием всестороннего развития» данных этносов «в условиях НТП (научно-технического прогресса — А. С.), интенсивных урбанизационных и миграционных процессов». Предоставление такого права, по замыслу исследователей, позволило бы представителям коренных народов обладать приоритетными возможностями при решении вопросов природо- и землепользования, получать компенсации от «министерств и ведомств, ведущих промышленное освоение», принимать реальное участие в выработке решений органами власти, «широко внедрять» местное самоуправление⁴⁹.

Вполне в духе эпохи перестройки фундаментальные истоки сложившегося положения дел исследователи видели в мероприятиях 30-х гг. ХХ в., когда, по их мнению, «в результате торопливости и администраторского увлечения в решении судеб народностей Севера» не учитывались особенности традиционного расселения и образа жизни аборигенных этносов, что привело в окончательном счете к «выхолащиванию гуманистической сути ленинской национальной политики»⁵⁰.

При этом, если раньше в научном мире отстаивалась необходимость ускоренного перевода кочевого населения на оседлый образ жизни, то в рассматриваемом документе говорилось уже о «деструктивных изменениях», которые внесла такая «коренная ломка» в традиционную культуру и существующей в связи с этим «тенденции необратимости в условиях стационарного проживания»⁵¹.

Одной из причин кризисных явлений авторы отчета назвали отсутствие законодательных гарантий обеспечения прав коренных народов Севера, не подготовленных «к ускоренной модернизации» и живущих «только дарами природы, разрушение кото-

рой неминуемо надвигалось» 52 . Именно правовая защита ареалов проживания аборигенных этносов и закрепление за ними «определенных территорий в исключительное пользование», а также наделение их «политическими и юридическими правами самим выбирать свой путь» должны были стать, по замыслу исследователей, основой принципиально нового подхода к развитию Арктики 53 .

Представляется, что работа межсекторальной группы в рамках программы «Сибирь» послужила одной из основ создания в 1989 г. на базе сектора северной филологии отдела гуманитарных проблем Севера ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. В том же году была подготовлена программа исследований сотрудников нового отдела до 2005 г. Наряду с вопросами изучения эвенкийского, эвенского, юкагирского языков, фольклора коренных малочисленных народов Севера Якутии, предполагалось также изучение истории и современного состояния их традиционного хозяйства, культурно-бытовых условий жизнедеятельности⁵⁴.

Во многом критическую направленность имели и экономико-социологические исследования, проведенные на территории бывшего Саккырырского района в феврале 1989 г. под руководством Ф.С. Донского, вернувшегося на работу в Якутию (в ИЭКОПРС СО АН СССР). Изыскания осуществлялись по поручению Совета Министров Якутской АССР и, наряду с руководителем, в них принимали участие И.А. Емельянов, Т.Р. Копырина, М.В. Степанова, Н.Н. Терентьева (ИЭКОПРС СО АН СССР), а также м.н.с. Якутского института языка, литературы истории (ЯИЯЛИ) СО АН СССР (с 1989 г. в связи с реорганизацией Якутского филиала АН СССР в Якутский научный центр СО АН СССР к названию ряда институтов, включая ИЯЛИ, было добавлено слово «Якутский») П.М. Старостин.

Как отмечалось, Саккырырский район просуществовал на карте Якутии до 1963 г., когда в русле проводимой в стране политики укрупнения административных единиц различного уровня его территория была передана соседним Верхоянскому и Кобяйскому районам Якутии. При этом на момент передачи население района составляли преимущественно представители коренных малочисленных народов Севера, и в первую очередь эвены⁵⁵. В конце 1980-х гг., во многом в связи с отмеченными ранее изменениями, вопрос восстановления Саккырырского района занял существенное место в общественно-политической повестке дня республики.

В рамках полевых исследований на территории 5 сельских советов, включая оленеводческие бригады и станы охотников, ученые провели анкетный опрос по выявлению отношения населения к восстановлению Саккырырского района, охвативший 599 чел. Еще один анкетный опрос, в котором приняло участие 353 респондента, был посвящен вопросам развития эвенского языка. Одновременно исследователи собирали статистические данные, материалы, касающиеся деятельности административных, социальных, культурно-образовательных и хозяйствующих учреждений⁵⁶.

Итоги изысканий были подведены в научном докладе «К вопросу восстановления Саккырырского района Якутской ACCР». В нем исследователи достаточно подробно проанализировали демографическую ситуацию, экономическое положение, обеспеченность населения жилой плошалью и состояние жилищного строительства, организацию медицинского, культурнообразовательного, торгового и бытового обслуживания населетранспортной системы, развитие a также сохранности языка и этнической культуры. Все обозначенные направления проведенных изысканий свидетельствовали, мнению ученых, о серьезных проблемах в жизнедеятельности бывших саккырырцев.

Так, по сравнению с концом 50-х гг. XX в. произошло сокращение доли коренных малочисленных народов Севера в общей численности населения территории бывшего района — с 51 до 38,5 %. Данный факт ученые связали со снижением темпов прироста эвенов из-за высокого уровня смертности (рост сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, алкоголизм), а также деформации семейно-брачных отношений (растущая угроза кровно-родственных связей)⁵⁷.

Укрупнение колхозов, сопровождавшееся «ничем не оправданной концентрацией населения в крупных поселках», привело, по мнению исследователей, к нарушению веками сложившегося уклада жизни аборигенного населения Саккырыра: были ликвидированы «бесперспективные» мелкие поселки, что оторвало часть жителей от исконных занятий и вынудило их «пополнить ряды низкооплачиваемых подсобных работников» концентрация населения усугубила «жилищный вопрос» — темпы ввода в строй новых объектов были явно недостаточными, а маршруты оленьих кочевий — удаленными от населенных пунктов, что привело к значительным бытовым трудностям (ме-

дицинское, культурное, торговое обеспечение и т.д.); оказались заброшенными обширные пастбищные и сенокосные угодья, перестали в полном объеме эксплуатироваться отдаленные промысловые участки⁵⁹. Это далеко не полный список основных проблем, выявленных учеными.

Среди частных вопросов, вызвавших их опасения, например, в ведущей отрасли сельского хозяйства региона — оленеводстве, был характерный для практически всей советской экономики экстенсивный путь развития. Видимые успехи достигались лишь за счет увеличения поголовья, что, в свою очередь, привело к катастрофической ситуации: вместо 3-летнего пастбищеоборота, из-за лимитированности пастбищных угодий, некоторые бригады выпасали оленей по одному и тому же маршруту начиная с 1972 г. В результате исследователи пришли к выводу об исчезновении на Саккырыре «в скором будущем» оленеводства как отрасли хозяйства «без принятия неотложных мер по выявлению новых угодий и регулированию маршрутов кочевий» (невозможно определить, насколько правы оказались бы ученые, так как вопрос вскоре решился сам собой по причине известных экономических трудностей в нашей стране)⁶⁰.

Кроме того, в оленеводческих бригадах не внедрялись прогрессивные технологии: сменно-звеньевой выпас оленей и их изгородное содержание. Бригады не обеспечивались электрическим освещением, быстроходными механизированными средствами передвижения. В совхозе «Кировский» на 80 чел. были построены 10 баз, которые были холодными и тесными, содержались в антисанитарном состоянии; в них, по наблюдениям ученых, не было даже минимальных условий для отдыха, повышения культурного уровня пастухов-оленеводов и тем более для кочевий вместе с семьей⁶¹.

Проведенный в ходе исследования анкетный опрос показал, что 62,5 % респондентов высказались за восстановление Саккырырского района. Основными причинами этого были неудовлетворенность организацией сферы обслуживания населения (культурного, торгового, бытового и медицинского), удаленность от районного центра и районного руководства⁶².

Для решения накопившихся проблем, корнем возникновения которых вновь были названы нарушения «ленинской национальной политики», а также «принципов социальной справедливости» исследователи предложили ряд мер, стержнем которых являлось воссоздание Саккырырского района. Эта мера,

по предположению участников изысканий, улучшила бы «управление всеми звеньями народного хозяйства» и создала «условия для их ускоренного развития» 63 .

Сейчас затруднительно установить, в какой мере создание нового района могло бы помочь в решении социально-экономических проблем, характерных тогда для всех арктических районов Якутии, о чем свидетельствуют результаты других исследований; однако представляются абсолютно оправданными, на взгляд автора, выводы ученых в отношении этнокультурной ситуации. Ликвидация Саккырырского района и передача его территории в состав Верхоянского и Кобяйского районов привели к «размыванию» этнической компоненты. В результате претерпели значительный секвестр области применения эвенского языка. Печальным итогом происходивших в этой сфере процессов служат данные другого анкетного опроса, проведенного в ходе рассматриваемых изысканий. Из 353 опрошенных эвенов лишь 16,9 % заявили о том, что их дети свободно разговаривают на эвенском языке, подавляющее же большинство (62%) свободно владело якутским и русским (44,1 %)64. Конечно же, и эта ситуация не была уникальной, однако, наверное, справедливо мнение исследователей о том, что положение дел могло быть несколько иным в случае сохранения национального Саккырырского района.

Важнейшим же итогом проведенных исследований стало определение тех сельских советов, население которых в большинстве своем хотело восстановления Саккырырского района. Таковых оказалось 3 из 5 обследованных. Так, мнение жителей Ламынхинского сельского совета Кобяйского района о необходимости его воссоздания в ходе проведенного опроса разделилось примерно поровну. Среди опрошенного же населения Кировского сельского совета лишь 7,6% поддержали такую идею. 16 августа того же 1989 г. на территории поддерживавших идею восстановления Саккырырского района наслегов был образован Эвено-Бытантайский район, получивший статус национального.

В связи с этим следует отметить, что Эвено-Бытантайский район, как указывалось в одном из документов, создавался именно «на основе научного доклада "К вопросу восстановления бывшего Саккырырского района Якутской АССР"», который затем получил поддержку со стороны Совета Министров ЯАССР и Якутского обкома КПСС⁶⁵. При этом он стал первым национальным районом не только в республике, но и в целом

в стране. Таким образом, справедливо утверждать, что исследования сотрудников академических институтов позволили Якутии находиться в авангарде изменений, касающихся поддержки коренных малочисленных народов Севера.

Создание подобной административной единицы стало важным событием в истории взаимоотношения советской власти и коренных малочисленных народов Севера. В этой связи неудивительно, что к новому району практически сразу было приковано повышенное внимание со стороны исследователей.

Так, в течение августа — октября 1991 г. сотрудники Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР А.И. Кузнецов и Л.И. Миссонова провели исследования среди эвенского населения Эвено-Бытантайского района. Их цель заключалась в выяснении первых результатов создания национального района, социальных и культурных последствий этого решения.

Изыскания проходили главным образом в с. Джаргалах и административном центре района — с. Батагай-Алыта. Ученые определили половозрастной состав эвенского населения, показатели и сферы их трудовой занятости, включая анализ присутствия представителей этноса на руководящих должностях. Кроме того, было установлено количество одноэтничных и этнически смешанных семей. В результате проведенного опроса исследователи составили родословные и на их основе выявили этнические доли в генотипе эвенов, якутов и русских. При этом у эвенов наблюдался рост этнического самосознания. Если раньше, по данным А.И. Кузнецова и Л.И. Миссоновой, они фактически стыдились своего происхождения, то с образованием национального района «положение изменилось» и называться эвеном стало «престижно и выгодно»⁶⁶. Это, в частности, проявилось как в смене местными жителями своей национальной принадлежности, так и в записи большинства детей в смешанных семьях эвенами. Однако в целом в жизни эвенов района, по мнению ученых, «не изменилось ничего»: преподавание в школе велось на якутском; он же являлся языком общения в семье, в образовательных и административных учреждениях. Непропорциональным оставалось присутствие эвенов в местных и районных органах власти и культуры. При этом специалисты выявили негативную роль льгот, предоставленных эвенскому населению после образования Эвено-Бытантайского района — они фактически противопоставляли представителей этого этноса и их соседей-якутов, живущих в таких же условиях, но не получавших ничего 67.

Кроме того, в 1991 г. завершилась работа над «Комплексной программой социально-экономического и культурного развития Эвено-Бытантайского национального района Якутской-Саха ССР на 1991—1995 гг. и на период до 2005 г.», которая 14 мая того же года была одобрена Президиумом национального районного Совета народных депутатов.

Программа разрабатывалась в рамках хоздоговора Института экономики комплексного освоения природных ресурсов Севера СО АН СССР с Госпланом ЯАССР. В ее подготовке принимали участие сотрудники ИЭКОПРС, ЯИЯЛИ и ИФТПС СО АН СССР: в.н.с., к.э.н. Ф.С. Донской (руководитель), к.э.н. Р.И. Донской, н.с. И.И. Винокуров, м.н.с. М.В. Степанова, экономист 1-й категории Е.А. Петренко, к.э.н. Е.Д. Конников, к.э.н. А.Н. Прокопьев, м.н.с. З.М. Демехова, к.э.н. И.И. Поисеев, н.с. П.В. Сосин, м.н.с. Ю.С. Сергеева, к.э.н. А.Н. Кугаевский, к.т.н. А.П. Шадрин, к.филол.н. В.А. Роббек. Кроме того, в аккумулировании и обработке информации участвовали старший лаборант Н.Н. Терентьева, инженер Е.Ю. Березовская, старший лаборант И.А. Неустроева, инженер Е.С. Романова, инженер Н.М. Иванова.

Упомянутый сбор материалов проводился в ходе полевых исследований, осуществленных в течение 1990-1991 гг. в Ленинском и Бытантайском совхозах, где был опрошен 231 респондент. Опрос касался выяснения отношения местного населения к собственности, вопросов расселения, а также определения предпочтительных форм хозяйственной деятельности. Одновременно использовались результаты анкетирования, упоминавшегося в связи с исследованиями 1989 г., которое касалось развития эвенского языка. Как отмечалось, анкеты тогда заполнили 353 эвена. Кроме того, в целях выявления текущего уровня жизни населения района участники изысканий осуществили социологическое обследование семей работников названных совхозов и других организации района (995 чел.), а также пенсионеров (320 чел.). Параллельно аккумулировались данные статистики, годовых отчетов совхозов, предприятий и учреждений Эвено-Бытантайского района, а также республиканских министерств и веломств⁶⁸.

В подготовленной в итоге «Комплексной программе» был представлен прогноз и разработаны рекомендации, касающиеся вопросов воспроизводства населения и трудовых ресурсов в Эвено-Бытантайском национальном районе на период до 2006 г., перспектив развития и повышения эффективности хозяйствен-

ной деятельности и работы по охране природы; переустройства условий труда и быта населения; потенциала капитального строительства жилья, производственной и социальной инфраструктуры; развития энергетики, связи и оптимизации транспортной схемы; поддержки культуры эвенов и совершенствования системы самоуправления коренного населения⁶⁹.

Ранее отмечалось, что создание Эвено-Бытантайского национального района было одним из свидетельств активного участия научного сообщества Якутии в глубинных изменениях, происходивших в отношении взаимодействия органов власти и коренных малочисленных народов Севера. В одном ряду с этим примером стоит также деятельность таких исследователей, как Х.И. Дуткин, Г.Н. Курилов, В.А. Роббек и др., в составе созданной в 1989 г. Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Якутии⁷⁰. Однако наиболее ярким образцом новаций последних лет существования Советского Союза стали решения Президиума ЯНЦ СО АН СССР и Совета Министров ЯАССР в июне 1991 г. о создании, по инициативе Верховного Совета Якутии, на основе ряда подразделений ЯИЯЛИ и ИЭКОПРС СО АН СССР, Института проблем малочисленных народов Севера (ИПМНС), в следующем году вошедшего в состав Сибирского отделения уже Российской академии наук71. Конечно же, активная фаза его деятельности пришлась на постсоветский период отечественной истории, выходящий за рамки данной работы, однако основные параметры нового института были определены именно в 1991 г. ИПМНС стал первым в нашей стране академическим институтом, специализировавшимся на разработке научных основ развития коренных малочисленных народов Севера⁷². Столь оперативное его создание, естественно, было бы невозможным без аккумулированного к тому времени, в том числе в ходе рассмотренных выше изысканий, значительного по масштабам комплекса материалов, характеризующих различные стороны жизнедеятельности аборигенных этносов Российской Арктики.

Непосредственно коррелировалась с отмеченными выше вопросами проблематика экологических последствий интенсивного промышленного освоения в России в целом и в Якутии в частности, также получившая на рубеже 80—90-х гг. ХХ в. широкий общественный резонанс. Например, в 1990 г. в республике был создан комитет «Защита реки Амга», деятельность которого фокусировалась на предотвращении строительства водоотвода для перекачки стока этой реки. В том же году был организован

Общественный экологический комитет «Вилюй». Его появление было связано, главным образом, с негативным влиянием алмазодобывающих предприятий и гидроэнергетики на экологию бассейнов рек Вилюй и Марха⁷³. Деятельность этих и других общественных объединений по защите окружающей среды и интересов местного населения сопровождалась активнейшей дискуссией в средствах массовой информации⁷⁴.

На этом общественно-политическом фоне в Магаданской области разворачивались подготовительные работы по сооружению на р. Колыма Усть-Среднеканской ГЭС — в 1989 г. строительство станции было утверждено приказом Минэнерго СССР, в 1991 г. началась прокладка автомобильной дороги до п. Усть-Среднекан, а в следующем году введен в эксплуатацию временный бетонный завод. Ситуацию осложнял тот факт, что основными «выгодополучателями» от запуска новой ГЭС являлись промышленные предприятия Магаданской области и Оймяконского района Якутии, тогда как потенциально наиболее тяжелые экологические и социально-экономические последствия приходились на население расположенных ниже по течению реки Верхне-, Средне- и Нижнеколымского районов. Сложившееся положение обсуждалось в июне и сентябре 1990 г. в ходе встреч представителей общественности названных колымских районов Якутии с руководством «Колымагэсстрой», работниками природоохранных органов ЯАССР и Магаданской области, а также разработчиками проекта сооружения станции - специалистами «Ленгидропроекта». На этих встречах общественники выразили негативное отношение к строительству ГЭС. Аналогичная позиция была озвучена на прошедших в мае 1991 г. митингах в Среднеколымске, Зырянке и Нелемном⁷⁵.

В таких условиях научное исследование проблем соотнесения интересов промышленных предприятий и местного населения приобретало все большую актуальность. В связи с этим в стенах ЯИЯЛИ СО АН СССР были организованы изыскания в рамках темы «Этноэкология Севера в условиях гидростроительства на реке Колыма».

Целью изысканий Т.С. Ивановой (руководитель), С.И. Бояковой и Л.М. Даниловой было определение потенциального влияния ввода в эксплуатацию Усть-Среднеканской ГЭС на жизнедеятельность и традиционный образ жизни коренного населения колымских районов Якутии, а также выяснение отношения местного населения к данной проблеме⁷⁶.

В августе 1991 г. исследователи посетили населенные пункты Верхне-, Средне- и Нижнеколымского районов: Зырянку, Нелемное, Среднеколымск, Березовку, Сылгы-Ытар, Черский, Андрюшкино и Колымское. Передвижения между ними осуществлялись, главным образом, на самолетах и моторных лодках⁷⁷.

Всего в ходе экспедиции было собрано 917 анкет. По итогам их обработки исследователи установили, что более 80% опрошенных отрицательно относились к строительству Усть-Среднеканской ГЭС. Свои опасения они связывали с потенциальной угрозой источникам традиционного хозяйства и всего уклада жизни — сокращением популяций промысловых видов животных и рыб, изменением годового режима Колымы и ее притоков, в целом, с нанесением непоправимого урона местной экосистеме⁷⁸. Несмотря на это, продолжающееся до сих пор строительство ГЭС началось в том же 1991 г.

Достаточно характерным эпизодом, свидетельствующим об определенном пересмотре в отношении к недропользователям, стало исследование, проведенное в последний год существования Советского Союза сотрудниками ИЭКОПРС СО АН СССР к.э.н. К.А. Поповым и О.Г. Птицыной и направленное на определение размеров платы, вносимой в бюджет Якутской-Саха ССР со стороны представителей оловодобывающей (Депутатский ГОК) и сурьмяной (Сарылахский и Сентачанский комплексы) промышленности республики в 1992 г.

Расчет выполнялся на основе проанализированных авторами текущих и перспективных производственных показателей названных акторов индустриального освоения, которые, учитывая социально-экономические процессы, происходившие в стране, были рационально оценены исследователями довольно скептически⁷⁹. Показательно, что в качестве обоснования необходимости производства подобных расчетов указывалось на «беспорядочную выборочную разработку богатейших участков источникового горного сырья без всякого экологического и социально-экономического прогноза», «беспорядочное передвижение технических и транспортных средств по льдонасыщенным грунтам», что привело к «разрушению почвенно-растительного покрова»; «всевозрастающий процесс интенсивного захламления горными породами, отвалами..., техническими и социальными свалками», ежегодную вырубку лесов для нужд добывающих предриятий «без проведения соответствующих лесовосстановительных работ», а также на «фактическое отсутствие равенства» между представителями аборигенных этносов и «другой части населения», занятой «в основном в оловодобывающей промышленности». В процессе промышленного освоения, по мнению авторов документа, «коренные жители, занимающиеся оленеводством, рыбной ловлей и охотничьим промыслом», были оттеснены «в более отдаленные, худшие в природно-климатическом и дорожно-транспортном отношении местности» 80.

Положения о зачастую крайне негативных последствиях промышленного освоения («Сибирь подверглась расточительному и губительному для природы промышленному освоению в последние двадцать лет»), содержались и в научном отчете «Современное хозяйство народов Крайнего Севера». Данная работа была подготовлена в 1991 г. сотрудниками ИЭ АН СССР под руководством докторов исторических наук Г.М. Афанасьева и Ю.Б. Симченко.

Авторы отчета подробно проанализировали историческую динамику развития и текущее состояние ведущих отраслей хозяйства (оленеводство, рыболовство, охотничий и морзверобойный промыслы, звероводство, переработка кожевенно-мехового сырья) аборигенных этносов, в том числе проживающих в арктических районах Якутии. Для данного исследования этот отчет интересен прежде всего тем, что является одной из значительных работ периода, в которой фактически резюмировались итоги преобразований советской эпохи для традиционного хозяйства коренных малочисленных народов Севера. Несмотря на подчеркнуто нейтральный характер работы, предполагавшей главным образом фиксацию хозяйственных показателей, ее авторы, вопреки показанному выше тренду, оценили ее в целом положительно (этнокультурная составляющая не рассматривалась), отметив, в частности, совершенствование производственной организации, модернизацию основных отраслей, рост показателей хозяйственной деятельности. Среди них, например, поголовье оленей в Якутии, увеличившееся со 120 тыс. голов в начале XX в. до 330-380 — в 1970-е гг.⁸¹

Таким образом, 1980-е — 1991 гг. характеризовались значительной активизацией исследовательской деятельности по изучению социально-экономической и этнокультурной ситуации в местах проживания коренных малочисленных народов Севера, а также трансформациями в оценке последствий советских преобразований для аборигенных этносов. В эти годы произошли и определенные структурные изменения: в ИСИ АН СССР был

организован сектор социально-демографических проблем народов Севера, а в стенах ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР создан отдел гуманитарных проблем Севера. Существенные новации, как будет показано далее, в рассматриваемый период были свойственны и другим направлениям научного поиска.

3.2. Реконструкция истории освоения высоких широт, опыта и практик межэтнического взаимодействия

В рассматриваемый период исследования, проводившиеся ранее участниками Приленской археологической экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР в арктических районах Якутии, получили свое логическое развитие.

Так, в 1980 г. Н.М. Щербакова вновь осуществила археологические изыскания на Яне. В состав руководимой ею янской группы II отряда ПАЭ входили также рабочие С.А. Таюрский и С.В. Новиков. Маршрут осуществлялся на моторной лодке⁸².

Первоначально планировалось провести археологическую разведку от п. Батагай до Нижнеянска. Однако, поскольку изыскания в конце сентября выполнялись при неблагоприятных погодных условиях, Н.М. Щербакова приняла решение ограничиться работами на участке Батагай — Янск общей протяженностью около 100 км. Особое внимание при этом было уделено открытой в 1979 г. стоянке Омук, расположенной в 632 км от устья Яны. Здесь исследователями было заложено 7 шурфов, из которых только в одном был найден археологический материал: 2 фрагмента тулова и фрагмент венчика шнуровой керамики, а также 4 сланцевых отщепа. Обнаруженные артефакты позволили Н.М. Щербаковой определить принадлежность обитателей стоянки к археологическим культурам (белькачинская) и произвести ее датировку (III тыс. до н.э.). Выявить же новые археологические памятники на исследованном участке руководимой ею исследовательской группе не удалось83.

В 1980 г. получило продолжение и археологическое изучение стоянки Белая Гора. Наряду с этим участники Первого отряда ПАЭ (руководитель С.И. Эверстов, рабочие В.Г. Семчевский и Н.С. Лопатин) проводили рекогносцировочные изыскания в бассейне средней Индигирки. Маршруты совершались на вертолете, моторной и резиновой лодках⁸⁴.

Исследования начались в середине июня с раскопок Белой Горы, которыми были охвачены 56 м² территории стоянки. Здесь

археологам удалось выявить 7 следов кострищ, множество костей мелких и крупных животных, а также разнообразный инвентарь древнего человека. Среди найденных артефактов были, в частности, 39 наконечников стрел 4 разных типов, заготовки и обломки наконечников копий, каменные ножи, 8 вкладышей, 71 скребок, 5 скребел, 42 резца, 10 проколок, 6 комбинированных орудий, 4 топора, тесло, долото, 2 отбойника, 3 нуклеуса, 425 обломков ножевидных пластин, более 9 тыс. отщепов. Кроме того, исследователи обнаружили костяные изделия (3 наконечника, 2 обломка орудий) и 495 фрагментов керамики, преимущественно вафельной. Значительный интерес представляют также найденные в ходе изысканий следы жилища: три борта подпрямоугольной формы, оконтуренные органическими останками, «связка» прутьев, расщепленные палки, изделия и отходы производства. Анализ полученных материалов подтвердил принадлежность стоянки Белая Гора к ымыяхтахской археологической культуре, однако было установлено и наличие предметов более древней белькачинской культуры⁸⁵.

На средней Индигирке участники отряда выявили новый археологический памятник: стоянку древнего человека Буолумуна-Тааса, расположенную в 617 км от устья реки. Здесь был заложен разведочный раскоп, в котором удалось найти 180 отщепов, 7 ножевидных пластин, кремневый нож, 4 обломка обожженных костей животных и 45 фрагментов керамики. Полученный материал позволил С.И. Эверстову произвести предварительную датировку открытого памятника — IV—II тыс. до н.э. 86

В 1980—1981 гг. на территории Верхне- и Среднеколымского районов Якутии проводили рекогносцировочные изыскания участники Верхнеколымской группы Северо-Восточного отряда ПАЭ. В состав группы входили: сотрудники ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР В.М. Михалев (начальник) и С.П. Кистенев, а также рабочие А.И. Лукьянов и В.Н. Фунтузов (только в 1980 г.).

В первый год полевые исследования продолжались с 12 июля по 15 августа и охватили 420-километровый прибрежный участок Колымы от п. Зырянка до границы Верхне- и Среднеколымского районов. В 1981 г. работы проводились в течение 2—18 сентября в районе между Талактасским перекатом Колымы и Среднеколымском, а общая протяженность маршрута составила 500 км⁸⁷.

В результате изысканий были открыты стоянки Слезовка, Седедема и Гороховская, повторно обследована стоянка Лобуя,

выявленная в 1946 г. А.П. Окладниковым, изучены обнаруженные местными детьми артефакты из местности Арга-Таас и окрестностей Зырянки. Сбор подъемного материала, а также разведочное шурфирование позволили участникам Верхнеколымской группы дополнить коллекцию инвентаря древнего человека, найденного в ходе работ Приленской археологической экспедиции, следующим: 10 фрагментами шнуровой и вафельной керамики, ножом из белого кремня, 7 обломками пластин, угловым резцом и 7 отщепами. Характер полученного материала дал исследователям возможность достаточно точно определить его датировку и культурную принадлежность. Так, стоянка Слезовка была отнесена к белькачинской культуре неолита Якутии (III тыс. до н.э.), стоянка Седедема — к ымыяхтахской культуре (ІІ тыс. до н.э.)88. Важнейшим результатом стало обнаружение Родинкского погребения на правом берегу Пантелеихи, ставшего самым северным в мире открытым памятником неолита⁸⁹.

21—29 июля 1986 г. в Усть-Янском районе проводились раскопки Черчинского захоронения, информацию о котором незадолго до этого предоставил в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР бывший председатель профсоюзного комитета комбината «Куларзолото» А.П. Лимаренко. Захоронение было найдено в октябре 1985 г. в 50 км от п. Северный местными жителями И.И. и В.Б. Кузьмиными при охоте на зайцев, в ходе которой в одной из расщелин они увидели человеческий череп. Летом 1986 г. И.И. Кузьмин с друзьями расчистили место сделанной находки и обнаружили останки еще 3 чел., а также 9 костяных наконечников стрел. Для проведения полевых изысканий ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР командировал в Усть-Янский район археолога В.М. Михалева и антрополога Л.Ф. Томтосову (участница Якутского отряда ИЭ АН СССР 1971—1973 гг. позднее поступила на работу в ИЯЛИ).

По прибытии на место захоронения ученые столкнулись с серьезной проблемой: кроме того, что его первооткрыватели забрали с собой черепа и найденные артефакты, часть костей и инвентаря древнего человека были выброшены в реку, а часть — сложена в кучу у края расщелины. Анализ сохранившегося материала позволил специалистам установить, что в захоронении находились останки 5 чел. Л.Ф. Томтосова осуществила измерения двух черепов (третий был утерян местными жителями) и установила, что они принадлежали антропологически сходным с байкальским типом северных монголоидов мужчине и женшине.

В.М. Михалев исследовал сохранившийся погребальный костяной инвентарь (21 целый и 2 обломка наконечников стрелы, 2 предмета непонятного назначения). Ученый провел его классификацию, а также представил предположительную датировку найденного памятника. По мнению специалиста, Черчинское захоронение могло быть сделано после эпохи позднего неолита. Осуществить же более точную датировку не позволило отсутствие керамических и металлических изделий, а также прямых аналогий с найденными ранее на территории Якутии артефактами. Наиболее важной стороной обнаруженного захоронения был, по мнению В.М. Михалева, тот факт, что оно являлось первым выявленным погребением пещерного типа «не только в Якутии, но и на всем севере Сибири» 90.

Определенный импульс проведению археологических изысканий в арктических районах Якутии в 1980-е гг. придали планы, направленные на интенсификацию промышленного освоения региона. Если в 60-е гг. исследованиям С.А. Федосеевой в бассейне Вилюя способствовали работы по строительству Вилюйской ГЭС, то в рассматриваемый в разделе период при подготовке к сооружению ГЭС на Адыче были осуществлены изыскания в рамках необходимой для таких случаев археологической экспертизы. Исследования проводились в соответствии с договором, заключенным ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР с занимавшимся проектированием ГЭС Гидропроектом им. С.Я. Жука (г. Москва) на средства последнего.

Первые изыскания в рамках договора состоялись в бассейне Адычи 11 августа — 19 сентября 1986 г. Участники Северного отряда ПАЭ В.М. Михалев (начальник), В.И. Эртюков и С.П. Кистенев были переброшены на вертолете Ми-8 из административного центра Верхоянского района п. Батагай в верховья р. Джолокаг. Отсюда на резиновой лодке они сплавились к устью Адычи. Спускаясь вниз по течению этой реки, участники отряда преодолели еще 400 км. Общая же протяженность маршрута составила более 500 км. При этом визуальный осмотр раздернованных участков и разведочное шурфирование «во всех доступных на лодке перспективных с археологической точки зрения местах» результата не дали. Не привело к сколь-либо примечательным находкам и тщательное изучение местонахождений мамонтовой фауны в местностях Аллара-Кисилэх и Улахан-Сууллар91.

В полевые сезоны 1987—1989 гг. исследования сотрудников ПАЭ на Адыче в связи с проектом строительства в ее бассейне

ГЭС были продолжены. 29 июля — 24 сентября 1987 г. Адычанский отряд ПАЭ (В.М. Михалев (начальник), В.И. Эртюков и С.П. Кистенев) охватил разведкой реки Туостах, Адыча (от устья р. Борулах до устья), Борулах (от с. Токума до устья), окрестности с. Табалах и районного центра п. Батагай.

Маршрут по Туостаху, правому притоку Адычи, выполнялся на резиновой лодке с предварительной заброской участников отряда на вертолете Ми-8 из Батагая. Попутно была осуществлена авиаразведка берегов Туостаха от устья до места высадки в 20 км выше устья р. Болдымбы. Облет, как отметил В.М. Михалев, дал мало позитивных результатов: «везде тундровый, ближе к реке лесо-тундровый, ландшафт, особенно в среднем и нижнем течении реки. Коренные берега местами "отходят" от реки на 5—7 км и обследовать их на лодке невозможно». Сама местность при этом практически не располагала перспективными с археологической точки зрения террасами⁹².

Лишь на 5-километровом участке на правом берегу р. Туостах были открыты три группы стоянок каменного века: Туостах I–VI, Туостах VII–XII и Туостах XIII–XIX. В ходе обследования обнажений и раскопки 5 шурфов на этих стоянках исследователи выявили 1947 отщепов, 3 тесла, 22 пластины, 4 скребка, резец, наконечник стрелы, различные обломки и заготовки каменного инвентаря (ножей, тесел, пластин и др.), 5 фрагментов керамики, а также многочисленные кости животных. Исходя из характера находок, участники отряда определили, что стоянки представляют собой смешанный археологический комплекс — материал относился к сыалахской культуре раннего неолита Северо-Восточной Азии, а также к более поздним белькачинской и ымыяхтахской культурам⁹³.

Повторная разведка по Адыче от устья р. Борулах до устья р. Туостах проводилась на вертолете Ми-8, далее — на резиновой лодке. Во время облета с посадками в перспективных местах участники отряда открыли место стоянки древнего человека Силиилээх, где были найдены 3 чешуйки серого камня. Провести более глубокие изыскания археологам помешал дефицит времени — заканчивалась аренда спецрейса. В 20 км ниже устья р. Туостах на правом берегу Адычи была открыта стоянка Встречная. Здесь исследователи выявили в обнажении склона террасы 7 отщепов из кремнистого сланца и серого кварцита⁹⁴.

В 7 км вниз по течению Адычи и в 1 км к северу от Адычанской базы проектировщиков ГЭС ученые обследовали стоян-

ки Кыра I и Кыра II. Названные археологические памятники были открыты летом 1987 г. отрядом Института мерзлотоведения СО АН СССР под руководством Ю.А. Мурзина. Геокриологи собрали тогда подъемный материал из кремнистого сланца, который включал несколько отщепов, тесло, пластины и их обломки, а также вкладыш, скребок и рубящее орудие типа топора. Участники Адычанского отряда ПАЭ продолжили обследование обнажений, а также произвели раскопку двух разведочных шурфов. В результате изысканий коллекция находок со стоянок по рчк Кыра пополнилась еще 201 отщепом, 2 пластинами, 2 скреблами, а также фрагментами различного каменного инвентаря⁹⁵.

В окрестностях п. Батагай археологи открыли 12 стоянок древнего человека: Батагай I—VI и Бартымах I—VI. По итогам сбора подъемного археологического материала и закладки двух разведочных шурфов исследователи выявили 177 отщепов, 4 наконечников стрел, нескольких пластин, проколки, резца, скребка, 126 керамических фрагментов, костей крупных животных, обломков наконечников стрел, ножа, пластин и прочего каменного инвентаря. При этом руководитель Адычанского отряда ПАЭ В.М. Михалев признал, что на стоянках группы Бартымах должно было быть сделано большее число находок. Однако они были открыты и бегло осмотрены только в день окончания исследований и вылета из Батагая в Якутск⁹⁶.

Кроме того, участники отряда обследовали окрестности с. Табалах Верхоянского района, где в 1984 г. во время подсыпки авиаплощадки школьница Х. Слепцова нашла каменное тесло. Археологи путем опроса местных жителей установили места, откуда брался грунт, и обследовали их. На холме Томтор в 2 км к северо-востоку от села они обнаружили 2 отщепа из темносерого кремнистого сланца и фрагмент толстостенной керамики. Сделать же другие находки, по предположению исследователей, помешал тот факт, что ко времени проведения изысканий карьером было уничтожено уже около трети поверхности холма⁹⁷.

В 1988 г. работы на Адыче проводились с 30 августа по 24 сентября и охватили участок долины от устья р. Борулах до Адычанской базы общей протяженностью около 170 км. Отрядом в составе сотрудников ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР В.М. Михалева (начальник), С.П. Кистенева и Е.И. Елисеева в ходе речных и пеших маршрутов было открыто 23 археологических памятника

(Усть-Борулаах I–II, Осхордоох, Дьубдьугурас I–II, Кулун-Мэйиилээх, Случайная, Хотон-Хайа, Арыктаах, Эбэ-Кюелэ I–II, Аргаа, Кыра-Суллар I–V, Улахан-Суллар I–II, Хатыыстах I–II, Тыа-Сысыта, Первая), а также продолжено изучение стоянок Кыра I и II⁹⁸.

В результате осмотра раздернованных участков и проведения разведочного шурфирования исследователи обнаружили: 2 крупных диабазовых рубящих орудия, 2 скребка, нуклеус, 395 отщепов и чешуек из кремнистого сланца и халцедона, фрагменты пластин, наконечников стрел, ножей, керамики и костей животных 99. Полученные материалы позволили В.М. Михалеву сделать вывод о том, что участок нижнего течения Адычи «по плотности распространения памятников на такой ограниченной территории является пока единственным в Заполярной Якутии» 100.

С 1 августа по 3 октября 1989 г. участники Адычанского отряда ПАЭ (В.М. Михалев, С.И. Эверстов, Е.И. Елисеев) продолжили раскопки стоянок на рчк Кыра, а также выполнили рекогносцировочные изыскания в долине р. Борулах¹⁰¹.

Из Батагая на вертолете Ми-8 археологи были заброшены в район п. Токума, откуда они на моторной лодке начали сплав по Борулаху к устью этой реки. На исследованном участке были найдены 4 местонахождения (Хасы-Алыта, Хонду II, Катерина-Хайата, Томтор), стоянка (Хонду I) и погребение древнего человека. В результате работ (сбор подъемного материала, разведочное шурфирование, раскоп) на выявленных археологических памятниках участники отряда обнаружили наконечник стрелы, небольшое тесло, 2 пластины из кремнистого сланца, более 30 отщепов и чешуек, 2 фрагмента керамики, обломки каменного инвентаря, кости человека и животных 102.

Представляет значительный интерес установленный исследователями при раскопе захоронения погребальный обряд: тело умершего помещалось в грунтовой яме, перекрытой поперечнопродольно уложенными жердями, на которых, в свою очередь, разводился костер. Как отметил В.М. Михалев, подобный тип на территории Якутии не фиксировался «ни сейчас, ни в этнографической древности» 103.

В ходе раскопок на стоянках Кыра I и II археологи выявили около 2 тыс. предметов из камня и кости, «невыразительность» которых тем не менее не позволила определить возраст изучаемых памятников. Кроме того, в относительной близости от них

были открыты еще 7 местонахождений древнего человека — Кыра III—IX. В ходе обследования этих местонахождений исследователи собрали каменный инвентарь: наконечник стрелы, 129 отщепов и 10 пластин из кремнистого сланца и диабаза¹⁰⁴.

Следует отметить, что результаты научных исследований, связанные с проектом строительства Адычанской ГЭС, включая археологические, превзошли практические итоги его реализации — гидроэлектростанция так и осталась в проектах. Из-за протестов экологов и стремительно менявшейся экономической ситуации строительная площадка будущей ГЭС была заброшена еще на начальной стадии.

В следующем после окончания работ на Адыче 1990 г. В.М. Михалев участвовал в исследованиях Колымской группы Северного отряда ПАЭ. Изыскания осуществлялись с 9 августа по 26 сентября 1990 г. в Верхне-, Средне- и Нижнеколымском районах республики и проходили под руководством С.П. Кистенева. В экспедиции также принимали участие В.И. Эртюков и проводник-рабочий К.С. Спиридонов¹⁰⁵.

Работы начались на левом притоке р. Ясачная — Омулевке, куда исследователи были заброшены на вертолете Ми-8 из п. Зырянка. Далее они преодолели 200-километровый маршрут на двух резиновых лодках от правого притока Омулевки руч. Инанья до Ясачной, по которой уже на моторных лодках вернулись в Зырянку. По пути участники группы провели осмотр перспективных с археологической точки зрения мест, однако выявить стоянки древнего человека им не удалось. В то же время, руководствуясь информацией, полученной от местных охотников и рыболовов о нахождении в ареале деятельности экспедиции останков четвертичной фауны, археологи осмотрели одно из таких мест и обнаружили бивень мамонта. Кроме того, опираясь на сведения местных жителей о находках костяных и железных наконечников стрел, они обследовали окрестности с. Нелемное. Здесь были найдены мелкие кремневые чешуйки и оббитые гальки, которые тем не менее, по мнению ученых, имели не археологическую, а этнографическую ценность, так как являлись производственными отходами кузнечной деятельности, существовавшей в этих местах до 20-х гг. XX B. 106

Из Зырянки участники изысканий последовали первоначально в Среднеколымск, а оттуда в с. Березовка. По одноименной реке с помощью моторных лодок они обследовали 40-кило-

местности Мамонтовка, участок метровый ДО известной находками четвертичной фауны и прежде всего Березовского мамонта. Любопытно, что сопровождал археологов в пути Н.П. Тарабукин — внук спутника О.Ф. Герца. На месте остатков обгоревшего сруба открывателя Березовского мамонта исследователи установили мемориальную алюминиевую доску. На одной из близлежащих притоков Березовки — рчк Давлесан («переправа» с эвенкского) — открыта стоянка древнего человека, на которой удалось собрать 2 сланцевых отщепа. Еще 5 отщепов, а также овальное сланцевое долото участники Колымской группы обнаружили в устье р. Сивер — правого притока Березовки. На основе выявленного материала осуществлена примерная датировка стоянки (ымыяхтахская культура позднего неолита). В 1 км от устья р. Сивер археологи осмотрели и сфотографировали показанный Н.П. Тарабукиным арангас — воздушное захоронение, сделанное на деревьях¹⁰⁷.

По завершении изысканий на Березовке исследователи на вертолете вернулись в Среднеколымск, а оттуда на катере «Морж» продолжили маршрут вниз по Колыме — к п. Черский. В результате было открыто еще 6 археологических памятников: 3 стоянки в среднем и нижнем течении Колымы, а также 1 стоянка в устье Белой речки и 2 на р. Пантелеиха в местности Орбита. Кроме того, археологи доисследовали открытые в 1970 г. Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой 3 стоянки в устье р. Комарок. В ходе работ (сбор подъемного материала, зачистка обнажений, разведочное шурфирование) на этих памятниках были обнаружены сланцевый скребок, кремневые и обсидиановые пластины, многочисленные кремневые и сланцевые отщепы 108.

В полевых сезонах 1989 и 1990 гг. получило продолжение изучение стоянки Белая Гора. Изыскания Нижне-Индигирской группы ПАЭ вновь возглавлял С.И. Эверстов. Кроме него, в состав группы входили В.М. Михалев и Е.И. Елисеев. Экспедиционные маршруты названные специалисты совершали на вертолете, моторной и резиновой лодках¹⁰⁹.

В 1989 г. исследования начались 18 августа с разведочных работ в долине р. Селеннях — левого притока Индигирки. Здесь участники группы обнаружили следы трех стоянок древнего человека, которые получили названия Харбатар, Агдайка и Суордах. Разведочное шурфирование и сбор подъемного археологического материала позволили выявить 23 отщепа из кремня и сланца, а также сланцевый топор¹¹⁰.

Еще 4 стоянки исследователи зарегистрировали в районе, расположенном в относительной близости от Белой Горы. На стоянках Тумус I и Тумус II на левом берегу Индигирки были найдены 10 фрагментов керамики, концевой скребок, нуклеус, 15 целых ножевидных пластин и 5 обломков, 23 кремневых, сланцевых и диабазовых отщепа. Еще 1 сланцевый отщеп удалось обнаружить на стоянке Юрюйэ. Работы же на стоянке Дениска-Юрюйэтэ, в ходе которых археологи заложили 2 разведочных шурфа, позволили выявить 21 фрагмент керамики, 4 обломка наконечников стрел и 2 двухсторонне-ретушированных вкладыша, обломок халцедонового ножа, 3 скребка, 89 отщепов, 90 чешуек и различные элементы другого каменного инвентаря¹¹¹.

При продолжении работ на стоянке Белая Гора, проводившихся в 1978-1980 гг., исследователи осуществили раскопки общей площадью 8 m^2 — из-за раннего похолодания этот показатель был значительно меньше, чем планировалось изначально. В результате они сумели обнаружить каменный инвентарь (4 наконечника стрел, 3 ножа, 6 скребков, 2 резца, 2 клювовидных орудия, проколка, тесло и др.), керамику (27 фрагментов) и отходы производства (3 скола и 533 отщепа)¹¹².

В задачи полевых исследований Нижне-Индигирской группы ПАЭ в следующем 1990 г., наряду с изучением стоянок Белая Гора и Дениска-Юрюйэтэ, также входило проведение рекогносцировочных работ в бассейне р. Уяндины на территории Абыйского и Усть-Янского районов. Состав участников изысканий был аналогичен предыдущему году. Маршрут по Уяндине они совершали на резиновой лодке, по Индигирке — на моторной 113.

Исследования начались 1 августа в окрестностях административного центра Усть-Янского района — п. Депутатский. В 522 км от устья Уяндины участники группы обнаружили стоянку древнего человека, получившую название «Эгэрдэлиир» («Кремневая гора» в переводе с якутского). Путем сбора подъемного археологического материала и заложения разведочного шурфа были извлечены 180 отщепов, 2 пластины и 2 скола из кремня, обломок заготовки ножа¹¹⁴.

В 500 м к югу от стоянки Эгэрдэлиир исследователи выявили еще один археологический памятник: на стоянке Тирехтях были найдены 75 отщепов и сколов из кремнистого сланца, кремня и метаморфизированной вулканической породы, массивная ножевидная пластина, а также обломки нуклеусов и мик-

ропластин. Работы (сбор подъемного материала и шурфирование) на стоянке Очуостаах, обнаруженной в $482\,\mathrm{km}$ от устья Уяндины, позволили выявить еще $12\,\mathrm{kpemheb}$ отщепов, обломки ножа и наконечника стрелы из кремня, а также фрагмент микропластины 115 .

В 633 км от устья Индигирки была зафиксирована стоянка Юеннях-Тасса. Здесь археологи обнаружили кремневый скол и 2 имеющихся следа обработки плитки из кремня и халцедона¹¹⁶.

Очередные раскопки Белой Горы расширили исследованную территорию еще на $8\,\mathrm{m}^2$. В результате работ были найдены 6 скребков из халцедона и кремнистого сланца, наконечник стрелы из полупрозрачного халцедона, 175 отщепов и сколов, 2 многофасеточных резца, 2 пластины, обломки двухсторонне ретушированного ножа и долота, фрагменты и заготовки различного каменного инвентаря, а также 10 керамических элементов¹¹⁷.

На стоянке Дениска-Юрюйэтэ археологи заложили раскоп площадью 12 м². Из него удалось извлечь 5519 находок, включавших различный каменный инвентарь (наконечники, ножи, скребки, вкладыши, комбинированные орудия, проколки, провертки, резцы, их обломки и заготовки) из халцедона, кремня, кремнистого сланца и роговика, а также металлические изделия и фрагменты керамики¹¹⁸.

Значительный интерес представляют также совместные исследования Ленинградского отделения Института археологии (ЛО ИА) АН СССР (сейчас — Институт истории материальной культуры РАН) и Арктического и Антарктического научно-исследовательского института (ААНИИ, г. Ленинград), проводившиеся в 1989—1990 гг. на о. Жохова (архипелаг Де-Лонга). Работы осуществлялись на основании договора о научном сотрудничестве, заключенном между двумя названными структурами в 1988 г. и предполагавшем участие археологов в изысканиях отдела географии полярных стран ААНИИ в рамках Программы комплексных гляцио-геоморфологических исследований высокоширотной Арктики. Финансировались археологические работы за счет средств, выделенных ААНИИ.

Руководство исследованиями осуществлял В.В. Питулько (ЛО ИА АН СССР). Вместе с ним в проведении раскопок принимали участие В.М. Макеев, М.А. Анисимов (ААНИИ) и С.Н. Зементов (студент географического факультета ЛГУ).

В ходе полевых работ в течение 2 лет исследованиями была охвачена территория площадью около 148 м². В ее пределах уда-

лось выявить 6 участков вероятного расположения стационарных жилищ древнего человека, обнаружить более 1 тыс. предметов (отщепы, нуклеусы, ножевидные пластинки, фрагменты посуды, орудий охоты и рыболовства, шило, обломок нарточного полоза и др.), выполненные из камня, кости и дерева. Датировка Жоховской стоянки позволила В.В. Питулько сделать вывод о выявлении древнейшего памятника каменного века высокоширотной Арктики. Стоянка свидетельствовала об освоении человеком арктических островов в эпоху раннего голоцена (около 8 тыс. лет назад) и стала самой северной из открытых постоянных стоянок древнего человека такого возраста¹¹⁹.

В 80-е гг. в стенах ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР получило развитие также изучение более современного опыта освоения Российской Арктики. Так, Д.А. Ширина в 1983 г. опубликовала книгу «Летопись экспедиций Академии наук на Северо-Востоке Азии в дореволюционный период. Исследование положило начало циклу монографических работ, посвященных историческому анализу отечественных практик интеллектуального освоения высоких широт.

Переходя к анализу инициатив, реализованных в рамках других направлений социогуманитарных изысканий, следует отметить, что упоминавшаяся ранее в связи с археологическими раскопками в Усть-Янском районе антрополог Л.Ф. Томтосова в 1980 г. подготовила научный отчет «Антропологические типы населения Якутии». Один из разделов этой работы был посвящен так называемым северо-западным якутам, к территории проживания которых автор, наряду с Горным и Вилюйским районами, отнесла также Жиганский. Л.Ф. Томтосова отметила, что вплоть до проведения ею исследований северо-запад фактически «оставался белым пятном на антропологической карте Якутии». По результатам кефалометрического и кефалоскопического обследования 232 жителей названных районов, исследователь пришла к выводу о значительной роли в формировании изученной группы доякутского и дотунгусского пластов. Аналогичный пласт, по ее наблюдениям, имелся и у якутов центральных районов республики, но там он был менее выражен, по предположению автора, из-за малочисленности автохтонов по сравнению с массой пришедшего затем населения 120.

^{*} Кефалометрия — набор унифицированных методов измерения и описания строения головы человека и ее отдельных частей при антропометрии; кефалоскопия — визуальная оценка признаков на живом человеке.

В предыдущем разделе отмечались позиции Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР в исследовании этнокультурных процессов, протекающих в среде коренных малочисленных народов Севера в 80-е гг. ХХ в. В этот же период под руководством директора института, академика Ю.В. Бромлея, активно работала проблемная группа «Особенности формирования и этнического развития обособленных популяций коренного населения Северной Евразии». Руководителями направлений изысканий группы являлись ведущие научные сотрудники ИЭ АН СССР И.М. Золотарева и Ю.Б. Симченко. Исследования осуществлялись на стыке этнографии и работ в области биологии человека¹²¹ и проводились совместно с Институтом клинической и экспериментальной медицины, Институтом физиологии СО АМН СССР, Институтом цитологии и генетики (ИЦиГ) СО АН СССР (г. Новосибирск)¹²².

В выявленных при подготовке данной монографии материалах не удалось найти отсылки к тому, что исследования, о которых пойдет речь, были организованы в рамках работы этой группы. Более того, по воспоминаниям одной из участниц данных изысканий О.Л. Посух, подобной связи не было¹²³. Вместе с тем созвучие направленности проведенных исследований с тематикой работ названной проблемной группы вынуждает все же задуматься о том, что импульс для проведения данных изысканий в стенах ИЦиГ СО АН СССР мог быть получен, в том числе и в результате ее деятельности.

Речь идет о генетико-демографических исследованиях, которые были организованы Институтом цитологии и генетики СО АН СССР в местах компактного проживания юкагиров и эвенов — селах Березовка, Себян-Кюель, Андрюшкино и Нелемное в течение 1985—1990 гг. ¹²⁴ Задачами ученых при этом являлись: оценка происходящих микроэволюционных процессов; выявление особенностей генетической структуры популяций двух этносов, а также определение генетических взаимосвязей их представителей с другими коренными народами Севера ¹²⁵.

На основе анализа данных похозяйственных книг сельских советов, опроса глав и членов семей участники изысканий составили расширенные родословные на глубину 3-5 поколений, выяснили имена, возраст, этническую принадлежность супругов, их детей и родителей, причины смерти и возраст умерших. У женщин отдельно собирались сведения о возрасте вступления в брак, числе замужеств, начале и конце репродукции, о коли-

честве и исходах беременностей. Кроме того, у жителей исследованных населенных пунктов был осуществлен забор крови¹²⁶.

По итогам изысканий О.Л. Посух разделила каждую из изученных популяций на «чистую», т.е. не смешанную с другими национальностями, и метисированную части. При этом, например, в Нелемном только 8% юкагиров являлись прямыми потомками юкагирских родов, издавна проживавших в верховьях Колымы. Не многим лучше обстояла ситуация и в Андрюшкино, юкагирское население которого глубоко перемешалось с эвенами¹²⁷. В результате исследователь пришла к выводу, что современные популяции юкагиров «уже не воспроизведут себя в будущем... Несмотря на официальную статистику, показывающую рост числа юкагиров (на настоящий момент их числится более 1000 чел.), через 1-2 поколения эта древнейшая народность с уникальным эволюционно сложившимся генофондом... перестанет существовать как отдельный этнос, полностью "растворясь" среди окружающих народов...». Тенденции «растворе-О.Л. Посух выявила также среди эвенов Кюеля и Андрюшкино. В Березовке же ситуация была более оптимистичной, с «вероятным» сохранением эвенского генофонда¹²⁸.

Значительное внимание уделялось выяснению характера репродукции рассмотренных популяций эвенов (аналогичных исследований по юкагирам не проводилось ввиду их малочисленности): установлено среднее количество беременностей на одну женщину; рождений живых детей, выкидышей и мертворождений; средний промежуток между беременностями¹²⁹.

Одновременно О.Л. Посух проанализировала распределение частот генов в популяциях эвенов и юкагиров и сравнила их с аналогичными сведениями по другим народам Севера¹³⁰. Полученная информация свидетельствовала о значительной близости юкагиров и нганасан, что на генетическом материале подтверждало концепцию И.С. Гурвича о родстве этих народов, выдвинутую на основе результатов Юкагирской комплексной экспедиции 1959 г., а также частично гипотезу Ю.Б. Симченко, предполагавшую наличие в тундровой зоне единого древнего уралоязычного этнического субстрата¹³¹.

В мае — июле 1987 г. в северных районах Якутии проводилась Колымская лингвоэтнографическая экспедиция. Инициатива была организована в рамках выполнения совместной исследовательской темы Ленинградской части Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР и Ленинградского отделе-

ния Института языкознания АН СССР «Современная этнолингвистическая ситуация у малых народов Севера». Участвовали в экспедиции к.и.н. Г.Н. Грачева (руководитель этнографический части), д.филос.н. Б.М. Фирсов и Г.С. Авакьянц (ЛЧ ИЭ АН СССР), а также к.филол.н. Н.Б. Вахтин (руководитель лингвистической части) и Е.С. Маслова (ЛО ИЯ АН СССР). Кроме того, в Нелемном помощь в проведении исследований названным специалистам оказывала Л.Н. Демина (ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР).

Изыскания проводились по программе (см. Прил. 6), которая, как отметила Г.Н. Грачева, была сформирована на основе статьи А.К. Байбурина и Н.Б. Вахтина «К исследованию этнолингвистической ситуации у малых народов Севера».

Среди целей и задач программы работы этнографов указывались: изучение процесса культурной интеграции на Севере и его региональных особенностей; определение факторов, влияющих на интенсификацию и замедление данного процесса; выявление элементов культуры, которые испытывают наибольшие и наименьшие трансформации; поиски современных символов этнической самобытности¹³².

Программа работ предполагала проведение исследований в рамках четырех основных блоков. Первый включал изучение современного состояния членения жизненного цикла человека. Второй — анализ этнической картины мира, в том числе выяснение объема знаний представителей исследуемого этноса о других народах, собственных субъективных отличий. В соответствии с третьим блоком планировалось выяснение существующих представлений о времени и пространстве. Если основным средством получения информации по названным блокам было интервьюирование, то работы по четвертому блоку, касающемуся особенностей поведения (обращение с хозяйственными предметами и одеждой) аборигенных этносов, должны были опираться на метод наблюдения 133. Кроме того, при проведении изысканий на Колыме, по инициативе Б.М. Фирсова, был добавлен 5-й блок, посвященный экологической культуре местного населения. Основополагающим подходом к проведению исследований, по замечанию Г.Н. Грачевой, стала ориентация на «выявление не того, что было, а того, что есть» 134 .

В результате изысканий, которые, согласно программе, должны были завершиться в 1990 г., планировалось написание монографии, рисующей «картину современного состояния этнических черт культуры и языков» коренных народов арктических рай-

онов СССР¹³⁵. Несколько забегая вперед, следует отметить, что к большому сожалению эти планы не претворились в жизнь.

Выбор ареала для проведения исследований 1987 г., как отметила Г.Н. Грачева, обусловливался давним и теснейшим контактом нескольких аборигенных этносов, что позволяло достаточно рельефно отразить процесс взаимовлияния культур. Вместе с тем, хотя исследование и охватило представителей всех коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Колымском регионе, в его центре все же находились юкагиры. В связи с этим были определены и места для сбора полевого материала: села Нелемное, Андрюшкино и Колымское.

Во время изысканий в течение 11 мая — 11 июля 1987 г. ученые совершили следующий маршрут: Ленинград — Якутск — Зырянка — Нелемное — Андрюшкино — Колымское — Черский — Чокурдах — Москва — Ленинград. Основным средством передвижения служил авиатранспорт. В Нелемном участники экспедиции работали в течение 18 дней, в Андрюшкино — 16 и Колымском — 10, также несколько дней они провели на оленеводческих и рыболовных участках. Кроме того, в течение недели исследователи работали в Якутске, где ознакомились с экспедиционными материалами сотрудников ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, а также выступили на заседании ученого совета этого института. Любопытно, что высокой оценки со стороны якутских коллег заслужил безанкетный метод проведения изысканий, хорошо соответствующий традиционной этнографии. Сами же сотрудники ИЯЛИ, по их словам, вынуждены были работать по обширным анкетам. В Зырянке ленинградские исследователи изучили книги регистрации браков по Нелемнскому сельскому совету и получили в местном Райстатотделе статистические данные о населении, распределении его по национальности и родному языку¹³⁶.

Основные сведения в Нелемном, Андрюшкино и Колымском собирались с помощью упомянутых выше непосредственных наблюдений за жизнью аборигенных этносов, группового и индивидуального интервьюирования. Всего исследователи взяли 111 интервью. Другими источниками получения необходимой информации были: местная пресса (в частности, газета «Колымская правда») и похозяйственные книги каждого обследованного села.

Техническими «помощниками» ученым послужили чернобелые фотоаппараты и два портативных магнитофона (информацию с которых, впрочем, из-за нехватки кассет приходилось переписывать в тетради)¹³⁷. Несмотря на относительную традиционность поставленных задач, обращает на себя внимание фокусировка на достаточно оригинальных для исследования коренных народов арктических районов Якутии проблемах. Связано это, возможно, было как с началом общеполитических процессов перестройки в стране, позволивших ученым затрагивать целый спектр острых вопросов, включая межнациональные отношения, так и с общим развитием североведения в Советском Союзе. Достаточно напомнить, что именно в этот период была подготовлена, в том числе и такая фундаментальная с методологической точки зрения работа, как монография И.И. Крупника «Арктическая этноэкология...» Такой «свежий» взгляд позволил сделать целый ряд интересных и во многом пионерных выводов, однако рамки данной работы позволяют привести только некоторые из них.

Именно Г.Н. Грачева была одной из первых, кто отметил значительный «экспедиционный пресс» на юкагиров. Так, в течение 1986—1987 гг. Нелемное посетили три иногородние группы: этнографы, социологи, языковеды и фольклористы из Якутска и Новосибирска, а также японская съемочная группа. Подобное положение, по замечанию руководителя этнографических исследований, «наложило отпечаток» и на их работу» 139.

Следует отметить, что в последующем ситуация продолжала развиваться в аналогичном направлении — уже три десятилетия в места компактного проживания юкагиров непрерывным ручейком тянутся большие и малые группы ученых из России и других стран мира. Это, конечно же, приводит к определенной усталости представителей этноса от бесконечных интервью и анкетирования и в то же время, вероятно, является важным фактором конструирования их современного этнического самосознания. «Соседи» юкагиров других национальностей зачастую не интересуют приезжающих специалистов, что фактически повышает статус именно их этнической принадлежности.

Вопросам этнического самосознания уделялось значительное внимание и в ходе Колымской экспедиции 1987 г. По ее итогам, в частности, исследователи пришли к выводу о том, что «консолидация юкагиров зиждется на самосознании в гораздо большей степени, чем на традиционной культуре или языке» 140. Данный тезис основывался на выявленных в Нелемном, Андрюшкино и Колымском фактах, среди которых: запись детей от смешанных браков юкагирами для того, чтобы «национальность соответствовала среде» или сознательного увеличения численности этно-

са, роста престижа этнонима «юкагир», а также получения материальных льгот, включая высоко котировавшиеся преференции при поступлении в учебные заведения¹⁴¹. В результате, например, в Нелемном участники экспедиции определили две генеральные тенденции протекания этнических процессов. С одной стороны, шло интенсивное размывание этнических культур под воздействием явлений, которые мы бы сейчас отнесли к последствиям глобализации, а исследователи назвали их тогда интернационализацией. С другой — в полной мере проявлялись и этноконсолидационные процессы, основывавшиеся «отчасти на языке, общности истории и в полной мере на самосознании...»¹⁴².

В целом же жизнь юкагиров и других коренных народов региона в том числе, благодаря широкому распространению телевизоров, радио, всеобщему среднему и специальному образованию, получаемому за пределами села, как выяснили участники экспедиции, уже имела больше общих черт с общесоюзной, чем самобытных. Так, во многом соответствовало общесоюзным нормам членение жизненного цикла. Важнейшее место в нем занимало начало учебы и окончание ребенком школы, служба в армии, женитьба или замужество и т.п. Вместе с тем, например в Нелемном, еще сохранялись отголоски прошлого — существенной вехой по-прежнему считалось достижение мальчиком 12-15-летнего возраста и начало им самостоятельной охоты. Отражала в основном общегосударственные стандарты пространственная и временная ориентация аборигенных этносов. Однако в связи с сохранностью оленеводства, рыболовства и охоты как ведущих отраслей хозяйства пласт самобытных моментов исследователи выявили и в этом отношении. В частности, для коренных жителей Нелемного продолжала играть важную роль ориентация по рекам («через три поворота реки», «верховой ветер», т.е. с верховьев реки, и т.п.); в Андрюшкино, в связи с меридиональными маршрутами кочевий («к морю» и обратно «к лесу»), все основные ориентиры были связаны с северным и южным направлениями. Понятия, характеризующие западный и восточный векторы, имели фактически прикладное значение¹⁴³.

Быстрее всего, по наблюдениям участников изысканий, трансформировалась материальная культура, где «сметались даже те традиционные элементы, которые до сих пор имеют большое значение» В частности, оленья промысловая одежда повсеместно заменялась ватниками, вышли из употребления легкие рыбачьи лодки и широкие охотничьи лыжи 145.

Аналогичные процессы унификации наблюдались и в языковой сфере. Н.Б. Вахтин и Е.С. Маслова выявили роль употребляемых языков в каждом из обследованных населенных пунктов. Так, в Нелемном значимость языков распределялась следующим образом: русский, якутский, юкагирский, эвенский; из 89 опрошенных в этом населенном пункте юкагиров родной язык на первое место поставили только 9 чел., средний возраст которых составил 64 года. При этом, по мнению исследователей, сфера применения юкагирского языка фактически была утрачена, и в результате его преподавание в школе Нелемного напоминало «преподавание иностранного языка»¹⁴⁶. Схожие лингвистические приоритеты были в Андрюшкино (якутский, русский, эвенский, юкагирский и очень мало — чукотский) и Колымском (русский, чукотский, якутский, эвенский и юкагирский). Отмеченный же в Нижнеколымском районе за 30 лет до этого И.С. Гурвичем феномен многоязычия был зафиксирован лишь у пожилых людей 147. Кроме того, в ходе экспедиции ученые собрали материал по терминологии юкагиров, несмотря на то, что большая ее оригинальная часть уже являлась архаизмами. Этой терминологией также владело лишь старшее поколение¹⁴⁸.

Наиболее консервативным и «этнопоказательным» оставался погребальный обряд. Неплохая сохранность также наблюдалась в отношении бытовых примет, запретов, суеверий. При этом, как тонко подметили исследователи, «внутренние причины их появления давно и прочно утрачены, но они продолжают про-изводиться из поколения в поколение»¹⁴⁹.

Кроме того, любопытны выявленные участниками экспедиции представления аборигенных этносов о проживающих с ними бок о бок народах. Несмотря на то, что представители близких национальностей в основном характеризовались положительно, в отчете экспедиции приведены и достаточно острые «этнические оценки», данные местными жителями 150. В частности, удивила ученых сохранившаяся спустя целые десятилетия острейшая неприязнь верхнеколымских юкагиров к своим историческим противникам — корякам, причем их «подавляющее большинство "вживе" никогда не видело коряков» 151.

Общий объем собранных участниками экспедиции этнографических материалов составил записи на 8 тетрадях, включая вклейки, схемы, таблицы, карты, рисунки, копии похозяйственных книг, а также 10 катушек черно-белой фотопленки¹⁵².

Представляется также интересным отметить, что, по сведениям Л.Н. Жуковой, каждому из участников экспедиции местные жители давали прозвища. Например, Н.Б. Вахтина нарекли «Ханьил Борисович» — с юкагирского «орел» 153 .

В 1990 г. сотрудники Ленинградского отделения Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР вновь проводили изыскания на севере Якутии. В августе с целью «изучения перспектив проведения полевых исследований» недавно созданный Эвено-Бытантайский национальный район посетили к.и.н. В.И. Дьяченко и Н.В. Ермолова.

22 июля они прилетели из Ленинграда в Якутск. В столице Якутии ученые пробыли до 1 августа, готовясь при помощи коллег из ЯИЯЛИ СО АН СССР П.А. Слепцова, Ф.Ф. Васильева и А.А. Алексеева к полевым исследованиям — приобретали необходимый инвентарь (уздечки, вьючные седла и сумы и др.) и провиант. 1 августа после перелета Якутск — Батагай В.И. Дьяченко и Н.В. Ермолова на автомашине выехали в Верхоянск, где ознакомились с этнографическими коллекциями. 4 августа вертолетом из Батагая участники отряда прибыли в с. Джаргалах Эвено-Бытантайского района, в котором на тот момент проживало 138 эвенов. Здесь исследователи пробыли 3 дня, успев провести наблюдения за местной жизнью, определить основные характерные для нее проблемы, ознакомиться с похозяйственными книгами, позволившими установить число оленей, находящихся в личных хозяйствах, а также осмотреть школьный музей.

7 августа на арендованных в Джаргалахе лошадях (подобный способ передвижения, таким образом, сохранял свою востребованность на протяжении всего рассматриваемого в работе периода) они отправились в близлежащие оленеводческие стада. Первого из них, у оз. Кимпиче, участники экспедиции достигли 9 августа. Здесь исследователи наблюдали за методикой окарауливания и подсчета животных, а также осмотрели находящееся в 7 км от базы неустановленное захоронение. 14 августа ученые достигли следующего стада на р. Холбо, примерно в 50 км от оз. Кимпиче. Помимо ознакомления с технологиями выпаса оленей, они изучили и переписали часть совхозных бумаг, обнаруженных в заброшенном сарае и касавшихся маршрутов кочевий в 60-е гг. ХХ в.

В третье стадо, кочевавшее в 45 км на р. Токур, участники экспедиции прибыли 16 августа. Через два дня вместе с оленеводами они переместились еще на 20 км к р. Сиибиктэ, где по-

могали вести подсчет поголовья. 20 августа исследователи отправились в находящийся в $80\,\mathrm{km}$ Джаргалах — маршрут экспедиции представлял сходящийся в этом селе полукруг. 23 августа из Джаргалаха ученые прибыли в административный центр Эвено-Бытантайского района — с. Батагай-Алыта. На следующий день транзитом через Батагай участники изысканий вернулись в Якутск 154 .

Характерно, что В.И. Дьяченко и Н.В. Ермолова отметили «жесткие условия... прилета и вылета» в связи «с кризисной экономической ситуацией в стране и республике» в целом и нехваткой авиационного топлива в частности — эпоха относительного благополучия для отечественной науки и арктических населенных пунктов нашей страны подходила к концу. Вероятно, прежде всего, по причине прогрессировавшего в последующие годы кризиса оба исследователя так и не смогли продолжить свои изыскания в Эвено-Бытантайском районе (улусе).

В 1991 г. два достаточно интересных в плане рассматриваемой проблематики научных отчета подготовили сотрудники ЯИЯЛИ СО АН СССР к.и.н., н.с. Ф.Ф. Васильев и к.и.н., н.с. Ф.М. Зыков.

Ф.Ф. Васильев проанализировал историческую эволюцию жилища коренных народов арктических районов Якутии в период раннего железного века — 60-х гг. ХХ в. Наряду с комплексом археологических данных, архивных документов, научной литературы ученый привлек для разработки темы собственные полевые материалы. В течение 1986—1990 гг. он посетил села и поселки Аргахтах Среднеколымского, Андрюшкино Нижнеколымского, Оленек Оленекского, Найба Булунского, Джаргалах и Саккырыр Эвено-Бытантайского национального районов Якутии, где проводил беседы с местными старожилами¹⁵⁶.

В своем отчете Ф.Ф. Васильев подробно описал устройство различных типов (полуземляночные, наземные каркасные) традиционных жилищ северных якутов, эвенков, эвенов, чукчей и юкагиров, выделил их этнические особенности, проследил параллели как между названными этносами, так и по отношению к другим народам Северной Азии. Исследователь представил также характеристику материалов, используемых ранее при строительстве и методов их обработки, рассмотрел существовавшие способы отопления жилищ¹⁵⁷.

Кроме того, Ф.Ф. Васильев уделил внимание анализу условий и проблем, при которых происходил переход представителей

коренных малочисленных народов Севера на оседлость в связи с мероприятиями советской власти, установившей стандартизацию жилища аборигенных этносов 158. В этой связи вызывают интерес положения о «неравной борьбе ученых-этнографов с системой», «ликвидации целенаправленного квалифицированного вмешательства ученых в сферу советско-партийного руководства», которая «крайне отрицательно сказалась на дальнейших "культурных преобразованиях"», а также вывод о наличии «ничем не прикрытой национальной подоплеки политики партии и правительства на Севере» при распределении приоритета субсидирования между промышленными и сельскохозяйственными поселками в регионе¹⁵⁹. Все это едва ли было бы возможным в более ранних работах. Вместе с тем следует отметить, что автор отчета был далек от односторонней оценки последствий советских преобразований для коренных малочисленных народов Севера. В частности, наряду с приведенными выше фразами, Ф.Ф. Васильев указывал и на «очевидность... положительной роли коллективизации и поселкования в судьбе юкагирского народа» 160.

Определенное внимание традиционным жилищам уделил в своем отчете «Этнокультурные процессы у коренных народов Якутии (аспекты материальной культуры)» и Ф.М. Зыков. Эта работа была посвящена историко-этнографическому анализу традиционных поселений (стойбищ), жилищ, одежды, украшений, национальной кухни, традиционных промысловых орудий и средств передвижения долган, русских старожилов, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров и якутов. При этом в фокусе изысканий ученого находились только те элементы материальной культуры, которые получили распространение у двух или более из названных этнических сообществ: балаганы, холомо, батасы, упряжное оленеводство и др. На основе изучения подобного обмена опытом и различных хозяйственных приемов Ф.М. Зыков представил достаточно репрезентативную панораму развития межэтнических связей в Якутии¹⁶¹.

В плане динамики взглядов ученых относительно влияния советского периода отечественной истории на коренные народы Севера показательно одно из последних положений в рассматриваемом отчете: «Буквально до второй половины 80-х гг. в качестве высшего достижения в социальном отношении считался переход на оседлый образ жизни и переселение в благоустроенные поселки..., новые формы одежды и обуви, в основном покупные в ущерб изготовлению традиционными методами ста-

ринных видов одежды...», а также следующая характерная ремарка: «такие представления мы имели вплоть до конца 80-х гг., пока страна не оказалась под угрозой экономического краха и не стала на пороге отмены государственной и коллективной собственности, перечеркивающей социализм в СССР. Как известно, современная действительность только став историей, получает право на объективную оценку»¹⁶².

В период с 1980 по 1991 г., таким образом, получили развитие исследования истории заселения арктических районов Якутии древним человеком. Значительная часть рассмотренных изысканий продолжала носить рекогносцировочный характер — даже в годы расцвета деятельности Академии наук СССР и, пожалуй, максимальной по сей день транспортной доступности арктических районов Якутии проводить здесь масштабные исследования было проблематичным как в финансовом, так и в организационных планах. Успешными оказались и изыскания по изучению процесса этногенеза и истории межэтнического взаимодействия аборигенных этносов региона. В этой связи обращают на себя внимание интересные методологические решения исследователей, применение которых позволило получить целый ряд уникальных сведений, значительно расширивших направления и возможности научного поиска среди коренных народов Российской Арктики.

3.3. Работы по изучению, сохранению и актуализации языкового наследия. IV комплексная фольклорная экспедиция

Существенным образом раздвинули границы научного познания аборигенных этносов, проживающих в Заполярной Якутии, и исследования филологов. Так, в первой половине 80-х гг. XX в. в связи с продолжением работы по составлению «Диалектологического атласа якутского языка», подготовкой дополнительного тома «Диалектологического словаря якутского языка» в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР и обобщающей работы «Диалектная система якутского языка» было организовано несколько экспедиций в различные районы Якутии, включая арктические.

В частности, в 1981 г. в Абыйский, Аллаиховский, Верхне- и Среднеколымский районы был направлен М.С. Воронкин. В селах Сылгы-Ытар, Эбях, Хатынгнах Среднеколымского и Арылах (Усун-Кюель) Верхнеколымского районов исследователь работал

со 2 по 18 февраля. Здесь ему удалось собрать 19 анкет по фонетике, 3 по лексике, записать речь носителей местных диалектов на аудиносители, а также зафиксировать характерные топонимы.

29 ноября — 18 декабря 1981 г. М.С. Воронкин продолжил изыскания в п. Белая Гора, селах Абый, Мугурдах Абыйского района, п. Чокурдах и с. Чкалов Аллаиховского, где были собраны еще 25 анкет по фонетике и 3 по лексике; получены топонимические данные, произведены диалектологические аудиозаписи¹⁶³.

В ноябре — декабре 1984 г. отряд ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР в составе к.филол.н. С.А. Иванова (руководитель), к.филол.н. Ю.И. Васильева и к.филол.н. Н.Н. Ефремова продолжил диалектологические исследования в Аллаиховском и Усть-Янском районах. В первом работы проводились с 21 ноября по 5 декабря силами С.А. Иванова и Ю.И. Васильева. Здесь ученые охватили изысканиям представителей сел Оленегорск, Нычалах и Боролох (последние проживали в Чокурдахе). Следует отметить, что Оленегорск являлся новым населенным пунктом, жителями которого стало население ликвидированных сел Ожогино, Ойотунг и Котенко. Образован он был в соответствии с Указом Верховного Совета Якутской АССР от 29 декабря 1971 г. в рамках мероприятий по переводу кочевого населения на оседлый образ жизни¹⁶⁴. К 1980 г. на строительство села было израсходовано 6,2 млн руб. Здесь функционировали детский сад, школа с интернатом, участковая больница, Дом культуры с киноустановкой, библиотекой и детской музыкальной школой, служба быта, котельная, дизельная электростанция, отделение связи и др. 165 С.А. Иванов и Ю.И. Васильев собрали 12 диалектологических анкет и одну анкету, специально составленную П.П. Барашковым для аккумулирования материалов по всем говорам якутского языка, записали образцы разговорной речи жителей Оленегорска и Ничалаха.

В Усть-Янском районе отряд работал уже в полном составе. В течение 5—13 декабря С.А. Иванов, Ю.И. Васильев и Н.Н. Ефремов посетили населенные пункты Кулар, Хайыр и Казачье. В них было собрано еще 13 анкет, включая одну специальную, продолжена запись повседневных бесед местных жителей. Участники экспедиции планировали провести исследования также и в с. Сайылык Усть-Янского района, однако не смогли добраться до него из-за нехватки горюче-смазочных материалов и неполготовленности автозимника 166.

В 1985 г. на основании материалов рассмотренных диалектологических экспедиций, проводившихся в колымских и индигирских районах Якутии четырьмя годами ранее, а также анализа научной литературы и опубликованных источниковых материалов М.С. Воронкин представил научный отчет «Диалектная система якутского языка». В работе были прослежены основные вехи образования диалектов якутского языка и их последующего развития. В частности, автор вслед за С.А. Ивановым пришел к вывочто упоминавшиеся ранее «аканье» ду о том, возникли в результате образования двух племенных объединений на территории первоначального расселения якутов. Позднее диалектные явления получили развитие под влиянием языков других народов, включая эвенский и эвенкийский, различной географической среды и «довольно длительной изолированной жизни» в условиях неразвитой сети коммуникаций в Якутии.

М.С. Воронкин рассмотрел проблему современного взаимоотношения местных говоров и литературного языка — под интенсивным воздействием последнего шел «неуклонный процесс
нивелировки диалектных различий». В результате этого говоры
«сильно сдали свои позиции» и стали «предметом специального
исследования» — т.е. оказались уже фактически незаметными
простому обывателю. Выявленные ученым различия в диалектной системе якутского языка были наиболее выражены в области фонетики и лексики. Менее же всего диалектные особенности наблюдались на уровне грамматики, где они представляли
собой «явления, сохраняющиеся в говорах как реликты» 167.

Работа над другими упоминавшимися диалектологическими статьями, материал для которых собирался в ходе рассмотренных выше экспедиций, завершилась уже после распада Советского Союза. Так, дополнительный том диалектологического словаря якутского языка увидел свет в 1995 г. 168, первый том «Диалектологического атласа якутского языка» опубликован в 2004 г., второй — в 2010 г. 169

Кроме того, продолжилось углубленное изучение диалектных зон якутского языка. Если в 70-е гг. ХХ в. М.С. Воронкин исследовал группу северо-западных говоров, то в 1990 г. Е.И. Коркина подготовила капитальный научный отчет по северо-восточной диалектной зоне¹⁷⁰. Написанию отчета предшествовал сбор полевого материала, в котором вместе с ученой принимали участие сотрудники ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР: к.филол.н. Н.Н. Ефремов, м.н.с. Н.И. Попова и стажер-исследователь Р.Р. Жиркова¹⁷¹.

В апреле 1985 г. изыскания проводились в Средне- и Верхнеколымском районах Якутии, а в ноябре – декабре того же года — на Нижней Колыме. В населенных пунктах Алеко-Кюэль, Аргахтах, Арылах (Усун-Кюель), Колымское, Ойусардах, Сватай, Походск, Среднеколымск, Хатынгнах и Черский был осуществлен подробный опрос старожилов, в ходе которого предпринималась попытка выяснить существующие истории о происхождении исследуемых населенных пунктов, миграционные и этнические связи предков информантов, особенности разговорной речи и др. Одновременно исследователи заполняли специальные диалектологические вопросники якутского языка, которые позволяли определить распространенные в ареале изысканий термины родства и оленеводства, названия жилища и его частей, пищевых продуктов, предметов быта, одежды, животных, рыб, растений и др., выявить фонетические и морфологические особенности местной речи. Всего в ходе колымских экспедиций был заполнен 31 такой вопросник¹⁷².

В марте – апреле следующего года Е.И. Коркина, Н.Н. Ефремов и Н.И. Попова аналогичную работу провели в населенных пунктах Аллаиховского, Абыйского, Момского и Оймяконского районов Якутии — Чокурдахе, Оленегорске, Кебергене, Белой Горе, Буор-Сысы, Томторе и Оймяконе¹⁷³. Исследователи заполнили 42 вопросника, а также собрали дополнительные материалы по разговорной речи якутоязычных местных жителей¹⁷⁴.

Еще 22 вопросника были заполнены во время полевых исследований среди населения Верхоянского и Усть-Янского районов, проводившихся в 1987 г. Одновременно производились и письменные записи образцов речи якутов В 1988 г. Е.И. Коркина работала среди носителей якутского языка, проживающих в Магаданской области В Наконец, в июне 1989 г. были повторно проведены диалектологические исследования в Среднеколымском районе — в селах Алеко-Кюэль, Ойусардах, Сылгы-Ытар, Сватай, Налимск. Сохранившийся архивный материал позволяет предположить, что вопросники здесь больше не заполнялись, а изыскания ограничились беседами со старожилами и письменными записями их ключевых в исследовательском плане моментов В 178.

Отчет «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» 1990 г. и опубликованная спустя 2 года на его основе одноименная монография содержали обстоятельный анализ лексического состава, фонетический, морфологический и синтаксический разбор выделенных в составе зоны говоров: колымского (все три

колымских района), индигирского (Абыйский и Момский районы), оймяконского (Оймяконский район и Магаданская область), усть-янского (Усть-Янский и Аллаиховский районы), а также саккырырского подговора верхоянского говора — относительно самого этого говора автор дала отсылку к исследованиям П.С. Афанасьева. Саккырырский подговор был выделен в связи с имеющимися отличиями, которые были связаны, по мнению Е.И. Коркиной, с активными контактами якутов, проживающих на территории бывшего Саккырырского района, и эвенами. Исследователь отметила специфические черты, характерные для названных выше говоров и подговора в частности и для всей рассматриваемой диалектной зоны в целом. Одновременно она выявила 471 слово (69 — в колымском говоре, 93 — в индигирских, 60 — в оймяконском, 53 — в усть-янском и 53 — в саккырырском подговоре), неизвестное литературному якутскому языку, из которых 174 встречались во всех говорах зоны. Обусловленные названные отличия были сохранением «многих архаических тюркских черт», а также наличием «большого количества элементов, заимствованных из той иноязычной среды, в которой они формировались»¹⁷⁹.

Несколько слов также хотелось бы посвятить описанию бытовых условий, в которых проводилось аккумулирование сведений для подготовки отчета «Северо-восточная диалектная зона якутского языка». По сведениям одного из участников изысканий — Н.Н. Ефремова в районных центрах исследователи проживали в гостинице, в остальных селах останавливались в домах местных жителей. При этом, как правило, за постой не требовалось вносить оплаты. До районных центров участники изысканий добирались на самолете, перемещения же из райцентра в село или между селами осуществлялись преимущественно на автомобильном транспорте 180.

В схожих условиях в 80-е гг. XX в. продолжалось и научное изучение эвенского языка. В 1980 г. на основе материалов, полученных в ходе рассмотренных в предыдущем разделе экспедиций, а также результатов полевых исследований в Аллаиховском районе в 1976 и 1979 гг. Х.И. Дуткин подготовил научный отчет «Аллаиховский говор эвенского языка (язык эвенов рода Дутки)».

На страницах отчета, посвященного родному для него говору, исследователь представил собственную классификацию эвенского языка, который он предложил разделить на два наречия: восточное (Магаданская область, Камчатка, Охотский район Ха-

баровского края, с. Березовка Среднеколымского района ЯАССР) и западное (вся остальные районы Якутии). В результате опроса 52 информантов, проводившегося на основе социолингвистической программы В.И. Цинциус (рассматриваемые исследования, таким образом, продолжали научную традицию, заложенную в 50-е гг. ХХ в.), Х.И. Дуткин составил описание говора эвенов Аллаихи. Исследователь установил общие и особенные черты, характерные для него по сравнению с литературным эвенским языком. По данным автора, их сближали, в частности, «невысокая степень» заимствований из языков других народов, включая юкагирский, чукотский и русский, наличие «общетунгусских и тунгусо-манчжурских языковых параллелей», общность большей части лексического состава.

Вместе с тем именно в области лексики, а также фонетики Х.И. Дуткин установил имеющиеся «значительные расхождения». Например, в местном наречии были крайне слабо представлены термины, связанные с рыболовством. По мнению автора, данный факт свидетельствовал о том, что раньше этим видом деятельности «эвены Аллаиховского района не занимались», либо «занимались попутно». Подтверждением этому также являлось заимствование от якутов способов и орудий промысла, их терминологии. Подобные историко-этнографические экскурсы занимали значительное место в работе Х.И. Дуткина. Так, исследователь рассмотрел историю формирования эвенской этнической общности в районе, традиции межэтнических коммуникаций (эвены, русские старожилы, чукчи, юкагиры и якуты), привел этимологию самоназваний местных родов, проанализировал ряд топонимических терминов Аллаихи с целью выяснения примерного времени появления того или иного этноса на ее территории¹⁸¹.

На базе рассмотренного отчета Х.И. Дуткин подготовил и в 1990 г. защитил диссертацию «Аллаиховский говор эвенов Якутии», а еще через 5 лет опубликовал одноименную монографию 182. В данных работах автор выделил внутри аллаиховского говора два подговора, сохранивших ряд фонетических и лексических различий. Носителями одного из них являлись потомки эвенских родов Дутки, Бугачи и Хулдача, прибывшие на Аллаиху с юго-запада, другого — Деллянкин и Кукуйун, которые перекочевали с верховьев Индигирки.

В 1980 г. в стенах ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР был подготовлен еще один отчет, посвященный эвенскому языку — работа «За-

логи глагола в эвенском языке» 183, принадлежала В.А. Роббеку. Имя этого ученого уже фигурировало в работе в связи с экспедиционными исследованиями в с. Березовка Среднеколымского района (1977, 1979 и 1980 гг.). Как и Х.И. Дуткин, а также ряд других работавших в это время в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР специалистов, В.А. Роббек занимался научным исследованием родного языка. Он родился в Верхнеколымском (ныне Байдунский) наслеге Среднеколымского района Якутской АССР в эвенской семье кочевников-оленеводов. С 1992 по 2008 г. В.А. Роббек возглавлял ИПМНС СО РАН, став первым директором академического института в Якутии из числа представителей коренных малочисленных народов Севера. Упомянутый отчет «Залоги глагола...» был подготовлен В.А. Роббеком на основе кандидатской диссертации, а также полевых материалов, которые он собирал в Березовке ежегодно начиная с 1974 г. 184

Аккумулированы были также результаты полевых исследований в этом населенном пункте, продолжавшиеся с такой же регулярностью вплоть до 1984 г., в отчете «Язык эвенов Березовки», работу над которым В.А. Роббек закончил в 1985 г.

Следует отметить, что до исследований В.А. Роббека говор эвенов Березовки ранее практически не был известен научному миру — отдельные упоминания о нем можно встретить у В.Г. Богораза, проводившего изыскания в Колымском регионе в конце XIX в. Кроме того, в 1964 г. исследования здесь, как мы помним, проводил В.Д. Лебедев, который ограничился подготовкой на их основе небольшого информационного отчета.

В отчете «Язык эвенов Березовки» В.А. Роббек представил пионерный анализ фонетической и морфологической структуры, синтаксического порядка и лексического состава местной эвенской речи, выявил характерные для нее важнейшие отличительные черты. Эти черты, по мнению ученого, обусловливались, прежде всего, длительностью фактически изолированного положения населения Березовки, язык которого вплоть «сравнительно до недавнего времени» не подвергался влиянию русской, якутской, чукотской и юкагирской речи. В результате «не было ни единого раздела фонетики, морфологии», где бы березовский говор «не имел свои отличительные особенности», являвшиеся нехарактерными для других уже описанных говоров эвенского языка¹⁸⁶.

К отчету также прилагались краткий эвено-русский словарь и оригинальная мифологическая сказка «Нелтэк», ранее не за-

фиксированная в эвенском фольклоре. Названные материалы были опубликованы в 1989 г. в монографии «Язык эвенов Березовки» 187.

В 1988 г. описание другого говора эвенского языка — Усть-Янского — подготовил Х.И. Дуткин. В составленном по результатам полевых исследований автора 1976, 1979, 1987 и 1988 гг. в с. Сайылык Усть-Янского района научном отчете были подробно рассмотрены фонетические характеристики гласных и согласных фонем, закономерности сочетания звуков речи, лексический состав языка проживающих в нем эвенов. Х.И. Дуткин установил близость местного говора с языком аллаиховских эвенов. Данный факт, по его мнению, был обусловлен, в первую очередь, тесными контактами усть-янцев и аллаиховцев с якутоязычным населением. В документе, кроме того, были представлены записанные автором 11 фольклорных текстов (сказка, легенда, предание, рассказы, поверья, запев к танцу) на усть-янском говоре эвенского языка с переводом на русский и краткий эвенско-русский словарь, отражающий «наиболее специфичную лексику» 188.

Параллельно велись работы по исследованию юкагирского языка и фольклора, их популяризации и включению в образовательный процесс. Продолжил свои изыскания Г.Н. Курилов. Исходя из сохранившихся приказов о командировках, ученый проводил исследования в Нижне- и Верхнеколымском районах в 1980, 1982, 1983 (дважды), 1986 и 1987 гг. 189 Основываясь на материалах, полученных в ходе этих поездок, Г.Н. Курилов на основе тундренного диалекта разработал кириллическую юкагирскую письменность, подготовил первый букварь, составил юкагирско-русский словарь, содержащий более 10 000 слов 190. Все это расширило возможности использования юкагирского языка, в том числе в школах.

Кроме того, в течение полевых сезонов 1986—1989 гг. экспедиционные исследования по сбору лингвистического и фольклорного материала в Верхнеколымском районе Якутии проводили И.А. Николаева (Институт языкознания АН СССР), Л.Н. Демина, А.Ф. Маликова (ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР) и Л.Н. Жукова (ЯГУ)¹⁹¹.

Основной целью исследований И.А. Николаевой являлось изучение генетических связей юкагирского языка. В диссертации 1988 г. на основе анализа архивного и опубликованного источникового материала, собственных полевых записей она развила положения Е.А. Крейновича о принадлежности языка

юкагиров к уральской языковой семье. Используя сохранившиеся лингвистические данные конца XVII — начала XIX в., И.А. Николаева выявила наличие староюкагирского диалекта, непосредственным предшественником родного языка лесных юкагиров. При этом отмечалось, что тундренный диалект «располагается ближе к некоторым староюкагирским диалектам, чем к современному диалекту верхнеколымских юкагиров...»¹⁹². Данный факт, по мнению ученой, мог объясняться глубокими связями юкагирского населения Нижнеколымского района и эвенов. Соотнося юкагирский язык с языками уральской языковой семьи, И.А. Николаева установила его «примечательные параллели» с восточно-уральскими языками, а также значительные юкагиро-финно-угорские лексические сопоставления¹⁹³. Кроме того, на основе полученных лингвистических данных И.А. Николаевой совместно с учителем Нелемнинской школы В.К. Спиридоновым был подготовлен букварь для юкагирских школ¹⁹⁴.

Аккумулированные же ученой совместно с Л.Н. Жуковой фольклорные материалы, а также тексты, составленные участником ЮКЭ А.Н. Лаптевым, легли в основу двухтомного сборника «Фольклор юкагиров Верхней Колымы» в который вошли более 80 сказок, древних сказаний, рассказов, песен, пословиц, поговорок и загадок¹⁹⁵. Часть из этих материалов, касающихся фольклора юкагиров, была получена в ходе работ IV комплексной фольклорной экспедиции СО АН СССР.

Данная инициатива была предпринята в марте — апреле 1987 г. в Томпонском, Оймяконском, Верхоянском, Момском, Абыйском, Аллаиховском, Верхне-, Средне- и Нижнеколымском районах Якутии с целью сбора материала для юкагирского, эвенского и якутского томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Ее организаторами являлись ИИФФ СО АН СССР и ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР¹⁹⁶.

План научного проекта подготовки и публикации названной серии в конце 70-х гг. XX в. представил руководителям Сибирского отделения Академии наук СССР заместитель директора Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР д.филол.н. А.Б. Соктоев. В 1981 г. Президиум СО АН СССР принял решение о начале работ по ее изданию. В целях координации и направления этих работ в ИИФФ СО АН СССР был создан сектор фольклора народов Сибири, который возглавил А.Б. Соктоев¹⁹⁷. Основная цель планируемой 60-й томной серии: «научное издание выдающихся в художественном отно-

шении фольклорных произведений народов Сибири и Дальнего Востока»¹⁹⁸.

Важнейшим элементом подготовки изданий стала организация комплексных экспедиций по сбору необходимого эмпирического материала, включавшего в том числе уникальные фонографические записи и иллюстрации. Первая из этих экспедиций была направлена в Туву, Хакасию и Горный Алтай в 1983 г. 199 В следующем году участники ІІ комплексной фольклорной экспедиции осуществляли изыскания на территории Приморского и Хабаровского краев²⁰⁰. В 1986 г. проводилась ІІІ комплексная фольклорная экспедиция СО АН СССР, охватившая юго-западные районы Якутии²⁰¹.

В состав IV комплексной экспедиции входили: А.Б. Соктоев (научный руководитель), к.филол.н. А.Е. Аникин, В.Н. Швецов (ИИФФ СО АН СССР), к.филол.н. Г.Н. Курилов (научный руководитель отряда ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР), к.филол.н. В.В. Илларионов, к.и.н. Ж.К. Лебедева, к.филол.н. Л.Д. Нестерова, к.филол.н. С.П. Ойунская, Р.С. Гаврильева, Л.Н. Демина, П.Н. Дмитриев, Х.И. Дуткин, А.Ф. Маликова (ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР), Л.Н. Жукова (ЯГУ), к.иск. В.И. Шейкин, Т. Игнатьева, В. Никифорова, А.А. Томский (Новосибирская консерватория им. М.И. Глинки), а также звукорежиссер Всесоюзной фирмы грамзаписи «Мелодия» (Киев) М.Л. Дидык и фотокорреспондент газеты «Наука в Сибири» (Новосибирск) В.Т. Новиков²⁰².

Финансирование изысканий осуществляли институты-организаторы в соответствии с собственными научно-исследовательскими планами и составом ученых от каждой стороны. Например, ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР выделил 5200 руб. Программа работ предусматривала сбор образцов устного народного творчества и их фиксацию на бумажные носители, производство высококачественных фонозаписей для музыкальных приложений к томам названной ранее серии, а также ее обеспечение фотоиллюстративным материалом. В связи с этим участники экспедиции были относительно неплохо оснащены технически. В их распоряжении имелись фотоаппараты (2 профессиональных — «Nagra» и «Репортер-7а») и 5 бытовых магнитофонов²⁰⁴.

По причине достаточно сжатых сроков экспедиции важное место отводилось предварительному этапу, который включал выявление круга наиболее интересных исполнителей и, в случае необходимости, их сосредоточение в местах проведения полевых работ. Эту подготовительную работу, опираясь на накопленную за годы фольклорных изысканий ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР сеть

информантов и поддержку местных органов власти, осуществили Ж.К. Лебедева и Л.Д. Нестерова (Томпонский район), В.В. Илларионов (Верхоянский и Оймяконский районы), Г.Н. Курилов, А.Ф. Маликова и Л.Н. Демина (Верхне- и Нижнеколымский районы), а также С.П. Ойунская (Абыйский район)²⁰⁵.

Исследования планировалось провести в рамках нескольких сменяющих друг друга маршрутов: 1) Якутск — Хандыга — Тополиное — Хандыга (17—21 марта); 2) Хандыга — Усть-Нера — Томтор — Хандыга (21—25 марта); 3) Хандыга — Зырянка — Нелемное — Зырянка (26–30 марта); 4) Зырянка — Черский — Андрюшкино — Черский (31 марта — 6 апреля); 5) Черский — Чокурдах — Белая Гора — Батагай — Якутск (7–12 апреля). Перед некоторыми из этих маршрутов, в зависимости от профессиональных интересов ученых, должны были происходить изменения в составе участников от ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. Так, если в первых двух маршрутах предполагалось участие эвенскому и якутскому фольклору специалистов ПО Ж.К. Лебедевой и Л.Д. Нестеровой, то в третьем и четвертом, главным образом, знатоков народного творчества юкагиров Г.Н. Курилова, А.Ф. Маликовой, Л.Н. Жуковой, а также П.Н. Дмитриева (фольклор якутов)²⁰⁶.

Однако на научно-организационном заседании экспедиции, состоявшемся 16 марта 1987 г. в стенах ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР было принято решение о расширении географии изысканий за счет населенных пунктов Аллаиховского, Момского и Среднеколымского районов. В результате в ряде районов исследования осуществлялись одновременно.

С 17 по 25 марта участники экспедиции работали в Томпонском и Оймяконском районах, где зафиксировали 132 образца фольклора эвенов и якутов. С 23 по 27 марта исследования проводились в п. Улахан-Чистай (Сасыр) Момского района. Здесь от 6 исполнителей было записано 19 фонографических единиц (7 сказок, 3 песни, 5 легенд и преданий, скороговорка и 3 образца интонирования эвенского хороводного танца «Хэдьэ»). 45 фонографических единиц, включающих 17 сказок, 7 песен, 17 исполнений горлохрипения и звукоподражания, а также описание обычаев, рассказы и легенды исследователи записали при помощи 7 знатоков юкагирского фольклора в с. Нелемное Верхнеколымского района 26—30 марта.

С 29 марта по 11 апреля изыскания осуществлялись в н.п. Быйагныр (Быягныр), Оленегорск и Чокурдах Аллаиховского района: от 5 исполнителей удалось получить 33 образца эвен-

ского и якутского фольклора (5 сказок, 8 рассказов, 7 песен, 6 примеров интонирования танца «Хэдьэ» и сигнального интонирования, 2 отрывка из «Олонхо» и др.). Практически параллельно (31 марта — 11 апреля) велась запись 54 примеров традиционного исполнения якутского фольклора в Абыйском районе. Со 2 по 5 апреля от 6 жителей с. Березовка Среднеколымского района записано 35 фонографических единиц исполнения эвенских песен, легенд, преданий, интонирований, сказок и рассказов.

В эти же сроки проводились работы в селах Андрюшкино и Колымское Нижнеколымского района. Здесь членам экспедиции удалось записать 263 образца фольклора эвенов и юкагиров (168 песен, 10 сказок, рассказов и легенд, 3 шаманские песни и 6 выкриков-команд для оленей получены от знатоков юкагирского народного творчества; 44 песенных импровизации и 4 примера пения в круговом танце — от эвенского). Кроме того, ученые зафиксировали 6 исполнений чукотского и якутского фольклора²⁰⁷. При этом исследователи выявили достаточно любопытную ситуацию, сложившуюся в районе. Ранее уже отмечалось распространение в низовьях Колымы в результате длительного совместного проживания представителей аборигенных этнических сообществ явлений полилингвизма владения тремя языками и более (русский, якутский, эвенский, юкагирский, чукотский). Развитие данного явления и в целом происходившие этнические процессы привели к тому, что юкагиры знали не только юкагирский, но и эвенский, и чукотский фольклор, а эвены — юкагирский и чукотский. В частности, юкагирский фольклор для участников экспедиции исполнили, наряду с 12 юкагирами, 4 эвена²⁰⁸.

Еще 144 фонографические единицы от 28 исполнителей ученым удалось записать в населенных пунктах Верхоянск, Батагай, Боронук, Батагай-Алыта (Саккырыр) и Табалах Верхоянского района (6—9 апреля). Большая часть из них (137) относилась к фольклору якутов и включала 64 песни, 22 сигнальных интонирования, 12 бытовых рассказов, 11 сказок, образцы преданий, благопожеланий, звукового сопровождения народных танцев, горлового и небного пения, а также скороговорку и фрагмент эпического сказания²⁰⁹.

В общей сложности участники экспедиции от 108 сказителей получили 697 образцов фольклора коренных народов арктических районов Якутии. При этом, например, суммарная продолжительность записанного на магнитофон Nagra материала составила 1100 мин (не многим менее активно использовались возможности магнитофона «Репортер»)²¹⁰.

Одновременно в Томпонском, Оймяконском, Верхоянском, Верхне- и Нижнеколымском районах были отсняты 222 фотографии, в которых содержались различные сюжеты материальной культуры и прикладного искусства из музейных коллекций и частных собраний, портретные снимки носителей традиционного фольклора эвенов, юкагиров и якутов, а также мастеров народного промысла. Кроме того, полученные фотоматериалы включали пейзажные и видовые композиции: характерные ландшафты; животный и растительный мир; образцы народных построек; этнические праздники, обряды и ритуалы; традиционные транспортные средства аборигенных этносов Севера и средства передвижения (тягловые животные)²¹¹.

Руководитель экспедиции А.Б. Соктоев при этом отметил, что зафиксированная исследователями оригинальная устная поэзия коренных народов, несмотря ни на что, находит силы «отстаивать свое место в современном мире грохочущих роков и брэйк-дансов, ...огромного давления на нее телевидения, радио, концертно-исполнительской деятельности». Этот «инстинкт самосохранения своей национальной культуры» ученый сравнил с образом репея из «Хаджи-Мурата» Л.Н. Толстого — как тот среди голого поля отстаивал жизнь²¹².

Работа над публикацией полученных материалов и изданием соответствующих томов серии «Памятники фольклора...» в силу комплекса причин, включавших известные последствия экономического кризиса в России в 90-е гг. ХХ в., а также, без преувеличения, огромный фронт работы (в частности, национальный текст обязательно сопровождается русским переводом, а к каждому тому первоначально прилагались грампластинка, а затем компакт-диск, на котором записано «живое» исполнение произведений) растянулась более чем на 2 десятилетия. Так, 25-й том «Фольклор юкагиров» был издан в 2005 г., 27-й — «Якутские народные сказки» — в 2008 г., а 32-й том, посвященный обрядовой поэзии и песням эвенков, увидел свет в 2014 г. Признанием заслуг творческого коллектива серии стало награждение в 2002 г. группы ученых-разработчиков ее концепции Государственной премией Российской Федерации в области науки и техники.

В 1987 г. сбор фольклорного материала в арктических районах Якутии производился также силами П.Е. Ефремова. В течение 22 ноября — 5 декабря в Оленекском и Жиганском рай-

онах ученый записал от 7 местных исполнителей слова якутских и эвенкийских песен и рассказов 213 .

Кроме того, в стенах ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР в рассматриваемый в данном разделе период получило развитие научнотеоретическое направление изучения фольклоров народов Севера. Еще в 1978 г. сотрудник института Ж.К. Лебедева защитила диссертацию «Архаический эпос эвенов. Историческая типология и этнокультурные связи». Однако именно на 80-е гг. XX в. приходится выход в свет важнейших монографических исследований ученой: «Архаический эпос эвенов», «Проблемы изучения ранних форм героического эпоса народностей Крайнего Севера» и «Этнические памятники народов Крайнего Севера». В названных работах Ж.К. Лебедева осуществила анализ сюжетов и образов эвенского эпоса, в том числе в сравнении с сюжетикой и образностью эпических произведений других народов Севера. Известный специалист в области устного народного творчества эвенков Г.И. Варламова считает, что в результате Ж.К. Лебедевой были «заложены в теоретические основы изучения фольклора народов Севера в Якутии»²¹⁴.

Таким образом, в ходе исследований, проведенных в 80-е гг. XX в., в особенности участниками IV комплексной фольклорной экспедиции, ученые получили уникальные сведения, характеризующие самобытное устное народное творчество местного населения и в целом культурное многообразие арктических районов Якутии. На основе аккумулированного материала был подготовлен целый ряд работ, содержащих оригинальные произведения коренных народов региона, а также получила развитие теоретическая часть североведческой фольклористики. Значительных успехов удалось достигнуть и в области изучения региональных особенностей функционирования якутского и эвенского языков в различных районах Заполярной Якутии.

3.4. Развитие международных научных связей

Мобилизованный в ходе реализации рассмотренных выше инициатив комплекс научных знаний позволил отечественным исследователям, когда у них появилась такая возможность, включиться в процессы развития международной научной кооперации. В отношении социогуманитарных инициатив подобная интеграция происходила прежде всего на базе интереса к коренным народам Российской Арктики.

Конечно же, было бы неверным утверждать, что до 80-х гг. XX в. связей между зарубежными учеными из так называемых капиталистических стран и их коллегами из Советского Союза по вопросам аборигенных этносов, проживающих в арктических районах Якутии, не было вовсе. Первоначально процесс развития международных исследовательских контактов был тесно связан с так называемой разрядкой в международных отношениях: снижением «градуса» противостояния социалистических и капиталистических стран, включая главных оппонентов — СССР и США. Так, в течение 1972—1974 гг. между правительствами этих стран был подписан ряд соглашений о взаимодействии в области науки и техники, включая Общее соглашение о контактах, обменах и сотрудничестве (1973 г.)²¹⁵.

В рамках развивавшейся кооперации в том числе была организована Комиссия по советско-американскому сотрудничеству в области гуманитарных наук, включавшая группу этнографов двух стран. Одной из тем работы этой группы являлось «Сравнительное этнографо-антрополого-археологическое изучение аборигенного населения Северной Сибири и Северной Америки». Первым совместным мероприятием разработчиков названной темы стал советско-американский симпозиум «Население Нового Света», проходивший 4—5 октября 1977 г. в Вашингтоне²¹⁶.

В мае 1979 г. состоялись 2-й советско-американский симпозиум «Северные культуры. Этнографо-археологические аспекты», а также заседание советско-американской рабочей группы по проблеме «Взаимодействия культур народов мира». В работе названных форумов со стороны Советского Союза принимали участие сотрудники ИЭ и ИЯ АН СССР: академик Ю.В. Бромлей, профессора Ю.П. Аверкиева, С.А. Арутюнов, В.П. Алексеев, И.С. Гурвич, д.филол.н. Г.А. Меновщиков, д.филол.н. П.Я. Скорик, к.и.н. С.Г. Федорова, к.и.н. М.А. Членов, а также И.И. Крупник и Н.Б. Вахтин — тогда начинающие исследователи, а сейчас одни из ведущих в мире североведов и др.

Научные центры США представляли: профессор Д. Андерсон (факультет антропологии Брауновского университета, г. Провиденс), Э. Бэрч (научный сотрудник Смитсоновского института, г. Вашингтон), профессор М. Краус (Аляскинский центр местных языков, Университет штата Аляска, г. Фэрбенкс), профессор У. Лафлин (лаборатория биологической антропологии, Университет штата Коннектикут, г. Мансфиод), Г. Майкл (научный сотрудник музея Пенсильванского университета, г. Филадельфия) и

Дж. Ван-Стоун (Филдовский музей естественной истории, г. Чи-каго) 217 .

Основная деятельность участников симпозиума и рабочей группы осуществлялась в Москве и Ленинграде. Однако, помимо этого, американские исследователи совершили ознакомительную поездку в г. Якутск, где осмотрели фонды и материалы Якутского краеведческого музея, а также встретились с сотрудниками ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР²¹⁸.

В 1980 г. директор ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР д.филол.н. Е.И. Коркина участвовала в работе консультативного совещания экспертов ЮНЕСКО, состоявшегося в стенах ИИФФ СО АН СССР 26—28 ноября. Совещание было созвано Комиссией СССР по делам ЮНЕСКО в ответ на обращение головного секретариата этой организации к государствам-членам, участвовавшим в реализации программы изучения культур Арктики.

Основным направлением работы форума стало обсуждение проблемы ревитализации языков аборигенных этносов региона. В связи с этим его повестка включала чтение докладов и дискуссии по вопросам современной лингвистической ситуации в 7 приарктических странах — Дании, Канаде, Норвегии, СССР, США, Финляндии и Швеции, а также обсуждение подходов к организации и осуществлению совместных этноязыковых исследований.

Совещание приветственными словами открыли академик, д.и.н. А.П. Окладников (директор ИИФФ СО АН СССР) и представитель секретариата ЮНЕСКО к.и.н. Л.И. Мирошников. В их выступлениях было отмечено огромное культурное и историческое значение сохранения языков коренных народов Арктики, а также обозначен комплекс мероприятий, который был представлен в утвержденной на XXI сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО программе на 1981—1983 гг., и касался изучения северных культур.

Рабочая часть консультативного совещания включала 18 докладов, из которых 12 подготовили советские ученые. В связи с темой данного исследования следует отметить доклады И.С. Гурвича «Современное хозяйство, культура и быт народов Севера в СССР», Е.И. Убрятовой «Создание письменности на языках народов Севера в СССР» и Е.И. Коркиной «Языки народов Севера в Якутии». Представители исследовательских центров Канады, Норвегии, Финляндии и Швеции рассмотрели проблемы сохранения языков и развития национальной культуры у местных саами и эскимосов.

По итогам совещания его участники приняли резолюцию. В ней в том числе отмечалась необходимость издания в 1983 г. коллективной монографии «Ревитализация языков коренных народов Арктики и роль языка как фактора культурной самобытности», публикация которой планировалась на русском (в СССР) и английском (в Канаде) языках под общей редакцией А.П. Окладникова. Кроме того, было рекомендовано проведение в одной из приарктических стран в течение ближайших 3 лет международной научной конференции, посвященной проблемам культурного и социального развития коренных народов Севера²¹⁹.

Однако эти идеи не были воплощены в жизнь. В следующем году А.П. Окладников скончался. Кроме того, до научного сообщества тогда докатилось «эхо» советской интервенции в Афганистан и последующей реакции на нее стран Запада. В результате контакты между учеными из Якутии и представителями зарубежных государств по проблемам изучения коренных народов Арктики были продолжены только после начала «разрядки» в международных отношениях, связанной с приходом к власти в СССР М.С. Горбачева.

Так, с 23 марта до 5 апреля 1986 г. проводился 1-й советскоканадский симпозиум «Этнография: традиционные и современные культуры, традиции и образ жизни коренных народов Севера Советского Союза и Канады», организованный ИЭ АН СССР и Якутским филиалом СО АН СССР. В работе симпозиума в Москве (23—27 марта) принимали участие сотрудники ИЭ АН СССР (И.С. Гурвич, д.и.н. З.П. Соколова, д.и.н. В.И. Васильев, д.и.н. С.И. Вайнштейн, д.и.н. Л.А. Файнберг, к.и.н. А.В. Смоляк, к.и.н. Л.П. Кузьмина, к.и.н. М.Я. Устинова и др.), канадские специалисты Г. Финклер (управление по научным программам в Северо-Западных территориях), А. Тунрулук (указан как эксперт по «вопросам северного бизнеса») и их переводчица И. Сахарова.

28 марта названные участники симпозиума из Канады в сопровождении сотрудников ИЭ АН СССР к.и.н. М.Я. Жорницкой и В.А. Парицкого прилетели в Якутск. Здесь после встречи с зам. председателя Совета Министров ЯАССР В.И. Федоровым работа форума была продолжена. Обращает на себя внимание также состав президиума якутской части симпозиума. В него, в частности, вошли заместитель председателя Президиума ЯФ СО АН СССР, к.т.н. И.П. Первенцев, директор ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, д.и.н. В.Н. Иванов, ученый секретарь Президиума ЯФ СО АН СССР В.П. Гурьев, д.б.н., профессор В.Н. Андреев (Институт

биологии ЯФ СО АН СССР) и др. Встреча с одним из руководителей республики и представительство ученых в президиуме показывает, какое значение придавалось тогда приезду, в общем-то, рядовой по составу канадской делегации.

В своем выступлении И.П. Первенцев назвал научно-исследовательские программы («Сибирь», «Народности Севера», «Социальное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса») и структуры, в рамках которых в филиале велось изучение различных проблем жизнедеятельности коренных народов Севера (ИЯЛИ, отдел экономики, Институт биологии, ИФТПС СО ЯФ АН СССР, ЯГУ, ЯНИИСХ). Г. Финклер рассказал о деятельности государственных органов Канады по развитию культуры и хозяйства аборигенного населения северных районов страны. С докладами выступили и сотрудники Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР к.и.н. И.А. Аргунов («Социальное развитие якутского народа»), к.филол.н. А.Н. Мыреева (характеристика работы сектора северной филологии ИЯЛИ), к.филол.н. В.А. Роббек (об исследовании эвенского языка), к.филол.н. Г.Н. Курилов (об изучении юкагирского языка и фольклора в ИЯЛИ), к.филол.н. В.Т. Петров (о подготовке 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»).

29 марта канадская делегация, М.Я. Жорницкая и В.А. Парицкий вылетели из Якутска через п. Хандыга в с. Тополиное Томпонского района — место компактного проживания эвенов. Из Тополиного исследователи отправились на вертолете в оленеводческую бригаду, пробыв в ней один день. 1 апреля они прибыли в с. Крест-Хальджай — административный центр Баягантайского сельского совета Томпонского района, где ознакомились с практикой ведения табунного коневодства. 2—3 апреля канадские участники симпозиума вновь работали в Якутске. Здесь они встретились с председателем Президиума ЯФ СО АН СССР академиком Н.В. Черским, посетили литературный, археологический и геологический музеи²²⁰.

Через два года в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР вновь принимали делегацию из Канады. 14 июня 1988 г. состоялась встреча сотрудников института — В.Н. Иванова, ученого секретаря, к.г.н. Е.Н. Федоровой, зав. секторами И.А. Аргунова, В.А. Роббека, Ж.К. Лебедевой, к.филол.н., с.н.с. А.Н. Мыреевой, к.филол.н., н.с. Г.И. Варламовой, м.н.с. Х.И. Дуткина, А.А. Даниловой, Н.Е. Кудриной и лаборанта Н.Н. Дьяконовой — со специалистами Институ-

та Дюмона (г. Саскачеван) Э. Нефилдом, Д. Дагдиком и Р. Скэйсом. Основное внимание в ходе встречи уделялось обсуждению вопросов организации обучения представителей коренных народов Якутии и провинций Канады на родных языках²²¹.

С 15 августа по 15 сентября 1988 г. в Якутии работал профессор, зам. директора Института полярных исследований им. В. Скотта Кембриджского университета (Великобритания) П. Витебски. Первоначально он принимал участие во Всесоюзной конференции археологов «Проблема прародины человека», посвященной открытию стоянки Диринг-Юрях.

24 августа британский ученый в сопровождении к.и.н., м.н.с. ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР П.А. Слепцова вылетел в п. Батагай, откуда отправился в с. Батагай-Алыта Верхоянского района — место компактного проживания эвенов, основой хозяйствования которых являлось оленеводство. Здесь исследователи задержались на 4 дня. В течение этого времени П. Витебски провел опрос местных старожилов, ознакомился с деятельностью совхоза «Кировский». После кратковременного возвращения в Якутск ученые посетили еще один населенный пункт, в котором хорошо представлены эвены: с. Себян-Кюель Кобяйского района. Пробыв в Себян-Кюеле 2 дня П. Витебски и П.А. Слепцов на лошадях направились в оленеводческую бригаду, располагавшуюся в 80 км от села. Путь в стадо занял 2 дня. В бригаде исследователи пробыли в течение 5-7 сентября. П. Витебски продолжил опрос старожилов, знакомство с хозяйственной деятельностью и бытом оленеводов, принял участие в корализации (сортировка стада для проведения зоотехнических и ветеринарных мероприятий) животных.

Вернувшись в Себян-Кюель, британский ученый с помощью П.А. Слепцова изучил документацию местного совхоза, взял интервью у сотрудника НИИ национальных школ О.Н. Кейметиновой, опросил несколько местных жителей. 14—15 сентября в Якутске П. Витебски встретился с ведущим специалистом по этнографии якутов к.и.н. А.И. Гоголевым (ЯГУ) и В.А. Роббеком²²². Обращает на себя внимание роль П.А. Слепцова в ходе исследований. Фактически этот квалифицированный ученый выступал как простой сопровождающий и переводчик, а не как полноправный участник непосредственной научно-исследовательской деятельности. Такой формат сотрудничества российских и зарубежных исследователей, к сожалению, будет часто встречаться в последующий период истории отечественной науки.

В декабре 1988 г. Ф.С. Донской и д.э.н. Е.Г. Егоров (ИЭКОПРС ЯФ СО АН СССР) принимали участие в работе Ленинградской конференции приарктических государств по координации научных исследований в Арктике. Этот форум, ставший одним из этапных в процессе развития международного научного сотрудничества в регионе, объединил около 500 ученых из 15 стран мира²²³.

В ходе своего выступления Е.Г. Егоров отметил стагнацию в развитии и низкий уровень жизни аборигенных этносов Севера. Среди путей выхода из сложившейся ситуации ученый назвал передачу коренным народам приоритетного права на использование природных ресурсов (реки, озера, леса и пастбища), улучшение условий жизни северян (развитие инфраструктуры) и повышение показателей трудовой занятости²²⁴.

Ф.С. Донской для расширения обмена опытом при решении проблем коренного населения Арктики предложил создать Национальный и Международный комитеты по координации научных исследований в регионе, которые должны были включать несколько секций: социально-экономических проблем, медикобиологических проблем, охраны окружающей среды, национального языка и культурного развития народов Арктики и др.²²⁵

В этой связи следует отметить, что одним из важнейших итогов работы Ленинградской конференции стало согласование учеными идеи создания Международного комитета по арктическим исследованиям, который должен координировать программы по естественным и общественным наукам, фундаментальные и прикладные исследования в различных областях международного научного сотрудничества в Арктике. Международный арктический научный комитет был создан в 1990 г.

Таким образом, в 1980-е гг. международные связи советских североведов получили существенный импульс. Однако взаимодействие отечественных и зарубежных ученых в этот период еще не привело к реализации совместных исследовательских проектов, а скорее только создавало предпосылки для будущих интеграционных процессов.

* * *

В рассмотренный период получили развитие направления и проблематика исследований, успешно разрабатываемые учеными ранее. В частности, было продолжено изучение истории заселения арктических районов Якутии древним человеком. Археологи

смогли выявить новые памятники на Колыме, Индигирке и Яне. Достаточно активному исследованию в связи с планируемым строительством ГЭС подвергся бассейн р. Адычи. Проведенные раскопки на о. Жохова позволили продвинуть на север известные границы постоянного проживания человека в период около 8 тыс. лет назал.

Одним из важнейших результатов проделанной учеными в 1980—1991 гг. работы стала мобилизация комплекса эмпирического материала и скрупулезный анализ особенностей и характерных черт второй преимущественно распространенной в арктических районах Якутии диалектной зоны якутского языка — северо-восточной.

В области эвенского языка эти годы также ознаменовались дальнейшей разработкой проблемы его диалектных различий. В частности, в 80-е гг. ХХ в. были подведены итоги начатому в предыдущие десятилетия научному анализу аллаиховского, березовского и усть-янского говоров языка эвенов. Довольно успешными оказались изыскания юкагироведов в плане как выяснения генетических связей юкагирского языка, так и внедрения результатов научных исследований в образовательный процесс.

Однако при этом ученые привнесли новые подходы, как, например, в ходе самой масштабной в истории изучения фольклора в арктических районах Якутии IV комплексной фольклорной экспедиции СО АН СССР и оригинальной Колымской лингвоэтнографической экспедиции.

В целом под влиянием развития научной мысли и методологии исследований, а также изменений в общественно-политическом положении в Советском Союзе в рассмотренный период произошли серьезные изменения в самой «структуре» исследовательской деятельности. В этот период проводились первые в истории Заполярной Якутии генетико-демографические изыскания, положившие начало тесной интеграции естественных и социогуманитарных исследований при изучении аборигенных этносов региона.

Кроме того, начался пересмотр устоявшихся в советском североведении догм и подходов, произошла переоценка последствий трансформационных процессов советского периода истории для судеб коренных народов, возросла степень «критического начала» в исследованиях. Хотя подобная направленность «наберет максимальные обороты» в последнее десятилетие XX в., в период, рассмотренный в данной главе, фактически были оп-

ределены ее узловые моменты: негативное воздействие интенсивного промышленного освоения, а также ряда мер административного характера, включая перевод на оседлость, укрупнение поселений и хозяйств и др. При этом, как было установлено, именно ученые, представляющие академические учреждения Якутии, стали одними из активных акторов распространения этих подходов в оценке влияния проводившейся в советский период отечественной истории государственной политики на коренные малочисленные народы Севера.

Следует отметить, что подобное расширение спектра научных разысканий имело под собой в том числе и кадровое обеспечение. Например, к 1991 г. в ЯИЯЛИ СО АН СССР работали уже 147 научных и научно-технических сотрудников. Напомню, что в 1950 г. штат института составлял всего 19 чел. В стенах еще одного ключевого актора — ИЭКОПРС СО АН СССР — к концу рассматриваемого периода трудились 127 научных и научно-технических сотрудников²²⁶. Конечно же, далеко не все из этих специалистов были ориентированы на исследования в Заполярной Якутии, однако указанная динамика численности вполне репрезентативно отражает произошедшее изменения в количественном составе североведов. Важную роль в этом отношении играла подготовка кадров, ориентированных на исследования в высоких широтах. Помимо ЛГПУ и структур Якутского филиала АН СССР, через аспирантуру в 1980-е гг. ее осуществляли в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Институте языкознания, Институте социологических исследований АН СССР и др. 227 В связи с этим показательно, что если для начала рассматриваемого периода большим событием стала подготовка И.С. Гурвичем кандидатской диссертации, посвященной якутам Оленека и Анабара, то только за 1988-1991 гг. по арктической пробематике и лишь из упомянутых исследователей защитили квалификационные работы аналогичного уровня Х.И. Дуткин, В.А. Кашин, С.П. Кистенев, И.А. Николаева и О.Л. Посух.

Интересным явлением этого периода стало также развитие сотрудничества с исследователями из других стран арктического региона по вопросам научного изучения коренных народов, проживающих в арктических районах Якутии. Хотя фактически оно носило эпизодические черты, однако уже вскоре, в том числе благодаря контактам, установленным в 80-е гг. ХХв., приобрело совершенно иное значение.

Послесловие

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить, что рассмотренный в книге период характеризовался значительной интенсификацией исследовательской деятельности социогуманитарного характера в арктических районах Якутии. Данный процесс был обусловлен совокупностью ряда факторов.

Неоднократно отмеченный ритмичный рост интереса властей к освоению природных ресурсов региона автоматически «вытягивал» за собой не только естественно-научные дисциплины, но и рассмотренные в представленной работе. Одновременное усиление внимания управленческих структур к проблемам коренных народов Севера привело к принятию ряда важнейших нормативных актов Советом Министров СССР, ЦК КПСС и ведомственными организациями. Любопытно, что, с одной стороны, данные документы в определенной степени стали следствием деятельности научного сообщества: в них были отражены результаты проводившихся исследований и рекомендации, разработанные учеными по их итогам. В то же время подготовка и выход в свет этих решений приводили к активизации процесса научного изучения арктических районов страны.

Еще одним определяющим фактором, безусловно, стало увеличение исследовательских возможностей Академии наук СССР, опиравшейся, в первую очередь, на значительную государственную поддержку. В этом отношении, во-первых, следует отметить, расширение региональной сети научно-исследовательских учреждений АН СССР. Именно в рамках этого процесса в Якутии появились сначала база, а затем филиал Академии наук СССР, состав которого каждое десятилетие пополнялся новыми академическими институтами. Во-вторых, рассмотренный временной промежуток характеризовался институализацией североведческих исследований в системе Академии наук СССР (создание в 1955 г. в ИЭ АН СССР сектора Севера, в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР в 1969 г. — сектора северной филологии и в 1989 г. отдела гуманитарных проблем Севера, в 1980 г. — сектора соци-

ально-демографических проблем Севера в ИСИ АН СССР). В этой связи нельзя отдельно не отметить и прямо вытекающее из логики происходивших в течение конца 1940-х — 1991 гг. структурных изменений решение о создании академического Института проблем малочисленных народов Севера.

Следует упомянуть и такое обстоятельство, как повышение доступности изысканий в экономическом, логистическом и временном отношениях, обусловленное внедрением новых видов транспорта и сосредоточением аборигенных этносов арктических районов Якутии в достаточно локальных ареалах, которые были вызваны проводившейся политикой коллективизации и поселкования, а также ликвидацией «неперспективных» населенных пунктов.

Как уже отмечалось, выделенные главы со значительной степенью условности можно рассматривать как определенные этапы в развитии научного познания Заполярной Якутии в пределах рассмотренного периода. Так, в 1950-е гг. произошел резкий всплеск исследовательской активности, началась систематиразработка комплекса вопросов социогуманитарного характера. В эти годы осуществилось сплошное этнографическое изучение коренных народов, проживающих в арктических районах Якутии, был дан старт планомерному накоплению материалов, характеризующих язык и фольклор эвенов, юкагиров и якутов, а также социально-экономическое положение населения региона. Значительную часть из отмеченных выше направлений научного поиска вобрала в себя Юкагирская комплексная экспедиция, участники которой внесли неоценимый вклад не только в исследование юкагирского этноса, но и других коренных народов Заполярной Якутии.

Важнейшую роль в развитии проводившихся в 50-е гг. XX в. изысканий, за исключением работ в области якутской лингвистики и фольклористики, играли специалисты, либо приглашенные в академические институты Якутии из западных регионов Советского Союза, либо постоянно работавшие в центральных научных учреждениях страны и посещавшие республику для участия в полевых исследованиях. При этом в какой-то степени данный этап являлся переходным. В частности, еще наблюдалась характерная для более ранних периодов междисциплинарность («энциклопедичность») изысканий на уровне отдельно взятого специалиста. Вместе с тем параллельно происходило углубление специализации ученых. Важной характеристикой

этапа стало превращение представителей коренных малочисленных народов Севера из объектов научного познания в активные участники этого процесса. Начало формирования данной тенденции относится к 1920—1930-м гг., однако именно в 50-е гг. XX в. она получила фактически необратимый импульс и в последующем только набирала обороты.

Возможно, в том числе в силу данного факта в течение 1960-1970-х гг. проводившиеся ранее изыскания получили качественное развитие, включавшее систематизацию, обобщение и углубленный анализ аккумулированного ранее эмпирического материала по ряду направлений. Наиболее очевидный пример научное изучение якутского языка, где исследователи перешли от сбора первичных материалов, описания отдельных говоров к систематизации и обобщению мобилизованных сведений. Именно в эти годы началось последовательное археологическое изучение арктических районов Якутии, осуществлявшееся, в первую очередь, силами участников Приленской археологической экспедиции. Значительным разнообразием характеризовались направления научного поиска экономистов и социологов, важным вектором изысканий которых оказались поиски путей повышения качества жизни коренных малочисленных народов Севера. При этом ученые, на постоянной основе работающие в академических учреждениях Якутии, выходят на первый план уже не только при изучении якутского языка, но и в области исследования социально-экономических вопросов, эвенского и юкагирского языков и фольклора. Исключением стали работы историко-этнографического плана, проводившиеся преимущественно специалистами из других регионов СССР.

Следующее суждение будет справедливо по отношению ко всему рассмотренному периоду, однако в первую очередь именно материал, представленный при характеристике 60—70-х гг. XX в., свидетельствует о закреплении статуса арктических районов Якутии как особой географической области научного знания и разработке в этой связи специальных социогуманитарных инициатив, направленных на их исследование. Особняком в этом отношении стоит Якутская северная комплексная экспедиция 1964—1965 гг. Она стала первой академической инициативой, в которой на основе исследований широкого спектра социально-экономических, социокультурных, медико-санитарных и транспортно-логистических проблем, охвата практически всей Заполярной Якутии закладывался комплексный подход к обес-

печению развития именно арктических районов республики — региона, требующего к себе специального внимания ученых.

Наконец, 1980-е — 1991 гг. характеризуются новым витком интенсификации интереса к изучению комплекса социогуманитарных проблем в Заполярной Якутии, дальнейшим совершенствованием методологии изысканий, вследствие чего в том числе развиваются междисциплинарные исследования на основе широкого привлечения естественно-научных методов. В эти годы археологическими исследованиями оказывается охвачена не только материковая часть Заполярной Якутии, но и арктический Новосибирский архипелаг; получают значительный импульс оригинальные подходы к разработке проблематики этнокультурного взаимодействия коренных народов региона, как, например, в ходе Колымской лингвоэтнографической экспедиции. Одновременно новыми красками заиграла исследовательская деятельность в области изучения и сохранения языкового и этнокультурного наследия аборигенных этносов, ярким образчиком IV комплексная фольклорная экспедиция СО АН СССР.

Последние годы существования СССР стали во многих отношениях рубежным периодом. Именно тогда первый относительно серьезный импульс получило развитие международных связей исследователей по вопросам изучения коренных народов, проживающих в арктических районах Якутии, в последующем приобретшее уже систематический характер и принципиально иные масштабы. Одновременно произошла переоценка советской действительности для судеб коренных народов Севера. Достаточно быстро те подходы, которые господствовали ранее, уступали свое место позициям, получившим развитие в российском североведении в конце XX столетия. При этом именно ученые, представляющие академические учреждения Якутии, стали одними из активных акторов распространения этих новых подходов в отношении оценки влияния проводившейся в советский период отечественной истории государственной политики на жизнь аборигенных этносов. Данный факт, наряду с положениями, отмеченными выше, свидетельствует об усилении значения научных учреждений Якутии и увеличении роли местных специалистов в организации и проведении социогуманитарных исследований в арктических районах республики в течение рассмотренного в работе периода.

Происходившее на протяжении конца 1940-х — 1991 гг. обогащение исследовательских программ, усиление разнообразия

векторов научного поиска и насыщение новым качеством традиционных направлений изысканий в значительной степени базировалось на ритмичном повышении кадровой обеспеченности процесса научного изучения арктических районов Якутии. Об этом свидетельствуют как увеличение числа защиты квалификационных работ, подготовленных по итогам изысканий в Заполярной Якутии, так и рост численности сотрудников организаций — ведущих акторов процесса социогуманитарного изучения региона.

Среди последних необходимо отметить следующие академические структуры (по частоте упоминания в тексте): ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (г. Якутск), Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (включая его Ленинградскую часть, Москва — Ленинград), отдел экономики [ИЭКОПРС] ЯФ СО АН СССР (г. Якутск), ИИФФ [ОГИ ИЭОПП] СО АН (г. Новосибирск), Институт языкознания АН СССР (также с Ленинградским отделением, Москва — Ленинград), Институт цитологии и генетики СО АН СССР (г. Новосибирск), БИОН БФ СО АН СССР (г. Улан-Удэ), ЛО ИА АН СССР, ИФТПС ЯФ СО АН СССР (г. Якутск), ИСИ АН СССР (г. Москва), ИРЛИ АН СССР (г. Ленинград).

Однако, конечно же, за данными организациями, прежде всего, стояли конкретные имена ученых. Б.В. Белинский, М.С. Воронкин, З.В. Гоголев, Г.Н. Грачева, И.С. Гурвич, Ф.С. Донской, Х.И. Дуткин, Н.В. Емельянов, П.Е. Ефремов, В.А. Кашин, С.П. Кистенев, Е.Д. Конников, Е.И. Коркина, Е.А. Крейнович, Г.Н. Курилов, В.Д. Лебедев, В.М. Михалев, Ю.А. Мочанов, Л.Д. Ришес, В.А. Роббек, В.С. Рыбников, В.А. Туголуков, С.А. Федосеева, С.И. Эверстов и другие исследователи внесли неоценимый вклад в дело научного познания арктических районов Якутии и добились в нем значительных успехов.

В рассмотренный период изысканиями гуманитариев впервые удалось охватить всю Заполярную Якутия, включая все ключевые места компактного проживания коренных малочисленных народов Севера. В результате исследователи сумели выявить в арктических районах значительное число археологических памятников, получить сведения, характеризующие историю заселения региона, установить, что именно здесь находились пределы продвижения древнего человека в высоких широтах; аккумулировать значительный массив данных, позволивших рассмотреть этногенез, проследить трансформацию хозяйствен-

ной деятельности и духовной культуры русских арктических старожилов, эвенков, эвенов, чукчей, юкагиров и якутов.

Лингвисты смогли осветить взаимное влияние языков коренных народов, исследовать все диалекты и выделенные ими диалектные зоны якутского языка, изучить все существующие в регионе говоры эвенского населения, проанализировать тундренный и лесной диалекты юкагиров. У фольклористов получилось выявить и задокументировать целый пласт неизвестных ранее произведений устного народного творчества аборигенных этносов.

Кроме того, ученые регулярно проводили оценку различных аспектов текущего социально-экономического и этнокультурного положения населения арктических районов Якутии. На исторической динамике этих оценок сказывались не только индивидуальные качества исследователей, но в первую очередь общественно-политическая ситуация в стране. В силу господствовавших идеологических установок и имевших место административных препонов работы ученых зачастую носили комплиментарный характер, подчеркивающий заслуги советской власти, критике же подвергались частности. Некоторым исключением стали проводившиеся в период определенной либерализации общественно-политической жизни в Советском Союзе во второй половине 50-х гг. ХХ в. исследования участников Комиссии по проблемам Севера, а в последующем — работы уже перестроечного периода, в которых тональность оценок существенно изменилась.

Проведенные в течение рассмотренного периода изыскания позволили определить комплекс мер, необходимых для улучшения социально-экономического положения населения арктических районов Якутии, разработать специализированные подходы к исследованию различных вопросов повышения качества жизни аборигенных этносов региона. Часть рассмотренных исследований осуществлялась в непосредственной связи с доминантной ресурсной моделью освоения арктических пространств Советского Союза и была направлена в том числе на обеспечение потребностей форсированного промышленного развития Заполярной Якутии.

Наряду с этим сотрудники Академии наук СССР проводили изыскания, ориентированные на доказательство необходимости корреляции индустриального освоения Севера с развитием промыслового и сельского хозяйства, улучшением инфраструктуры арктических сел, т.е. подразумевали поиск баланса и учет инте-

ресов иных, помимо горнодобывающих и связанных с ними, отраслей. За подобными исследованиями в том числе стояли очевидные попытки ученых повлиять на решения, принимаемые органами власти и побудить их если не к полному пересмотру, то к изменениям в проводившейся государственной политике. В случае с Якутской северной комплексной экспедицией, результаты которой предполагали совершенствование параметров «очагового» способа освоения, поддерживаемый союзными властями ресурсный подход остался господствующим вплоть до конца советской эпохи истории России. В конечном итоге этот подход стал одним из раздражающих факторов для коренного населения региона, что особенно отчетливо проявилось в конце XX столетия в период ослабления позиций «центра» и обострения межнациональных отношений в стране.

Не стала пересматриваться и языковая политика в отношении аборигенных этносов Севера, как это предполагали социолингвистические исследования 1965—1969 гг., инициированные В.А. Аврориным. В других же случаях, как, например, при упомянутой выше подготовке ряда важнейших правительственных решений, касающихся развития аборигенных этносов Севера — постановлений Совета Министров РСФСР 1954 и 1956 гг., ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1957 и 1980 гг., создании Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики в 1987 г., а также Эвено-Бытантайского национального района в 1989 г. наработки ученых находили достаточно неплохой отклик в плане практической реализации.

Одним из важнейших результатов работы исследователей в период 1949—1991 гг., их несомненной заслугой, как представляется, является существенный рост этнического самосознания, чувства гордости к своей национальной принадлежности со стороны коренных малочисленных народов Севера, который был достигнут в том числе за счет ритмичного проведения изысканий в местах их компактного проживания, привлечения на основе полученных материалов внимания к уникальной культуре аборигенных этносов.

При этом следует отметить, что позиции представителей научного сообщества по ряду ключевых вопросов развития северных территорий не всегда были едиными. Например, И.С. Гурвич в своих работах высказывался против укрупнения коллективных хозяйств региона (соответственно и их центральных усадеб), в то время как участники Якутской северной ком-

плексной экспедиции считали такую меру единственно возможным способом кардинального улучшения социально-экономического положения коренного населения.

В конечном итоге именно подобная вариативность взглядов и подходов, а главное — непрерывно обогащающийся спектр направлений и проблематики изысканий, совершенствование инструментария исследовательской деятельности позволили ученым в рассмотренный период значительно расширить горизонты научного познания арктических районов Якутии.

Краткие биографические сведения об исследователях, принимавших участие в научном изучении арктических районов Якутии в 1949—1991 гг.

Афанасьев Петр Саввич (1928-2000) — советский и российский лингвист, специалист в области якутской диалектологии, лексикологии и лексикографии, кандидат филологических наук (1965). Родился в І Тогусском наслеге Мастахского улуса Вилюйского округа ЯАССР. В 1955 г. окончил Якутский государственный педагогический институт. В 1955-1958 гг. - аспирант ЯФ (СО) АН СССР; в 1958-1968 гг. младший научный сотрудник, в 1968-1969 гг. - старший научный сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. С 1969 по 1986 г. — преподаватель кафедры якутского языка и литературы ЯГУ. В 1986-2000 гг. - старший научный сотрудник, в.н.с. ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (РАН) / ИГИ АН РС (Я). Кандидатская диссертация «Говор верхоянских якутов». Автор одноименной монографии (1965) и соавтор «Диалектологического словаря якутского языка» (1976). Ист. Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН: Биобиблиогр. справ. / отв. ред. Н.И. Попова, Т.В. Аргунова; авторы-составители Е.П. Антонов, А.И. Архипова, П.И. Докторов, С.Е. Никитина. — Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2020. — С. 168–169.

Барашков Петр Петрович (1910-1990) - советский лингвист, специалист по фонетике и диалектологии якутского языка, заслуженный работник культуры ЯАССР (1985). Родился во ІІ Суоттунском наслеге Борогонского улуса Якутской области. Учился в Якутском государственном педагогическом институте. В 1929–1934 гг. — учитель, директор начальной и неполной средней школ, председатель колхоза в Чурапчинском улусе. В 1934—1937 гг. — преподаватель якутской литературы и языка на Якутском педрабфаке. С 1937 по 1990 г. (с перерывом на военные годы) был сотрудником НИИЯЛИ при СНК ЯАССР / ИЯЛИ (ЯНИБ) ЯФ СО АН СССР. В 1941-1945 гг. - участник Великой Отечественной войны, был ранен, награжден медалью «За отвагу». Разработчик программ и участник диалектологических исследований в районах Якутии. Проводил изыскания в Аллаиховском, Жиганском, Оленекском и Булунском районах. Автор около 100 научных работ. включая монографию «Фонетические особенности говоров якутского языка» (1986)». Ист. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 387; Оп. 6. Д. 280; Оп. 12. Д. 96, 129, 132. Сегодня о Барашкове Петре Петровиче // ФИЦ ЯНЦ СО РАН. URL: http://prez.ysn.ru/?p=1320 (дата обращения: 20.08.2021); Докторов П.И. Ученые-исследователи Института языка, литературы и истории: Биобиблиогр. справ. – Якутск: ИЯЛИ АН РС (Я), 1995. — C. 40-41.

Белинский Борис Васильевич (1911-1990), советский ученый-экономист, специалист в области экономико-географических проблем транспорта, кандидат географических наук (1964), заслуженный работник народного хозяйства ЯАССР (1981). Родился в Киеве. Окончил Ленинградский институт инженеров водного транспорта (1940). Воевал на фронтах Великой Отечественной войны с 1943 г. - командир стрелкового взвода, был тяжело ранен. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и «За победу над Японией». С 1956 г. сотрудник Якутского филиала АН СССР. В 1972-1986 гг. - зав. сектором экономических проблем транспорта отдела экономики ЯФ СО АН СССР, в 1986—1990 гг. — старший научный сотрудник ИЭКОПРС ЯФ СО АН СССР. Значительная часть исследований посвящена поискам оптимальных траекторий развития транспортной системы Заполярной Якутии. Участник СВКЭ (1959–1962) и ЯСКЭ (1964–1965). Кандидатская диссертация «Экономико-географические проблемы комплексного развития транспорта в Янском бассейне ЯАССР». Автор и соавтор более 60 научных работ, в том числе 6 монографий. Ист. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 241, 257, 259, 263, 291, 296; Оп. 10. Д. 1; Архив СВФУ, личное дело Б.В. Белинского.

Воронкин Михаил Спиридонович (1923-2016), советский и российский лингвист, доктор филологических наук (1988), заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия) (1994). Родился в Оргетском наслеге Верхне-Вилюйского улуса Вилюйского округа ЯАССР. В 1954 г. окончил Якутский педагогический институт. В 40-50-е гг. ХХ в. - школьный учитель начальных классов, преподаватель педучилища, инспектор районо; в 1958-1961 гг. — аспирант ЯФ СО АН СССР. С 1961 г. младший научный сотрудник, в 1972—1989 гг. — старший научный сотрудник, 1989-2003 гг. - ведущий научный сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (РАН) / ИГИ АН РС (Я). В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Есейский говор якутского языка» (научный руководитель Л.Н. Харитонов). Докторская диссертация «Диалектная система якутского языка: образование, взаимодействие с литературным языком и структура». На протяжении исследовательской работы целенаправленно занимался систематизацией и классификацией говоров якутского языка; проводил полевые исследования, в том числе в Заполярной Якутии: Булунском, Анабарском, Оленекском, Жиганском, Абыйском, Аллаиховском, Верхне- и Среднеколымском районах. Автор более 50 научных работ, включая монографию «Северо-западная группа говоров якутского языка» [1984]. Ист. РФА ЯНЦ СО РАН, Ф. 5. Оп. 12. Д. 37, 165, 170, 247, 247а; Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН: Биобиблиогр. справ. / отв. ред. Н.И. Попова. Т.В. Аргунова: авторы-составители Е.П. Антонов, А.И. Архипова, П.И. Докторов, С.Е. Никитина. — Якутск: ИГИиПМНС CO PAH, 2020. — C. 140-141.

Гоголев Захар Васильевич (1911-1974), советский историк и археолог, специалист по истории социально-экономического развития Якутии, заселения региона древним человеком, доктор исторических наук (1973). Родился в Чериктяйском наслеге Борогонского улуса Якутской области. Окончил Якутский педагогический техникум (1931) и Московский институт истории, философии и литературы (1940). В 30-е гг. ХХ в. работал зам. секретаря Якутского обкома комсомола. В 1941-1942 гг. воевал на фронтах Великой Отечественной войны; был дважды ранен; до 1948 г. служил преподавателем Киевского пехотного училиша. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». В 1948-1963 гг. - директор ИЯЛИ ЯНИБ/ЯФ (CO) АН СССР; в 1958-1963 гг. одновременно был заместителем председателя ЯФ СО АН СССР. С 1963 до 1974 г. сотрудник ОГИ ИЭОПП СО АН СССР/ИИФФ СО АН СССР. Организатор и руководитель, начальник археологического отряда ЮКЭ, открывшей Бурулгинскую стоянку древнего человека. Участник экспедиции в Зашиверск в 1969 г. Кандидатская диссертация — «Советско-турецкие отношения в 1919—1923 гг.». Решение о присуждении ученой степени доктора исторических наук, по одним данным, было принято в 1973 г., по другим — в 1976 г. уже после смерти исследователя. Автор и соавтор более 40 научных работ, включая монографии «Юкагиры (историко-этнографический очерк)» (1975) и «Древний Зашиверск. Древнерусский заполярный город» (1977). Ист. Докторов П.И. Ученые-исследователи Института языка, литературы и истории: Биобиблиогр. справ. – Якутск: ИЯЛИ АН РС (Я), 1995. — С. 12-13; Петров П.П. Захар Васильевич Гоголев // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2020. — № 1. — С. 38-42; Шиловский М.В. Они были первыми: Формирование исторического сообщества в Новосибирске в 1960-1970-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. — 2020. — № 1. — С. 192—200.

Грачева Галина Николаевна (1934—1993), советский и российский этнограф, специалист по народам Восточной Сибири, кандидат исторических наук (1974). Родилась в Ленинграде. Пережила блокаду города в годы Великой Отечественной войны. В 1956 г. окончила исторический факультет ЛГУ. Работала архивариусом в Институте истории партии при Ленинградском обкоме КПСС, НИИ вечерних (сменных) и заочных средних школ АПН РСФСР. В 1962—1991 гг. — сотрудник Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР. Провела более 20 полевых сезонов в Российской Арктике, значительная часть которых была посвящена работе на Таймыре. Защитила кандидатскую диссертацию на тему «Ранние представления нганасан о человеке (по материалам погребального обряда XIX — начала XX в.)». В 1987 г. руководила этнографической группой Колымской лингвоэтнографической экспедиции, участники которой проводили исследования в Верхне- и Нижнеколымском районах Якутии. Автор более 100 научных работ.

Погибла в авиакатастрофе на Чукотке, участвуя в совместной с французскими учеными экспедиции. Ист. Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-І. Оп. 2. Д. 1528; Сибирь и Север: персоналии: материалы к учебнику / ред., сост.: Н.Б. Вахтин, А.М. Пиир. — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. — С. 115—116; Грачева Галина Николаевна // МАЭ РАН. URL: http://ethnotest.kunstkamera.ru/ w/index.php?title=Грачева_Галина_ Николаевна (дата обращения: 18.05.2021).

Гурвич Илья Самуилович (1919—1992), советский и российский этнограф, специалист по народам Северо-Востока России, доктор исторических наук (1966), лауреат Государственной премии СССР (1981). Родился в Минске. В 1919 г. с семьей переехал в Москву. По окончании школы в 1937 г. поступил на исторический факультет Московского государственного университета, участвовал в работе этнографического кружка М.О. Косвена, был его председателем; знакомится с С.А. Токаревым. В 1941 г. направлен в распоряжение Народного комиссариата образования Якутской АССР, работал в Оленекской средней школе. Вскоре становится также ученым-корреспондентом НИИЯЛИ при СНК ЯАССР, проводит изыскания в Северо-Западной Якутии. В 1946-1949 гг.: аспирант ИЭ АН СССР, кандидатская диссертация на тему «Оленекские и анабарские якуты (Историко-этнографический очерк)» (научный руководитель С.А. Токарев, 1949). В 1950-1956 гг. сотрудник ИЯЛИ ЯФ АН СССР, проводил исследования в бассейне Колымы, Индигирки, Яны и Лены. В 1956-1992 гг. - работал в ИЭ АН СССР (РАН). В 1959 г. был научным руководителем Юкагирской комплексной экспедиции. В 1965-1986 гг. возглавлял сектор Крайнего Севера и Сибири ИЭ АН СССР. Руководил продолжительными этнографическими экспедициями на Чукотке и Камчатке, в Корякском национальном округе. Автор более 250 научных работ по проблемам североведения, включая монографии «Этническая история Северо-Востока Сибири» (1966), на основе которой подготовлена докторская диссертация, «Юкагиры: историко-этнографический очерк» (1975) и «Культура северных якутов-оленеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа» (1977). Ист. Гурвич Илья Самуилович // Советские историки-якутоведы: Биобиблиогр. справ. – Якутск: Кн. 1973. — С. 23-25; Батьянова Е.П., Жорницкая М.Я. Илья Самуилович Гурвич (1919—1992) // Советская этнография. — 1992. — № 5. — С. 167—172; Докторов П.И. Ученые-исследователи Института языка, литературы и истории: Биобиблиогр. справ. — Якутск: ИЯЛИ АН РС (Я), 1995. — С. 68-69: Батьянова Е.П. Илья Самуилович Гурвич: Этапы жизни и творчества (1919-1992) // Эхо арктической Одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. — Якутск: НБ $PC(\mathfrak{A})$. - C. 14-20.

Донской Феодосий Семенович (1919—2013), советский и российский ученый-северовед, специалист в области социально-экономических

проблем развития коренных малочисленных народов Севера, кандидат экономических наук (1978), Почетный гражданин Республики Саха (Якутия) (2010). Родился во II Мальжагарском наслеге Нюрбинского улуса Вилюйского округа Якутии. В детстве остался сиротой, воспитывался в интернате. По окончании семилетней школы поступил в Якутский техникум пушно-мехового хозяйства; в 1939 г. — на Московский рабочий факультет легкой промышленности. 1939—1945 гг. — служба в армии. Воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Награжден орденом Отечественной войны II степени, двумя медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». После войны работал в редакциях газет «Социалистическая Якутия», «Эдэр коммунист», «Кыым» и «Социалистическая Якутия», Комитете по радиовещанию и телевидению при Совете Министров ЯАССР. В 1967 г. принят в отдел экономики ЯФ СО АН СССР. Зашитил кандидатскую диссертацию на тему «Социально-экономические проблемы переустройства условий труда и быта оленеводов и охотников Крайнего Севера» (научные руководители И.П. Авдеев, В.Н. Антипин). С августа 1981 по июнь 1988 г. — младший, затем старший научный сотрудник сектора социально-демографических проблем народов Севера ИСИ АН СССР. После упразднения сектора Ф.С. Донской вернулся в Якутию и работал ведущим научным сотрудником ИЭКОПРС СО АН СССР (РАН); с 1993 по 2007 г. — главный научный сотрудник ИПМНС СО РАН. Организатор и участник многочисленных экспедиционных исследований в места традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера, в том числе комплексных изысканий в Березовке (1980), Верхоянском и Кобяйском районах (1989), в бассейнах Колымы и Алазеи (1993). Автор и соавтор более 160 научных работ, включая монографию «Проблемы возрождения исчезающих юкагиров» (1996). Разряда законов И концепций, положений важнейших нормативных актов, направленных на обеспечение устойчивого развития аборигенных этносов Российской Арктики. Ист. Сулейманов А.А. Ф.С. Донской и исследование социально-экономических проблем коренных малочисленных народов Севера Якутии в 70-е гг. ХХв. // Таврический научный обозреватель. — 2016. — № 12-1. — С. 19-24; Феодосий Семенович Донской: биобиблиогр, указ. к 100-летию со дня рождения / сост. Е.А. Васильева; отв. ред. С.М. Баишева. — Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2019. — С. 4-9; Винокурова Л.И. Исследователь Российского Севера Феолосий Семенович Лонской: проекты по коренным народам Якутии // Коренные малочисленные народы Российской Федерации: Проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе: сб. науч. ст. по итогам. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар, участием, посвящ, 100-летию Феодосия Семеновича Донского (24 сентября 2019 г., г. Якутск). — Якутск: ИГИиПМНС CO PAH, 2019. — C. 7–13.

Дуткин Христофор Иннокентьевич (1939–2002), советский и российский филолог, специалист в области эвенского языкознания и фольклора, кандидат филологических наук (1990). Родился в с. Ойотунг Аллаиховского района ЯАССР в семье оленевода. В 1966 г. окончил ЛГПИ, работал учителем в Аллаиховском районе, затем трудился в Томской области: районная газета, председатель поселкового совета, учитель. В 1974-1991 гг. - сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. Затем вплоть до 2002 г. — старший научный сотрудник, зав. сектором эвенской филологии ИПМНС СО РАН. Важное место в исследовательской деятельности ученого занимал сбор полевых материалов, характеризующих диалектные особенности, лексический состав эвенского языка, фольклор эвенов. Защитил кандидатскую диссертацию «Аллаиховский говор эвенов Якутии» (научный руководитель О.П. Суник). Автор и соавтор более 40 научных работ, включая монографии «Аллаиховский говор эвенов Якутии» (1995), «Родоплеменной язык эвенов Илкан» (1997), «Вопросы эвенской филологии и этнологии» (1997), 10 учебников и учебных пособий. Ист. РФА ЯНЦ СО РАН, Ф. 5. Оп. 14. Д. 82, 116, 141, 169; Саввинова С. Ученый из Аллаихи // АКМНС РС (Я). URL: http://yakutiakmns.org/archives/3004 (дата обращения: 18.05.2021); Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН: Биобиблиогр. справ. / отв. ред. Н.И. Попова, Т.В. Аргунова; авторы-составители Е.П. Антонов, А.И. Архипова, П.И. Докторов, С.Е. Никитина. — Якутск: ИГИиПМНС CO PAH, 2020. - C. 167-168.

Ефремов Прокопий Елисеевич (1933-1992), советский и российский фольклорист, специалист в области традиционного фольклора долган и якутов. Родился в Югюлятском наслеге Вилюйского улуса. В 1959 г. окончил историко-филологическое отделение ЯГУ. В 50-е гг. ХХ в. работал учителем в школе. 1959-1963 гг. - аспирант ЯФ СО АН СССР, с 1963 по 1992 г. — младший научный, научный сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (РАН). В ходе своих экспедиционных исследований, в том числе на север Якутии: в Анабарский, Булунский, Оленекский, Жиганский и Аллаиховский районы, а также в Арктическую зону Красноярского края собрал образцы якутского и долганского фольклора; был редактором и переводчиком аккумулированных произведений устного народного творчества на русский язык. Важнейший результат работы исследователя — публикация монографии «Долганское олонхо» (1984). Ист. Научный архив СО РАН. Ф. 58. Оп. 1. Л. 12: РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Л. 50a: Оп. 13. Л. 50. 309: Локторов П.И. Ученые-исследователи Института языка, литературы и истории: Биобиблиогр. справ. — Якутск: ИЯЛИ АН РС (Я), 1995. — С. 81; Арктическая энциклопедия. Дополнительные материалы к изданию. — М.: Паулсен, 2017. — С. 87.

Жорницкая Мария Яковлевна (1921—1995), заслуженная артистка ЯАССР, советский и российский этнограф, специалист в области

этнохореографии народов Сибири, кандидат исторических наук (1965). Родилась в Днепропетровске. В 1936-1940 гг. - учащаяся балетного техникума при Киевском академическом театре оперы и балета; в 1940—1941 гг. — артистка балета Украинского государственного академического театра оперы и балета им. И.Я. Франко, в 1941–1944 гг. – солистка балета Лениградского государственного ансамбля оперетты, в 1944—1945 гг. — Красноярского краевого театра музыкальной комедии, 1945—1948 гг. — Якутского музыкально-драматического театра. В 1955 г. окончила историческое отделение Якутского государственного педагогического института. С 1948 до 1970 г. – сотрудник ИЯЛИ ЯНИБ / ЯФ (СО) АН СССР. Занималась исследованием этнической танцевальной культуры русских арктических старожилов, эвенков, эвенов, чукчей, юкагиров и якутов. Проводила обширный сбор полевого материала в различных районах Якутии, включая арктические. Участвовала в работе Юкагирской (1959) и Якутской северной (1964-1965) комплексных экспедиций. Используя полученный материал, активно содействовала постановке этнических танцев в Якутском музыкальнодраматическом театре. Защитила кандидатскую диссертацию на тему «Народные танцы Якутии». В 1970-1995 гг. - сотрудник Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР / этнологии и антропологии РАН. В его стенах продолжила научное изучение традиционных танцев коренных народов Северо-Востока России: ительменов, коряков, чукчей и эскимосов. Автор около 200 научных работ, включая монографии: «Якутские танцы» (1956), «Четыре якутских танца» (1960), «Народные танцы Якутии» (1966), «Северные танцы» (1970), «Хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири» (1983). Ист. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 257; РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359, 369; Докторов П.И. Ученые-исследователи Института языка, литературы и истории: Биобиблиогр. справ. – Якутск: ИЯЛИ АН РС (Я), 1995. — С. 85-86; Батьянова Е.П. Памяти М.Я. Жорницкой // Этнограф. обозр. — 1996. — № 2. — С. 182–185.

Иванов Спиридон Алексеевич (1928—2020), советский и российский лингвист, специалист в области якутской диалектологии, доктор филологических наук (1995), заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия) (2005). Родился во ІІ Кюлетском наслеге Удюгейского улуса Вилюйского округа ЯАССР. В 1948 г. окончил Вилюйское педагогическое училище, в 1956 г. — Якутский государственный педагогический институт. В 1948—1952 гг. — учитель начальных классов, заведующий начальной школой, в 1956—1969 гг. — преподаватель якутского языка и литературы, завуч, заместитель редактора Вилюйской районной газеты, редактор Якутского книжного издательства. С 1969 до 2020 г. — сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (РАН) / ИГИ АН РС(Я) / ИГИиПМНС СО РАН (1969—1986 гг. — младший научный сотрудник, 1986—1999 гг. — научный сотрудник, в 1989—1993 гг. — старший научный сотрудник, 1996—1999 гг. — ведущий научный сотрудник, 2000—2008 гг. —

главный научный сотрудник, в 2008-2020 гг. - старший научный сотрудник). Один из основоположников лингвистической географии как самостоятельного направления якутской диалектологии. При его непосредственном участии составлены атласы диалектных зон якутского языка, основанные в том числе на материалах, полученных ученым в арктических районах Якутии. Автор «Диалектологического атласа якутского языка» (2004, 2010). Темы диссертаций: кандидатской — «Аканье и оканье в говорах якутского языка» (1982, научный руководитель Н.Е. Петров), докторской — «Центральная диалектная зона якутского языка: Фонетика и морфология (в ареально-историческом освещении)» диссертации. Автор более 100 научных и работ, в том числе 4 монографий. Ист. Данилова Н.И. Спиридон Алексеевич Иванов (к 80-летию со дня рождения) // Сев.-Вост. гум. вестн. — 2013. — № 1. — С. 107—108; Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН: Биобиблиогр. справ. / отв. ред. Н.И. Попова, Т.В. Аргунова; авторы-составители Е.П. Антонов, А.И. Архипова, П.И. Докторов, С.Е. Никитина. — Якутск: ИГИиПМНС СО РАН. 2020. — С. 218–219.

Каменецкая Раиса Викторовна (1930–2016), советский этнограф, специалист в области изучения русского старожильческого населения Российской Арктики. Родилась в Ленинграде, окончила исторический факультет ЛГУ (1953). В 1953-1956 гг. работала экскурсоводом в ЛЧ ИЭ АН СССР, зав. фондами Городского краеведческого музея в Таганроге, в 1956—1969 гг. — старший библиотекарь Библиотеки АН СССР. С 1969 до 1989 г. была сотрудником ЛЧ ИЭ АН СССР (1969-1970 гг. - старший научно-технический сотрудник; с 1970 г. - младший научный сотрудник). В 1969 г. участвовала в экспедиции к поморам, в 1971-1973 гг. руководила работами Якутского отряда Северной экспедиции ИЭ АН СССР, проводила исследования в Аллаиховском, Нижнеколымском и Усть-Янском районах. Автор ряда научных статей, посвященных традиционной хозяйственной деятельности русских арктических старожилов Якутии. Ист. Решетов А.М. Раиса Викторовна Каменецкая. К 70-летию со дня рождения // Курьер Петровской Кунсткамеры. — 2004. — Вып. 10-11. — С. 186-190.

Кашин Виталий Александрович (1946—2010), советский и российский археолог, специалист в области изучения палеолита Северо-Востока России, кандидат исторических наук (1991). Родился в 1946 г. в с. Старомлыновка Донецкой области. В 1972 г. окончил историческое отделение историко-филологического факультета ЯГУ. С 1972 по 1991 г. — сотрудник лаборатории археологии ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. В 1979—1982 гг. — обучался в очной аспирантуре ИИФФ СО АН СССР. В 1991—2007 гг. — заведующий сектором археологии, старший научный сотрудник ИПМНС СО РАН, в 2008—2010 гг. — старший научный сотрудник ИГИиПМНС СО РАН. Участник и руководитель отрядов ПАЭ. Возглавлял научную программу археологического изучения арк-

тических районов Якутии ИПМНС СО РАН в кон. XX — нач. XXI в. Проводил исследования в бассейне Колымы и Индигирки. Тема кандидатской диссертации «Палеолит Северо-Восточной Азии (история и итоги исследований 1940—1980 гг.)». Ист. НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6385, 17723, 18646; Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН: Биобиблиогр. справ. / отв. ред. Н.И. Попова, Т.В. Аргунова; авторы-составители Е.П. Антонов, А.И. Архипова, П.И. Докторов, С.Е. Никитина. — Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2020. — С. 239—240.

Кистенев Сергей Павлович (1949-2003), советский и российский археолог, специалист в области научного изучения истории каменного века на Северо-Востоке России, кандидат исторических наук (1990). Родился в Ленске. Окончил историческое отделение историко-филологического факультета ЯГУ (1972). В 1972-1975 гг. - аспирант ЯФ СО АН СССР, в 1975—2003 гг. — лаборант, младший научный сотрудник, научный сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (РАН) / ИГИ АН РС (Я). Постоянный участник, руководитель отрядов ПАЭ. Значительная часть исследовательской деятельности была посвящена работам в Заполярной Якутии, основной фокус при этом приходился на бассейн Колымы. Важнейшим достижением стало открытие самого северного неолитического погребения — Родинкского. Тема кандидатской диссертации «Каменный век бассейна нижней Колымы» (научный руководитель Ю.А. Мочанов). Автор более 20 научных работ. Ист. НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7000, 7858, 7879, 9339, 11571, 12702; Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН: Биобиблиогр. справ. / отв. ред. Н.И. Попова, авторы-составители Е.П. Антонов, Т.В. Аргунова: А.И. Архипова, П.И. Докторов, С.Е. Никитина. — Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2020. — C. 243-244.

Конников Еремей Дмитриевич (1928—1999), советский и российский ученый-экономист, специалист в области экономических проблем развития сельского хозяйства, кандидат экономических наук (1968). Родился в местности Хая Майского ведомства ЯАССР. Окончил Якутский финансовый техникум (1946) и экономический факультет ЛГУ (1954). В 1946—1949 гг. — участковый налоговый инспектор в Усть-Майском районе. В 1954—1993 гг. работал в отделе экономики ЯФ СО АН СССР/ИЭКОПРС СО АН СССР (РАН) (1954-1955 - лаборант, 1956-1958 — старший лаборант, 1959—1972 — младший научный сотрудник, 1973—1993 — старший научный сотрудник). Важное место в исследованиях занимала проработка экономических аспектов развития сельского хозяйства в арктических районах Якутии. Участник Северо-Восточной (1959-1962) и Якутской северной (1964-1965) комплексных экспедиций. Тема кандидатской диссертации «Пути развития и повышения экономической эффективности оленеводства Якутии». Автор монографии «Актуальные вопросы развития оленеводства Якутской АССР» (1971).

Ист. **Архив ЯНЦ СО РАН.** Ф. 1. Оп. 4. Д. 151, 161, 162, 257; Оп. 10. Д. 13; **Архив СВФУ**, личное дело Е.Д. Конникова; Материалы личного архива Е.П. Апросимовой.

Коркина Евдокия Иннокентьевна (1917–2009), советский и российский лингвист, специалист в области грамматики, лексики и диалектологии якутского языка, доктор филологических наук (1970), заслуженный деятель науки РСФСР (1972). Родилась в Кытанахском наслеге Ботурусского (Чурапчинского) улуса Якутской области. В 1936 г. по окончании Якутского сельскохозяйственного техникума принята на работу в Народный комиссариат земледелия Якутской АССР. В 1939 г. поступила в Московский институт философии, литературы и истории, который был закрыт в первые месяцы Великой Отечественной войны. В 1941—1954 гг.: землеустроитель, комсомольский работник, заместитель председателя исполкома Якутского городского совета депутатов трудяшихся, заместитель министра просвещения Якутской АССР. В 1949-1953 гг. училась одновременно в Якутской областной партийной школе и заочно на историческом отделении Якутского государственного педагогического института. В 1954 г. поступила в аспирантуру в ЯФ АН СССР по специальности «якутский язык». С 1958 до 2006 г. работала в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (РАН) / ИГИ АН РС (Я). В 1963-1984 гг. была директором этого института. Значительную часть исследовательской деятельности посвятила анализу диалектных различий в якутском языке. Проводила экспедиционные исследования в Момском, Булунском, Оленекском, Аллаиховском, Абыйском, Верхне-, Средне- и Нижнеколымском районах Якутии. Темы диссертаций: кандидатской — «Формы прошедшего времени в якутском языке», докторской -«Наклонение глагола в якутском языке». Автор свыше 100 научных работ, включая монографию «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» (1992). Ист. Игнатьева В.Б., Попова Н.И., Ефремов Н.Н. Жизнь, посвященная науке: К 80-летию Е.И. Коркиной // Наука и образование. — 1997. — № 4. — С. 157—159; Попова Н.И., Данилова Н.И. Научное наследие Е.И. Коркиной: Истоки, достигнутое, проекция в будущее // Сев.-Вост. гум. вестн. — 2017. — № 4. — С. 96—101; Сулейманов А.А. Во имя сохранения родного языка: Из истории академических экспедиций Е.И. Коркиной в арктические районы Якутии // Сев.-Вост. гум. вестн. — 2017. — № 4. — С. 59—64.

Крейнович Ерухим (Юрий) Абрамович (1906—1985), советский лингвист, специалист по юкагирскому, нивхскому и кетскому языкам, доктор филологических наук (1971). Родился в Невеле. В 1926 г. окончил этнографическое отделение географического факультета ЛГУ. В 1926—1928 гг. работал на Сахалине помощником уполномоченного по Охинскому району, затем — воспитателем туземной школы в с. Хандуза, одновременно исследовал язык, быт и культуру нивхов. В 1928 г. стал аспирантом ЛГУ, преподавателем нивхского языка в Институте народов Севера. В 1930-е гг. работал в Музее антропологии и этнографии

им. Петра Великого АН СССР и Институте народов Севера, где руководил группой палеоазиатских языков, участвовал в экспедиционных исследованиях на нижнем Амуре и Охотском побережье. Подготовил кандидатскую диссертацию «Фонетика нивхского (гиляцкого) языка». В мае 1937 г. арестован, обвинен в контрреволюционной деятельности и шпионаже, осужден на 10 лет лагерей. Отбывал срок на Колыме, где сумел продолжить научное изучение юкагирского языка и собрать материалы по эвенскому языку, переданные позднее Л.Д. Ришес. Освобожден в 1947 г., в следующем году защитил кандидатскую диссертацию, посвяшенную юкагирскому языку. В конце 1948 г. повторно арестован и сослан в Енисейск. Работал фельдшером и занимался исследованиями кетского языка. Освобожден в 1954 г., через год реабилитирован. В течение 1955-1985 гг. работал в ЛО ИЯ АН СССР. Принимал участие в целом ряде экспедиционных изысканий в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера, включая ЮКЭ 1959 г., в ходе которых наряду с лингвистическим и фольклорным собирал также этнографический материал. Докторскую диссертацию посвятил глаголам кетского языка. Автор значительного числа уникальных североведческих работ, в том числе монографии «Юкагирский язык» (1958) и «Исследования и материалы по юкагирскому языку» (1982). Ист. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 442; Роон Т.П., Сирина А.А. Е.А. Крейнович: Жизнь и судьба ученого // Репрессированные этнографы. — Вып. 2. — M.: Восточная литература, 2003. — C. 47—77; Решетов А.М. «Я прошу Вас о своей реабилитации»: Ерухим Абрамович Крейнович (1906-1985 гг.) // Изв. Ин-та наследия Бронислава Пилсудского. — 2005. — № 9. — С. 275—286; Крейнович Ерухим Абрамович // Красноярское общество «Мемориал». URL: https://memorial.krsk. ru/Map/Eniseisk/Kreinovich/0.htm (дата обращения: 17.05.2021).

Курилов Гаврил Николаевич (1938 г. р.), советский и российский филолог, специалист в области юкагирского языкознания и фольклора, доктор филологических наук (2000), заслуженный работник культуры ЯАССР (1985), заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия) (2008). Родился в Олеринской тундре в Нижнеколымском районе ЯАССР. По окончании Хара-Тальской начальной школы работал пастухом в колхозе «Оленевод», затем продолжил обучение в Андрюшкинской семилетней школе. В 1954 г. поступил в Чурапчинское педагогическое училище, после закрытия которого окончил учебу в Якутском педучилище. В 1962 г. окончил ЛГПИ, спустя 6 лет — аспирантуру ЛО ИЯ АН СССР. В 1960-е гг. преподавал русский язык и литературу в Андрюшкинской школе. С 1968 г. — по настоящее время: сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР(РАН)/ИПМНС СО РАН/ИГИИПМНС СО РАН. В разные годы был заведующим секторами северной и палеоазиатской филологии. Важнейшее место в исследовательской деятельности ученого занимала полевая работа в Нижне- и Верхнеколымском районах Якутии по аккумулированию материалов, характеризующих юкагирский язык и фольклор. Темы диссертаций: кандидатской (1969) — «Сложные имена существительные в юкагирском языке» (научный руководитель В.И. Цинциус), докторской - «Лексикологии современного юкагирского языка (развитие лексики и роли якутского языка в заимствовании)». Научный руководитель четырех специалистов, защитивших кандидатские диссертации и продолжающих исследования юкагирского языка. Автор монографий «Сложные имена существительные в юкагирском языке» (1975), «Аффиксальное образование имен существительных» (1980), «Лексикология современного юкагирского языка» (2003), «Современный юкагирский язык (2006), «Юкагирскорусский словарь» (2001). Разработчик орфографии юкагирского языка на основе кириллицы, составил «Правила орфографии в юкагирском языке» (1987) и «Юкагирский букварь» (1987). Один из инициаторов создания и активный участник Ассоциации коренных малочисленных народов Севера в Якутии, был председателем Совета старейшин юкагиров. Ист. Андреева Т.Е. Гаврил Николаевич Курилов — Улуро Адо // Сев.-Вост. гум. вестн. — 2013. — № 1. — С. 118-119; Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН: Биобиблиогр. справ. / отв. ред. Н.И. Попова, Т.В. Аргунова; авторы-составители Е.П. Антонов, А.И. Архипова, П.И. Докторов, С.Е. Никитина. — Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2020. — C. 265-267.

Лебедев Василий Дмитриевич (1934—1982), советский лингвист, специалист по эвенскому языку, кандидат филологических наук (1970). Родился в Догдо-Чыбогалахском наслеге Момского района ЯАССР. В 1954—1957 гг. учился в ЛГПИ; в 1960 г. — окончил историко-филологический факультет ЯГУ. В 1958-1965 гг. — препаратор, лаборант, младший научный сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, в 1965—1967 гг. собкор газеты «Социалистическая Якутия». В 1967 г. поступил в аспирантуру ЛО ИЯ АН СССР, по окончании в 1970-1982 гг. вновь работал в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР младшим научным сотрудником. Изучал диалектные особенности эвенского языка в различных районах Якутии: Момском, Томпонском, Аллаиховском, Верхоянском, Усть-Янском, Абыйском, Средне- и Нижнеколымском. Кандидатская диссертация «Догдо-Чыбогалахский говор эвенов Момского района Якутской АССР». Автор монографий «Язык эвенов Якутии» (1979) и «Охотский диалект эвенского языка» (1982), а также «Правил орфографии эвенского языка» (1980). Признан первым эвенским поэтом. Его именем названа одна из школ Момского района. Ист. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 496; Оп. 14. Д. 39, 52, 69, 74; Докторов П.И. Ученые-исследователи Института языка, литературы и истории: Биобиблиогр. справ. — Якутск: ИЯЛИ АН РС (Я), 1995. — C. 120-121.

Михалев Виктор Михайлович (1954—2014), советский и российский археолог, специалист по изучению технологий производства каменных орудий древним человеком в Якутии, кандидат исторических наук

(1995). Родился в Вилюйске, выпускник ЛГУ (1977). В 1977-1979 гг. лаборант Института геологии ЯФ СО АН СССР; в 1979-1999 гг. - лаборант, младший научный сотрудник, научный сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (РАН) / ИГИ АН РС (Я). В 1999 г. перешел на работу на кафедру археологии и истории Якутии ЯГУ. Многолетний участник исследований, руководитель отрядов в рамках ПАЭ, в том числе в Заполярной Якутии. Проводил изыскания в бассейнах Колымы, Яны, Омолона, на острове Четырехстолбовой. В течение 1986-1989 гг. руководил работами Адычанского отряда ПАЭ. Тема кандидатской диссертации — «Эндемичные типы каменных орудий как исторический источник» (научный руководитель Ю.А. Мочанов). Автор более 20 научных работ. Ист. НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7858, 9339, 12375, 12702, 16134; Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН: Биобиблиогр. справ. / отв. ред. Н.И. Попова, Т.В. Аргунова; авторы-составители Е.П. Антонов, А.И. Архипова, П.И. Докторов, С.Е. Никитина. — Якутск: ИГИиПМНС CO PAH, 2020. — C. 295.

Мочанов Юрий Алексеевич (1934—2020), советский и российский археолог, специалист по истории заселения Северо-Востока России древним человеком, доктор исторических наук (1978), заслуженный деятель науки РФ (1995). Родился в Ленинграде. Окончил исторический факультет ЛГУ (1957). В 1956-1964 гг. работал в Музее Арктики, ЛО ИА АН СССР, был лаборантом в ряде археологических экспедиций, а также начальником отряда археологической экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР в бассейне Вилюя 1963 г. С 1964 по 2004 г. в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (РАН) / ИГИ АН РС (Я), прошел путь от младшего до главного научного сотрудника. В 2004-2017 гг. - заместитель директора по науке Центра арктической археологии и палеоэкологии человека Академии наук РС (Я). Был инициатором и бессменным начальником ПАЭ (1964-2017). Под его руководством исследованиями охвачены обширные территории Восточной Сибири, включая арктическую часть — бассейн р. Берелех, низовья Колымы, Новосибирский архипелаг, Медвежьи острова и др. и открыто более 1000 археологических памятников от древнейшего палеолита до раннеякутской культуры XVIII в. Темы диссертаций: кандидатской — «Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии» (1966), докторской — «Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии». Автор и соавтор более 240 научных работ, в том числе 13 монографий. Ист. Мочанов Юрий Алексеевич // Академия наук РС (Я). URL: https://yakutia.science/person/5e816153fd74aa3202fe729a/Mochanov-Yuriialekseevich (дата обращения: 24.08.2021); Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН: Биобиблиогр. справ. / отв. ред. Н.И. Попова, Т.В. Аргунова; авторы-составители Е.П. Антонов, А.И. Архипова, П.И. Докторов, С.Е. Никитина. — Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2020. — С. 303-305.

Ришес Любовь Давидовна (1904–1971), советский лингвист, специалист по эвенскому языку, кандидат филологических наук (1947). Родилась в Санкт-Петербурге. Окончила географический факультет ЛГУ (1929). В 30-е гг. ХХ в. работала учителем в национальных школах на Охотском побережье и в Бурят-Монголькой АССР, являлась сотрудником Института народов Севера (г. Ленинград). В 1933-1934 гг. осуществила сбор материалов по эвенскому языку в Саккырырском, Булунском и Усть-Янском районах Якутии. В 1940-1941 гг. занималась преподаванием эвенского языка в Магаданской области, в 1941-1943 гг. была литературным сотрудником газеты «Советская Колыма» (г. Магадан). В 1944—1947 гг. училась в аспирантуре Института языкознания АН СССР. Тема кандидатской диссертации — «Арманский диалект эвенского языка». В 1948-1949 гг. — старший научный сотрудник Якутской научно-исследовательской базы АН СССР, 1949—1954 гг. — работала по договорам с издательствами, в 1954—1958 гг. — старший научный сотрудник ИЯЛИ ЯФ АН СССР. В течение 1955-1957 гг. руководила полевыми исследованиями по изучению эвенского языка в Момском, Томпонском, Верхне- и Среднеколымском районах Якутии. Автор и соавтор «Русско-эвенского школьного словаря» (1950). «Русско-эвенского словаря» (1952) и «Эвенско-русского словаря» (1957). Ист. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 27а, 28, 30, 39; Докторов П.И. Ученые-исследователи Института языка, литературы и истории: Биобиблиогр. справ. — Якутск: ИЯЛИ АН РС (Я), 1995. — C. 181–182.

Роббек Василий Афанасьевич (1937-2010), советский и российский филолог, специалист в области эвенского языкознания и фольклора, доктор филологических наук (1992), отличник народного просвещения РФ (1992), заслуженный деятель науки РФ (2001). Родился в Верхнеколымском (сейчас Байдунский) наслеге Среднеколымского района ЯАССР. В 1966 г. окончил факультет народов Крайнего Севера ЛГПУ. В 1950-1960-е гг. работал в органах народного образования, в том числе директором Налимской восьмилетней школы Среднеколымского района, комсомола и в учреждениях культуры. В 1969-1973 гг. - аспирант ЛО ИЯ АН СССР; 1974-2010 гг. - сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР/ИПМНС СО РАН/ИГИИПМНС СО РАН. В течение 1992-2008 гг. возглавлял ИПМНС СО РАН. Проводил исследования, направленные на изучение грамматики, лексики и диалектологии эвенского языка, документации образцов устного народного творчества в местах традиционного проживания эвенов. Тема кандидатской диссертации — «Виды глагола в эвенском языке» (1974, научный руководитель В.И. Цинциус). Степень доктора наук присуждена по совокупности работ по теме «Грамматические категории эвенского глагола в функциональном семантическом контексте». Автор и соавтор более 170 научных работ, в том числе 15 монографий и учебников по эвенскому языку, 10 учебнометодических пособий и 5 словарей по эвенскому языку. Был научным руководителем и консультантом 9 кандидатов и 2 докторов наук, основатель научной школы по теории функциональной грамматики применительно к тунгусо-маньчжурским языкам. Один из инициаторов создания Ассоциации коренных малочисленных народов Севера в Якутии. С 1995 г. принимал активное участие в работе сессии Совета ООН по правам человека. Имя ученого носит Березовская национальная СОШ Среднеколымского района РС (Я). Ист. Петров А.А. Василий Афанасьевич Роббек в Ленинграде — Санкт-Петербурге // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. — 2014. — № 1. — С. 58—62; Башарина З.К. В.А. Роббек — патриот, талантливый организатор образования и науки // Меридиан. — 2016. — № 3. — С. 13—14; Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН: Биобиблиогр. справ. / отв. ред. Н.И. Попова, Т.В. Аргунова; авторы-составители Е.П. Антонов, А.И. Архипова, П.И. Докторов, С.Е. Никитина. — Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2020. — С. 24—27.

Рыбников Валентин Семенович (1902 — после 1982), советский ученый-экономист, специалист по вопросам развития рыбного промысла. Родился в д. Амгинской Амгино-Олекминской волости Олекминского района Якутской области. В 1915-1919 гг. учился в высшем начальном училище в г. Олекминске, в 1920-1921 гг. - в Якутской учительской семинарии, в 1923—1925 гг. — в Якутском педагогическом Окончил Академию коммунистического им. Н.К. Крупской (1932) и Московский институт усовершенствования учителей (1940). В 1920-1923 гг. работал учителем начальной школы в Олекминском уезде. С 1925 по 1932 г.: ликвидатор неграмотности, учитель начальной школы в Олекминском уезде/округе, киномеханик трудовой колонии «Бодрая жизнь», учитель в Калужской области; с 1932 по 1948 г. — зав. учебной частью педрабфака и Якутского медицинского техникума, и.о. директора Якутского педагогического техникума, директор Якутской фельдшерско-акушерской школы и Якутского педагогического государственного института, сотрудник партийных организаций и Наркомздрава Якутии. В 1948—1951 гг. — младший научный сотрудник отдела зоологии, начальник Чочур-Муранской научно-опытной станции ЯНИБ / ЯФ АН СССР, в 1951-1965 гг. - младший научный сотрудник отдела экономики ЯФ (СО) АН СССР. Занимался разповышением экономической работкой вопросов, связанных с эффективности рыбной промышленности в арктических районах Якутии. Участник Северо-Восточной (1959-1962) и Якутской северной (1964-1965) комплексных экспедиций. Ист. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 673. Л. 49-59.

Туголуков Владилен Александрович (1924—1986), советский этнограф, специалист по тунгусоязычным народам России, кандидат исторических наук (1959). Родился в Москве. В 1926 г. семья Туголуковых переехала в г. Орехово-Зуево, где будущий ученый окончил среднюю школу (1941) и работал корреспондентом местной газеты. Принимал участие в строительстве оборонительных сооружений под Москвой.

С 1943 г. — на фронтах Великой Отечественной войны, получил три ранения, награжден медалью «За отвагу». После демобилизации работал в «Комсомольской правде» и учился в Историко-архивном институте (окончил в 1951 г.). По распределению был направлен в г. Николаевскна-Амуре начальником Государственного архива. Здесь начал изучать народы, населяющие Приамурье. В 1954 г. поступил в аспирантуру ИЭ АН СССР, в 1955-1986 гг. - сотрудник сектора Крайнего Севера и Сибири. Участник многочисленных экспедиций, главным образом к тунгусоязычным народам — от Камчатки до Туруханского края. Тема кандидатской диссертации — «Эвенки Охотского побережья». В 1969-1971 гг. работал в Якутии, охватив полевыми исследованиями места традиционного проживания эвенков, эвенов и юкагиров. Автор целого ряда североведческих работ, включая монографии: «Кто вы, юкагиры?» (1979) и «Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири» (1985). Ист. Научный архив ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 12. Д. 1618; Ф. 142. Оп. 2. Д. 82, 86; Батьянова Е.П., Сирина А.А., Смоляк А.В. Владилен Александрович Туголуков // Сиб. этнограф. сборник. — М.: ИЭА РАН, 1999. — Вып. 9: Народы Российского Севера и Сибири. — С. 5-10.

Федосеева Светлана Александровна (1936-2017), советский и российский археолог, специалист по дописьменной истории Северо-Восточной России, доктор исторических наук (1984), Почетный гражданин Республики Саха (Якутия) (2006). Родилась во Владивостоке. В 1958 г. окончила историко-философский факультет Киевского государственного университета. С 1958 до 2004 г. - младший, старший научный сотрудник, заведующая лабораторией археологии, заведующая сектором археологии и истории досоветского периода, заведующая отделом археологии и палеоэкологии человека ИЯЛИ СО АН СССР (РАН) / ИГИ АН РС (Я). 2004—2017 гг. — директор Центра арктической археологии и палеоэкологии человека Академии наук РС (Я). Один из ключевых инициаторов и организаторов ПАЭ. Темы диссертаций: кандидатской — «Древние культуры Верхнего Вилюя» (1964, научный руководитель А.П. Окладников), докторской — «Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии». Автор и соавтор более 100 научных работ и целого ряда археологических открытий в бассейнах рек Лены, Алдана, Вилюя, Витима, Колымы, Индигирки и на северо-западном побережье Охотского моря. Ист. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 359; Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН: Биобиблиогр. справ. / отв. ред. Н.И. Попова, Т.В. Аргунова: авторы-составители Е.П. Антонов. А.И. Архипова. П.И. Докторов, С.Е. Никитина. — Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2020. — C. 24–27.

Эверстов Степан Ильич (1940 г.р.), советский и российский археолог, специалист в области истории появления и развития рыболовства в Восточной Сибири, кандидат исторических наук (1988). Родился в с. Чагда Кобяйского района ЯАССР. В 1972 г. окончил историческое

отделение историко-филологического факультета ЯГУ. В 1972-1973 гг. завуч Ниджилинской восьмилетней школы Кобяйского района, в 1973-1976 гг. — аспирант ЯФ СО АН СССР, в 1976—1977 гг. — рабочий административно-хозяйственной части ЯФ СО АН СССР. С 1977 до 1993 г. работал в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (РАН), прошел путь от лаборанта до старшего научного сотрудника. В 1993-2006 гг. - старший научный сотрудник сектора археологии ИПМНС СО РАН. Затем до 2019 г. работал в Якутской государственной сельскохозяйственной академии преподавателем истории Отечества. Кандидатская диссертация «Рыболовство в каменном веке Восточной Сибири» (научный руководитель Ю.А. Мочанов). Участник и руководитель отрядов ПАЭ, один из основных исполнителей научной программы археологического изучения арктических районов Якутии ИПМНС СО РАН в кон. XX нач. XXI в. Важнейшие позиции в изысканиях занимали работы в арктических районах Якутии и, в первую очередь, в бассейне Индигирки. Автор около 120 научный работ, включая монографии «Рыболовство в Сибири. Каменный век» (1988), «Орудия охоты в эпоху камня и бронзы индигирского Заполярья (к вопросу формирования традиционных форм хозяйства у малочисленных народов Севера)» (2002), «Рыболовный промысел в историко-культурном наследии народа саха» (2012). Ист. НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5700, 7178, 7880, 8524, 17723, 23214; Дьяконов В.М. К 80-летию Степана Ильича Эверстова // ИГИиПМНС CO PAH. URL: http://igi.ysn.ru/?p=176 (дата обращения: 20.05.2021); Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН: Биобиблиогр. справ. / отв. ред. Н.И. Попова, Т.В. Аргунова; авторы-составители Е.П. Антонов, А.И. Архипова, П.И. Докторов, С.Е. Никитина. — Якутск: ИГИиПМНС CO PAH, 2020. — C. 511-512.

Примечания

Предисловие

- ¹ Виттенбург П.В. Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 246 с.; Ширина Д.А. Летопись экспедиций Академии наук СССР на северо-восток Азии в дореволюционный период. Новосибирск: Наука, 1983. 135 с.; Она же. Экспедиционная деятельность Академии наук на северо-востоке Азии, 1861−1917 гг. Новосибирск: Наука, 1993. 202 с.; Она же. Петербургская академия наук и Северо-Восток 1725−1917 гг. Новосибирск: Наука, 1994. 269 с.; Синюков В.В. Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики. М.: Наука, 2000. 324 с.; Ширина Д.А. Россия: Научное исследование Арктики. XVIII в. 1917 г. Новосибирск: Наука, 2001. 189 с.; Сухова Н.Г. Комиссия по снаряжению Русской полярной экспедиции // Комиссии Академии наук в XVIII−XX веках: Исторические очерки. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 170−219 и др.
- ² Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция 1925—1930 гг. Развитие науки в Якутии. Новосибирск: Наука, 2001. 162 с.; Виттенбург Е.П. Комиссия Академии наук по изучению производительных сил Якутской АССР (1925—1930 гг.). Организация и методика работы. Якутск: Бичик, 2008. 200 с.; Ермолаева Ю.Н. Этнографические исследования Якутской экспедиции АН СССР. 1925—1930 гг. // Изв. Алтайск. гос. ун-та. 2009. № 4. С. 54—57; Ширина Д.А. Отечественная Академия наук: научное изучение Арктики и Севера. 1914 1930 гг.: Отчет НИР. Якутск, 2012 // Текущий архив ИГИиПМНС СО РАН. 194 с.; Антонов Е.П., Антонова В.Н. Новое об этнографическом изучении Якутии I комплексной экспедицией АН СССР в 1925—1930 гг. // История науки и техники. 2021. № 3. С. 32—36 и др.
- ³ Тимошенко А.И. Советский опыт освоения Арктики и Северного морского пути: формирование мобилизационной экономики // Историко-экономические исследования. 2013. № 1–2. С. 73–95; Тимошенко А.И., Элерт Э.Х. Россия в Арктике: Проблемы изучения исторического опыта освоения региона // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 3. С. 5–12.
- ⁴ **Карпов В.П., Зубков К.И.** Развитие Российской Арктики: Советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири). М.: Росспэн, 2019. 367 с.
- ⁵ **Новгородов А.И., Антипин В.Н., Еремеев В.Н.** Академия наук организатор научных исследований в Якутии // Академия наук и Сибирь (1917—1957 гг.) / отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск, 1977. С. 266—275.
- ⁶ **Ермолаева Ю.Н.** Российская академия наук и Якутия. XX век // Наука и образование. 2002. № 3. С. 22—27; **Ермолаева Ю.Н.** Российская академия наук и Якутия: XX век.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2005. 31 с.

- ⁷ **Куперштох Н.А.** Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Гео, 2006. 441 с.; **Она же.** Становление академической науки в Якутии и ее вклад в изучение производительных сил Северо-Востока России // Якут. арх. 2012. № 1. С. 9—18.
- 8 **Kupershtokh N.A.** The first Institute for the Humanities of Yakutia // Журн. Сиб. федерал. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 324—334.
- ⁹ Антипина Н.С. Археологические исследования в Якутии // 60 лет научного поиска: сб. науч. тр. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1995. С. 99—111; Архипов Н.Д. Археология Якутии (история, итоги, задачи: XVIII—XX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 419 с.; Академическая наука в Якутии (1949—2009 гг.) / гл. ред. А.Ф. Сафронов. Новосибирск: Гео, 2009. 220 с.; Алексеев Н.А. ИГИиПМНС: этапы истории и перспективы развития // Сев.-Вост. гум. вестн. 2010. № 1. С. 5—9; Данилова Н.И. Изучение грамматического строя якутского языка в функционально-семантическом аспекте // Вестн. Сев.-Вост. федерал. ун-та им. М.К. Аммосова. 2019. № 6. С. 66—76; Попова Н.И. Национальный институт в регионе: Традиции, современные исследования и перспективы развития // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г.М. Василевич: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.И. Миссонова. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2020. С. 8—13 и др.
- ¹⁰ **Калеменева Е.А.** Смена моделей освоения Советского Севера в 1950-е гг. Случай Комиссии по проблемам Севера // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 181—200.
- ¹¹ Соколова З.П. Актуальные проблемы сибиреведения // Советская этнография. 1989. № 6. С. 36—46; Гурвич И.С. Северная экспедиция Института этнографии АН СССР (исследование вопросов материальной и духовной культуры) // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики: сб. науч. тр. М.: НИИК, 1990. С. 198—204; Томилов Н.А. Российское этнографическое сибиреведение XX века (к постановке проблемы) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 92—101; Батьянова Е.П. Северная экспедиция Института этнографии (1956—1991 гг.) // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 17—34; Головнев А.В., Данилова Е.Н. Советская версия этноэкспертизы: докладные записки этнографов-североведов 1950—1990-х гг. // Вестн. археол., антропол. и этногр. 2021. № 1. С. 132—143.
- ¹² **Боякова С.И.** Гуманитарные проблемы Арктики: основные направления научных исследований // Якутия в российском научном пространстве XX нач. XXI в.: гуманитарные исследования / отв. ред. В.Н. Иванов. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 2005. С. 56−70.
- ¹³ Коркина Е.И. Исследования якутских североведов // Письменность народов Сибири. История и перспективы. Новосибирск: ГПНТБ СО АН СССР, 1981. С. 92−95; Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Работы Приленской археологической экспедиции (ПАЭ), Центра арктической археологии и палеоэкологии человека АН РС (Я) в северных районах Якутии // Истоки, формирование и развитие Евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск: Радиан, 2005. С. 35−38; Варламова Г.И. Фольклор народов Севера

и его изучение в Республике Саха (Якутия) // Славянская культура — портал о культуре и истории древних славян. URL: http://slavyanskaya-kultura. ru/slavic/folk/folk/lor-narodov-severa.html (дата обращения: 28.03.2019); Прокопьева П.Е. Юкагироведческие исследования в ИГИиПМНС СО РАН // Сев.-Вост. гум. вестн. — 2015. — № 3. — С. 79—83; Шарина С.И. Вклад якутских исследователей в изучение эвенского языка // Сев.-Вост. гум. вестн. — 2015. — № 3. — С. 72—78.

¹⁴ **Кузьмина** Л.П. Фольклор старожилого населения Русского Устья (к истории его собирания и изучения) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. — Вып. 9. — М.: Наука, 1982. — С. 175—185; **Чарина О.И.** Особенности сказок, зафиксированных от русских старожилов в период работы экспедиций ИГИиПМНС СО РАН в зоне Арктики // Языковая картина мира русских старожилов в контексте взаимодействия с языками и культурами народов России: сб. материалов Всерос. с междунар. участием науч.-практ. онлайн-конференции. — Чебоксары: ИД Среда, 2021. — С. 244—246.

15 Батьянова Е.П., Жорницкая М.Я. Илья Самуилович Гурвич // Этнографическое обозрение. — 1992. — \mathbb{N}_2 5. — С. 167—171; Батьянова Е.П., Жорницкая М.Я., Мухамедьяров Ш.Ф., Томилов Н.А. Илья Самуилович Гурвич как ученый и человек // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным этнографии и языкознания). Материалы всерос. конф. — Омск: ОмГУ, 1992. — С. 15-26; Игнатьева В.Б., Попова Н.И., Ефремов Н.Н. Жизнь, посвященная науке: к 80-летию Е.И. Коркиной // Наука и образование. — 1997. — № 4. — С. 157—159; Томилов Н.А., Томилова В.С. Илья Самуилович Гурвич и его вклад в этническую историю // Интеграция археологических и этнографических исследований. --М.: Омск: Изд-во ОмГПУ. 1999. — С. 11-17: Роон Т.П., Сирина А.А. Е.А. Крейнович: жизнь и судьба ученого // Репрессированные этнографы. — М.: Восточная литература, 2003. — Вып. 2. — С. 47—77; **Решетов А.М.** «Я прошу Вас о своей реабилитации»: Ерухим Абрамович Крейнович (1906-1985 гг.) // Изв. Ин-та наследия Бронислава Пилсудского. - 2005. -№ 9. — С. 275—286; Саввинов А.И. Север Якутии в исследованиях И.С. Гурвича // Якут. арх. — 2009. — № 3-4. — С. 117-120; Роббек В.А. Воин, журналист и ученый-северовед (о Феодосии Семеновиче Донском) // Вопр. истории и культуры северных стран и территорий. — 2010. — № 4. — С. 58-63; Рожнова С.П. Александр Бадмаевич Соктоев: феномен научного лидера // Филологические чтения памяти А.Б. Соктоева: сб. ст. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. — C. 3-13; **Иванов С.А.** Роль Е.И. Коркиной в изучении якутской диалектологии // Сев.-Вост. гум. вестн. — 2012. — № 2. — С. 64-70; Петров П.П. Захар Васильевич Гоголев // Сев.-Вост. гум. вестн. — 2015. — № 1. — С. 38-42; Панин Л.Г. Аврорин Валентин Александрович // Гуманитарный факультет НГУ. URL: http://gf.nsu. ru/www/?page id=2111 (дата обращения: 30.08.2016); Попова Н.И., Данилова Н.И. Научное наследие Е.И. Коркиной: Истоки, достигнутое, проекция в будущее // Сев.-Вост. гум. вестн. — 2017. — № 4. — С. 96–101; Романова Е.Н., Степанова Л.Б. Взгляд наблюдателя: Опыт визуализации Севера (экспедиционные исследования ученого-этнографа И.С. Гурвича) // Исторический журнал: науч. исслед. — 2018. — No.deg 6. — C.66-76; Винокурова Л.И.

Исследователь Российского Севера Феодосий Семенович Донской: Проекты по коренным народам Якутии // Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе: сб. науч. ст. по итогам. Всерос. науч.практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию Феодосия Семеновича Донского (24 сентября 2019 г., г. Якутск). — Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2019. — С. 7-13; Неустроева В.А. Арктический мир в фондах Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия): материалы северных экспедиций Ильи Самуиловича Гурвича // Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. — Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2019. — С. 422-425; Степанова Л.Б. Экспедиционный фотоархив И.С. Гурвича: гуманитарный проект советской визуальной антропологии // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Aнтропология. — 2019. — T. 27. — C. 96-105; **Боякова С.И.** Вклад Ф.С. Донского в научное изучение традиционных отраслей хозяйства коренных малочисленных народов Севера // Сев.-Вост. гум. вестн. — 2020. — № 2. — С. 27—33 и др.

Глава І

- ¹ **Ширина** Д.А. Летопись экспедиций Академии наук СССР на северовосток Азии в дореволюционный период. Новосибирск: Наука, 1983. С. 17—18.
 - ² Там же. С. 20-26.
- ³ **Ширина** Д.А. Россия: Научное исследование Арктики. XVIII в. 1917 г. Новосибирск: Наука, 2001. С. 14—34.
 - ⁴ Ширина Д.А. Летопись экспедиций... С. 36–134.
- ⁵ **Красникова О.А.** Академия наук и исследования в Арктике: деятельность Полярной комиссии в 1914—1936 гг. // Vivos voco! Зову живых! URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VIET/ARCTICA.HTM (дата обращения: 05.05.2015).
- ⁶ **Ермолаева Ю.Н.** Якутская комплексная экспедиция 1925—1930 гг. // Развитие науки в Якутии. Новосибирск: Наука, 2001. С. 66—103.
- 7 Сулейманов А.А. Деятельность Академии наук СССР по изучению Якутии в 1930-е−1941 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 56−60.
- ⁸ Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII—XX веках: Исторические очерки / отв. ред. Ж.И. Алферов. СПб.: Наука, 2003. С. 425—451.
- 9 Гранберг А.Г., Штульберг Ю.М., Адамеску А.А. и др. Совет по изучению производительных сил. Этапы становления и развития. 1915—2005. М.; Л., 2005. С. 21.
 - ¹⁰ Известия. 1926. 13 октября.
- ¹¹ **Ферсман А.Е.** Неотложная задача Академии наук // Вестн. АН СССР. 1931. № 5. С. 7—12.
- 12 Ученые Кольского научного центра 1930—2010 / гл. ред. В.Т. Калинников. Апатиты: КНЦ РАН, 2011. С. 7.
- 13 Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О заработной плате руководящим работникам Академии наук СССР» // Академия наук в решениях

- Политбюро ЦК РКП(б) ВКП(б) КПСС. Т. 1. 1922—1952 / Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. С. 231.
- ¹⁴ **Кольцов А.В.** Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. 1917—1961 гг. Л.: Наука, 1988. С. 48—237.
- ¹⁵ Попова Н.И. Национальный институт в регионе: Традиции, современные исследования и перспективы развития // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г.М. Василевич: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.И. Миссонова. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2020. С. 9.
- 16 Анисимова Н.П. Якутская научно-исследовательская мерзлотная станция // Академическое мерзлотоведение в Якутии. Якутск: ИМЗ СО РАН, 1997. С. 23.
- ¹⁷ **Академическая** наука в Якутии (1949—2009) / Гл. ред. А.Ф. Сафронов. Новосибирск: Гео, 2009. С. 6—7.
- ¹⁸ **Архив** Российской академии наук (АРАН). Ф. 142. Оп. 1. Д. 652. Л. 26.
- 19 **Ермолаева Ю.Н.** Из истории трех якутских академических экспедиций // Вестн. СВФУ. Сер. История. Политология. Право. 2016. № 1. С. 8.
- 20 Архив Якутского научного центра Сибирского отделения (ЯНЦ СО) РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 9.
 - ²¹ **Ермолаева Ю.Н.** Из истории... С. 9.
- 22 Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Р. 52. Оп. 34. Д. 118. Л. 1–150.
- 23 Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 399. Оп. 2. Д. 1084. Л. 1—5.
 - 24 Там же. Д. 2634. Л. 1-169.
 - 25 Там же. Оп. 1. Д. 1361. Л. 17-28.
 - ²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 2655. Л. 1–163.
 - 27 Там же. Оп. 1. Д. 1556. Л. 1-2.
 - 28 Там же. Л. 3-6.
 - ²⁹ Там же. Д. 782. Л. 106-107.
 - 30 Там же. Л. 91-93.
 - 31 Там же. Л. 4-5.
 - 32 Там же. Л. 59-61.
- 33 Астахова И.С. К вопросу о включении п. Черский в Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ // Сев.-Вост. гум. вестн. 2018. № 4. С. 55–57.
 - 34 РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 786. Л. 15-30.
 - 35 Там же. Д. 782. Л. 126-136.
 - 36 Там же. Л. 217-225.
 - 37 Там же. Оп. 3. Д. 286. Л. 22-227.
 - 38 Там же. Л. 112.
 - 39 Там же. Л. 228-274.
- 40 Граник Г.И. Транспорт северо-востока Якутской АССР: современное состояние и проблемы развития. Якутск: Кн. изд-во, 1958. 103 с.
 - 41 АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 180. Л. 208–209.

- 42 Батьянова Е.П. Северная экспедиция Института этнографии (1956—1991 гг.) // Этнограф. обозр. 2013. № 4. С. 18.
 - ⁴³ Там же.
 - ⁴⁴ Там же. С. 19.
- ⁴⁵ **Гурвич И.С.** Оленекские и анабарские якуты. Историко-этнографический очерк: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1949. 20 с.
- ⁴⁶ **Батьянова Е.П., Жорницкая М.Я.** Илья Самуилович Гурвич (1919—1992) // Сов. этнография. 1992. № 5. С. 167—172.
 - 47 АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 673. Л. 2—3.
 - 48 Там же. Л. 3.
 - 49 Там же. Л. 1-14.
- ⁵⁰ Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (ИЭА) РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 24. Л. 4—5.
 - 51 Там же.
 - 52 Там же. Л. 7.
 - 53 Там же. Л. 7-14.
 - 54 Там же. Л. 15-17.
 - 55 АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 955. Л. 4-5.
 - ⁵⁶ Там же. Л. 9.
 - 57 Там же. Л. 9-11.
 - 58 Там же. Л. 10.
 - 59 Там же. Л. 9-11.
 - ⁶⁰ Там же. Л. 11-12.
 - 61 Там же. Л. 9-13, 18-19.
 - 62 Там же. Л. 12-13.
 - 63 Там же. Л. 15-16.
 - 64 Там же. Л. 13-16.
 - 65 Там же. Л. 18.
 - 66 Там же. Л. 13-18.
 - 67 Там же. Л. 20-37.
 - 68 Там же. Л. 38-63, 73-106.
 - 69 Там же. Л. 116-123.
 - ⁷⁰ Там же. Л. 66.
 - 71 Там же. Л. 69.
 - ⁷² Там же.
 - 73 Там же. Л. 64-72.
 - 74 Там же. Л. 322-323.
 - 75 Там же. Л. 144-192.
 - 76 Там же. Л. 199.
 - 77 Там же. Л. 17-18, 107-108.
 - ⁷⁸ Там же. Л. 197–206.
 - 79 Там же. Л. 244-247.
 - 80 Там же. Л. 207-216.
- ⁸¹ Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Рензин О.М., Шейнгауз А.С. Экономические исследования на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2006. № 3. С. 20.
 - 82 Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 161. Л. 1-22.

- 83 Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 151. Л. 1–18.
- 84 Там же. Д. 162. Л. 1-24.
- ⁸⁵ **Окладников А.П.** Раскопки на Севере // По следам древних культур. М.: Гос. изд-во культ.-просвет. лит-ры, 1951. С. 17.
- 86 Сарычев Г.А. Путешествия по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М.: Географгиз, 1952. 83 с.
- ⁸⁷ Зыков И.Е. Интерес к археологии в дореволюционной Якутии // Якут. арх. Вып. 4. Якутск: Кн. изд-во, 1972. 165 с.
- 88 **Архипов Н.Д.** Археология Якутии (история, итоги, задачи: XVIII— XX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 419 с.
 - 89 Там же. С. 43-45.
- 90 Майдель Г.Л. Путешествие по Северо-Восточной части Якутской области в 1868-1870 годах. СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1894. 600 с.
- 91 Богораз В.Г. Ламуты (из наблюдений в Колымском крае) // Землеведение. 1900. № 1. 62 с; Он же. Чукчи. Ч. 1. Л.: ИНС ЦИК СССР, 1934. 191 с.
- 92 Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
- 93 Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1913. 120 с.
- ⁹⁴ Боякова С.И. Материалы северных отрядов Якутской экспедиции АН СССР 1925—1930 гг. как источник по истории научного освоения Арктики // Арктика и Север в современных гуманитарных исследованиях: сб. науч. ст. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2018. С. 13—15.
- ⁹⁵ Ермолаева Ю.Н. Этнографические исследования Якутской экспедиции АН СССР 1925-1930 гг. // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2009. — № 4-2. — С. 54-57.
- 96 Спиридонов Н.И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Северовед, 1996 С. 7–12, 24–36.
- 97 **Научный** архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (МАЭ) РАН. Ф. K-V. Оп. 1. Д. 27. Л. 1—33; Д. 47. Л. 1—14.
- 98 Рукописный фонд Архива (РФА) ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 106. Л. 5—17.
- 99 Гурвич И.С. Оленекские и анабарские якуты (Историко-этнографический очерк): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1949. 20 с.
- ¹⁰⁰ Он же. К вопросу об этнической принадлежности населения Северо-Запада Якутской АССР // Сов. этнография. — 1950. — № 4. — С. 150–168.
- ¹⁰¹ **Боякова С.И.** Г.В. Ксенофонтов и концепция пограничных этнографических групп: к дискуссии об этнической принадлежности населения Северо-Запада Якутии // Сев.-Вост. гум. вестн. 2012. № 1. С. 65.
- ¹⁰² Долгих Б.О. К вопросу о населении бассейна Оленека и верховьев Анабары // Сов. этнография. 1950. № 4. С. 169—173.
- 103 **Терлецкий П.Е.** Еще раз к вопросу об этническом составе населения северо-западной части Якутской АССР // Там же. 1951. № 1. С. 88. 104 Там же. С. 88—99.

- 105 Суслов И.М. О национальной принадлежности современного населения Северо-Запада Якутской АССР // Там же. 1952. № 2. С. 69—72.
 - 106 Там же. С. 70.
 - 107 Там же. С. 70-71.
 - ¹⁰⁸ Там же. С. 71.
- 109 Долгих Б.О. О населении бассейнов рек Оленека и Анабара // Там же. С. 86—91.
- 110 **Гурвич И.С.** По поводу определения этнической принадлежности населения бассейнов рек Оленека и Анабара // Там же. С. 73.
 - ¹¹¹ Там же. С. 77
 - ¹¹² Там же. С. 76–77.
 - ¹¹³ Там же. С. 78.
 - 114 АРАН. Ф. 188. Оп. 8. Д. 164. Л. 21.
 - 115 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 233. Л. 1–15.
- 116 Гурвич И.С. Этнографическая экспедиция в Нижне-Колымский и Средне-Колымский районы Якутской АССР в 1951 г. // Сов. этнография. 1952. № 3. С. 200.
 - 117 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 231. Л. 3-4.
 - ¹¹⁸ Там же.
 - 119 Там же. Л. 29-35.
- ¹²⁰ Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности. Новосибирск: Наука, 2007. С. 51.
 - 121 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 231. Л. 37-46.
 - 122 Там же. Л. 23.
 - 123 Там же. Л. 21-24.
 - 124 Там же. Л. 7-46.
 - 125 Там же. Л. 47-68.
 - 126 Там же. Л. 88-89.
 - 127 Там же. Д. 247. Л. 1-15.
 - 128 Там же. Д. 236. Л. 6-7.
 - 129 Там же. Л. 26-28.
 - ¹³⁰ Там же. Л. 42-43.
 - ¹³¹ Там же. Л. 9.
 - 132 Там же. Л. 10-22.
 - 133 Там же. Л. 43-70.
 - 134 Там же. Л. 57-65.
 - 135 Там же. Л. 65.
 - 136 Там же. Л. 70-71.
 - ¹³⁷ Там же. Л. 71.
 - 138 Там же. Д. 250. Л. 1; Д. 258. Л. 1.
 - 139 Там же. Д. 258. Л. 1.
 - 140 Там же. Д. 250. Л. 1-2.
 - 141 Там же. Л. 5-6.
 - 142 Там же. Д. 258. Л. 87.
 - 143 Там же. Л. 149-150.

- ¹⁴⁴ **Гурвич И.С.** Современные этнические процессы, протекающие на севере Якутии // Сов. этнография. 1960. № 5 С. 5.
 - 145 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 258. Л. 190.
 - ¹⁴⁶ Там же.
 - 147 Там же. Л. 2-185.
 - 148 Там же. Д. 250. Л. 2-3.
 - 149 Там же. Д. 258. Л. 3-9, 40-49, 83-86, 135-148, 171-174, 186-190.
 - 150 Там же. Д. 250. Л. 8.
 - 151 Там же. Д. 231. Л. 1.
 - 152 АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 652. Л. 25.
 - 153 Там же. Д. 1201. Л. 35.
 - 154 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 5.
 - ¹⁵⁵ Там же.
 - 156 Там же. Л. 27; Научный архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 39. Л. 42.
 - 157 АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201. Л. 3.
 - 158 Научный архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 39. Л. 43.
 - 159 Там же. Л. 42; РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 27-373.
- ¹⁶⁰ Гоголев З.В., Гурвич И.С., Золотарева И.М. и др. Юкагиры (истори-ко-этнографический очерк). Новосибирск: Наука, 1975. С. 78.
 - 161 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 27-54.
 - ¹⁶² Там же. Л. 54.
 - 163 АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201. Л. 5-9.
 - 164 Там же. Л. 6-10.
 - 165 Там же. Л. 10.
 - 166 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 38-39.
 - 167 Там же. Л. 39-42.
 - 168 Там же. Л. 40−41.
 - 169 АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201. Л. 18-19.
 - 170 Там же. Л. 22-25.
 - 171 Там же. Л. 23.
 - 172 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 54-67.
 - 173 Там же. Л. 73-89.
 - 174 АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201. Л. 30.
 - ¹⁷⁵ **Филиппова В.В.** Указ. соч. С. 51.
- ¹⁷⁶ Гоголев З.В., Гурвич И.С., Золотарева И.М. и др. Указ. соч. С. 154—192; Золотарева И.М., Башлай А.Г. Серологические исследования в Якутии // Сов. этнография. 1968. № 1. С. 48—52.
 - 177 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 50-53.
 - 178 Там же. Л. 5.
- 179 **Крейнович Е.А.** Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982. С. 6.
- ¹⁸⁰ **Роон Т.П., Сирина А.А.** Е.А. Крейнович: Жизнь и судьба ученого // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М.: Вост. лит., 2003. С. 47—77.
- ¹⁸¹ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. Т. 3. С. 416.
 - ¹⁸² **Роон Т.П., Сирина А.А.** Е.А. Крейнович: Жизнь... С. 64—65.
 - ¹⁸³ **Крейнович Е.А.** Исследования и материалы ... С. 7.

- 184 Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982. С. 3—272.
 - ¹⁸⁵ **Иохельсон В.И.** Юкагиры... С. 88–89.
- ¹⁸⁶ Шадрин В.И. Лингвистическая наука об этногенезе юкагиров // Языки коренных малочисленных народов Севера в начале III тысячелетия: Материалы республ. науч.-практ. конф. Новосибирск: Наука, 2008. С. 101–115.
 - 187 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 442. Л. 27.
 - 188 Там же. Л. 28.
 - 189 Там же. Оп. 14. Д. 141. Л. 2.
 - ¹⁹⁰ **Иохельсон В.И.** Юкагиры... С. 90.
 - 191 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 442. Л. 29-30.
 - 192 Там же. Оп. 1. Д. 34-36.
 - 193 Там же. Д. 356. Л. 2.
 - 194 Там же. Л. 1−2.
 - 195 Там же. Д. 359. Л. 2, 103-142.
 - 196 Там же. Д. 359. Л. 8, 133-134.
 - 197 Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 361. Л. 22-24.
- 198 Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1914. 28 с.
- ¹⁹⁹ Гоголев З.В., Гурвич И.С., Золотарева И.М. и др. Юкагиры... С. 86—90.
 - 200 АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201. Л. 12.
 - ²⁰¹ РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 18–21.
 - ²⁰² Гоголев З.В., Гурвич И.С., Золотарева И.М. и др. Юкагиры... С. 92.
 - 203 АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201. Л. 11–14.
 - 204 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 361. Л. 10-14.
 - 205 Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 361. Л. 24-27.
 - 206 Там же. Л. 8−9.
 - ²⁰⁷ Научный архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 39. Л. 46.
- ²⁰⁸ Гоголев З.В., Гурвич И.С., Золотарева И.М. и др. Юкагиры ... 244 с.; Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966. 276 с.; Он же. Современные этнические процессы, протекающие на севере Якутии ... С. 3−11; Жорницкая М.Я. Народные танцы Якутии. М.: Наука, 1966. 168 с.; Золотарева И.М., Башлай А.Г. Серологические исследования в Якутии... С. 46−55; Крейнович Е.А. Из жизни тундренных юкагиров на рубеже XIX−XX вв. // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1972. Вып. 13. С. 56−92; Он же. Исследования и материалы... 304 с.; Он же. Юкагирский язык // Языки народов СССР. Л.: Наука, 1968. Т. 5. С. 435−452 и др.
 - 209 АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201. Л. 36-37.
 - ²¹⁰ Там же. Л. 40-53.
 - 211 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 305, 340-341.
 - 212 Там же. Л. 306-307.
 - 213 Там же. Л. 319-321.
 - 214 Там же. Л. 320.
 - ²¹⁵ Там же. Л. 309.
 - ²¹⁶ Там же. Л. 305-308, 338-340.

- 217 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 307.
- 218 Там же. Л. 314-319.
- 219 Там же. Л. 311-312.
- 220 Там же. Л. 327.
- 221 Там же. Л. 326-332.
- 222 Там же. Л. 332-324.
- 223 АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1091. Л. 4—44; Гурвич И.С. Современные этнические процессы, протекающие на севере Якутии... С. 3—11.
- 224 Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири... 276 с.
 - 225 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 340. Л. 1-2.
 - 226 Там же. Л. 2-3.
 - 227 Там же. Л. 3-12.
- 228 Башарин Г.П. История животноводства в Якутии второй половины XIX начала XX в+. Якутск: Кн. изд-во, 1962. 128 с.; Он же. Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX начала XX в. Якутск: Кн. изд-во, 1974. 216 с.
- 229 Роббек Г.В. Лексика физической культуры эвенов: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. С. 3–4.
- 230 История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки / отв. ред. В.А. Тураев. СПб.: Наука, 1997. С. 8.
- 231 Богораз В.Г. Материалы по ламутскому языку // Тунгусский сборник. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. С. 1—106.
- 232 Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ч. 1: Фонетика и морфология. Л.: Учпедгиз, 1947. 271 с.
 - ²³³ Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. С. 7.
 - 234 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 28. Л. 1—24.
- 235 Русско-эвенский словарь / сост. В.И. Цинциус и Л.Д. Ришес. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 779 с.
 - ²³⁶ Филиппова В.В. Указ. соч. С. 50.
 - 237 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 28. Л. 77.
 - 238 Там же. Д. 26. Л. 1-3.
 - 239 Там же. Л. 3.
 - 240 Там же. Л. 3-4.
 - 241 Там же. Л. 4-7.
 - 242 Там же. Л. 7-40.
 - ²⁴³ Там же. Л. 42-43.
 - 244 Там же. Л. 41-45.
 - 245 Там же. Оп. 5. Д. 496. Л. 35-44; Оп. 14. Д. 27а. Л. 1-2.
 - 246 Там же. Оп. 5. Д. 496. Л. 2.
 - 247 Там же. Л. 21-23.
 - 248 Там же. Д. 27а. Л. 2-26.
 - 249 Там же. Оп. 14. Д. 30. Л. 1-2.
 - ²⁵⁰ Там же. Л. 3-33.
 - ²⁵¹ Там же. Л. 34-35.
 - 252 Там же. Л. 35-66.
 - ²⁵³ Там же. Д. 39. Л. 2-7.
 - 254 Там же. Л. 72-73.

- 255 Научный архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 39. Л. 45; Лебедев В.Д. О некоторых особенностях говора эвенов Аллаиховского района // Материалы I научной конференции молодых специалистов. Секция гуманитарных наук. Якутск, 1961. С. 76—86.
- ²⁵⁶ **Иванов В.Н., Корякина А.Ф., Герасимова Л.Н.** Вклад советских исследователей в научное изучение якутского героического эпоса олонхо // Рос. гум. журн. 2017. № 6. С. 468.
- ²⁵⁷ Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири: Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении. Ч. 2. Отд. 6: Коренные жители Сибири (Окончание всего сочинения). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1878. С. 619—833.
- ²⁵⁸ Иванов В.Н., Корякина А.Ф., Герасимова Л.Н. Указ. соч. С. 468–469.
- ²⁵⁹ **Кузьмина А.А.** Сэсэн Иванович Боло: Творческий портрет и технология собирания фольклора // Научный диалог. 2018. № 6. С. 71.
- ²⁶⁰ **Аластыров Н.В.** Вилюйская и Северная фольклорные экспедиции Института языка и культуры (1937—1941) // Якут. арх. 2009. № 1. С. 3—8.
- ²⁶¹ Бетлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.
- 262 Ястремский С.В. Грамматика якутского языка. М.: Учпедгиз, 1938. 228 с.
- 263 Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. 1—3. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- 264 Новгородов С.А. Во имя просвещения родного народа. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1991. 232 с.
- Убрятова Е.И. Очерк истории изучения якутского языка. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1945. 35 с.; Она же. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 1. Простое предложение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 304 с.; Харитонов Л.И. Современный якутский язык. Якутск: Кн. изд-во, 1947. 313 с.
 - 266 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 388. Л. 1-2.
 - 267 Там же. Оп. 12. Д. 30. Л. 38.
 - ²⁶⁸ Там же. Оп. 5. Д. 388. Л. 2-5.
 - 269 Там же. Л. 6−9.
 - 270 Там же. Д. 387. Л. 6-7.
 - 271 Там же. Л. 1–4. Оп. 6. Д. 232. Л. 1–152.
 - 272 Там же. Оп. 5. Д. 387. Л. 19-21; Оп. 6. Д. 318. Л. 1-59.
 - 273 Там же. Оп. 5. Д. 387. Л. 35-36.
 - 274 Там же. Оп. 12. Д. 3. Л. 1-98.
 - 275 Там же. Оп. 5. Д. 495. Л. 1.
 - 276 Там же. Л. 2.
 - 277 Там же. Л. 2-8; Оп. 6. Д. 279. Л. 1-144.
 - 278 Там же. Оп. 5. Д. 495. Л. 8-12.
 - 279 Там же. Оп. 6. Д. 280. Л. 1-130.
 - 280 Там же. Д. 282. Л. 2-9.
 - ²⁸¹ Там же. Л. 9.
 - 282 Там же. Л. 9-126.

- 283 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 422. Л. 15-21.
- 284 Там же. Л. 22-24.
- 285 Там же. Оп. 12. Д. 30. Л. 39.

Глава II

- ¹ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 189. Л. 1–10.
- 2 Там же. Л. 11-14.
- 3 Там же. Д. 199. Л. 1-51.
- 4 Там же. Л. 30.
- 5 Там же. Л. 30-51.
- 6 Там же. Оп. 10. Д. 13. Л. 1-172.
- ⁷ Там же. Д. 1. Л. 1-230.
- 8 Там же. Д. 4. Л. 1-214.
- ⁹ Там же. Д. 8. Л. 1-95.
- 10 Там же. Д. 12. Л. 1-81.
- 11 Там же. Д. 10. Л. 1-77.
- 12 Там же. Д. 15. Л. 1−68.
- ¹³ Элерт А.Х., Тимошенко А.И. Россия в Арктике: Проблемы изучения исторического опыта освоения территории // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 3. С. 7.
 - ¹⁴ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 256. Л. 1–2.
 - 15 Там же. Л. 2.
 - 16 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 575. Л. 21-26.
 - 17 Там же. Д. 411. Л. 85-90.
 - 18 Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 257. Л. 1-2.
 - 19 Там же. Л. 7.
 - 20 Там же. Д. 256. Л. 3.
 - 21 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 405. Л. 1-9.
 - ²² Там же. Д. 405, 411, 414, 416-421, 423-429, 431-432.
 - 23 Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 256. Л. 75-77.
 - 24 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 405. Л. 62-67.
 - ²⁵ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 256. Л. 78–82.
 - ²⁶ Там же. Л. 13.
 - 27 Там же. Л. 27.
 - 28 Там же. Л. 22-28.
 - ²⁹ Там же. Л. 29-41.
 - 30 Там же. Л. 130-164.
 - 31 Там же. Л. 216.
 - 32 Там же. Л. 195-240.
 - 33 Там же. Л. 254-277.
 - 34 Там же. Л. 280-289.
 - 35 Там же. Л. 42-50.
 - 36 Там же. Л. 299-347.
 - 37 Там же. Л. 347-368.
 - 38 Там же. Л. 369-387.
 - 39 Там же. Л. 388-425.
 - 40 Там же. Д. 257. Л. 3-5.

- 41 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 575. Л. 25.
- 42 НА РС(Я). Ф. Р52. Оп. 40. Д. 761. Л. 1-4.
- ⁴³ **Гурвич И.С.** О положении коренного населения северных районов Якутской АССР // Этнологическая экспертиза: народы Севера России. 1959—1962 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 266.
 - 44 Там же. С. 266—271; РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 563. Л. 1—55.
- 45 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 259. Оп. 46. Д. 5798. Л. 9.
 - ⁴⁶ Там же. Л. 7–25.
 - 47 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 566. Л. 1–157; Д. 567. Л. 1–147.
 - 48 Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 252. Л. 1–18.
 - 49 Там же. Д. 307. Л. 62.
 - 50 Там же. Д. 278. Л. 1-5.
 - 51 Там же. Л. 5-8.
 - ⁵² Там же. Д. 307. Л. 1–110.
- 53 Цой Е.К. Эффективное развитие лесной и деревообрабатывающей промышленности на Северо-Востоке СССР. Якутск: Кн. изд-во, 1976. $104\,\mathrm{c}.$
 - ⁵⁴ Там же. С. 5–98.
 - ⁵⁵ Там же. С. 13–39.
 - ⁵⁶ Там же. С. 38-70.
 - ⁵⁷ Там же. С. 82—91.
 - 58 Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 241.
 - 59 Там же. Д. 263.
 - 60 Там же. Д. 259.
 - 61 Там же. Д. 296.
 - 62 Там же. Д. 291.
 - 63 Там же. Д. 241. Л. 1–196; Д. 263. Л. 21–26; Д. 296. Л. 7–51.
 - 64 Там же. Д. 241. Л. 234-263; Д. 263. Л. 1-30; Д. 296. Л. 92-123.
 - 65 Там же. Д. 241. Л. 268-279; Д. 263. Л. 27-29.
 - 66 Там же. Д. 241. Л. 240-280; Д. 259. Л. 13-14; Д. 296. Л. 93-94.
 - 67 Там же. Д. 270. Л. 204-253; Д. 290. Л. 40-47, 116-125.
 - 68 НА РС(Я). Ф. Р1530. Оп. 2. Д. 79. Л. 1–98.
- 69 **Феодосий Семенович Донской:** биобиблиогр. указ. к 100-летию со дня рождения / сост. Е.А. Васильева; отв. ред. С.М. Баишева. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2019. С. 4−7.
 - 70 Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 317. Л. 5-6.
 - ⁷¹ Там же. Л. 7–8.
 - 72 Там же. Л. 35-36.
 - 73 Там же. Л. 37.
 - 74 Там же. Л. 9-86.
 - 75 Там же. Л. 87-146.
 - ⁷⁶ Там же. Л. 147–172.
 - 77 Там же. Д. 354. Л. 1-148.
- 78 Донской Ф.С. Социально-экономические проблемы переустройства условий труда и быта оленеводов и охотников Крайнего Севера: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1978. 22 с.

- 79 Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 357. Л. 1–14.
- 80 Там же. Д. 358. Л. 1-19.
- 81 Там же. Д. 405. Л. 3-5.
- 82 Там же. Л. 5.
- 83 Там же. Л. 10-19.
- 84 Там же. Л. 7-10.
- 85 Там же. Д. 416. Л. 3-83.
- 86 Там же. Л. 4-5.
- ⁸⁷ **Роббек В.А.** Воин, журналист и ученый-северовед (о Феодосии Семеновиче Донском) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2010. № 4. С. 58-63.
- 88 Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 07.02.1980 № 115 «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» // Законы России. URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_346/doc346a320x936.htm (дата обращения: 03.08.2016).
 - 89 Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 365. Л. 1-89.
 - 90 АРАН. Ф. 2. Оп. 13. Д. 658. Л. 97-98.
 - 91 Там же. Оп. 15. Д. 70.
 - 92 Там же. Д. 70-72.
 - ⁹³ Там же. Д. 73-74.
 - 94 Там же. Д. 70-74.
- 95 **Бойко В.И., Васильев Н.В.** Социально-профессиональная мобильность эвенков и эвенов Якутии. Новосибирск: Наука, 1981. 173 с.
 - 96 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 369. Л. 1–58.
- 97 Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969. 215 с.; Он же. Изменения в хозяйстве и быте эвенков Иркутской области за полтора века // Сов. этнография. 1965. № 3. С. 12—26; Он же. Охотские эвенки // Там же. 1958. № 1. С. 11—23; Он же. У эвенков западной части Эвенкийского национального округа и Туруханского района Красноярского края // Там же. 1963. № 3. С. 159—165.
 - 98 Научный архив ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 12. Д. 1618. Л. 47-59.
 - 99 Там же. Ф. 142. Оп. 2. Д. 82. Л. 108-109.
 - ¹⁰⁰ Там же. Л. 113-115.
 - 101 Там же. Л. 114-115.
 - 102 **Туголуков В.А.** Кто вы, юкагиры?.. С. 33.
 - ¹⁰³ Там же. С. 14–131.
 - 104 Там же. С. 74-75.
 - 105 Там же. С. 75.
 - ¹⁰⁶ Научный архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 163–165.
 - ¹⁰⁷ Там же. Л. 171.
 - 108 Там же. Л. 169.
 - 109 Там же. Л. 172.
 - 110 Там же. Л. 174-176.
 - 111 Там же. Л. 176.
 - 112 Там же. Л. 178.
 - 113 Там же. Л. 176-180.
 - 114 Там же. Л. 182-185.

- ¹¹⁵ **Туголуков В.А.** Тунгусы (эвены и эвенки) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. С. 175—236.
 - 116 Научный архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 102—103.
 - ¹¹⁷ Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-I. Оп. 2. Д. 1090. Л. 1.
 - 118 Научный архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 99. Л. 188.
 - 119 Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-І. Оп. 1. Д. 1080. Л. 6.
 - 120 Там же. Л. 15−16.
- ¹²¹ **Каменецкая Р.В.** Колымчане (по материалам экспедиции 1971 г.) // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР 1971 г. Л.: ЛО Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1972. С. 14.
 - ¹²² Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-І. Оп. 2. Д. 1090. Л. 11–20.
 - 123 Там же. Оп. 1. Д. 1080. Л. 30.
- 124 Каменецкая Р.В. Колымчане... С. 12–14; Она же. Весенний промысел нерпы у русского населения Северо-Востока ЯАССР // Новое в этнографических и антропологических исследованиях (итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1972 г.). Ч. 1. М.: Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1974. С. 45–49; Она же. Промысловый календарь русских старожилов Севера Якутии (ХІХ начало ХХ в.) // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР 1974—1976 гг. Л.: Наука, 1977 С. 115—116; Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-І. Оп. 1. Д. 1080. Л. 7–30; Оп. 2. Д. 1090. Л. 12—20.
- 125 **Крейнович Е.А.** Из жизни тундренных юкагиров на рубеже XIX—XX вв. // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1972. Вып. 13. С. 56—92.
- 126 Kreynovich E.A. The Tundra Yukagirs at the Turn of the Century // Arctic Anthropology. 1979. N 16. P. 187—215.
- ¹²⁷ Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А. Древний Зашиверск: древнерусский заполярный город. М.: Наука, 1977. С. 5–13; Журин Н.П. Воспоминания профессора Н.П. Журина, участника экспедиции 1969 г. в Древний Зашиверск // Х Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина, 15–17 апреля 2015 г. Новосибирск: НГАХА, 2015. Ч. 1. С. 21–22.
 - ¹²⁸ Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А. Указ. соч. С. 20–129.
- 129 Там же. С. 13—14; **Журин Н.П.** Воспоминания профессора Н.П. Журина, участника экспедиции 1969 г. в Древний Зашиверск // X Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина, 15—17 апреля 2015 г. Новосибирск: НГАХА, 2015. Ч. 1. С. 21—22.
 - 130 Там же. С. 20−23.
 - 131 Там же. С. 27.
- 132 **Архипов Н.Д.** Археология Якутии (история, итоги, задачи: XVIII— XX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. С. 72.
- 133 Мочанов Ю.А., Константинова Н.В., Антипина Н.В., Аргунов В.Г. Археологические памятники Якутии: бассейны Вилюя, Анабара и Оленека. Новосибирск: Наука, 1991. С. 53—66; Научно-отраслевой архив Института археологии РАН (НОА ИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4166. Л. 1.
 - 134 НОА ИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4166. Л. 2–16.
 - 135 Там же. Л. 16-59.

- 136 НОА ИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4166. Л. 59-62.
- 137 Там же. Д. 7000. Л. 7.
- ¹³⁸ **Архипов Н.Д.** Указ. соч. С. 92.
- 139 Старостин В.П., Эверстов С.И., Васильева Г.С. Общество, культура, образование. М.: Рос. академия естествознания, 2014. Кн. 1. С. 52.
- ¹⁴⁰ **Федосеева С.А.** Новые данные о стоянках Усть-Чиркуо на верхнем Вилюе и Бурулгино на нижней Индигирке // Археологические открытия 1971 года. М.: Ин-т археологии АН СССР, 1971. С. 260—261.
- 141 Мочанов Ю.А. 50 лет в каменном веке Сибири (археологические исследования в азиатской части России). Т. 1. Якутск: МХ Якутия, 2010. С. 15.
- 142 **Щербакова Н.М.** Археологические памятники Яны // Новое в археологии Якутии. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 62.
 - 143 НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5700. Л. 1.
 - 144 Там же. Л. 2-3.
 - ¹⁴⁵ Там же. Л. 4-17.
 - 146 Там же. Л. 18.
 - 147 Там же. Д. 6385. Л. 1-3.
 - 148 Там же. Л. 5-23.
 - 149 Там же. Д. 7000. Л. 1-6.
 - 150 Там же. Л. 7-21.
 - 151 Там же. Л. 21.
 - 152 Там же. Д. 7176. Л. 1-6.
 - ¹⁵³ Там же. Л. 7.
 - 154 Там же. Д. 7178. Л. 1.
 - 155 Там же. Л. 1–12.
 - 156 Там же. Л. 13-23.
 - ¹⁵⁷ Там же. Л. 23-24.
 - 158 Там же. Д. 7880. Л. 1.
 - 159 Там же. Л. 8-16.
 - ¹⁶⁰ Там же. Л. 4.
 - ¹⁶¹ Там же. Л. 4-8.
 - ¹⁶² Там же. Д. 7179. Л. 1–8.
 - ¹⁶³ Там же. Д. 7616. Л. 3.
 - 164 Там же. Л. 3-13.
 - 165 Там же. Л. 13-24.
 - 166 **Архипов Н.Д.** Указ. соч. С. 92.
 - 167 НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7879. Л. 1.
 - 168 Там же. Л. 1-33.
- 169 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 549. Л. 18—20; **Крейнович Е.А.** Указ. соч. С. 8.
 - 170 Там же. Оп. 14. Д. 90, 93, 106.
- 171 **Курилов Г.Н.** Лексикология современного юкагирского языка (Развитие лексики и роль в нем якутского языка). Новосибирск: Наука, 2003. 288 с.; Он же. Образование именных слов в юкагирском языке. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. 104 с.; Он же. Сложные имена существительные в юкагирском языке. Л.: Наука, 1977. 120 с.; Он же. Современный юкагирский язык. Якутск: Оффсет, 2006. 280 с. и др.

- 172 **Крейнович Е.А.** Юкагирский язык // Языки народов СССР. Л.: Наука, 1968. Т. 5. С. 452.
 - 173 Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык... 280 с.
 - 174 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 52. Л. 18-20.
 - 175 Там же. Л. 20-24.
 - 176 Там же. Л. 24.
 - 177 Там же. Д. 69. Л. 35-36, 82.
 - 178 Там же. Л. 39-80.
 - 179 Там же. Л. 37-38.
 - ¹⁸⁰ Там же. Д. 74. Л. 1–154.
 - ¹⁸¹ **Лебедев В.Д.** Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 208 с.
- ¹⁸² **Новикова К.А., Лебедев В.Д.** Правила орфографии эвенского языка. Якутск: ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, 1980. 34 с.
- ¹⁸³ **Аврорин В.А.** Опыт изучения функционального взаимодействия языков у народов Сибири // Вопросы языкознания. 1970. № 1. С. 33—35.
 - 184 Там же. С. 35.
 - 185 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 89. Л. 37.
 - ¹⁸⁶ **Аврорин В.А.** Опыт изучения... С. 38.
- ¹⁸⁷ **Научный** архив СО РАН. Ф. 58. Оп. 1. Д. 77. Л. 25—26; РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 89. Л. 1—288.
 - ¹⁸⁸ **Научный** архив СО РАН. Ф. 58. Оп. 3. Д. 9. Л. 4—7.
- ¹⁸⁹ **Панин Л.Г.** Аврорин Валентин Александрович // Гуманитарный факультет НГУ. URL: http://gf.nsu.ru/www/?page_id=2111 (дата обращения: 30.08.2016).
 - 190 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 10. Л. 1-2.
 - 191 Там же. Л. 5.
 - ¹⁹² Там же.
 - 193 Там же. Д. 37. Л. 1-90.
- ¹⁹⁴ **Научный** архив СО РАН. Ф. 58. Оп. 1. Д. 12. Л. 25—31; РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 50а. Л. 1—7.
 - 195 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 96. Л. 2-3.
 - ¹⁹⁶ Там же.
 - 197 Там же. Л. 4-5.
 - 198 Там же. Л. 6-8.
 - 199 Там же. Л. 18.
 - ²⁰⁰ Там же. Д. 132. Л. 1–16.
 - 201 Там же. Д. 154. Л. 42-44.
 - ²⁰² Там же. Д. 129, 132.
 - 203 Там же. Д. 131.
 - 204 Там же. Д. 140. Л. 1-2.
 - 205 Там же. Д. 154. Л. 5-48.
 - 206 Там же. Л. 49-393.
 - 207 Там же. Д. 151. Л. 1-142.
 - 208 Там же. Д. 158. Л. 1-98.
 - ²⁰⁹ Там же. Д. 193.
 - 210 Там же. Д. 192. Л. 82-86.
 - ²¹¹ Там же. Л. 3.

- 212 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 442. Л. 1–14; Оп. 12. Д. 50а. Л. 1–7.
- 213 Там же. Оп. 12. Д. 165. Л. 1–122; Д. 170. Л. 1–34.
- 214 Там же. Д. 192. Л. 4.
- 215 Там же. Л. 3-4.
- 216 Там же. Л. 102.
- 217 Там же. Л. 97-102.
- 218 Там же. Л. 345-349.
- 219 Воронкин М.С. Северо-западная группа говоров якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1984. 222 с.
 - 220 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 13. Д. 10. Л. 1–108.
- ²²¹ Оросина Н.А. Биографические материалы о сказителях верхоянской традиции в записях А.А. Саввина и его корреспондентов: принципы фиксации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1. Ч. 1. С. 46—48; Кузьмина А.А. Становление якутской полевой фольклористики: экспедиционная работа Сэсэна Ивановича Боло // Эхо арктической Одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2019. С. 282—286.
 - 222 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 13. Д. 196. Л. 1–19.
 - 223 Там же. Д. 19. Л. 1-5.
 - 224 Там же. Д. 20. Л. 1-76.
 - 225 Там же. Д. 73. Л. 1-118.
 - 226 Там же. Д. 201. Л. 1-19.
 - 227 Там же. Д. 268. Л. 1-45; Д. 269. Л. 1-62.
 - 228 Там же. Оп. 12. Д. 315. Л. 16.
- ²²⁹ **Кузьмина** Л.П. Фольклор старожилого населения Русского Устья (к истории его собирания и изучения) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 9. М.: Наука, 1982. 185 с.
- 230 Зоркин Виталий Иннокентьевич (1937 г.р.) // Приангарье. Годы, события, люди. Электронный краеведческий справочник. URL: http://inark.net/irkutsk/object/1812307568?lc=ru (дата обращения: 31.01.2015).
 - ²³¹ **Кузьмина** Л.П. Указ. соч. С. 184.
- ²³² Там же. С. 183–184; Русские народные сказки Сибири о богатырях / Сост. Р.П. Матвеева // Сказки народов мира. URL: http://skazka.mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000042/st001.shtml (дата обращения: 07.06.2019)
- ²³³ Фольклор Русского Устья / отв. ред. С.Н. Азбелев и Н.А. Мещерский. Л.: Наука, 1986. С. 11—12.
 - 234 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 13. Д. 50. Л. 1–31.
 - ²³⁵ Там же.
 - 236 Там же. Оп. 14. Д. 116. Л. 1–96.
 - 237 Там же. Оп. 13. Д. 82. Л. 1-71.
 - 238 Там же. Д. 90. Л. 5.
 - 239 Там же. Л. 5-6.
 - ²⁴⁰ Там же. Л. 7.
 - 241 Там же. Д. 88. Л. 8.
 - 242 Там же. Д. 90. Л. 1-4.
 - 243 Там же. Л. 8-11.

Глава III

- 1 АРАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1171. Л. 7.
- 2 Там же. Л. 18-20.
- 3 Бойко Владимир Иванович // Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав / Сост. Е.Г. Водичев и др. Новосибирск: Наука, 2007. С. 318—319.
 - ⁴ АРАН. Ф. 1977. Оп. 1. Д. 327. Л. 1.
 - 5 Там же. Л. 4.
 - 6 Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 418. Л. 2-6.
- ⁷ РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 17. Д. 1. Л. 8; Там же. Д. 7. Л. 76; Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 418. Л. 5.
 - ⁸ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 418. Л. 6-50.
- ⁹ Там же. Л. 6; Образовательная программа МОУ «Березовская национальная средняя общеобразовательная школа» // Березовская НСОШ. URL: http://bnsshool.ucoz.ru/downloads/documents/obrazovatelnaja_programma_2009—2010.doc (дата обращения: 09.04.2014)
 - 10 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 405. Л. 6.
 - 11 Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 418. Л. 21-36.
 - 12 Там же. Л. 37-42.
 - 13 Там же. Л. 11-53.
 - 14 Там же. Л. 22-53.
 - 15 Там же. Л. 30-31.
- 16 Роббек В.А. Воин, журналист и ученый-северовед (о Феодосии Семеновиче Донском) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2010. № 4. С. 61.
 - ¹⁷ ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 7069. Л. 4—36.
 - 18 Там же. Л. 31.
 - 19 НА РС (Я). Ф. Р1530. Оп. 2. Д. 86. Л. 4-5.
 - 20 Там же. Л. 4.
 - 21 Там же. Л. 5-125.
 - 22 Там же. Оп. 1. Д. 72. Л. 5-175.
 - 23 Там же. Д. 69. Л. 43.
 - 24 Там же. Л. 4-64.
 - ²⁵ Там же. Д. 96. Л. 7-69.
 - 26 АРАН. Ф. 541. Оп. 1. Д. 2121. Л. 37.
 - 27 Там же. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1171. Л. 28.
 - 28 Там же. Д. 91. Л. 5-32.
 - 29 Там же. Л. 4-5.
- 30 Концепция экономического и социального развития народностей Севера на период 1991—2005 гг.: Препринт. Якутск: ЯФ СО АН СССР. С. 3.
 - 31 Там же. С. 3-4.
 - ³² Там же. С. 7.
 - 33 Там же. С. 6.
 - ³⁴ Там же.
 - ³⁵ Там же. С. 9–11.
 - 36 Там же. С. 10.

- 37 Концепция экономического и социального развития народностей Севера на период 1991—2005 гг.: Препринт. Якутск: ЯФ СО АН СССР. С. 12—36.
 - 38 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 19. Д. 7. Л. 33.
 - ³⁹ Там же. Л. 7.
 - 40 Там же. Л. 33.
 - 41 Там же. Л. 11, 15-16, 33-34.
 - 42 Там же. Д. 28. Л. 37.
 - 43 Там же. Оп. 15. Д. 116. Л. 11.
 - 44 Там же. Д. 108.
 - 45 Там же. Д. 111.
 - ⁴⁶ Там же. Д. 116. Л. 10.
 - 47 Там же. Л. 11-12.
 - 48 Там же. Оп. 19. Д. 28. Л. 1-2.
 - 49 Там же. Л. 3-4.
 - 50 Там же. Л. 5-6.
 - 51 Там же. Л. 6
 - 52 Там же.
 - 53 Там же. Л. 9-10.
 - 54 Там же. Д. 60. Л. 1-22.
- 55 **Филиппова В.В.** Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX в. Новосибирск: Наука, 2007. С. 62.
 - 56 ГАРФ. Ф. А385. Оп. 46. Д. 242. Л. 2-3.
 - 57 Там же. Л. 7-11.
 - 58 Там же. Л. 3.
 - 59 Там же. Л. 3-33.
 - 60 Там же. Л. 10-11.
 - 61 Там же. Л. 11.
 - 62 Там же. Л. 34-35.
 - 63 Там же. Л. 40.
 - 64 Там же. Л. 28.
 - 65 НА РС (Я). Ф. Р1530. Оп. 1. Д. 144. Л. 4.
- ⁶⁶ **Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.** Этносоциальное положение эвенов в Эвено-Бытантайском районе Якутии // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 35. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 18.
 - 67 Там же. С. 1–24.
 - 68 НА РС (Я). Ф. Р1530. Оп. 1. Д. 144. Л. 4-5.
 - 69 Там же. Л. 5–198.
- 70 Григорьев С.А. Общественно-политическое движение коренных народов Якутии (конец 1980-х—1990-е гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. С. 32—101.
- ⁷¹ Роббек В.А. Научные достижения Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН в период Международного десятилетия коренных народов мира // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в условиях модернизации российского общества. Новосибирск: Наука, 2005. С. 7–8.
- 72 Винокурова Л.И. Север Якутии в этнокультурных исследованиях $1990-2000\,\mathrm{rr}$. // Там же. С. 149.

- ⁷³ Григорьев С.А. Указ. соч. С. 43—78.
- 74 Григорьев С.А. Развитие экологического движения Якутии в конце XX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 3. С. 19—25.
- ⁷⁵ **Иванова Т.С., Боякова С.И.** Социально-экологические проблемы в бассейне реки Колымы в связи с гидростроительством // Человек и Север: Исторический опыт, современное состояние, перспективы развития. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. Ч. 2. С. 105—106.
 - ⁷⁶ РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 19. Д. 98. Л. 34.
- 77 Полевые материалы автора (ПМА). Интервью с С.И. Бояковой, г. Якутск, 06.10.2016.
 - ⁷⁸ Иванова Т.С., Боякова С.И. Указ. соч. С. 107-108.
 - ⁷⁹ **НА РС (Я).** Ф. Р1530. Оп. 2. Д. 92. Л. 3-51.
 - 80 Там же. Л. 1-2.
 - 81 ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 875. Л. 3-241.
 - 82 Там же. Д. 8140. Л. 3.
 - 83 Там же. Л. 3-5.
 - 84 Там же. Д. 8524. Л. 5.
- ⁸⁵ **Эверстов С.И.** Остатки жилища из стоянки Белая Гора // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 47—64; НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8524. Л. 5—20.
 - 86 НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8524. Л. 20-21.
 - 87 Там же. Д. 7858. Л. 2; Д. 9339. Л. 1.
 - 88 Там же. Д. 7858. Л. 2-4; Д. 9339. Л. 1-3.
- ⁸⁹ Кистенев С.П. Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. — Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980. — С. 74-87.
 - 90 НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11571. Л. 1–10.
 - ⁹¹ Там же. Л. 10-11.
 - 92 Там же. Д. 12375. Л. 1-2.
 - 93 Там же. Л. 5-14.
 - 94 Там же. Л. 14-15.
 - ⁹⁵ Там же. Л. 15-18.
 - ⁹⁶ Там же. Л. 20-27.
 - ⁹⁷ Там же. Л. 19.
 - ⁹⁸ Там же. Д. 12702. Л. 1.
 - ⁹⁹ Там же. Л. 1–17.
 - 100 Там же. Л. 17.
 - 101 Там же. Д. 16134. Л. 2.
 - 102 Там же. Л. 2−6.
 - ¹⁰³ Там же. Л. 6.
- 104 Михалев В.М., Елисев Е.И. Археологические исследования в бассейне верхней Яны // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 47–64; НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16134. Л. 6–10.
 - 105 НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16837. Л. 1.
 - 106 Там же. Л. 1−2.
 - 107 Там же. Л. 2-4.
 - 108 Там же. Л. 1−7.
 - 109 Там же. Д. 13806. Л. 1.

- 110 НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16837. Л. 1-5.
- 111 Там же. Л. 5-13.
- 112 Там же. Л. 13-19.
- 113 Там же. Д. 4871. Л. 2.
- 114 Там же. Л. 3-5.
- ¹¹⁵ **Эверстов С.И.** Памятники древних культур нижней Индигирки // Общество, культура, образование. Кн. 1. М.: Рос. академия естествознания, 2014. С. 138—143; НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4871. Л. 5—8.
 - 116 НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4871. Л. 8-9.
 - 117 Там же. Л. 9–14.
 - 118 Там же. Л. 14-29.
 - 119 Там же. Д. 14723. Л. 1–18; Д. 16321. Л. 3–23.
 - 120 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 544. Л. 63-67.
- ¹²¹ Савоскул С.С., Соколова З.П. Юрий Борисович Симченко // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 168—173.
 - 122 АРАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1671. Л. 1—2.
- 123 ПМА. Интервью с О.Л. Посух, г. Якутск Новосибирск, $25.05.2021\,\mathrm{r.}$
- 124 Донской Ф.С., Курилов Г.Н., Слепцов Я.Г. и др. Проблемы возрождения исчезающих юкагиров. Якутск: Северовед, 1996. С. 31.
- ¹²⁵ Посух О.Л. Генетико-демографическое изучение популяций эвенов и юкагиров Якутии // Популяционно-генетическое изучение северных народностей. Новосибирск: Наука, 1992. С. 41.
 - ¹²⁶ Там же. С. 43-44.
 - 127 Там же. С. 46-47.
 - 128 Там же. С. 49.
 - ¹²⁹ Там же. С. 49-53.
 - 130 Там же. С. 58-59.
- ¹³¹ **Симченко Ю.Б.** Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976. С. 31.
 - ¹³² **Научный** архив МАЭ РАН. Ф. К-І. Оп. 2. Д. 1528. Л. 91.
 - 133 Там же. Л. 92-95.
 - 134 Там же. Л. 3.
 - 135 Там же. Л. 91.
 - 136 Там же. Л. 4-5.
 - 137 Там же. Л. 5−6.
- 138 Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. — М.: Наука, 1989. — 270 с.
 - 139 **Научный архив МАЭ РАН.** Ф. К-І. Оп. 2. Д. 1528. Л. 11.
 - 140 Там же. Л. 82.
 - ¹⁴¹ Там же. Л. 14-74.
 - 142 Там же. Л. 33.
 - 143 Там же. Л. 51-52.
 - 144 Там же. Л. 35.
 - ¹⁴⁵ Там же.
 - 146 Там же. Л. 33.
 - 147 Там же. Л. 43, 66-67.

- ¹⁴⁸ **Научный архив МАЭ РАН.** Ф. К-І. Оп. 2. Д. 1528. Л. 15–16.
- 149 Там же. Л. 82.
- 150 Там же. Л. 20-74.
- ¹⁵¹ Там же. Л. 21.
- 152 Там же. Л. 84.
- ¹⁵³ ПМА. Интервью с Л.Н. Жуковой, г. Якутск, 17.06.2021.
- 154 Там же. Д. 1689. Л. 1-11.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 1.
- 156 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 15. Д. 126. Л. 1-4, 95-96.
- ¹⁵⁷ Там же. Л. 25-57.
- 158 Там же. Л. 58-80.
- 159 Там же. Л. 64, 75.
- 160 Там же. Л. 71.
- 161 Там же. Д. 127. Л. 8-217.
- 162 Там же. Л. 227.
- 163 Там же. Оп. 12. Д. 247. Л. 1–129; Д. 247а. Л. 1–63.
- ¹⁶⁴ Аллаиховский улус: история, культура, фольклор / отв. ред. С.Н. Горохов. — Якутск: Бичик, 2005. — С. 161.
 - 165 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 141. Л. 25.
 - 166 Там же. Оп. 12. Д. 243. Л. 1-6.
 - ¹⁶⁷ Там же. Д. 252. Л. 1–390.
- ¹⁶⁸ Воронкин М.С., Алексеев М.П., Васильев Ю.И. Саха туелбэ тылын: Эбии том (Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том). Новосибирск: Наука, 1995. 296 с.
- 169 **Иванов С.А.** Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты). Ч. 1: Фонетика. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2004. 128 с.; **Он же.** Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты). Ч. 2: Морфология и лексика. Новосибирск: Наука, 2010. 178 с.
 - 170 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 315. Л. 1–289.
- ¹⁷¹ **Коркина Е.И.** Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск: Наука, 1992. С. 11.
- ¹⁷² РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 269. Л. 1–58; Д. 270. Л. 1–29; Д. 272–274. Л. 1–15; Д. 275. Л. 1–96.
 - 173 Там же. Д. 281а. Л. 1–80.
 - 174 Там же. Д. 276—280. Л. 1—47.
 - 175 Там же. Д. 287, 289.
 - 176 Там же. Д. 288. Л. 1–89; Д. 290. Л. 1–59.
 - 177 Там же. Д. 302. Л. 1-23.
 - 178 Там же. Д. 313. Л. 1–10.
- 179 Там же. Д. 315. Л. 1—289; **Коркина Е.И.** Северо-восточная диалектная зона... 270 с.
 - ¹⁸⁰ ПМА. Интервью с Н.Н. Ефремовым, г. Якутск, 11.11.2020.
 - 181 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 141. Л. 1-288.
- 182 Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 298 с.; Он же. Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб.: Наука, 1995. 144 с.
 - 183 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 139. Л. 1–358.
 - 184 Там же. Д. 144. Л. 4.

- ¹⁸⁵ Ширина Д.А. Отечественная наука и изучение Якутии в XVIII начале XX вв. // Исторические связи народов Якутии с русским народом. Сборник научных трудов. Якутск: Як. кн. изд-во, 1987. С. 64.
 - 186 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 144. Л. 1–250.
 - ¹⁸⁷ **Роббек В.А.** Язык эвенов Березовки. Л.: Наука, 1989. 207 с.
 - 188 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 169. Л. 1—203.
- 189 Там же. Оп. 17. Д. 11. Л. 24; Д. 18. Л. 45; Д. 21. Л. 53, 81; Д. 37. Л. 36; Д. 38. Л. 64; Д. 39. Л. 40.
- 190 Курилов Г.Н. Правила орфографии в юкагирском языке. Якутск: ЛОП ЯГУ, 1987. 31 с.; Он же. Букварь для первого класса юкагирской школы. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1987. 127 с.; Он же. Юкагирскорусский словарь. Якутск: Як. кн. изд-во, 1990. 356 с.
 - ¹⁹¹ ПМА. Интервью с Л.Н. Жуковой, г. Якутск, 17.06.2021.
- 192 Николаева И.А. Проблема урало-юкагирских генетических связей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988. С. 8.
 - ¹⁹³ Там же. С. 1—24.
- ¹⁹⁴ Спиридонов В.К., Николаева И.А. Букварь: для 1 класса юкагирских школ (верхнеколымский диалект). СПб.: Просвещение, 1993. 134 с.
- 195 Фольклор юкагиров Верхней Колымы / Л.Н. Жукова, И.А. Николаева, Л.Н. Демина. Якутск: Изд. Якутского госуниверситета, 1989. Ч. 1. 160 с.; Ч. 2. 88 с.
 - 196 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 13. Д. 257. Л. 1.
- 197 Рожнова С.П. Александр Бадмаевич Соктоев: феномен научного лидера // Филологические чтения памяти А.Б. Соктоева. Сб. статей. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 3–13.
- 198 Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Эвенкийские героические сказания / Сост. А.Н. Мыреева. Новосибирск: Наука, 1990. С. 3.
- 199 Соктоев А.Б. К родникам творчества (о I комплексной фольклорной экспедиции по Туве, Хакасии и Горному Алтаю) // Наука в Сибири. 1984. 12 июля.
- ²⁰⁰ Он же. К родникам творчества (о II комплексной фольклорной экспедиции по Приморскому и Хабаровскому краям) // Наука в Сибири. 1985. 29 авг.
- 201 Он же. Фольклорный край Якутия (о III комплексной фольклорной экспедиции в районы Юго-Западной Якутии) // Наука в Сибири. 1986. 14 авг.
 - 202 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 13. Д. 257. Л. 1-8.
 - ²⁰³ Там же. Оп. 17. Д. 39, б.н.
 - 204 Там же. Оп. 13. Д. 257. Л. 4-8.
 - ²⁰⁵ Там же. Л. 10.
 - 206 Там же. Л. 6.
 - 207 Там же. Л. 11-26.
 - ²⁰⁸ Там же. Л. 23.
 - ²⁰⁹ Там же. Л. 12, 26-30, 90-100.
 - ²¹⁰ Там же. Л. 13.
 - 211 Там же. Л. 31-36.

- ²¹² Соктоев А.Б. Сияние северной поэзии // Наука в Сибири. 1987. 3 сентября.
 - 213 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 13. Д. 309. Л. 1–15.
- ²¹⁴ Варламова Г.И. Фольклор народов Севера и его изучение в Республике Саха (Якутия) // Славянская культура портал о культуре и истории древних славян. URL: http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/folk/folklornarodov-severa.html (дата обращения: 28.03.2019).
- ²¹⁵ **Общее** соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о контактах, обменах и сотрудничестве в области науки, техники, образования, культуры и в других областях // Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1973 года. Вып. 29. М.: Международные отношения, 1975. С. 189—192; Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединенных Штатов Америки о сотрудничестве в области исследования мирового океана // Там же. С. 212—214.
- ²¹⁶ **Гурвич И.С.** Советско-американское сотрудничество в области изучения взаимодействия аборигенных народов и культур Северной Сибири и Северной Америки // Советская этнография. 1978. № 6. С. 157—160.
 - 217 АРАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1055. Л. 1–28.
 - 218 Там же. Л. 54.
 - 219 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 850. Л. 1-2.
- ²²⁰ АРАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1577. Л. 5—14; РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 19. Д. 4. Л. 32—37.
 - 221 РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 19. Д. 4. Л. 20-23.
 - 222 Там же. Л. 10-11.
- ²²³ Arctic Research: Advances and Prospects. Part 1. Proceedings of the Conference of Arctic and Nordic Countries on Coordination of Research in the Arctic, Leningrad, December 1988 / Под общ. ред. В.Е. Соколова и В.М. Котлякова. М.: Наука, 1990. С. 11.
- ²²⁴ Yegorov E.G. The socio-economic development of the Northern peoples of the USSR under the Perestroika conditions // Arctic Research: Advances and Prospects. Part 2. Proceedings of the Conference of Arctic and Nordic Countries on Coordination of Research in the Arctic, Leningrad, December 1988 / Под общ. ред. В.Е. Соколова и В.М. Котлякова. М.: Наука, 1990. С. 338—339.
- ²²⁵ **Donskoy** F.S. The socio-economic development of the Soviet Arctic nationalities // Tam жe. C. 336–338.
- ²²⁶ **Шерстов В.А.** Научный потенциал Республики Саха (Якутия). 1980—1990 гг. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. С. 9.
 - 227 АРАН. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 348. Л. 9.

Резолюция совместного заседания Комиссии по проблемам Севера при Президиуме АН СССР и Ученого совета Института этнографии АН СССР

Москва, апрель 1958 г.

Заслушав доклад зав. сектором народов Крайнего Севера Института этнографии АН СССР кандидата исторических наук Б.О. Долгих, Комиссия по проблемам Севера и Ученый совет Института этнографии АН СССР отмечают, что за годы Советской власти малые народы Севера прошли большой путь в своем социально-экономическом и культурном развитии. Народы Севера практически перешли от патриархально-родового общества к социализму. На Севере созданы национальные округа. Для многих народов Севера разработана письменность. В национальных округах Крайнего Севера создана густая сеть школ, интернатов, лечебно-профилактических и культурно-просветительных учреждений, народностей Севера, появились свои национальные кадры учителей, советских и партийных работнимеханизаторов. счетных работников. Организационно окрепли колхозы малых народов Севера, однако, как справедливо указывается в совместном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР за № 300 от 16 марта 1957 года, имеющиеся возможности для всестороннего и успешного хозяйственного и культурного строительства используются недостаточно.

На Севере в особенно сильной степени сказались шаблоны в планировании, осужденные в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 марта 1955 г. «Об изменении практики планирования сельского хозяйства». В результате шаблонного подхода происходило неоправданное внедрение в колхозы народов Севера земледелия и звероводства даже там, где они были явно нерентабельны. Имело место стремление, без учета требований производства, перевести оленеводов и охотников на оседлость, а оседлое население без учета местных условий и хозяйственной целесообразности сселить в крупные поселки; во многих районах Севера происходило навязывание колхозам коренного населения промышленного рыболовства в

ущерб работе и делались другие неоправданные изменения их хозяйственной деятельности.

Стремление к повышению товарности продукции колхозов народов Севера, без подведения в большинстве случаев под производство их колхозов новой, более производительной технической базы, зачастую приводило к тому, что колхозы были вынуждены давать товарную продукцию (рыбу, мясо, шкуры) за счет потребления колхозников и их семей. Имела место также физическая перегрузка колхозников, что при недостаточном питании отрицательно отзывалось на состоянии здоровья населения Севера.

Недостаточно учитывалось то обстоятельство, что, хотя народы Севера в прошлом находились на низком уровне развития производительных сил и сохраняли архаические черты в социальном строе, они обладали своеобразной, хорошо приспособленной к хозяйственной деятельности и образу жизни, культурой, из которой следовало бы сохранять и развивать лучшее и рациональное. К сожалению, это делалось в далеко недостаточной степени. Не принималось во внимание, что резкая перестройка условий существования и быта отсталых народов обычно неблагоприятно и даже гибельно отражается на них. Не были также учтены различия в общественно-экономическом развитии народов Севера, которые существовали между отдельными народами и даже между представителями одного народа в разных зонах его распространения. В течение последних десятилетий была почти прекращена теоретическая работа по вопросам развития хозяйства, подъема культуры и быта народов Севера, которая велась раньше Комитетом Севера при ВЦИКе и Институтом народов Севера. В деятельности разных учреждений, снабженческих, культурно-просветительных организаций почти не учитывались производственные, национально-бытовые и культурные потребности и особенности народов Севера.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 300 от 16 марта 1957 г. намечает широкие перспективы дальнейшего хозяйственного и культурного развития малых народов Севера. Комиссия по проблемам Севера АН СССР и Ученый совет Института этнографии считают необходимым приложить максимум усилий для творческого выполнения данного постановления.

1. Успешное решение проблемы социалистической перестройки хозяйства и быта народов Севера и расцвета их культуры имеет международное значение. В Советском Союзе даже

самые малые народы развивают свою экономику и культуру. Всесторонний подъем малых народов Севера СССР должен стать яркой демонстрацией преимуществ социалистического строя.

2. Проблема перехода в прошлом отсталых народов к новым социалистическим формам хозяйства и быта является очень сложной и до сих пор не решена во всех деталях. Необходимо возобновить теоретическую разработку вопросов организационных форм и направления деятельности колхозов народов Севера в разных естественно-географических условиях и у разных народов, имея в виду комплексный характер хозяйства народов Севера.

Особое внимание следует обратить на вопросы рациональной перестройки быта, в частности, на правильное решение проблемы кочевого образа жизни.

- 3. Требуется разработать конкретные мероприятия по техническому оснащению северного хозяйства, обратив главное внимание на обеспечение спокойного летнего выпаса оленей (что необходимо для сохранения оленей, повышения упитанности, облегчения труда пастухов) и на создание и применение механизированных сухопутных и воздушных транспортных средств, приспособленных к условиям Севера и могущих обслуживать внутриколхозные и внутрирайонные перевозки и связь.
- 4. Проблема численности народов Севера требует тщательного анализа имеющихся сведений, изучения и использования статистических данных из архивов. В переписи 1959 г. необходимо народы Севера учесть с особой точностью. Во избежание возможных ошибок привлекать к переписи этнографов специалистов по разным народам Севера. Необходимо провести такие выборочные специальные демографические обследования ряда народов силами Министерства здравоохранения и ЦСУ.
- 5. Одновременно с демографической переписью 1959 г. необходимо у народов Севера произвести похозяйственную перепись.
- 6. Необходимо шире практиковать посылку на Север экспедиций Министерства здравоохранения и Общества Красного Креста для изучения состояния здоровья народов Севера, выработки практических мероприятий и оказания помощи местным органам здравоохранения.
- 7. Необходимо обеспечить завоз на Север ряда предметов потребления, специально спроектированных и изготовленных для народов Севера с учетом национальных традиций и опыта. Необходимо предметы потребления местного производства из

тех районов, где они имеются в избытке, перебрасывать в те районы Севера, в которых испытывается недостаток в этих предметах потребления (например, продукция оленеводства, морского зверобойного промысла и т.д.).

- 8. Необходимо категорически запретить завоз на Север спиртных напитков и других изделий, содержащих спирт (одеколон и пр.).
- 9. Обратить внимание торгующих организаций на необходимость завоза высококалорийных и богатых витаминами продуктов питания в количествах, полностью обеспечивающих потребности населения Севера, сделав акцент на увеличение потребления этих продуктов коренным населением Севера.
- 10. Для ряда малых народов Севера считать необходимым оказание единовременной материальной помощи.
- 11. Обратить внимание Министерства просвещения РСФСР и Академии педагогических наук РСФСР на необходимость разработки мероприятий по приближению школьной работы к условиям северного колхозного производства. В частности, политехнизацию северной школы надо производить таким образом, чтобы школа готовила для северных колхозов полноценных оленеводов, охотников и рыболовов.
- 12. В интернатах необходимо обратить особое внимание органов просвещения на необходимость коренного улучшения бытовых и гигиенических условий, очень часто совершенно недопустимых. В крайних случаях считать целесообразным отсрочку приема отдельных детей в школы с тем, чтобы никоим образом не допускать нарушения санитарно-гигиенических норм содержания детей в интернатах.
- 13. Обратить внимание Министерства просвещения на необходимость (школьной и особенно в воспитательной и политикопросветительской работе) шире использовать родные языки народов Севера, считать недопустимыми такие случаи, когда в результате длительного пребывания в интернатах, особенно в оздоровительных лесных школах, техникумах и др. учебных заведениях, дети народностей Севера забывают свой родной язык. Необходимо для ряда малых народов Севера создать отдельные национальные школы с интернатами. Необходимо для всех народов Севера, независимо от их численности, организовать выпуск политических, санитарно-просветительских, производственно-технических и пр. брошюр, плакатов, листовок и т.п., а также стенгазет на их родных языках.

- 14. Необходимо повести решительную борьбу с имеющимися случаями пренебрежительного отношения к коренному населению Севера, его языку, культуре, обычаям и даже собственным именам со стороны отдельных приезжих работников. Наоборот, надо принять все меры, направленные на развитие и обогащение языков народов Севера, развитие и подъем всего лучшего в самобытной культуре этих народов.
- 15. Надо обратить внимание соответствующих государственных учреждений на необходимость категорически запретить привлечение и использование на работе в северных национальных округах, а также в других районах, населенных малыми народами Севера, уголовных и иных антиобщественных элементов. Считать необходимым принять меры к удалению таких элементов из тех районов Севера, где они в настоящее время имеются.
- 16. Необходимо распространить все льготы, установленные для приезжих работников Крайнего Севера, на лиц из местного населения Севера, т.е. на уроженцев тех районов, где они работают.
- 17. Учитывая существующее положение, когда для работы среди народов Севера присылаются лица, не имеющие иногда даже элементарных сведений о них и поэтому не способные правильно разобраться в обстановке и организовать свою деятельность, необходимо проводить специальную подготовку всех категорий работников, едущих в районы, населенные малыми народами Севера. Пока только в некоторых педагогических учебных заведениях существуют отделения, готовящие кадры для северных школ, но и то большая часть учителей на Севере все же оказывается без специальной подготовки. Поэтому не только в педагогических, но и в ряде медицинских, торговых, зоотехнических, ветеринарных и др. учебных заведениях необходимо создать специальные отделения, где бы учащиеся изучали историю, хозяйство и быт народов Севера, их языки, истосоциалистического строительства Севере. на рию направляемых на Север партийных и советских работников следует предварительно обучать на специальных курсах для приобретения необходимых познаний по истории и этнографии народов Севера.
- 18. Штаты в северных национальных округах и районах непомерно раздуты. Необходимо их сократить за счет упрощения и уменьшения административно-управленческого аппарата, а

также широкого совмещения профессий и функций, а в ряде случаев укрупнения районов.

19. Следует признать, что ликвидация в 1935 г. Комитета содействия малым народностям Севера при ВЦИКе была преждевременна. Для оказания необходимой всесторонней помощи народам Севера обязательно создание специального центрального органа, призванного координировать мероприятия, направленные на подъем хозяйства и культуры народов Севера, координировать деятельность ведомств, связанных с этими народами, проверять выполнение постановлений партии и правительства, касающихся народов Севера.

Необходимо также создание единой, мощной специальной хозяйственной организации, которая осуществляла бы всю торговлю и заготовки на Севере, снабжение колхозов, местные и межрайонные перевозки, работы по хозяйственному, жилищному и культурно-бытовому строительству в основных колхозных и районных центрах, взяла бы в свои руки все хозяйственное обслуживание малых народов Севера.

До создания вышеупомянутых центральных организаций желательно, чтобы все учреждения, обслуживающие народы Севера, координировали свои усилия в деле подъема хозяйства, культуры и здоровья этих народов.

20. Считать необходимым в сборниках «Проблемы Севера», издаваемых Комиссией по проблемам Севера при СОПС АН СССР, открыть постоянный отдел, посвященный народам Севера и обратиться с ходатайством о преобразовании этих сборников в периодические издания.

АРАН. Ф. 142. On. 1. Д. 955. Л. 116-123. Машинопись.

Краткая программа для выявления этнического состава населения в бассейне Колымы

Якутск, б.д.

- 1. Распространение населения по языковому признаку. Современная школьная практика и ее влияние на язык населения. Печатная литература и грамотность как факторы, способствующие преодолению изоляции отдельных этнических групп. Явление двуязычия.
- 2. Данные о распределении населения по старым административным единицам наслегам, улусам, округам. Пути кочевания в прошлом. Взаимоотношения между отдельными этническими группами и административными единицами. Воспоминания населения о своем прошлом (из каких районов прибыли их предки, почему). Воспоминания о войнах с чукчами, о столкновениях между юкагирами и чукчами и т.п. Генеалогические предания.
- 3. Родоплеменной состав по данным за 1926—27 гг. Данные современных похозяйственных списков. Современное административное деление.
- 4. Распределение населения по роду занятий (комплексное хозяйство приречного населения, кочевники тундры, охотники тайги). Различные экономические уклады отдельных этнических групп.
- 5. Национальное самосознание отдельных этнических групп, самоназвание, тяготение, к какой национальности относят соседи и т.п. Численность отдельных этнических групп. Их расселение. Культурные особенности отдельных этнических групп чукчей, эвенов, эвенков, юкагиров, русских старожилов и якутов:

особенности быта. Одежда. Утварь. Особенности в использовании оленей, собак, лошадей. Особые способы приготовления пищи. Конструктивные особенности и отличия в типах жилища. Способы охоты, рыболовства, охоты на водоплавающую дичь и морского зверя, приписываемые какой-либо отдельной

этнической группе. Данные о истории каждой этнической группы, ее внутреннего устройства (социальный строй) и верования до революции.

6. Пестрый этнический состав и современная колхозная практика. Смешанные колхозы, состоящие из нескольких национальностей. Влияние национальной принадлежности на определение рода занятий в колхозе (чукчи-оленеводы, эвенки-охотники и т.д.).

Преодоление в условиях советского строя замкнутости отдельных этнических групп и их недоверия друг к другу. Смена родоплеменных представлений в связи с устранением изоляции, национальности.

РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 233. Л. 4-5. Машинопись.

Приложение 3 Места проведения основных археологических изысканий силами АН СССР в 1950-е—1991 гг.



О Исследования 1970-х гг.

● Исследования 1980-х — 1991 гг.

О Исследования 1950-х гг.

О Исследования 1960-х гг.

Из материалов Юкагирской комплексной экспедиции 1959 г.



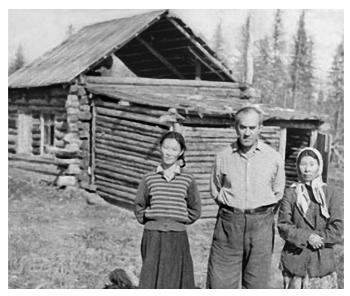
Участники Юкагирской комплексной экспедиции. Слева направо: И.С. Гурвич, С.А. Федосеева, М.Я. Жорницкая, К.И. Горохов, Е.А. Крейнович. Фотоархив ИЭА РАН. Оп. 362. Д. 44849.



Раскопки Бурулгинской стоянки древнего человека, Аллаиховский район ЯАССР. На переднем плане - 3.В. Гоголев. Научный архив СО РАН. Ф. 70. Оп. 1. Д. 134.



Археолог С.А. Федосеева. Научный архив СО РАН. Ф. 70. Оп. 1. Д. 135.



Е.А. Крейнович со своими информантами. Фотоархив ИЭА РАН. Оп. 362. Д. 44840.



И.М. Золотарева и Е.А. Крейнович (справа) на катере, следующем из Колымского в Нижнеколымск. Фото И.С. Гурвича. Фотоархив ИЭА РАН. Оп. 362. Д. 44858.



Юкагирский наслег Аллаиховского района ЯАССР. Фото З.В. Гоголева. Научный архив СО РАН. Ф. 70. Оп. 1. Д. 141.



Чукчанка за обработкой шкуры, с. Колымское, Нижнеколымский район ЯАССР. Фото М.Я. Жорницкой. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 360.

Инструкция и анкета для проведения социолого-лингвистического обследования коренных малочисленных народов Севера

Новосибирск, 1967—1968 гг.

ИНСТРУКЦИЯ для проведения социолого-лингвистического обследования

1. Задачи обследования

Строительство коммунизма в нашей стране требует не только создания самой совершенной материально-технической базы, но также и неуклонного повышения коммунистической сознательности, общеобразовательного и культурного уровня всех слоев населения. В связи с этим неизмеримо возрастает значение всех видов воспитательной и учебной работы, как массовой, так и индивидуальной.

Успех всей этой работы в большой мере зависит от того, насколько она доступна для тех или иных групп населения, для каждого отдельного человека, т.е. насколько понятны и доходчивы различные доклады, лекции, беседы, спектакли, концерты, радиопередачи для слушателей, книги, журналы, газеты, вывески, объявления для читателей, уроки и кружковые занятия для учащихся.

Вполне естественно, что любой человек быстрее и прочнее усваивает то, что сообщается ему на близком и понятном языке. Чем понятнее язык, тем легче получать новые знания, расширять свой кругозор. И наоборот, когда работа проводится с помощью языка, которым местное население или какая-то его часть владеет слабо, результаты чаще всего оказываются неудовлетворительными. Тратятся время, силы, средства, а пользы почти никакой не приносит.

Поэтому чтобы дело шло успешно и приносило наилучшие результаты, необходимо для каждой отдельной группы населения решить вопрос о том, на каком языке целесообразно освещать и воспитывать людей, а решить этот вопрос правильно можно только в том случае, если мы будем иметь достаточно

точные и полные сведения относительно степени знания того или иного языка у населения. Особенно важно это для таких смешанных в национальном отношении районов нашей страны, как Сибирь и Дальний Восток.

В последние годы в жизни всех народов СССР, в том числе и народов Сибири, повышается роль русского языка, который служит им средством межнационального общения. В среде народов Сибири теперь немало людей, хорошо знающих русский язык, свободно применяющих его в любых случаях жизни. Однако еще далеко не все овладели им в достаточной степени, не все могут пользоваться им так же свободно, как своим родным языком. Некоторые малочисленные народы или отдельные входящие в них группы населения для поддержания межнациональных связей овладевают не только русским, но и языками других соседних братских народов. Таким образом, положение с использованием различных языков у разных народов совсем не одинаковое.

Бывает так, что целый народ или какая-то его часть забывает свой родной язык и постепенно переходит на русский, который и становится для него родным. Возможен, как было уже сказано, такой же переход на язык какого-то другого народа. Бывает, что люди одинаково свободно не только говорят, но и думают как на родном, так и на каком-либо другом языке, например русском. В этом случае можно считать, что у них не один, а два родных языка. Чаще всего такое положение складывается тогда, когда люди в совершенстве овладевают русским языком и пользуются им для общения с представителями других народов, а также для дальнейшего повышения своего культурного уровня, но и родного языка не забывают, общаются на нем в семье или с людьми своей национальности. Кроме того, среди тех, кто овладел русским языком, есть немало людей, которые сохраняют любовь к своему родному языку и хотят читать на нем свою национальную литературу, слушать спектакли, радиопередачи. Наконец, возможны и такие случаи, когда отдельные группы населения владеют только своим родным языком, а русского языка или вовсе не знают, или знают его слабо. Словом, степень владения родным и русским (или каким-то другим) языками может значительно различаться, а это требует различного решения вопроса о языке пропаганды и обучения для разных народов и входящих в них групп.

Главная задача обследования как раз в том и состоит, чтобы детально ознакомившись с фактическим положением дела на

местах, определить, для каких групп нерусского населения Сибири (по национальности, полу, возрасту, образованию, социальному положению) работу по воспитанию и обучению целесообразнее вести на родном языке, для каких — на русском или каком-нибудь ином языке. Кроме того, обследование позволит получить ценные для науки сведения о социальном составе населения, его занятиях, уровне образования, распространении двуязычия и многоязычия, типичном составе семьи.

2. Порядок проведения обследования

Обследование проводится методом анкетирования. За единицу обследования принимается семья, но для каждого ее члена в семейной анкете заполняется отдельная графа. Это позволяет при обработке полученных данных иметь в виду ответы каждого отдельного лица и вместе с тем учитывать некоторые особенности семьи в целом, например зависимость ответов младших членов семьи от старших и наоборот, зависимость ответов иждивенцев от ответов главы семьи и т.п.

Обследованием предполагается охватить на первых порах только коренные народы Сибири, обитающие здесь с незапамятных времен еще до прихода русских. Все эти народы перечисляются ниже. Обследованию подлежат не только однородные по национальному составу семьи, но также и смешанные, где родители и дети причисляют себя к разным национальностям. Все народы Сибири мы условно разбиваем на семь групп в зависимости от их численности. У группы I, в которую входят самые малочисленные народы, насчитывающие менее 1 тыс. чел., проводится сплошное обследование (100%). Здесь анкетеры должны побывать в каждом селении и в каждой квартире, юрте, чуме, яранге и заполнить анкеты по возможности на всех жителей. В остальных 6 группах народов обследование проводится выборочно, т.е. охватывает определенный процент населения.

Процент населения, подлежащего обследованию

- $1.\ 100\,\%$ у народов, насчитывающих до $1\,\mathrm{тыc.}$ чел.: нганасаны, тофалары, орочи, юкагиры, энцы, негидальцы, алеуты, ороки;
- 2.50% у народов, насчитывающих от 1 до 3 тыс. чел.: кеты, ульчи, долганы, удэгейцы, ительмены;
- $3.\ 25\,\%$ у народов, насчитывающих от 3 до 8 тыс. чел.: манси, коряки, селькупы, нивхи;

- $4.\ 15\,\%$ у народов, насчитывающих от 8 до $15\,$ тыс. чел.: чукчи, эвены, нанайцы;
- 5. 10% у народов, насчитывающих от 15 до 40 тыс. чел.: эвенки, ненцы, ханты, шорцы;
- 6.5% у народов, насчитывающих от 40 до 150 тыс. чел.: тувинцы, хакасы, алтайцы;
- 7. 2,5% у народов, насчитывающих более 150 тыс. чел.: буряты, якуты.

При выборочном обследовании исключительно важное значение имеет порядок отбора тех, кто должен быть охвачен анкетированием. Необходимо прежде всего обеспечить представительность выборки. Это значит, что, отбирая подлежащую анкетированию часть народа, надо думать о том, чтобы среди отобранных было выдержано процентное соотношение между различными группами населения по размеру семей, полу, возрасту, уровню образования, месту работы, профессии, а в отношении избираемых для обследования сельсоветов также по количеству жителей, степени национальной смешанности населения, удаленности от административных и культурных центров.

Делается это так. В каждой республике, автономной области, национальном округе руководящий обследованием консультант по согласованию с местными органами отбирает несколько районов, в которых проживает от 25 до 75% людей данной национальности. Если обследуется народ, относящийся к группе 6 или 7, то вполне достаточно районов с одной четвертой частью всего народа; для групп 4 и 5 желательно отобрать районы, в которых живет половина всего народа, а для групп 2 и 3 — примерно две трети или даже три четверти всего народа.

При отборе районов нужно руководствоваться следующим обязательным требованием: среди отобранных должны быть районы, расположенные вблизи от центров, и районы, удаленные от них, густо населенные, и районы с редким населением, районы с относительно однородным национальным составом и районы смешанного населения, а для тех мест, где сохраняется кочевое скотоводство, также — районы с оседлым населением и районы с кочевым населением.

После этого в каждом из отобранных районов производится отбор подлежащих обследованию населенных пунктов. Делать это нужно на основании материалов по составу населения, имеющихся в статистических отделах райисполкомов. При этом необходимо учитывать те же требования, что и при выборе рай-

онов, только здесь уже нужно заботиться, чтобы общее количество людей данной национальности в отобранных населенных пунктах примерно равнялось тому числу, которое должно быть охвачено обследованием. Так, например, если алтайцев всего 45-50 тыс. чел., а процент выборки у них равен 5, то, значит, обследованием необходимо охватить 2200-2500 чел. Допустим, что в отобранных нами районах проживает 12 тыс. алтайцев. Какой процент алтайского населения нужно охватить обследованием? Естественно, что он уже не может равняться 5, а должен быть во столько же раз выше, во сколько раз 12 000 меньше, чем 50 000, т.е. $50\,000:12\,000=4$ (грубо, без десятых); $5\times 4=20$. Следовательно, в каждом отдельном районе обследованием нужно охватить 20%, или $\frac{1}{5}$, в этом районе алтайского населения. Вот мы и выберем для своей работы столько типичных для всего района населенных пунктов, чтобы число алтайцев в них составляло нужное нам количество.

В отобранных таким способом населенных пунктах анкеты нужно заполнять, по возможности, на всех жителей, точнее — на все семьи, где есть хотя бы один представитель обследуемой национальности. Получается, что населенные пункты и районы обследуются выборочно (кроме группы 1, где обследуются все населенные пункты), а в каждом населенном пункте, отобранном для обследования, проводится сплошное анкетирование. При правильном отборе районов и населенных пунктов это и обеспечит нужную нам представительность результатов обследования. Желательно, чтобы население подлежащих обследованию районов было заблаговременно поставлено об этом в известность, чтобы ему были разъяснены (по возможности на родном языке) цель и порядок проведения обследования. Для этого можно воспользоваться местными газетами и радиопередачами.

Получив задание и необходимые разъяснения от консультанта, анкетер должен составить себе план работы, перечислив в нем все те семьи, в которых ему необходимо провести анкетирование, с указанием примерного времени посещения этих семей. После заполнения каждой анкеты в плане нужно делать отметки. Это позволит избежать пропусков намеченных к обследованию семей и повторных заходов в уже обследованные дома, а также даст возможность заблаговременно предупредить обследуемых о своем посещении, чтобы все они в нужное время были на месте. Для составления плана анкетеру необходимо внимательно ознакомиться в сельском или поселковом Совете с

похозяйственной книгой, где в отношении каждой семьи он может найти все интересующие его сведения и составить список семей.

Перед началом работы в населенном пункте полезно провести собрание жителей, чтобы подробно познакомить их с задачами и порядком проведения анкетирования. Это может сэкономить много времени, потому что его не придется тратить на разъяснения каждому в момент заполнения анкеты.

Для учета проделанной работы и контроля за ней каждому анкетеру присваивается индивидуальный номер. Это должен сделать прикрепленный к нему консультант.

Отдельной семьей следует считать группу лиц, которые проживают в одном доме (квартире, юрте, чуме, яранге), связаны между собой общим хозяйством и общим бюджетом, а также, как правило, близким родством. Обычно это супружеская пара и дети. Но в состав семьи могут входить и другие родственники: родители супругов, их братья или сестры, племянники, внуки и т.п. Иногда в состав семьи входят также ее приемные члены, не связанные с семьей родством. Все такие члены должны охватываться одной анкетой. Квартирантов нужно считать отдельной семьей. Лица, живущие в семье временно (гости, командировочные), обследованию не подлежат.

При определении состава семьи и ее главы можно положиться на мнение самих обследуемых. Однако при этом не следует забывать об экономической общности как обязательном признаке семьи. Если такая общность утрачена, то можно считать, что семья расчленилась на части. Это бывает, например, в тех случаях, когда кто-либо из взрослых детей, оставаясь жить в доме родителей, вступает в брак и заводит свое хозяйство или существует на собственные заработки. Такие экономически обособившиеся лица составляют отдельную семью.

Заполнять анкету нужно путем личной беседы с каждым из обследуемых. Со слов других заполнять можно только те графы, которые касаются детей дошкольного возраста, лиц, находящихся в отъезде, а также глухих, немых и душевнобольных. Заполнять анкеты на память нельзя. Проверять правильность ответов по документам не следует.

Перед опросом анкетер должен коротко в доступной форме познакомить опрашиваемых с целью обследования, если она им еще не известна. Нужно разъяснять, прибегая в случае необходимости к переводу на родной язык, смысл тех вопросов, кото-

рые окажутся непонятными для опрашиваемых. При этом можно перечислить все допустимые ответы на заданный вопрос, но выбор ответа должен быть предоставлен самому опрашиваемому. Никакого давления на опрашиваемого при выборе им ответа, ни в коем случае оказывать нельзя. Следует воздерживаться также и от прямых подсказок. Если опрашиваемый и после разъяснений затрудняется в выборе ответа, лучше пропустить этот вопрос, сделав в соответствующей графе прочерк, чем принуждать к необдуманному ответу.

Главным условием обследования является его полная объективность. В каждой графе и строке анкеты должны быть с предельной точностью отражены фактические данные относительно опрашиваемого лица и его собственное продуманное мнение. Необъективные ответы, а также малейшие ошибки в заполнении и в кодировке могут привести к искажению фактического положения дела. Поэтому к заполнению анкет необходимо отнестись со всей серьезностью. Нельзя забывать, что на основании полученных материалов после их обработки на электронно-вычислительных машинах будут делаться весьма важные для науки выводы и приниматься практические решения, направленные на дальнейший подъем культурного уровня коренного населения Сибири, на вовлечение всех его слоев в активную борьбу за построение коммунизма.

3. Заполнение анкеты

Анкета, как уже было сказано, рассчитана на 1 семью. Для каждого члена семьи в ней отведена особая графа (вертикальная колонка) с порядковым номером. Всего таких граф 9. Но если членов семьи больше, то на такую семью следует отвести 2 анкеты, скрепив их вместе (скрепкой или клеем), причем во второй из них не повторять ответов на вопросы A, Б, В, Г. В конце первой анкеты и в начале второй нужно написать «Продолжение».

В первой графе, названной «Глава семьи», записываются ответы главы семьи, касающиеся его самого. Остальные графы предназначены для прочих членов семьи. Если в семье имеется второй из супругов (жена или муж главы семьи), на него отводится вторая графа. Ответы остальных членов семьи заносятся в следующие графы начиная с третьей (при наличии второго супруга) или второй (при отсутствии второго супруга). Порядок

остальных членов семьи должен определяться возрастом: сначала старшие, затем младшие. Одиночки занимают графу главы семьи. Остальные графы при этом остаются незаполненными.

Заполнять анкету можно в присутствии всех членов семьи, а вопросы задавать им всем вместе, но ответы получать от каждого по очереди и заносить их в соответствующие графы.

Ответы нужно писать в левой широкой части графы, а в правой узкой части нужно проставлять знаки цифрового кода в соответствии с прилагаемым к инструкции списком. Заполнять анкеты следует простым (не химическим) карандашом, разборчивым почерком.

Вопросы А, Б, В, Г, помещенные вверху анкеты, имеют паспортный характер и заполняются на всю семью. Остальные вопросы (1–20) задаются каждому отдельному члену семьи, и для ответов на них имеется 12 граф, из которых заполняется столько, сколько в обследуемой семье содержится членов. Объединять в одной анкете две и более семей нельзя. Нельзя также добавлять к обследуемой семье не относящихся к ней одиночек.

В отношении детей в возрасте до трех лет заполняются ответы на вопросы 1, 2, 3, 4. За детей на эти вопросы отвечают их родители или другие взрослые родственники. Дети от 3 до 6 лет включительно отвечают на вопросы 1, 2, 3, 4, 9, 10. В отношении членов семьи, находящихся в отъезде, со слов их родственников заполняются ответы на первые девять вопросов, а ниже, в отведенной для них графе, пишется «в отъезде» и указывается место, куда, когда и на какой срок они выбыли. За глухих, немых и душевнобольных ответы дают их родственники, причем достаточно заполнить ответы на первые четыре вопроса, а ниже написать, в чем состоит дефект этого человека: глухой ли он, немой или душевнобольной.

Ниже даются пояснения к некоторым вопросам анкеты.

Вопросы А, Б, В, Г. Если населенный пункт, где проводится обследование, находится на территории автономной республики, автономной области или национального округа, то пишется сокращенно нужное название (БАССР, ТАССР, ЯАССР, Алт.АО, Чук.НО, Эвенк.НО и т.п.) без указания края (области), в которые они входят. Так же сокращенно обозначаются названия краев и областей (Хаб., Красн., Тюм., Маг. и т.п.). Названия районов, сельсоветов и населенных пунктов пишутся полностью.

Вопрос 1. В ответе после порядкового номера нужно указать, в каком родстве с главой семьи состоит опрашиваемый, например: 2. жена (возможно и 2. муж); 3. отец (главы семьи);

4. теща (мать жены); 5. сын; 6. дочь; 7. приемный. Последнее пишется в том случае, когда в состав семьи входит лицо, не связанное с этой семьей родством, т.е. приемные дети и другие лица, состоящие на иждивении главы семьи.

Вопрос 2. Национальная принадлежность опрашиваемого определяется им самим. Не нужно смущаться тем, что в одной семье могут оказаться представители разных национальностей. Возможно, что дети родителей нерусской национальности назовут себя русскими. Возможны даже случаи, когда отец — одной национальности, мать — другой, а дети — третьей. Во всех этих случаях в анкете следует указывать ту национальность, которая названа опрашиваемым.

Вопрос 4. Нужно написать не год рождения, а именно сколько лет (цифрами) исполнилось опрашиваемому к моменту заполнения анкеты. Если опрашиваемый затрудняется точно определить свой возраст, можно указать приблизительное число лет. Возраст детей до одного года обозначается в левой части графы цифрой 0.

Вопрос 5. Для задач обследования важно различать следующие уровни образования: 1. высшее, 2. незаконченное высшее, 3. среднее, 4. специальное (техникум, педучилище, школа медсестр, культпросветшкола, различные курсы, приравненные к среднему учебному заведению и т.п.), 4. общее среднее, 5. незаконченное среднее (специальное или общее), 6. начальное, 6. незаконченное начальное, 8. грамотный-самоучка, 9. малограмотный и неграмотный. Это можно в левой части графы писать с сокращениями, а можно указывать порядковый номер, вместо высшее писать 1, вместо малограм. писать 9 и т.д. Кто учился в учебном заведении, но не закончил его, указывается незаконченное образование, а в скобках — число законченных курсов или классов, например, если человек окончил 3 курса высшего учебного заведения, а дальше не учился, то пишется или незак. высшее (3) или 2 (3). Окончившие учительский институт считаются имеющими незаконченное высшее образование. Грамотным-самоучкой (8) следует считать того, кто нигде не учился, но самостоятельно овладел навыками беглого чтения письма на каком-либо языке, кто может свободно, без запинок читать газеты и нетрудные по содержанию книги, кто бегло пишет, не выводя каждую букву по отдельности.

Малограмотным следует считать того, кто с трудом (по буквам или слогам) читает печатный или рукописный текст и пишет, выводя отдельные буквы. К малограмотным нужно относить

в частности тех, кто окончил только пункты ликвидации неграмотности и дальше своей грамотности не повышал. Неграмотным следует считать того, кто в настоящее время не умеет ни читать, ни писать, кто никогда не учился или учился, но все забыл, а также того, кто узнает отдельные буквы, но не может связать их в целые слова, кто умеет расписаться, но других слов написать не может. Необходимо особо отмечать все случаи рецидива неграмотности, т.е. утраты умения читать и писать. В левой части графы в таких случаях нужно ставить через запятую две цифры, например: 10,7 (сейчас человек неграмотный, но когда-то имел незаконченное начальное образование) или 10,6 (сейчас неграмотный, но раньше имел начальное образование).

Bonpoc 8. Под «данной местностью» понимается не только один населенный пункт, но и целая группа расположенных поблизости населенных пунктов, может быть, даже целый район, но обязательно заселенный тем же народом, говорящим на том же языке и на том же диалекте.

Вопрос 9. Родной язык опрашиваемого определяется им самим. В случаях, если опрашиваемый затрудняется дать ответ, ему нужно разъяснить, что родным считается тот язык, который он знает лучше других языков, на котором он свободно говорит и думает, которым он может пользоваться в любых случаях жизни. Если опрашиваемый одинаково свободно владеет двумя и более языками, нужно перечислить названия всех этих языков. Желательно, чтобы было указано также и название диалекта или говора, но это не обязательно. Такое уточнение возможно лишь в том случае, когда анкетеру или самому опрашиваемому известно, на какие диалекты распадается данный язык и как эти диалекты называются.

При ответах на этот и многие другие вопросы анкеты (10, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 18) следует указывать наименование языка (например: русский, якутский, бурятский, хакасский, эвенкийский и т.п.). Употреблять в ответах слово «родной» не следует, так как это вызовет затруднения при обработке анкеты. Никаких лишних слов добавлять не нужно. В частности, не нужно писать слово «язык».

Вопрос 10. Если опрашиваемый не владеет ни одним из языков народов СССР, кроме родного, то во всех трех строках левой части графы делаются прочерки. Если же он владеет, кроме родного, например, еще тремя языками, причем на одном из них может читать и писать, на другом — разговаривать, а на

третьем только понимает чужую речь, а сам не говорит, то следует первый из этих языков указать только в ответе на вопрос 10-а, второй — на вопрос 10-б, третий — на вопрос 10-в. Ведь когда человек может на каком-то языке читать и писать, едва ли можно сомневаться в том, что он не только понимает этот язык, но и говорит на нем, а если он может говорить на каком-то языке, значит он его понимает. Поэтому повторять название одного и того же языка нет необходимости.

Вопрос 11-а. Следует указать язык или перечислить языки, на которых опрашиваемый говорил свободно перед поступлением в школу и понимал в такой степени, чтобы без затруднений воспринимать речь учителя и пользоваться учебниками.

Вопрос 11-б. Нужно назвать язык, на котором велось преподавание и были написаны учебники в том классе, куда впервые пошел учиться опрашиваемый.

Вопрос 13. Если на родном языке опрашиваемого книги и газеты не издаются, лекции и радиопередачи не читаются, концерты и спектакли не устраиваются, но для него, по его собственному мнению, было бы понятнее и приятнее все это читать и слушать на родном языке, то следует написать название его родного языка; если же опрашиваемый назовет русский или какой-нибудь другой язык, то это и нужно написать. Естественно, вопрос 13-а задается только тем, кто умеет читать.

Вопрос 14. Имеются в виду устные пояснения на родном языке по ходу демонстрации кинофильмов, устный перевод того, что говорится с экрана, или же вступительное слово перед началом сеанса. Ответы: «да» или «нет».

Вопрос 18. Далеко не все могут легко и уверенно ответить на этот вопрос. Затруднения будут испытывать прежде всего те, кто сам в школе не учился или учился давно. Поэтому, прежде чем задать вопрос, следует сделать для опрашиваемых некоторые разъяснения.

Статья 15 Закона о школе предоставляет родителям право выбирать, на каком языке будут учиться их дети, и никто не может заставить их поступать против собственного желания. Но этим правом нужно пользоваться разумно, заботясь прежде всего о том, чтобы детям на первых порах было легче учиться, чтобы они как можно более прочно и быстро овладевали необходимыми знаниями.

Полезнее всего начинать обучение на том языке, который дети знают лучше всего. В этом случае они не только лучше

будут усваивать преподаваемые им предметы, но и расширять свой кругозор, развивать способность самостоятельно мыслить. Учиться им будет легко и интересно, потому что все будет понятно. А если дети не знают или слабо знают язык, на котором ведется преподавание, то учиться им будет значительно труднее. Если, например, детей, не знающих в достаточной степени русский язык, отдать в русскую школу, то можно сказать почти наверняка, что они всегда будут отставать от своих русских товарищей, будут постоянно оставаться на второй год в том же классе и едва ли смогут окончить среднюю школу. Ведь программы русской школы рассчитаны на тех учащихся, для которых родным является русский язык.

Но если дети при поступлении в школу без труда понимают русскую речь и сами свободно говорят по-русски, нисколько не хуже, чем на родном языке, то им нетрудно будет учиться и в русской школе. В этом случае, по желанию родителей, родной язык может преподаваться им как учебный предмет.

Самое главное, что нужно растолковать обследуемым, это то, что обучаться на каком-нибудь языке и обучать какому-нибудь языку — совсем не одно и то же. Любому языку можно обучиться с помощью самого этого языка, а можно и с помощью любого другого, используемого для объяснений и сравнений. Можно и русскому языку научиться на русском же языке, но для тех, кто его раньше не знал, особенно для детей, это вызовет большие трудности и потребует много времени. Гораздо легче и быстрее можно научить детей русскому языку, если хотя бы на первых порах вести занятия на родном языке учащихся, иначе говоря, если начинать обучение на родном языке и сразу же приступать к обучению их русскому языку. В этом случае уже к концу начальной школы учащиеся будут владеть русским языком нисколько не хуже, чем русские дети того же возраста.

Национальная школа с преподаванием на родном языке как раз и ставит своей целью хорошо обучить детей как родному, так и русскому языку, чтобы подготовить их к самостоятельной трудовой и общественной деятельности в гуще своего народа, а также к дальнейшему образованию и повышению своего культурного уровня.

Вопрос 20. На этот вопрос нужно ответить «да» или «нет». Дата заполнения анкеты обозначается так: месяц — римскими цифрами, год — арабскими (число ставить не нужно), например: VII 1967 (июль 1967 г.).

На каждой анкете анкетер ставит свой индивидуальный номер.

Подписывать анкеты не нужно, но, если глава обследуемой семьи того пожелает, можно написать фамилию, имя и отчество.

Заполнив в одном сельсовете или населенном пункте все анкеты, анкетер складывает их в отдельную папку и пишет название сельсовета (населенного пункта), число вложенных в папку анкет и свой индивидуальный номер. В ту же папку нужно вложить составленную самим анкетером по данным сельсовета и личным наблюдениям справку следующего содержания:

Населенные пункты	Всего населения	В том числе народов Сибири			Основное предприятие (колхоз,
		всего	мужчин	женщин	совхоз и т.п.)

Сколько школ на территории сельсовета (нач., неполн. средн., средн.)?

Ведется ли в них преподавание на родном языке учащихся, если да, то до какого класса включительно?

Сколько имеется дошкольных учреждений?

На каком языке говорят в них с детьми?

Используется ли родной язык населения (да, нет):

в местной печати

по радио

в лекционной пропаганде

на собраниях

в художественной самодеятельности

Папки с заполненными анкетами анкетер должен сдать уполномоченному по обследованию или выслать по адресу: Новосибирск-90, проспект Науки, 21, Институт истории, филологии и философии.

AHKETA

- 1. Отношение к главе семьи
- 2. Ваша национальность
- 3. Пол

- 4. Возраст (сколько Вам исполнилось лет)
- 5. Ваше образование
- 6. Место Вашей работы или учебы
- 7. Занятие (кем Вы работаете)
- 8. Сколько лет Вы живете в этой местности
- 9. Ваш родной язык
- 10. На каких еще языках народов СССР Вы можете:
 - а) понимать, что говорят другие
 - б) разговаривать
 - в) читать и писать
- 11. На каком языке (языках):
 - а) Вы говорили до поступления в школу
 - б) Вы начали обучаться в школе
- 12. На каком языке (языках) Вы обычно говорите:
 - а) в семье с детьми-дошкольниками
 - б) в семье с детьми-школьниками
 - в) в семье со взрослыми
 - г) на работе, в школе, в детском саду
 - д) в прочих случаях с людьми своей национальности
 - е) в прочих случаях с людьми других национальностей
- 13. На каком языке (языках) для Вас понятнее:
 - а) читать книги, газеты, объявления
 - б) слушать лекции, доклады, беседы, радио- и телепередачи
 - в) слушать концерты, спектакли
- 14. Нужно ли Вам пояснять на родном языке кинофильмы
- 15. На каком языке Вам легче, удобнее выступать на собраниях, в кружках, на пионерских сборах и т.п.
 - 16. На каком языке Вы обычно пишете или диктуете письма:
 - а) людям своей национальности
 - б) людям других национальностей
- 17. На каком языке (языках), по Вашему мнению, следует говорить с детьми в детских садах и яслях
 - 18. На каком языке, по Вашему мнению, лучше обучать детей:
 - а) на первом году обучения
 - б) в начальной школе
 - в) в остальных классах средней школы
- 19. Считаете ли Вы нужным, чтобы учащиеся изучали родной язык как предмет:
 - а) в школе
 - б) в средних специальных учебных заведениях

Институт истории, филологии и философии СО АН СССР Научный архив СО РАН. Ф. 58. Оп. 1. Д. 40. Л. 64–71; Д. 57. Л. 32–33. Машинопись.

Приложение 6

Этнографическая программа по теме «Современная этнолингвистическая ситуация у малых народов Севера»

Ленинград, б.д.

Тема утверждена Ученым советом ЛЧ ИЭ АН СССР по Сектору этнографии народов Сибири 16 сентября 1986 г. Исследование выполняется совместно с ЛО Института языкознания и ЛЧ Института этнографии АН СССР.

В основу Этнографической программы положена этнографическая часть разработки, представленная в статье А.К. Байбурина и Н.Б. Вахтина «К исследованию этнолингвистической ситуации у малых народов Севера».

Там же представлено и теоретическое обоснование исследования.

Цели и задачи: обследовать процесс культурной интеграции на Крайнем Севере; выявить конкретные особенности его протекания в различных регионах; определить факторы, ускоряющие или замедляющие этот процесс; попытаться выяснить, какие черты культуры этноса в большей степени трансформируются, а какие — в меньшей степени, какие блокируются; выявить, что в современной культуре символизирует ее этническую специфику, что особенно тесно связывает с другими народностями.

Результатом работы, проводимой в 1987—1990 гг., должна быть монография по соответствующей теме, рисующая картину современного состояния этнических черт культуры и языков малых народностей Крайнего Севера Евразии, населяющих территории, примыкающие к Северному Ледовитому океану.

Настоящая Программа, «вопросники» и методика являются предварительными, так как в процессе исследования неизбежно выявятся новые стороны, на которые нужно будет обратить особое внимание; в связи с особыми обстоятельствами может быть изменена методика, могут быть выработаны более эффективные приемы сбора и анализа информации. Однако основная часть Программы и ее задачи должны быть в центре внимания, при

всей полевой работе, так как они обеспечивают получение в различных ареалах данных по сравниваемым позициям.

Обычно этнографическое обследование этноса на предмет трансформации его культуры в современных условиях предполагает сравнение современного состояния с тем, какое было прежде (в XIX в., до революции, до Великой Отечественной войны и т.д.). В данном случае предполагается сделать упор именно на современный уровень культуры, т.е. исходить из того, что мы имеем сейчас в объеме знаний и традиций живущих сейчас людей. Не ориентироваться на то, что было когда-то, на вещи, которые во многих случаях уже утрачены, а фиксировать стереотипы, отличные от наших и от соседних этносов сейчас, особенно в области ориентации человека в окружающем мире, выяснять, в каких обстоятельствах и почему они сохраняются. Именно современное состояние этноса должно показать его современную специфику.

Этнографическая часть общей программы (ввиду ее возможной беспредельности) ограничивается несколькими блоками культуры, которые принимаются за основу сбора информации и основу для сопоставления данных, полученных в различных ареалах. Предполагается выяснение этнического своеобразия по четырем блокам (темам): І — членение жизненного цикла, ІІ — этническая картина мира, ІІІ — время и пространство, ІV — предметное и социальное поведение. Этническая культура обычно представляет собой взаимосвязанную систему элементов, поэтому, естественно, что данные, полученные в одном блоке будут пересекаться с другими.

Из опыта полевой этнографической работы и результатов уже проведенного в некоторых районах лингвистического исследования, его методики, сложившейся в процессе работы, ясно, что, как правило, различные возрастные, социальные и даже хозяйственные /профессиональные/ слои этноса по-разному подвержены культурной интеграции. Возможна временная утрата некоторых этнических черт и возвращение к ним при переходе в другое общественное состояние. Поэтому, в частности, в основу всего исследования положен критерий возраста (І блок). Важно выяснить современное этническое состояние, членение жизненного цикла человека. Затем провести сравнение отношения к такому делению и отношения к сохранению традиционных черт культуры в различных возрастах, сравнение 1) с общеупотребительными традициями (от исследователя); 2) с соседни-

ми этносами; 3) социальными слоями своего этноса, соседнего, «русского»-местного. Необходимо учитывать и вторичные, новые понятия, используемые для обозначения возраста: школьники, пенсионеры, ветераны, их соотношение с традиционно принятыми возрастными категориями этноса. Задачей является сбор, по возможности, полного словаря возрастной терминологии этноса.

1) Обращается внимание на следующие вопросы (с учетом разделения по полу):

как называются новорожденный, ребенок; ребенок, не умеющий ходить; ребенок, у которого появились зубы, речь;

до каких пор человек считается ребенком; имеются ли термины для обозначения подросткового возраста;

отмечается ли переход в юношеский возраст;

как называются девушка, парень;

какими качествами должны обладать будущие мужчина, женщина;

отмечается ли переход во взрослое состояние (до брака);

с каких пор человек считается взрослым;

как называются мужчина, женщина;

с какого возраста принято вступать в брак;

меняется ли отношение окружающих к человеку с появлением ребенка;

меняется ли звательное имя родителя;

каково отношение к многодетности, бездетности;

каково отношение к раннему или позднему браку;

меняется ли социальный статус человека при браке (женитьбе, замужестве) с человеком значительно старше (младше) его;

имеется ли возрастной предел для вступления в брак;

с какого времени человек считается стариком, старухой;

как называются старик, старуха;

каково отношение к глубокой старости;

каковы сравнительные термины (старше, младше, средний, первенец, самый младший и т.п.);

какой из возрастов наиболее уважаемый, наиболее работоспособный, творческий, умный и т.п. (оценка возрастов);

каково отношение старшего к младшему и наоборот, к ребенку, подростку и т.д. (возрастной этикет);

как фиксируется общественное положение;

профессиональная терминология (есть ли связь между профессией и социальным положением, каковы ситуации преиму-

щественного общения с представителями различных возрастов в различных жизненных случаях (советы, обсуждение семейных дел, проведение досуга, дружеские связи, обмен новой информацией, слушание фольклорных произведений и т.п.)) и т.д.

прозвища.

Возрастной, социальный, профессиональный, образовательный фактор также должны учитываться при работе по другим блокам (темам). Кроме того, к каждому разделу или группе вопросов, вопросу полезно задать, в свою очередь, вопросы: а как у соседей, в чем у них отличие, чем отличается отношение, например, к детям, старикам у соседей от вашего, у «русских» от вашего и т.п.

2) Работа по выяснению этнической картины мира (блок II) должна показать объем знаний о других народах, по каким признакам одна народность/национальность отличается от другой. Национальность может пониматься как очень широко (американцы, африканцы и т.п.), так и узко: внутри одной национальности жители соседней территории (поселка не такие, как мы, другие: «мы вадеевские, а они портнягинские»).

Важен и порядок, в котором люди будут вспоминать и перечислять национальности, поэтому исследователь не должен подсказывать порядок ответов. Важны все признаки, по которым информанты отличают себя от других.

Обращается внимание на следующие вопросы:

какие народы вы можете назвать на своем языке, где они живут, какие они, чем они отличаются от вас и ваших соседей, друг от друга (языком, территорией, обычаями, привычками, характером, внешностью, одеждой, обрядами, чем-то еще);

какие черты характера свойственны вашей национальности, какие из них вы считаете положительными, какие — отрицательными;

какие черты вам нравятся у другой национальности, какие не нравятся;

кто по национальности ваши ближайшие друзья;

кого бы вы хотели видеть мужем, женой для себя, для своих детей, внуков, почему; с кем из национальностей больше всего близок ваш народ; кого бы вы хотели видеть своим лучшим другом и т.п.

3) Работа по выяснению представлений о времени и пространстве (блок III) должна показать соотношение имеющихся знаний с общеобразовательными, «писанными» (календарем,

пространственными мерками, географией, историей). Здесь так же важен порядок перечисления географических пунктов по соседству и далее. Несмотря на то, что обычно такие знания связываются с системой хозяйствования, могут быть выявлены определенные этнические стереотипы, присущие не только людям, занимающимся, к примеру, охотой или оленеводством, но и целой возрастной или этнографической группе. Важны местная терминология и представления об отрезке пути, расстоянию: что больше, меньше, дальше, ближе по времени, по расстоянию.

В отношении истории важно выяснить представления об одновременности или предшествовании, последовательности событий, опираясь на определенные исторические ориентиры, данные самим информантом, могут быть отмечены природные особенности определенного периода (засуха летом, бесснежная зима, оттепель и падеж оленей зимой, отсутствие предмета охоты и т.п.), от которого ведется отсчет («до этого», «после этого»).

Обращается внимание на следующие вопросы:

какие события из жизни вашего народа (рода, поселка) вы можете назвать;

с какими знаменитыми именами (героями) связаны эти события; всегда ли ваш народ (род) жил в этих местах; откуда пришел ваш народ; где еще живут представители вашего народа;

отмечаете ли вы Новый год, 1 мая, 8 марта, День рождения, День оленевода, День рыбака и т.д.;

какие еще праздники отмечаете;

как называются отмечаемые вами праздники на вашем языке и на какие числа они примерно приходятся;

безразлично ли, когда начинать важное дело или нужно выбрать определенное время дня, час, сезон, год;

какие слова в вашем языке обозначают части суток, года, период, месяц, сезон;

когда считается, что наступила зима, весна, лето, осень; совпадает ли современный календарь с прежним, если он вам известен:

перечислите на своем языке известные вам города, какие из них расположены ближе, какие — дальше, нарисуйте их расположение:

какие поселки вы знаете в окрестностях, нарисуйте их расположение;

как называются и где расположены приметные точка в окрестностях (горы, холмы, мысы, крупные деревья, реки, озера, овраги, болота, обрывы и т.д.), нарисуйте их расположение;

какие страны (моря, океаны, материки) вы можете назвать на своем языке, нарисуйте, как они примерно расположены;

как называется отрезок пути для дневного перехода (пешего, оленями, собаками, лодкой, передвижения бригады, семьи на новое место стоянки и т.д.);

как называется отрезок пути от одного места отдыха до другого; назовите направления частей света на вашем языке;

нарисуйте эти направления по отношению к вам;

есть ли отличия ваших названий от общепринятых;

назовите известные вам направления ветров на вашем языке; нарисуйте эти направления;

как вы охарактеризуете известные вам ветры;

назовите место заката, восхода солнца на своем языке и т.п.

4) Вопросы, связанные с предметным и социальным поведением (блок IV), требуют особого внимания. Здесь преимущественным методом фиксации должно стать наблюдение. Если первые три блока предполагают значительную часть информации получить путем интервьюирования, то в блоке IV такая задача программой не ставится. Это, конечно, не исключает возможные вопросы, особенно такие, как: почему делаете так, а не иначе, соседи также делают? Особенности поведения могут быть зафиксированы при работе с учетом информации, полученной по представлениям о членении жизненного пикла. Наблюдения за «предметным» поведением, однако, должны предполагать некоторые «отправные точки», которые наблюдатель учитывает применительно к традициям народностей Крайнего Севера. Это не означает обязательного сбора материала по каждому пункту. Программа дает лишь два таких направления в отношении этнических особенностей обращения с хозяйственными предметами и одеждой. Каждый исследователь может расширить ее за счет включения своих тем, оказавшихся особенно показательными в отношении сохранения этнической специфики или межэтнических старых обычаев.

Обращение с хозяйственными предметами (IV-1):

деление хозяйственных работ на мужские и женские, детские, подростковые, стариковские;

деление предметов на мужские и женские;

какие традиционные хозяйственные предметы сохраняются в семьях в качестве рабочих, в качестве реликвий, отношение к ним;

изготовление хозяйственных предметов мужчинами, женщинами, отцом, дедом, матерью, бабушкой;

мужские предметы:

способы хранения, где они располагаются в жилище, за его пределами на месте промысла, во время починки, после того, как пришли в негодность; где нельзя хранить ружье, капкан, ловушку, аркан, мужские нарты, сети, то же — на промысле;

движение вокруг ловушек, нарт, на пути зверя, перешагивание/обход ружья, ловушек, нарт, сетей, растянутого на земле аркана, положение на землю аркана, хорея и т.д.;

участие женщин в мужских работах;

поведение женщин по отношению к мужским предметам; запреты;

сравнение отношения к традиционным и фабричным предметам;

женские предметы (те же моменты, что и у мужчин) способы действия иглой, скребком;

место наперстка на пальцах;

шьют ли мужчины;

место привычной работы швеи (за столом, на полу, в традиционном жилище, типовом поселковом доме) в мастерской;

хранение инвентаря для обработки шкур, фабричных материалов; поведение мужчин по отношению к женским предметам и женским работам, их участие в женских работах; движение женщин около мужских предметов;

запреты (временные, постоянные, с какого возраста, когда могут быть сняты и какие);

для оленеводов: обычный порядок составления аргишей и их следования при кочевке;

порядок расстановки нарт на новой стоянке;

первоначальное направление движения, если имеется обычай; возможность перехода хозяйственных предметов по наследству; отношение к ним; продолжительность работы с ними, отношение к их поломкам;

разделка добычи мужчинами, женщинами (лось, дикий олень, домашний олень, медведь, пушной зверь, птица, морской зверь, породы рыб); охотничьи запреты и запреты во время разделки; что варят, что едят только сырым;

традиционные хозяйственные предметы в условиях традиционного хозяйствования, поселкового, общественного хозяйства, урбанизированных отраслей, домашнего производства, промыслов; почему сохраняются или исчезли;

предметы в экстремальных ситуациях (смерть хозяина, пожар, предмет утонул, будут ли разыскивать, обрядовая ситуация и т.д.)

Одежда и обращение с ней (IV-2):

деление одежды на мужскую, женскую, детскую, стариков; сохранение традиционных / отличных от соседей элементов в одежде каждой группы;

в каких ситуациях предпочтительнее национальная (праздничная, промысловая, иная) одежда, фабричная, особая;

праздничная одежда мужчин, женщин, детей, стариков, отношение к ней, праздничные ситуации;

будничная, домашняя одежда (отличия от соседей);

одежда промысловика, охотника, оленевода (отличия от соседей), отношение к ней; возможная женская промысловая одежда;

какие традиционные элементы одежды сохраняются, в каких ситуациях, чем заменяются;

возможность для мужчины пользоваться женской одеждой / элементами одежды, в каких ситуациях;

отношение к различным элементам и деталям одежды, их хранение, просушка, места хранения, просушки мужской, женской одежда; одежда стариков, отношение к ней;

отношение к старой одежде, которую можно еще использовать, употребить для починки другой одежды, ни на что негодной;

наличие особой погребальной одежды, почему;

какие части тела всегда должны быть закрыты от взглядов мужчин, женщин, ситуации; возрастные, родственные, по свойству особенности;

особенности одежды в присутствии постороннего;

специфические украшения возрастов;

изготовление их мужчинами, женщинами;

возможности их дарения, кому, ситуации, обязательства, связанные с таким подарком;

какие манипуляции с одеждой используются в качестве этикетных жестов;

предпочтительность цветовых оттенков в одежде по возрасту и полу; запреты и особые предписания в ношении одежды и т.д.

Сходные опорные моменты могут учитываться самим исследователем при наблюдении поведения в доме / жилище, традиционном и типовом, промысловом, при трапезе, при возможном наблюдении обрядов и т.д.

В каждом случае обязательно должно быть проведено возрастное дифференцирование.

Методика

Этнографическое обследование проводится ареально на одной и той же территории совместно с лингвистическим, для этого предполагается ежегодное экспедиционное участие в полевой работе 3—4 этнографов, предпочтительно сибиреведов. Участие в полевой работе этнографов-специалистов по другим регионам мира в каждом случае полагается желательным, так как провоцирует неожиданные сравнения и наблюдения человека, относительно далекого от сибирской этнографии.

В каждом заданном районе каждый этнограф, как и лингвист, работает в одном или нескольких населенных пунктах, заранее оговоренных. Выезд желательно проводить объединенным, но могут быть и индивидуальные выезды в заданный район, в заранее оговоренное подлежащее обследованию место (поселок, сельсовет). Удобно работать на территории одного сельсовета совместно этнографу и лингвисту.

Первоначально копируются похозяйственные книги, каждое хозяйство имеет свой номер. Затем на основании книг для каждого жителя (возможного информанта) составляется отдельная карточка с номером его хозяйства, в которой указываются фамилия, имя, отчество, пол, возраст, национальность, семейное положение, происхождение. Недостающие сведения дополняются при беседе с самим человеком или с выявленными этнографом в сельсовете / поселке признанными «экспертами». Попутно выявляются однонациональные, смешанные в национальном отношении браки, семьи, неполные семьи, чтобы затем обратить внимание на степень сохранности этнической специфики своего народа, переход на другие обычаи (какие, в какой среде).

Лингвистами в большинстве случаев проводится поголовное обследование всех жителей, с участием «экспертов». Целесообразность поголовного или выборочного этнографического обследования необходимо решить на месте, так как сбор данных по этнической культуре значительно отличается от однопредметного и однонаправленного сбора данных по теме лингвистами.

В этнографических данных должны быть представлены все возрастные категории в достаточном для анализа количестве.

При интервьюировании основное внимание обращается на то, к какой возрастной категории принадлежит информант. В отличие от лингвистической методики, при которой все население разделено на десятилетние отрезки по возрасту, при этнографическом обследовании имеет смысл опереться на местные национальные градации возраста и их приблизительную соотнесенность с действительным возрастом. В «типовом» варианте — на пять категорий: ребенок, отрок, юноша, мужчина, старик.

При этом беседа должна начинаться с представителей старшего возраста; семьи. Во время беседы необходимо постоянно пользоваться магнитофоном, параллельно ведя записи от руки.

Информация заносится в общую тетрадь и отмечается номером семьи с фамилией, именем, отчеством информанта. Позже записи дополняются данными с магнитной ленты и результатами наблюдений.

С той же целью — сблизить лингвистические и этнографические данные — на карточку информанта заносится вывод, сделанный этнографом по одной из 7 позиций с указанием «почему» и «сознательно-несознательно». Если в разных сферах культуры человеку свойственна разная характеристика, такое положение необходимо отметить и объяснить почему. Таким образом, в отличие от однозначного ответа лингвиста, ответ этнографа должен быть развернутым.

Эти семь позиций в соответствии с позициями лингвистического обследования таковы.

- 1. Придерживается исключительно традиционных форм культуры.
- 2. Хорошо знает традиционные формы, но придерживается лишь некоторых.
- 3. Хорошо знает традиционные формы, но не придерживается их. Придерживается других (каких).
- 4. Знает лишь некоторые традиционные формы, но придерживается их не всегда, иногда, редко.
- 5. Знает лишь некоторые традиционные формы и всегда их придерживается.
- 6. Знает лишь некоторые свои формы культуры, но не придерживается их никогда. Придерживается других (каких).
- 7. Не знает своих национальных форм культуры. Придерживается других (каких).

После выявления этих позиций карточки распределяются по возрастам, могут быть перераспределены на предмет происхождения, образования, профессии ит.д. В результате может быть получена картина этнической ситуации и степени сохранения этнического самосознания и этнической специфики населения территории сельсовета.

Имеет смысл напомнить, что настоящая Программа и методика не являются окончательными, они могут быть уточнены, изменены в процессе работы.

Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-І. Оп. 2. Д. 1528. Л. 91—100. Машинопись.

Научное издание

Сулейманов Александр Альбертович

Академия наук СССР и исследование арктических районов Якутии в конце 1940-х — 1991 гг.

КНИГА ПЕРВАЯ: СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Редактор Т.П. Гришина

Художественный редактор Л.В. Матвеева

Художник Ю.В. Антипова

Технический редактор Н.М. Остроумова

Корректоры И.Л. Малышева, Л.А. Анкушева
Оператор электронной верстки С.К. Рыжкович

Подписано в печать 20.12.21. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 21,25+0,5 вкл.. Уч.-изд. л. 18,0. Тираж 300 экз. Заказ № 491.

Новосибирский филиал ФГУП «Издательство «Наука». 630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25. (383)343-35-45 (383)344-33-75 rednauka@yandex.ru

Сайт издательства https://naukapublishers.ru Сайт интернет-магазина «Академкнига» https://naukabooks.ru

ISBN 978-5-02-041485-3